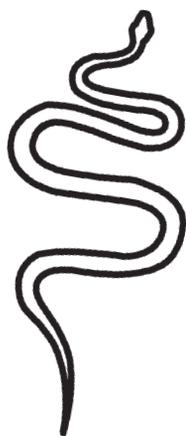

МОСКОВСКИЕ ГЕРПЕТОЛОГИ

2003

УДК 929 (597.6 + 598.1)
ББК 28.6

Московские герпетологи

Ответственные редакторы: О. Л. Россолимо, Е. А. Дунаев
Редколлегия: В. Ф. Орлова, Ю. М. Губин

Московские герпетологи (ред. О. Л. Россолимо, Е. А. Дунаев). — М.: изд-во КМК, 2003, 580 с.

В книге представлены очерки о жизни и научной деятельности московских зоологов, которые на разных этапах своего научного творчества изучали низших наземных позвоночных животных (земноводных и пресмыкающихся). В нее вошли как биографические сведения об этих специалистах-зоологах, представляющие собой исторические исследования, так и воспоминания мемуарного характера, написанные их родственниками и соратниками. Сборник содержит информацию об этапах развития российской герпетологии и роли московских герпетологов в формировании современной зоологической науки, а также более 40 очерков о 22 ученых, в разное время работавших в научных учреждениях Москвы.

ISBN 5-87317-097-5

© Зоологический музей МГУ, 2003

*Посвящается 250-летию
Московского университета*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книгой «Московские герпетологи» Зоологический музей МГУ продолжает выпуск уникальной серии сборников о зоологах, работавших в Москве. В предыдущие издания вошли очерки о 38 орнитологах и 53 териологах. Эта книга посвящена московским герпетологам — специалистам по изучению земноводных и пресмыкающихся.

История российской герпетологии насчитывает уже более двух веков, но ее становление шло далеко не такими бурными темпами, как развитие отечественной орнитологии или териологии, поэтому и занимались изучением так называемых «голых и чешуйчатых гадов» (амфибий и рептилий) не такое уж и большое количество специалистов. На заре развития этой науки (да, впрочем, и в советское время) земноводные и пресмыкающиеся интересовали многих натуралистов и зоологов, и они посвящали этим объектам свои первые научные труды. Однако по-разному складывались в дальнейшем их профессиональные интересы и пристрастия — большинство из этих людей уже никогда не возвращались к своим излюбленным когда-то объектам исследований, а для кого-то амфибии и рептилии оставались предметом пристального изучения в течение всей жизни. Но надо признаться, что профессиональных герпетологов среди москвичей немного (лишь несколько палеонтологов, морфологов-эволюционистов и музейных систематиков). И даже по отношению к ним не всегда в полной мере возможно употребить это понятие — московский герпетолог, так как пе-

рипетии судьбы заставляли многих из них покидать нынешнюю столицу и долгое время работать в других городах.

Прекрасно осознавая все эти тонкости, редколлегия сборника решила не обращать внимания на подобные «биографические условности» и рассказать по возможности о большинстве отечественных зоологов, которые хотя бы часть своей жизни посвятили герпетологии, работая в Москве. Однако, к сожалению, остается еще много пробелов в их биографиях (не удается порой достоверно выяснить даже даты жизни, как, например, год смерти В. В. Черномордикова; детали продвижения по служебной лестнице; особенности характера и условий работы, повлиявшие на профессиональную деятельность ученых и т. д.). Оряде зоологов (К. Н. Иков, Г. В. Залежский и др.) мы так и не отыскивали практически никакой биографической информации, поэтому рассказы о них отсутствуют в нашей книге. Огромные сложности вызвал розыск и подбор портретов (госархивы их почти не содержат, а ближайших родственников многих персонажей книги самих уже нет в живых). Поэтому нам приходилось копировать фотографии чрезвычайно низкого качества. Тем не менее, я надеюсь, что собранные материалы помогут возобновить в памяти эпизоды жизни и открыть для себя неизвестные страницы биографии известных ученых, наших учителей, друзей, коллег, посвятивших себя ставшей уже несколько «замызанной», но все же благородной цели — служению науке.

Уходят в прошлое события и факты, которые во многом определяли характер личной и профессиональной жизни отечественных зоологов. В этом прошлом остались и многие наши соратники. Для кого-то рубежом жизни стал далекий XIX век, а для кого-то последним периодом оказалось совсем еще недавнее советское и перестроечное время. Оставляя за скобками комментарии и оценку социально-политического со-

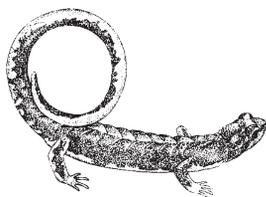
ставяющего, очевидно, что разного рода общественно значимые события (репрессии сталинизма, распад СССР и огромное число менее значительных фактов) наложили существенный отпечаток как на личную жизнь герпетологов, так и на развитие науки в целом (смена мест жительства и работы ученых, служебные возможности, борьба зоологических школ, проблемы финансирования исследований, ограничения актов экспертизы и т. д.). На фоне таких условий особенно ярко высвечиваются личности людей.

Мы не только (и не столько) обязаны сохранить свою память о наших коллегах по профессии: необходимо оставить воспоминания и для последующих поколений герпетологов. Это наш профессиональный и человеческий долг. Именно поэтому московский Зоомузей предпринимает попытку издания мемуарных записок о зоологах-герпетологах, работавших в Москве, а Герпетологическое общество им. А. М. Никольского при РАН начало создание на базе Зоомузея МГУ архива по истории отечественной герпетологии.

Редколлегия чрезвычайно признательна всем родственникам героев нашей книги, которые предоставили архивные материалы, поделились своими воспоминаниями и активно помогали в подборе иллюстраций и т. д. Наши особые слова благодарности сотрудникам Палеонтологического института РАН (А. С. Раутиану, А. Г. Сенникову, Т. А. Тумановой, М. А. Шишкину и др.), Института проблем экологии и эволюции РАН (С. Л. Кузьмину, Е. Н. Панову и С. В. Смирнову) и Зоологического института РАН в Питере (Л. Я. Боркину), взявшим на себя часть организационных забот по сбору материалов для книги. Охотно поддержали нас бывшие и нынешние сотрудники Зоомузея МГУ и Московского университета (Н. П. Куликова, М. В. Васильева, А. Н. Солдатова, А. В. Свиридов, Е. М. Антонова, Е. Б. Федосеева, Н. М. Комарова, И. Я. Павлинов,

А. В. Сысоев, В. Н. Алексеев), обогатившие очерки яркими воспоминаниями, интересными фотографиями или ценными литературными источниками, проявившие техническую поддержку при работе с текстом. Большую помощь оказала и сотрудница архива МГУ Н. П. Каргина. Отзывчивость ряда коллег и знакомых (Т. С. Перель, М. В. Мирутенко, А. Т. Божанского, И. А. Смирнова, Д. В. Семенова, И. С. Даревского, Н. Б. Ананьевой, И. Г. Данилова, Н. А. Шувахиной, В. К. Столярова, В. А. Тряпицына, Р. А. Назарова, Ю. М. Жбановой, Р. А. Осипова) поддержала нас в этой работе. Без участия всех этих людей сборник получился бы значительно беднее.

Е. А. Дунаев

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ГЕРПЕТОЛОГИИ В РОССИИ

*100-летию со дня рождения
двух замечательных советских герпетологов —
Павла Викторовича Терентьева (1903–1970) и
Сергея Александровича Чернова (1903–1964) —
посвящается*

Как известно, первые научные сведения о земноводных (амфибиях) и пресмыкающихся (рептилиях) появились уже в античное время. Для фауны нашей страны письменные (рукописные) источники с отрывочными сведениями о змеях и прочих «гадах» стали накапливаться, начиная со средневековья (XI век). Сам термин «герпетология» впервые был предложен в 1755 г. в книге «Tentamen Herpetologiae» Якоба Теодора Кляйна (J. Th. Klein, 1685–1759), немецкого натуралиста, родившегося в Кенигсберге (ныне Калининград) и умершего в Данциге (Гданьск). Следует, правда, отметить, что под этим термином он объединял всех безногих существ, включая червей, противопоставляя им четырехногих амфибий, ящериц, черепах и т. д. Можно также отметить, что отец современной систематики шведский натуралист Карл Линней (1707–1778) всех амфибий и рептилий поместил в один класс животных, названный им Amphibia.

К сожалению, история развития герпетологии в России практически не привлекала к себе должного внимания. В 1957 г. в «Трудах Института истории естествознания и техники АН СССР» П. В. Терентьев напечатал интересную статью «Материалы к истории отечественной герпетологии». Данная работа фактически единственная, в которой дается краткий обзор развития этой важ-

ной ветви зоологии позвоночных животных за все время ее существования в России. Кроме того, имеются также относительно немногочисленные публикации, так или иначе относящиеся к данной тематике (некрологи, хроника, воспоминания, очерки деятельности отдельных ученых или организаций и т. д.). На этом фоне история развития смежных зоологических дисциплин (ихтиологии, орнитологии, териологии) в России изучена гораздо полнее.

В последние годы намечается растущий интерес к истории герпетологии и со стороны самих герпетологов. Анализ истории этой науки важен также для понимания закономерностей развития зоологии в целом, так как каждая из ее отраслей имеет свою специфику. Развитие любой науки происходит неравномерно. Это позволяет выделять те или иные периоды, или стадии развития, которые имеют свои особенности.

В развитии герпетологии в России можно различать шесть основных периодов, краткая характеристика которых дается ниже (после фамилий приводятся годы жизни или режизе тех или иных публикаций).

Хочу сразу заметить, что в анализе развития герпетологии я опирался на определенные науковедческие представления. Согласно социологии науки, наука — это социокогнитивная система, так как творческая научная деятельность происходит в неких социальных обстоятельствах, которые в той или иной степени могут влиять на развитие идей (то есть на когнитивный процесс). Это, кстати, хорошо видно на примере истории герпетологии. Так, большие успехи именно отечественных ученых в изучении герпетофауны Средней Азии во второй половине XIX века во многом были обусловлены экспансией России в Туркестан.

При выделении периодов в развитии отечественной герпетологии я старался использовать как когнитивные, так и институциональные черты. Под последними имеются в виду скла-

дывающиеся (или уже сложившиеся) социальные нормы и структуры (институции) в науке. Например, учреждение университетов, создание в XIX веке научных обществ в Москве и других городах и издание соответствующих журналов и трудов весьма благотворно повлияли на развитие герпетологии в России, содействуя активизации деятельности натуралистов, не связанных с Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге.

1. Период предистории

Сведения об амфибиях и рептилиях отрывочны, не связаны друг с другом, большей частью имеют сакрально-мифологизированный или сугубо прикладной характер. Народные и научные (в контексте того времени) представления о классификации и эволюции этих животных практически совпадают. Спектр источников весьма разнообразен по стилю и жанру, и можно выделить семь их категорий: 1 — народные представления, отраженные в памятниках этнографического характера и частично попавшие в научную и медицинскую литературу; 2 — хронографы и космографии, особенно популярна была в XVII веке «Космография» (1637 и 1670 гг.), представляющая собою переработанный русским переводчиком текст знаменитого «Атласа» Г. Меркатора; 3 — так называемые «физиологи», бестиарии, преимущественно византийского происхождения; 4 — сочинения медицинского предназначения (травники или лечебники) с рекомендациями для лечения укусов ядовитых змей; 5 — описания странствий российских подданных; 6 — сочинения античных или западноевропейских авторов (например, Аристотеля или Марко Поло); и, наконец, 7 — сочинения иных жанров (например, змеи упоминаются в «Слове о полку Игореве»). Написаны все эти произведения были, как правило, на древнерусском или церковно-славянском языке. Период предистории охватывает длительный промежуток времени от

средневековья (Киевская Русь) до начала XVIII века. Многие сочинения были связаны с Москвой или Московской Русью. Наиболее интересным с точки зрения герпетологии можно считать описание Китайского государства, в 1675 г. подготовленное Николаем Спафарием (1625/35?–1708), посланником московского царя Алексея Михайловича в Китай. В этом сочинении дается характеристика китайских провинций с нередким упоминанием змей, черепах, крокодилов и т. д.

II. Переходный до-линнеевский период

В этот период появляются первые научные (в современном смысле) описания герпетологических коллекций. Сведения о низших наземных позвоночных в отчетах путешествий, хотя и могут иметь отрывочный характер, однако не мифологизируются авторами сочинений. Латинские названия животных многословны, выполнены в традиционном стиле, не основаны на бинарной номенклатуре Карла Линнея и фактически не являются научными названиями в таксономическом смысле. Работы переходного периода подразделяются на две группы: каталоги и страноведческие сочинения или отчеты путешествий. Данный период охватывает первые две трети XVIII века.

В качестве примера можно привести «Натуральную курьезную историю Королевства Польского и Великого княжества Литовского», опубликованную в Сандомире (Польша) на латыни в 1721 г. польским иезуитом Габриэлом Ржачинским и содержащую также сведения о природе западной России, Белоруссии и Украины. В этой книге, разделенной на 20 «трактатов», описания реальных змей, ящериц и жаб в 9-м трактате перемежаются с мифическими историями о драконах, василисках и т. д. Тем не менее, ссылки на эту книгу изредка попадаются в научных трудах 1860–1920 гг. (например, у К. Ф. Кесслера, 1853; А. А. Штрауха, 1873 или А. М. Никольского, 1916).

В отличие от этого сочинения 1-ю часть 1-го тома Императорского Петербургского музея («*Musei Imperialis Petropolitani Vol. I. Pars prima qua continentur res naturales ex regno animali*»), то есть первый каталог Кунсткамеры, изданную также на латыни в 1742 г., следует считать полноценным научным сочинением. По справедливому замечанию академика Ф. Ф. Брандта (1865), этот музейный каталог был первой из «ученых работ» по зоологии в России в рамках современной науки. Авторство каталога, однако, до сих пор достоверно не установлено, и среди историков науки на эту тему бытуют разные мнения (см.: Боркин, 2000). Герпетологический раздел («*Catalogus amphibiorum*») этой небольшой по формату книги включает 56 страниц и описывает 887 экспонатов, в том числе амфибий (89), черепах (38), ящериц (292) и змей (468). Часть из них, возможно, все еще хранится в нынешних коллекциях Зоологического института РАН в Санкт-Петербурге.

Сведения об амфибиях и рептилиях в региональных сводках и отчетах путешествий Д. Г. Мессершмидта (1685–1735), Г. В. Стеллера (1709–1746), С. П. Крашенинникова (1711–1755) и П. И. Рычкова (1712–1777), собранные в первой половине XVIII века, единичны, отрывочны и не внесли существенного вклада в развитие отечественной герпетологии.

III. Период становления герпетологии

Начало этого периода самым тесным образом связано со знаменитыми так называемыми «физическими» экспедициями, организованными Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге в последней трети XVIII века (подробнее см.: Боркин, 2001). Для данного периода уже характерно применение классификации, разработанной К. Линнеем (1758). Так, краткое упоминание «*Testudo geometrica Linn.*» из окрестностей Павловска-на-Дону, данное Самуилом Гмелиным (1770), было первым применением бинарной номенклатуры в истории

нашей герпетологии. Появляются также первые описания новых для науки видов герпетофауны России и прилегающих территорий, в том числе таких весьма обычных лягушек и ящериц как «*Rana ridibunda*», «*Lacerta velox*» (ныне *Eremias*), «*Lacerta helioscopa*» (ныне *Phrynocephalus helioscopus*) и других (Pallas, 1771). Впервые сведения по герпетологии стали публиковаться в виде самостоятельных статей, а не просто упоминаться в тексте работ более общего содержания. Первой такой статьёй в России следует считать описание П. С. Палласом (1775) безногой ящерицы желтопузика «*Lacerta apoda*» (ныне *Pseudopus apodus*) в качестве нового для науки вида.

Именно в этот период намечаются основные направления развития отечественной герпетологии, которые наиболее широко развернутся в последующие периоды: систематика, фаунистика, морфология, паразитология. Научными языками данного периода были преимущественно латинский и немецкий, реже русский и французский. Кстати, именно в феврале 1771 г. появилась первая в истории герпетологии работа русского натуралиста, к тому же опубликованная по-русски. Это был первый том «Дневных записок путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году». Помимо Санкт-Петербурга, натуралисты работали еще в нескольких городах Российской Империи. Третий период охватывает промежуток времени от последней трети XVIII до середины XIX века, то есть 1770–1860 гг.

Этот период можно подразделить на два этапа (или эпохи). *Первый этап* (1768–1814 гг.) — это эпоха упомянутых выше академических экспедиций, или, если использовать какое-нибудь ключевое, символическое имя, эпоха Петра Симона Палласа (1741–1811). Помимо него, важный вклад в становление герпетологии в России внесли уже цитированные

С. Г. Гмелин (1744–1774), И. И. Лепцхин (1740–1802), а также И. А. Гильденштедт (1745–1781), И. П. Фальк (1732–1774) и И. Г. Георги (1729–1802). Кроме того, в 1790-е годы было издано несколько работ со сведениями по герпетофауне северо-запада России и Прибалтики. Начало первого этапа можно датировать первым годом (началом) «физических» экспедиций (1768 г.) или по году публикации первого из отчетов натуралистов-путешественников (1770 г.). Конец первого этапа определяется по дате публикации третьего тома знаменитой «Zoographia Rosso-Asiatica» П. С. Палласа (1814), содержащего сведения по амфибиям и рептилиям тогдашней Российской Империи. Данный этап интересен еще и тем, что знаменует собою появление первых сводок по герпетофауне страны. Так, «Зоография» содержала описания 55 видов, в том числе 12 видов земноводных и 43 видов пресмыкающихся.

Второй этап (1814–1860 гг.) третьего периода характеризуется заметной *географической диверсификацией центров герпетологических исследований*. Если ранее натуралисты были связаны с Императорской Академией наук в Санкт-Петербурге, то теперь авторы сочинений герпетологического толка работали в университетах нескольких российских городов: Вильно (Людвиг Боянус, 1776–1827; Эдуард Эйхвальд, 1795–1876), Киев (Антон Андржейовский, 1785–1839); Казань (Эдуард Эверсманн, 1794–1860), Харьков (Иван Криницкий, 1797–1838; Александр Чернай, 1821–1898).

Важным центром в развитии отечественной герпетологии в эти годы становится также Москва. Профессор Московского университета Иван Двигубский (1771–1839), начавший свои исследования по фауне Московской губернии еще в 1802 г., в 1832 г. опубликовал свой обзор по герпетофауне Российской Империи. Следует отметить, что это была первая работа такого рода, напечатанная на русском языке; до этого они печата-

лись на немецком или латинском языках. Развитию герпетологии стало заметно способствовать и Московское общество испытателей природы (МОИП), созданное в 1805 г. Уже в 1809 г. оно напечатало в своих «Мемуарах» герпетологическую заметку И. А. Двигубского. Принципиально важно, что это первое в России естественно-научное общество объединяло вокруг себя не только москвичей, но и натуралистов из многих других городов. Именно в его изданиях («Новые мемуары» и «Бюллетень»), цензором которых, между прочим, был Иван Двигубский, были опубликованы известные герпетологические работы А. Л. Анджейовского (1832), Э. А. Эверманна (1834), И. А. Криницкого (1837), а также Р. Ф. Гогенакера (1831, 1837), А. В. Черная (1851). Последний, кстати, родился в Санкт-Петербурге, некоторое время работал в Императорском Зоологическом музее (ныне ЗИН РАН), но с 1845 г. был связан с Харьковским университетом.

В 1853 г. под названием «Животные земноводных» вышла статья К. Ф. Кесслера (1815–1881), профессора киевского Университета Святого Владимира. Она завершила обзор наземных позвоночных Киевского учебного округа, включавшего пять губерний. По мнению С. Л. Кузьмина (1999, с. 11), «эта статья, опубликованная отдельным выпуском в двух изданиях, 1850 и 1853 гг., фактически была первой специальной *батрахологической книгой* в Российской Империи» (курсив мой — Л. Б.). К сожалению, это утверждение ошибочно в двух аспектах. Во-первых, данная работа К. Ф. Кесслера была именно статьей (это указано даже на ее титульной странице!), входившей во второй том «Трудов Коммисии» (sic!) при университете, а не отдельной книгой. Во-вторых, это был в целом обычный обзор герпетофауны региона, включавший описания как амфибий, так и *рептилий* (!), которых Кесслер относил к одному и тому же классу земноводных (как и Карл Линней).

На мой взгляд, в истории российской герпетологии рассматриваемая работа К. Ф. Кесслера занимает особое положение по двум следующим причинам. В ней впервые помимо описания внешней морфологии вида приводятся сведения по изменчивости, распространению и образу жизни, причем последние два раздела были выделены в самостоятельную часть видовых очерков. Для каждого вида К. Ф. Кесслер дает с большей или меньшей полнотой данные по биотопическому распределению, фенологии, размножению, развитию, питанию, линьке, поведению и значению для человека. Таким образом, статью К. Ф. Кесслера можно считать первым региональным эколого-фаунистическим исследованием, структура видового очерка которого во многом сохранилась в отечественной герпетологии до сих пор. Кроме того, он первым в России употребил термин «*эрпетологи*», назвав так знаменитых французских герпетологов Констана Дюмериля (1774–1860) и Габриэля Биброна (1806–1848). Это слово он явно позаимствовал из их многотомного сочинения «Общая герпетология, или Полная естественная история рептилий» («*Erpétologie générale ou Histoire naturelle complète des Reptiles*»), которое было использовано в работе. Новизну статьи К. Ф. Кесслера легко почувствовать, сравнив ее с почти одновременно вышедшей «Фауной Харьковской губернии» А. В. Черная (1852).

В 1855 г. в Москве учеником К. Ф. Рулье (1814–1858) Н. А. Северцовым (1827–1885) была опубликована книга «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии», в которой впервые был применен не систематико-фаунистический, а экологический подход к изучению наземных позвоночных, включая амфибий и рептилий. Между прочим, именно в этой замечательной книге, ставшей вехой в развитии всей российской экологии, по-видимому, впервые в нашей зоологии амфибии и рептилии были отнесены к двум

самостоятельным классам позвоночных животных. В ней также Н. А. Северцов (1855, с. 382) со ссылкой на К. Дюмериля и О. Биброна употребил термин «эрпетология».

Среди петербуржцев наиболее заметные работы по герпетологии были опубликованы Э. П. Менетрие (1802–1861) и Ф. Ф. Брандтом (1802–1879). Следует также упомянуть сведения (1840) по понтийской герпетофауне А. Д. Нордмана (1803–1866), а также результаты путешествий по Сибири и Дальнему Востоку уроженцев Прибалтики А. Ф. Миддендорфа (1815–1886) и Р. К. Маака (1825–1886).

Если сопоставить годы публикаций, то в ходе второго этапа по количеству и качеству научных работ явно выделяются 1830-е и 1850-е годы. Таким образом, можно говорить о неоднородности этого этапа. Действительно, именно в 1850-е годы появились труды Черная (1851, 1852), Миддендорфа (1853) и Маака (1859), а также Кесслера (1853).

IV. Период оформления герпетологии как самостоятельной дисциплины

Начало этого периода, несомненно, определяется деятельностью Александра Штрауха (1832–1893), впоследствии академика и директора Императорского Зоологического музея в Санкт-Петербурге, в городе, где он родился. Завершается данный период публикацией в Петрограде трех томов профессора А. М. Никольского (1858–1942) в серии «Фауна России и прилегающих стран» с описанием всех известных тогда видов амфибий и рептилий Российской Империи (1915–1918).

Данный период характеризуется появлением целого ряда капитальных монографий и сводок по отдельным группам амфибий и рептилий, а также региональных сводок, выполненных преимущественно на основе изучения быстро растущих музейных коллекций, в первую очередь Санкт-Петербурга и Москвы. Выдающийся вклад был внесен в изучение герпетофауны

Средней и Центральной Азии, Кавказа и Дальнего Востока. Основным научным языком сначала был немецкий, который к концу XIX века был почти полностью вытеснен русским. Для четвертого периода характерен также интерес европейских, в меньшей степени американских, зоологов к российской герпетофауне, выражавшийся в интенсивном обмене коллекциями и в росте зарубежных публикаций с описанием видов российской герпетофауны. Основными направлениями исследований, как и ранее, оставались систематика и фаунистика; получили также развитие гистология и физиология амфибий и рептилий. Четвертый период охватывает промежуток времени примерно от 1860-х до начала 1920-х годов.

Этот период также распадается на два этапа. *Первый* из них (1860—1895 гг.) характеризуется яркой фигурой первого профессионального герпетолога России А. А. Штрауха и может быть назван его именем. За начало этого этапа и всего четвертого периода мною взяты 1860-е годы, так как с 1861 г. Штраух, по его словам, «<... вступил в управление эрпетологической коллекцией <... » Императорского Зоологического музея, а с 1862 г. стали печататься его многочисленные капитальные герпетологические публикации, как правило, монографического характера и на немецком языке. Они по праву принесли Штрауху и музею заслуженную широкую известность среди коллег не только в России, но и за ее пределами.

Помимо этого, в 1870-е годы появляются работы с новыми сведениями о гадах Сибири (Б. И. Дыбовский, 1833—1930), Закавказья (Кесслер, 1878) и другие. В Москве в это же десятилетие публикует свои труды по Туркестану Н. А. Северцов (1873, 1879), ряд статей по герпетофауне европейской части России и Урала с 1869 г. печатает Л. П. Сабанев (1844—1898), а с 1880-х годов — Н. М. Кулагин (1859—1940) и Н. Л. Гондатти (1888). Издается первый каталог

герпетологических коллекций Зоологического музея (Кулагин, 1888).

Любопытно, что в Москве в 1872 г. во время выставки Политехнического музея в Охотном ряду открылся первый в России публичный террариум (Терентьев, 1957). Летом 1878 г. в лаборатории Зоологического сада было устроено 45 террариумов, «<... из коих 19 приспособлены были для различных животных, а именно: а) террарий для взрослых гадюк, б) 4 террария для медянок из различных местностей, с) террарий для ужей, d) два террария для ящериц, e) два террария для черепах, два террария для жаб, f) террарий для бомбинатора [то есть жерлянок — Л. Б.], h) 3 террария для лягушек и к) 4 террария для аксолотлей и тритонов. Гадюки и медянки размножались в террариях» (Богданов, 1888, стлб. 77; подробнее см. Иков, 1878; Насонов, 1878).

С 1880-х годов активизируются фаунистические обследования обширного Волжского края (А. М. Никольский; Н. А. Варпаховский, 1862—1909; Л. К. Круликовский, 1865—1920; в 1890-е годы М. Д. Рузский, 1864—1948).

Второй этап (1895—1918 гг.) четвертого периода можно назвать эпохой *А. М. Никольского*. Его начало лучше всего датировать 1895 г., когда Никольский, бывший выпускник Петербургского университета (родом из Астрахани) и уже плодотворно работающий зоолог, после смерти А. А. Штрауха (1893 г.) в качестве куратора возглавил герпетологическое отделение Императорского Зоологического музея в Санкт-Петербурге, приступив к интенсивным герпетологическим исследованиям. Эта смена кураторов во многом оказалась символической. Немецкая линия в российской герпетологии, которая в течение более столетия доминировала, по крайней мере в Петербурге (но не в Москве!), угасла, а русский язык стал основным в научной литературе. Любопытно, что А. М. Ни-

кольский, хорошо знавший немецкий язык, в отличие от своих предшественников, никогда не пользовался им при написании статей. Уже с 1896 г. он начинает печатать сугубо герпетологические работы. В 1899 г. Никольский, обработав интереснейшие коллекции трагически погибшего в молодом возрасте, но уже известного путешественника А. П. Федченко (1844—1873), опубликовал в Москве «Herpetologia Turanica». Эта книга была первой в целой серии его герпетофаунистических монографий. Символично, что первоначально коллекцию Федченко изучал А. А. Штраух.

В эпоху Никольского быстро растет число работ по герпетофауне разных регионов Российской Империи и прилегающих территорий, описывается большое число новых видов земноводных и пресмыкающихся. Так, серия работ по герпетофауне Сибири была опубликована Н. Ф. Кащенко (1855—1935), С. М. Чугуновым, М. Д. Рузским, по герпетофауне Причерноморья и Кавказа — А. А. Браунером (1857—1941), А. Ф. Ляйстером (1844—1941), К. М. Дерюгиным (1878—1938), А. Б. Шелковниковым (1870—193..?), А. М. Шугуровым (1881—1912), П. В. Нестеровым и другими. Каталоги коллекций амфибий (1913) и рептилий (1915) Санкт-Петербургского университета были подготовлены Н. С. Дороватовским (1889—1984) и С. Ф. Царевским (1887—1965?). Между прочим, после переезда в Москву (после революции) Н. С. Дороватовский был тесно связан с журналом «Наука и жизнь» (с 1934 г. — года его создания) и МОИП (ученый секретарь с 1952 г.). Венцом всех дореволюционных исследований стала уже упоминавшаяся фундаментальная трехтомная сводка А. М. Никольского (1915—1918) по герпетофауне России.

Среди работ москвичей нельзя не назвать интересные исследования по морфологии амфибий и рептилий, выполненные А. Н. Северцовым (1866—1936), И. И. Шмальгаузенем

(1884—1963), а также другими учениками А. Н. Северцова, входившими в его московскую школу (С. Н. Боголюбский, 1885—1976; Б. С. Матвеев, 1889—1973; Е. В. Рылкова и другие). Серию работ по эмбриологии и экспериментальному морфогенезу у амфибий напечатал Д. П. Филатов (1876—1943), а по морфологии сибирского углозуба — В. Д. Лепцшикин (1916). Фаунистические сведения и некоторые наблюдения по биологии сибирского углозуба опубликовали Б. М. Житков (1872—1943), В. С. Елпатьевский (1877—1957) и Л. П. Сабанеев. Несколько статей по герпетофауне Оренбургского края (1896), Персии (1897, 1904) и Арала (1915) напечатал Н. А. Зарудный (1859—1919), в 1880-е годы тесно сотрудничавший с Московским обществом испытателей природы.

В самом конце XIX — начале XX веков работы в области палеогерпетологии опубликовали петербуржцы В. П. Амалицкий (1860—1917) и А. Н. Рябинин (1874—1942), продолживший свои исследования и после революции 1917 г.

Эпохи Штрауха и Никольского объединяла деятельность Я. В. Бедряги (1854—1906). Бывший студент Московского университета, родом из Воронежской губернии, он из-за слабого здоровья жил преимущественно на юге Западной Европы, не теряя, однако, связей с родиной. Я. В. Бедряга стал известным герпетологом европейского масштаба, опубликовав, в частности, в Москве первый в истории обзор по герпетофауне Греции (1880 г.) и батрахофауне Европы (1889—1897 гг.). Кроме того, он напечатал крупную сводку по ящерицам семейства Lacertidae (1886 г.) и обработал замечательные богатые коллекции по герпетофауне Средней и Центральной Азии (1898—1912 гг.), хранившиеся в Зоологическом музее Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. По воспоминаниям А. М. Никольского (1966, с. 98), «Проживая за границей, он [Бедряга — Л. Б.] настолько забыл русский язык,

что не решался писать свои ученые работы на русском языке. Когда наша Академия наук предложила ему обработать герпетологический материал, собранный Н. М. Пржевальским, он обработал его и написал свои исследования на немецком языке, и просил меня перевести его работу на русский язык. Работа была напечатана Академией наук на этих двух языках».

V. Период советской герпетологии

В этот период герпетология как наука достигает своего максимального институционального развития, особенно после Великой Отечественной войны. Заметно расширяется география и число организаций, в которых работают герпетологи. Увеличивается также дисциплинарный спектр исследований, в том числе формируются новые направления, как-то: экология, генетика, биохимия, токсикология и т. д. Проводятся многочисленные общесоюзные, региональные и тематические герпетологические конференции, совещания и семинары. Издаются многочисленные герпетологические сборники («Герпетология» и другие) и монографии. Формируются целые группы профессиональных герпетологов и токсикологов в разных городах России (Ленинград, Москва, Казань, Горький, Свердловск, Ставрополь, Краснодар, Владивосток, Барнаул и другие) и в республиках СССР (Киев, Ашхабад, Алма-Ата, Фрунзе, Минск и т. д.). В самом конце данного периода создается первое профессиональное общество советских герпетологов (Киев, 1989 — Пуццино, 1991). Подавляющее число работ печатается на русском языке, как исключение, на немецком и английском. Этот период охватывает 1920—1980 гг.

Данный период можно подразделить на два этапа. *Первый* из них охватывает промежуток времени с 1921 по 1964 год и может быть назван *этапом институционального роста советской герпетологии*. Почему отсчет этого этапа (и всего пятого периода) предлагается мною вести с 1921 г.? Фор-

мально первая послереволюционная герпетологическая публикация появилась уже в 1917 г. (Терентьев, 1957). Это была статья Н. В. Шарлеманя (1887—1970) о герпетофауне окрестностей Киева. В 1917 и 1918 гг. в Киеве и Москве вышли две статьи Б. А. Домбровского (1885—1973) по морфологии амфибий. Наконец, в 1918 г. в Петрограде был издан том «Амфибии» А. М. Никольского, а в Москве статья Д. К. Третьякова (1878—1950) из Одессы о зрачках амфибий. Однако все эти работы, весьма различные по содержанию, были выполнены скорее всего еще до революции.

Годы гражданской войны не способствовали научной, а тем более экспедиционной и издательской деятельности. Публикация журналов и научных трудов оживилась лишь после окончания войны. Например, «Бюллетень Московского общества испытателей природы» за 1917 г. вышел лишь в 1922 г., а за 1918—1922 гг. — в 1924 г., хотя научная жизнь при этом, конечно, не останавливалась. Третий том «Русского зоологического журнала», который начали выпускать в Москве под своей редакцией Н. А. Северцов и В. С. Елпатьевский, профессор и приват-доцент Московского университета соответственно, был издан только в 1922 г. (т. 1 — в 1916 г., т. 2 — в 1918 г.). «Ежегодники Зоологического музея Российской Академии наук» за 1917—1921 и 1918—1922 гг. (т. 22 и т. 23) появились оба в Петрограде в 1922 г. В последнем из них не было ни одной герпетологической статьи. Статья же С. Ф. Царевского (т. 22) с описанием сборов В. Я. Лаздина (1915) была представлена к печати еще 30 марта 1916 г. В 1917 г. коллекции амфибий и рептилий этого музея обогатились на 273 экземпляра. В отчете было сухо сказано: «В связи с переживаемыми событиями поступлений за отчетный год было сравнительно мало». Фактически лишь начиная с 1921 г. (первая статья молодого П. В. Терентьева, напечатанная в Иваново-Вознесенске), гер-

петологические работы стали публиковаться ежегодно с возрастающей частотой.

По справедливому замечанию П. В. Терентьева (1957, с. 105), в советский период число герпетологических публикаций росло «<... столь быстро, что не представляется возможным дать им здесь даже простое перечисление». Самое главное, на мой взгляд, следующее. Если до революции герпетологией более или менее на постоянной основе (или преимущественно) занимались единицы, то в советский период следует говорить о многих десятках герпетологов. Резко расширилась география самих кадров. Помимо традиционных Ленинграда и Москвы, появились целые группы герпетологов во многих бывших республиках Советского Союза. На Дальнем Востоке активно стал работать А. А. Емельянов (1878–1946), первая статья которого о змеях появилась еще в 1916 г. В Средней Азии выпускник Московского университета Д. Н. Кашкаров (1878–1941) создал новое научное направление в герпетологии — эколого-фаунистические исследования, а также свою экологическую школу в Ташкенте и Ленинграде. На первом этапе советского периода оформилась полевая экология амфибий и рептилий (работы А. М. Андрушко, 1906–1981; Б. А. Красавцева, 1909–1943, и многих других), зародилась экологическая физиология (Л. И. Хозацкий, 1913–1992, и другие), были начаты исследования по генетике (В. Ф. Натали, 1923) и кариологии (А. А. Прокофьева, 1934, 1935) амфибий, большое внимание уделялось экспериментальной эмбриологии и работам по морфогенезу, изучению ядов и т. д.

Стала быстро развиваться палеогерпетология, в том числе изучение ископаемых представителей современных групп амфибий и рептилий. Уже в 1920-е годы вышли известные работы А. Н. Рябинина и П. П. Сушкина (1868–1928). Биография последнего весьма любопытна. Выпускник Московского уни-

верситета, ученик академика М. А. Мензбира, ставший замечательным орнитологом и зоогеографом, с 1909 г. профессор Харьковского университета, Сушкин после революции переезжает в Петроград, где наряду с птицами глубоко изучает древних амфибий и рептилий.

Другой выпускник Московского университета П. В. Терентьев (1903—1971) первым еще в 1920-е годы стал применять биометрические методы для изучения изменчивости видов, а также в целях систематики. Именно в советское время в ряде учреждений усиленно развивались также паразитология и токсикология амфибий и рептилий. Традиционные направления отечественной герпетологии — систематика и фаунистика — охватили почти всю территорию СССР. Несомненно одним из определяющих событий этапа институционального роста советской герпетологии было издание в Москве в 1949 г. полного (3-е издание) «Определителя пресмыкающихся и земноводных» П. В. Терентьева и С. А. Чернова (1903—1964). Эта книга, совершенно очевидно, составила веху в нашей герпетологии, а ее авторы, ставшие лидерами, во многом определяли развитие этой науки в СССР. Поэтому с полным правом *первый этап* развития советской герпетологии можно также именовать *эпохой Терентьева — Чернова*.

В 1920—1930-е годы Москва дала целую плеяду известных герпетологов, так или иначе связанных с университетом, зоомузеем и зоопарком. Помимо П. В. Терентьева, следует назвать его друга и соратника по студенческим годам Н. В. Шибанова (1903—1960); А. М. Сергеева (1912—1943), оставившего ряд замечательных исследований по экологии и эмбриологии; А. Г. Банникова (1915—1985), начавшего свои работы по экологии черепах и амфибий еще в довоенное время. Нельзя не упомянуть также работы С. Д. Перелешина (1900—1959) по биометрическому изучению подвидов у прыткой яще-

рицы (1929), Н. И. Соболевского (1901–1975) по герпетофауне Алтая и Тальша (1929), Г. В. Залежского (?–?) по динамике численности амфибий (1938), В. Г. Гейтнера (1901–1975) по гадам Бадхыза (1945) и другие.

После Второй мировой войны стали печатать свои интересные герпетологические работы выпускники Московского университета И. С. Даревский (с 1946 г.), Л. Г. Динесман (с 1948 г.) и другие. В 1950-е годы И. И. Шмальгаузен и его учениками (Е. Д. Регель, 1915–2003; И. М. Медведева; Н. С. Лебедкина, 1918–2000; А. С. Северцов и другие) были проведены обширные исследования по эволюционной морфологии амфибий. В 1964 г. эти работы были подытожены в блестящей монографии И. И. Шмальгаузена «Происхождение наземных позвоночных», изданной в Москве. Любопытно, что в этом же году также в Москве в серии «Основы палеонтологии» был выпущен объемистый том, посвященный ископаемым амфибиям и рептилиям. В этой замечательной книге были подведены итоги многолетних изысканий отечественных палеогерпетологов, многие из которых работали в Москве, в том числе с довоенных лет (И. А. Ефремов, 1907–1972; Е. Д. Конжукова, 1902–1961; Н. И. Новожилов; Б. П. Вьюшков, 1926–1958; А. К. Рождественский, 1920–1983; Е. А. Малеев, 1915–1966; Л. П. Татаринев, П. К. Чудинов и другие).

В рамках этапа институционального роста советской герпетологии (1921–1964 гг.), в свою очередь, по-видимому, полезно различать два отрезка времени: 1921–1949 гг. и 1950–1964 гг. Рубежом следует считать год издания классического определителя П. В. Терентьева и С. А. Чернова (1949).

Второй этап (1965–1991 гг.) советского периода по праву можно назвать *эпохой расцвета советской герпетологии*. Начало этого этапа образует октябрь 1964 г., когда по инициативе П. В. Терентьева состоялись два важных институцио-

нальных события: в Ленинграде прошла Первая Всесоюзная герпетологическая конференция и был создан Герпетологический комитет (при Академии наук СССР). В обоих случаях председателем был избран Терентьев. Впоследствии были организованы еще шесть Всесоюзных конференций (Ленинград — 1966, 1973, 1977 гг.; Ашхабад — 1981 г.; Ташкент — 1985 г.; Киев — 1989 г.), тезисы докладов которых, кроме второй, были опубликованы под ставшим с тех пор традиционным заголовком «Вопросы герпетологии». В октябре 1968 г. в Ташкенте состоялась Среднеазиатская конференция «Ядовитые животные Средней Азии и их яды»; в 1970 г. был выпущен сборник материалов этой конференции (под тем же названием).

Помимо всесоюзных, с 1978 г. по предложению автора этих строк стали проводиться также региональные конференции (Первая конференция по герпетофауне Дальнего Востока и Сибири — Владивосток, 1978; Первая Кавказская конференция — Тбилиси, 1983; симпозиум по герпетофауне Урала, Сибири и Дальнего Востока — Свердловск, 1984; Первая конференция по изучению герпетофауны северо-запада СССР — Таллин, 1988), а также многочисленные тематические совещания и семинары: по зеленым лягушкам — Калининград (1979 г.), Минск (1982 г.) и Рига; по охране и разведению амфибий и рептилий — Москва (1985 г.); по радиационной герпетологии — Ленинград, (1988 г.); по систематике и экологии хвостатых амфибий — Москва (февраль 1991 г.) и другие. Таким образом, подобного рода мероприятия стали вполне обычным делом, чего не было раньше. Заметно усилился поток книг и сборников. Достаточно сказать, что подавляющее большинство их (около 60) вышло именно после 1964 года!

Период расцвета характеризовался также важным расширением контактов между советскими и зарубежными герпетолога-

ми. Так, большая группа советских коллег из разных городов и республик СССР участвовала в Европейской герпетологической конференции в Праге (1985 г.), в Первом Всемирном конгрессе по герпетологии в Кентербери, Англия (1989 г.).

В 1989 г. в Киеве на Седьмой Всесоюзной конференции одно из бурных заседаний было посвящено созданию Всесоюзного герпетологического общества (ВГО). К сожалению, решить этот важный вопрос полностью тогда не удалось. Поэтому 12–14 января 1991 г. в Пущино (Московская обл.) состоялся так называемый Учредительный съезд ВГО, на котором были обсуждены задачи общества, проведены довыборы руководства (членов президиума и ряда комиссий), а также принят устав ВГО. После распада СССР (1991 г.) ВГО было переименовано в Герпетологическое общество имени А. М. Никольского (идея Н. Н. Щербака, 1989 г.) при Российской академии наук. Президентом общества еще в Киеве был избран И. С. Даревский, который после смерти П. В. Терентьева стал несомненным лидером отечественной герпетологии.

Характерными чертами этапа расцвета советской герпетологии были такие новые научные направления, как цитогенетика, применение биохимических методов (электрофорез белков, ДНК-цитометрия), фенетика популяций, ландшафтная герпетология. Огромное внимание стало уделяться проблемам охраны амфибий и рептилий, особенно составлению списков для Красных книг СССР и союзных республик.

Именно на этапе расцвета советской герпетологии число зоологов-герпетологов сильно возросло и достигло своего максимума (около 250 человек, судя по числу участников последних всесоюзных конференций). Наибольшее их количество было сосредоточено в Москве: Московском университете и Зоологическом музее, других вузах, институтах АН СССР, организациях других ведомств. Московская герпетология это-

го периода охватывала все важнейшие направления нашей дисциплины, включая систематику, фаунистику, экологию, морфологию, палеонтологию, эволюционную и популяционную биологию, природоохранные и медицинские аспекты.

Среди многих десятков замечательных советских профессионалов в первую очередь хочется перечислить те фигуры, которые в известной мере могут восприниматься как символы данного времени. Это — А. Г. Банников, Э. С. Баркаган, В. И. Гаранин, И. С. Даревский, Л. П. Татаринов, Л. И. Хозацкий, Н. Н. Щербак (1927–1998) и многие другие.

Период постсоветской герпетологии

Этот последний период, драматическое начало которого политически было заложено соглашением в Беловежской пуще (декабрь 1991 г.), приведшим к исчезновению СССР, характеризуется печальным распадом прежних внутрисоюзных связей, падением активности или даже исчезновением ряда герпетологических центров и групп в республиках бывшего Советского Союза. Фактически, кроме России, активно работающие группы профессиональных герпетологов остались на Украине, в Казахстане и Киргизии, в меньшей степени — в Белоруссии и республиках Закавказья. Полевые исследования во многих республиках Содружества Независимых Государств (СНГ), пришедшего на смену бывшему СССР, проводятся сейчас довольно часто под руководством и при финансовой поддержке со стороны российских коллег, имеющих отечественные или чаще зарубежные гранты.

Одновременно для российской герпетологии заметными чертами нынешнего периода стали явный рост интереса к герпетофауне собственно Российской Федерации и в меньшей степени других республик, усиление региональных исследований в европейской части, серьезная интеграция в международное герпетологическое сообщество, расширение полевых иссле-

дований за пределы бывшего СССР (Юго-Восточная Азия, Балканы, Турция и т. д.).

Показательно, что в постсоветский период число публикаций на английском (реже — на других иностранных языках) резко возросло. Отечественные герпетологи стали активно осваивать, самостоятельно или в соавторстве с западными коллегами, многочисленные зарубежные издания. С 1994 г. на базе частного московского издательства стал печататься первый в России герпетологический журнал «Russian Journal of Herpetology» («Российский герпетологический журнал»), а на базе болгарского издательства — «Advances in Amphibian Research in the former Soviet Union» («Успехи в изучении амфибий в бывшем Советском Союзе»). Оба издания выходят только на английском языке. Начиная с 1995 г., на русском и иностранных языках были опубликованы обобщающие сводки по герпетофауне России и бывшего СССР в целом, а также по отдельным группам (амфибии, черепахи). Несмотря на все эти достижения, все же ощущается явная необходимость в серьезном герпетологическом ежегоднике, который выпускался бы на русском языке и тем самым способствовал бы интеграции герпетологов СНГ и прилегающих стран.

Географическое распределение центров герпетологических исследований в Российской Федерации в постсоветский период также заметно изменилось. Тем не менее, как и раньше, начиная еще с XVIII — начала XIX столетий, ведущими «герпетологическими» городами пока вне конкуренции остаются Санкт-Петербург и Москва. Однако, к сожалению, произошло заметное угасание (по разным причинам) герпетологических исследований на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. С другой стороны, отрядным явлением стало формирование фактически третьего центра отечественной герпетологии в Поволжье, где с 1995 г. регулярно проводятся региональные кон-

ференции (с участием коллег из других регионов и даже стран), издаются герпетологические сборники, в том числе «Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии» (Тольятти, шесть выпусков с 1995 г.) и большое внимание уделяется просвещению и пропаганде знаний об амфибиях и рептилиях, особенно в плане их охраны. Помимо Казани и Нижнего Новгорода, новыми заметными в герпетологии волжскими городами стали Тольятти и Саратов.

В самом конце 2000 г. в Пушино прошел Первый (фактически второй) съезд Герпетологического общества имени А. М. Никольского, в работе которого приняли участие около 120 человек, преимущественно из европейской части России, а также, к сожалению, лишь немногие коллеги из Белоруссии и Украины. Тем не менее, в опубликованном в 2001 г. сборнике с традиционным уже названием «Вопросы герпетологии» представлены 172 кратких сообщения 230 авторов из России, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстана и Украины. Это, несомненно, свидетельствует о стремлении большинства герпетологов бывшего СССР поддерживать и развивать то научное сообщество, организационные рамки которого были заложены в предшествующий (Киев, 1989 — Пушино, 1991) период, несмотря на почти десятилетнее затишье.

Некоторые общие выводы

Оценивая развитие герпетологии в России и сопоставляя ее историю с таковой других близких зоологических дисциплин (например, ихтиологии, орнитологии, териологии), не трудно заметить многие черты, объединяющие эти родственные ветви зоологии. Тем не менее, все же приходится отмечать явное отставание герпетологии по сравнению с другими указанными дисциплинами во все периоды развития, а также ее определенную периферийность (в науковедческом смысле), сохраняющуюся до сих пор. Несомненно, во многом это было

(и есть) обусловлено значительно меньшим вниманием, которое уделялось изучению амфибий и рептилий в нашей стране (в финансовом, кадровом и других отношениях). Действительно, другие группы позвоночных имеют гораздо большую практическую значимость как объекты охоты, питания, торговли и т. д. или большую привлекательность в эстетическом плане (например, птицы). Кроме того, они включают целые группы не только полезных, но и вредных (например, для сельского или лесного хозяйства) или опасных в медицинском отношении видов. В этом смысле большинство амфибий и рептилий были вне внимания населения, государственных организаций и самих натуралистов как бесполезные или даже неприятные объекты («голые и чешуйчатые гады» по старой русской терминологии). Поэтому не удивительно, что в старинных (начиная с древнерусских) источниках чаще всего упоминались именно змеи, в первую очередь ядовитые, укусов которых приходилось остерегаться.

При сравнении с европейской отечественная герпетология развивалась явно медленнее, и фактически она была заимствована из зарубежных источников (сначала, в средние века, из византийских). Неслучайно период реального становления герпетологии в России в XVIII и XIX столетиях совпал с работой преимущественно немецких натуралистов (С. Г. Гмелина, И. А. Гильденштедта, П. С. Палласа, Э. А. Эверсмманна, А. А. Штрауха и многих других). Однако в 1960–1980-е годы советская герпетология явно набирала высоту, достигла своего расцвета, по ряду направлений стала заметным явлением международного значения (в первую очередь, в изучении видообразования у рептилий в связи с партеногенезом).

Сейчас, несмотря на довольно трудное для занятия наукой в России (и республиках бывшего СССР в целом) вре-

мя, отдельные группы герпетологов, в первую очередь в Санкт-Петербурге и Москве, относительно удачно вписались в международное сообщество, имея неплохую научную репутацию и связи. Однако приходится признать, что общий средний уровень отечественной герпетологии, несмотря на весь энтузиазм, который всячески надо поддерживать, все же заметно отстает от того, что наблюдается в странах Западной Европы, Северной Америке и в Австралии, как в теоретическом, так и в методическом плане. Это во многом связано с отсутствием необходимой научной литературы и современного оборудования.

В заключение отмечу, что герпетология в нашей стране всегда развивалась в «догоняющем режиме» как по отношению к смежным зоологическим дисциплинам, так и к себе самой в экономически развитых странах. Однако благодаря географическому и политическому положению России, начиная с XVIII века, отечественная герпетология занимала одно из лидирующих мест в изучении амфибий и рептилий Палеарктики, особенно ее азиатской части. Именно с этим во многом были связаны наши несомненные успехи в развитии систематики, фаунистики, морфологии и палеонтологии низших наземных позвоночных.

Системные кризисы в нашей стране, как бы она не называлась, революции и войны, конечно, серьезнейшим образом влияли на развитие отечественной науки, ее кадровый состав, институциональную и когнитивную структуру. Тем не менее, несмотря на тяжелейшие испытания и потери, она, словно птица-феникс, каждый раз возрождалась и, опираясь на лучшие традиции, заложенные в предшествующие периоды, развивалась дальше. В свете этого исторический оптимизм предсказывает интересное будущее российской герпетологии как части мировой науки. Однако возможные успехи во многом будут опреде-

ляться пониманием стратегии развития герпетологии со стороны нынешнего и ближайшего следующего поколений. В этой стратегии принципы корпоративной этики и общие интересы науки должны занимать достойное место и преобладать над личными амбициями.

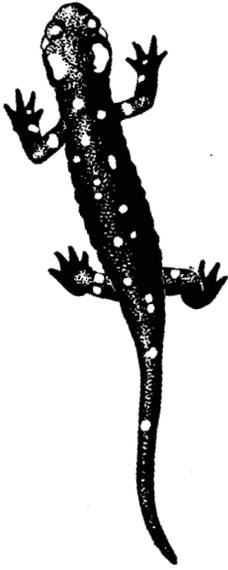
*Л. Я. Боркин**

*Работа выполнена по гранту РФФИ ц 02-06-80391.

МУЗЕЙНЫЕ ГЕРПЕТОЛОГИ МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ ПРОШЛЫХ ВЕКОВ

Зоологический музей Московского университета традиционно считается вторым по масштабности после Зоологического института в Питере центром герпетологических коллекций и исследований, базирующихся на коллекционном материале. Первые сборы земноводных и пресмыкающихся появились в Московском университете задолго до возникновения Зоомузея (Университетского кабинета естественной истории). Их фрагментарно передавали в университет меценаты, богатые покровители науки, любители просвещения еще с 1770-х годов.

Планомерная же комплектация герпетологических фондов началась лишь с 1840-х годов, когда в музей стали поступать материалы, собранные известными путешественниками или студентами университета во время экспедиций в самые разные регионы. В итоге коллекция амфибий и рептилий почти с 200 экземпляров в середине XIX столетия к концу века увеличилась почти втрое и требовала уже серьезной технической и научной обработки, особенно после широкомасштабных поставок, организованных при содействии директора музея Анатолия Петровича Богданова и его учеников (подробнее см.: Орлова, Дунаев, 1991; Дунаев, 1999).

Специфика и практика музейной работы, как правило, сводилась тогда к так называемому курированию нескольких групп крупных таксонов в хранилищах. Поэтому специалистов-герпетологов (тех, кто бы занимался исключительно земноводными и пресмыкающимися) среди кураторов в те времена практически не было, или это являлось скорее исключением из подобного правила. Большинство музейных зоологов было связано с герпетологией фрагментарно и на ранних этапах своего

творческого пути. Тем не менее, заботясь о сохранности коллекционных образцов и периодически включая их в научный оборот, все эти люди внесли огромный вклад в развитие отечественной герпетологии. Именно их трудами создавался квалифицированно оформленный материал, ставший основой современной герпетологической коллекции Зоомузея МГУ, без анализа которой не обходится сейчас практически ни одно серьезное исследование по систематике и зоогеографии земноводных и пресмыкающихся.

Первый каталог этой коллекции был опубликован известным энтомологом Николаем Михайловичем Кулагиным в 1888 г. В начале своего научного пути он достаточно активно увлекался изучением земноводных и пресмыкающихся (опубликовал около десятка статей), но позднее интересы Н. М. Кулагина (о нем — см. отдельный очерк в этой книге) сместились на зоологию беспозвоночных животных, и с 1890-х годов он фактически перестал заниматься амфибиями и рептилиями.

Роль куратора герпетологических фондов в Зоомузее тогда стал выполнять Яков Павлович Щелкановцев (1871–1938). После окончания Московского университета в 1895 г. (по некоторым сведениям — в 1890 г., что, вероятно, ошибочно) он был оставлен на ставке ассистента в музее, но область его научных интересов также была далека от герпетологии. Еще в студенческие годы он уделял особое внимание беспозвоночным животным — курировал коллекцию моллюсков в Студенческом кружке для исследования русской природы. В «Адресной книге русских зоологов...» (СПб., 1901) Щелкановцев значился специалистом по насекомым (прямокрылым, жукам-щелкунам, трипсам и другим вредителям сельского хозяйства), паукообразным и ложноскорпионам.

Однако Яков Павлович тщательно выполнял свои служебные обязанности и на герпетологическом поприще: помо-

гал Г. А. Кожевникову работать со студентами, читал им лекции по систематике амфибий и рептилий, проводил научное определение поступающих в музей земноводных и пресмыкающихся с 1896 по 1900 г. Его авторство при диагностике коллекционных образцов стоит, в частности, на этикетках знаменитых сборов того периода рептилий из Памира. Позднее уделять много времени герпетологической коллекции ему, видимо, не удавалось, так как он фактически сменяет Г. А. Кожевникова на посту хранителя музея (с 1904 г.), а в 1905 г. становится еще и приват-доцентом, чему, вероятно, способствовала его работа в 1890-х годах на Неаполитанской морской биостанции. Щелкановцев лишь изредка возвращался к герпетологической работе (которую с начала XX фактически выполнял В. С. Елпатьевский), хотя по-прежнему Яков Павлович заботится о пополнении фондов земноводных и пресмыкающихся и, в частности, в 1906 г. передал в музей небольшие коллекции амфибий из Московской губернии.

Судьба Я. П. Щелкановцева сложилась таким образом, что с 1908 г. он работал в Варшавском Императорском университете, где фактически создал кафедру зоологии. После переезда в 1915 г. Варшавского университета в Россию, некоторое время он работал в Воронежском университете и сельхозинституте, но вскоре возвратился в Донской (бывший Варшавский, ныне Ростовский) университет, где с 1923 г. стал профессором. Я. П. Щелкановцев возглавлял зоологический кабинет этого университета и периодически (с 1919 по 1924 г.) избирался деканом его физико-математического факультета. В этот период он проживал в Ростове, на станции Почтовая, дом 190. По словам современников, Щелкановцев был великолепным лектором и чрезвычайно эрудированным человеком. В Варшаве он составил учебную программу по зоологии беспозвоночных (1915 г.), написал пособие к лекциям «Краткий

курс зоологии», разные издания которого появились в Москве и Петрограде (1913, 1914 гг.). Яков Павлович изучал анатомию ложноскорпионов (1903, 1905, 1909—1910 гг.), животный мир Донского края и Центрально-Черноземной области (1919, 1924 гг.), занимался фаунистическим районированием Курской и Воронежской областей (1935 г.), исследованием ортоптероидной фауны Кавказа (1909, 1935 гг.), опубликовал очерки по ихтиофауне Дона (1923, 1924 гг.), увлекся популяризаторской деятельностью: написал книгу о степных птицах и млекопитающих (1935 г.), участвовал в создании «Энциклопедического словаря Центрально-Черноземной области» (1934 г.), но к познанию земноводных и пресмыкающихся уже больше не возвращался.

С 1899 г. разбор герпетологических коллекций занимался Владимир Сергеевич Елпатьевский. Пожалуй, он был одним из наиболее активных работников в герпетологических фондах начала XX века и считался фактически первым специализированным герпетологом музея (о нем — см. отдельный очерк в этой книге), хотя, как и для многих других, герпетология была не единственным его увлечением. С 1906 г. много времени у него занимали заграничные командировки и преподавательская деятельность, а с 1918 г. он вообще переехал в Саратов. Однако практически весь московский период его научного творчества в той или иной мере был тесно связан с герпетологией и музейными коллекциями амфибий и рептилий.

Активную помощь в разборе герпетологических коллекций В. С. Елпатьевскому оказывали студенты. Одним из них был сын известного зоолога Л. П. Сабанеева — Леонид Леонидович Сабанеев (1881—1968). Под наблюдением Елпатьевского он ревизовал коллекцию земноводных и пресмыкающихся и составил ее карточный каталог (1905 г.). Л. Л. Сабанеев принимал участие в научной обработке герпетологических ма-

териалов Н. В. Богоявленского с Памира (1898, 1901 гг.) и Персидского залива (1902 г.), доктора В. И. Исаева и С. Г. Теплова из Юго-Восточной Азии и с Дальнего Востока, Л. С. Берга из Балхаша, что говорит не только о его интересе к этой группе животных, но и о высокой эрудиции молодого человека. Разбором коллекций амфибий и рептилий Л. Л. Сабанеев занимался с 1898 по 1906 гг. Но его научная активность этим не ограничивалась. По примеру своего отца, который привозил в музей герпетологический материал из Таганрога, он собирал коллекции гадов (в частности в Кузьминках и Кунцеве в 1906 г.) и вообще достаточно активно изучал подмосковную герпетофауну (был активным членом Фаунистической комиссии для исследования Московской губернии), результатом чего стала обзорная заметка в популярном в то время издании «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (1905 г.). А несколькими годами ранее (в 1902 г.) вместе со своим братом (Борисом Леонидовичем) там же он опубликовал небольшую статью о линьке жаб. Под руководством Елпатьевского Сабанеев изучал половой диморфизм окраски ящериц (1905), описал новый таксон агамы (*Agama borstschewskyi*, сейчас сведена в синонимы *Laudakia lehmanni*), типовые экземпляры которого до сих пор хранятся в музее. Однако этим и ограничивается герпетологическая деятельность в музее этого неординарного человека (подробнее о нем см. очерк А. В. Свиридова в этой книге).

С 1914 по 1916 г. в обработке герпетологических фондов музея В. С. Елпатьевскому помогал студент Петр Петрович Смолин (1897–1975). Уроженец г. Курган, после окончания реального училища в Екатеринбурге в 1914 г. он поступил в Московский университет. Интерес Смолина к амфибиям и рептилиям проявился рано, и с первого года обучения в университете он уделял этой группе позвоночных животных не-

П. П. Смолин

малое внимание (правда, наряду с птицами и зверями). В течение ряда лет Смолин проводил активные экологические наблюдения за этими животными в Подмоскowie (на Яузе, в Сокольниках, в окрестностях Подольска и Воскресенска и других местах), изучал их распространение и поведение (в частности, особенности вокализации). Результаты его наблюдений по этологии и батрахофауне (преимущественно лягушек) Московского региона были включены П. В. Терентьевым в его знаменитый «Очерк земноводных (*Amphibia*) Московской губернии» (1924 г.), где автор около десятка раз ссылается на наблюдения Смолина и в числе первых (сразу вслед за мэтрами отечественной зоологии) благодарит его за предоставление информации и помощь в подготовке брошюры. П. П. Смолин был и сборщиком герпетологических коллекций. В 1916 г. он передал в музей свои материалы по амфибиям и рептилиям из Томской и Московской губерний.

Смолин активно работал в музее по разборке герпетологического хранилища, определял и переопределял земноводных и пресмыкающихся. В 1994 г. в фондах герпетологического отдела была обнаружена этикетка к коллекционным образцам пустынных ящериц-круглоголовок (*Phrynoscephalus*) из Илийской котловины (Казахстан), где Петр Петрович критически оценивает признаки отдельных экземпляров и излагает свои представления об их таксономической принадлежности, номенклатуре и филогении, в основном соответствующие современным (подробнее — см.: Дунаев, 1996). Такая тщательность и

скрупулезность в обработке коллекционных материалов были характерны для знаменитого ППСа (как потом звали его многочисленные ученики). Его эрудиции, как видно из этого примера, хватало не только на подмосковных, но и на среднеазиатских гадов. Любопытной является и небольшая дописка к уже упомянутой этикетке: «Недостаток времени, связанный с военной службой, мешает мне подробнее заняться этим вопросом. П. Смолин» (речь идет о систематике круглоголовок).

При мобилизации П. П. Смолин попал на румынский фронт в чине прапорщика, а после победы Октябрьской революции стал председателем полкового комитета. Но в 1918 г. он демобилизуется и поступает на работу в Московский зоопарк. В этот период Смолин активно занимался общественно-научной, организаторской и просветительной деятельностью: возглавлял экспедицию Московского зоопарка по обмену животными с зоопарком в Аскания-Нова (1921 г.), участвовал в организации Клуба юных биологов зоопарка — КЮБЗ (1923 г.), работал на Центральной биостанции юных натуралистов — БЮН (1924 г.), принимал участие в разработке декрета советской власти об охране природы, первых массовых натуралистических кампаний (Дня леса и Дня птиц) и Первого Всесоюзного съезда юных натуралистов (1925 г.). П. П. Смолин организовал Северную охотпромысловую станцию в Архангельске, работал заместителем директора по научной части Крымского заповедника (1935—1939 гг.), экскурсоводом и научным сотрудником Дарвиновского музея (1939—1941 гг.), а с 1948 г. — его главным хранителем. В первые дни Великой Отечественной войны он ушел добровольцем в Народное ополчение, а в 1943 г. был назначен командиром взвода и преподавателем Центральной военной школы по курсу «Военное собаководство». Сразу после войны Петр Петрович некоторое время (1946—1948 гг.) заведовал полевой прак-

тикой студентов балашихинского Пушно-мехового института и с 1946 г. возвратился к активной педагогической деятельности со школьниками: руководил КЮБЗом (1946—1949 гг.) и юношеской секцией Центрального совета Всероссийского общества охраны природы — ВООП (1946—1966 гг.), где в 1949 г. организовал главное детище своей жизни — Кружок юных биологов, базировавшийся сначала в Московском областном пединституте, а с 1966 г. — в Дарвиновском музее (часть занятий проходила и в Зоомузее МГУ). Будучи талантливым педагогом и великолепным популяризатором науки, Петр Петрович воспитал значительное количество биологов, но его научные труды (многие из которых, правда, до сих пор не опубликованы) немногочисленны. Они были посвящены преимущественно биологии промысловых зверей и орнитофауне Средней России, и ни одна его публикация (если не считать результаты юношеских наблюдений, которые обнародовал П. В. Терентьев) не касалась амфибий и рептилий.

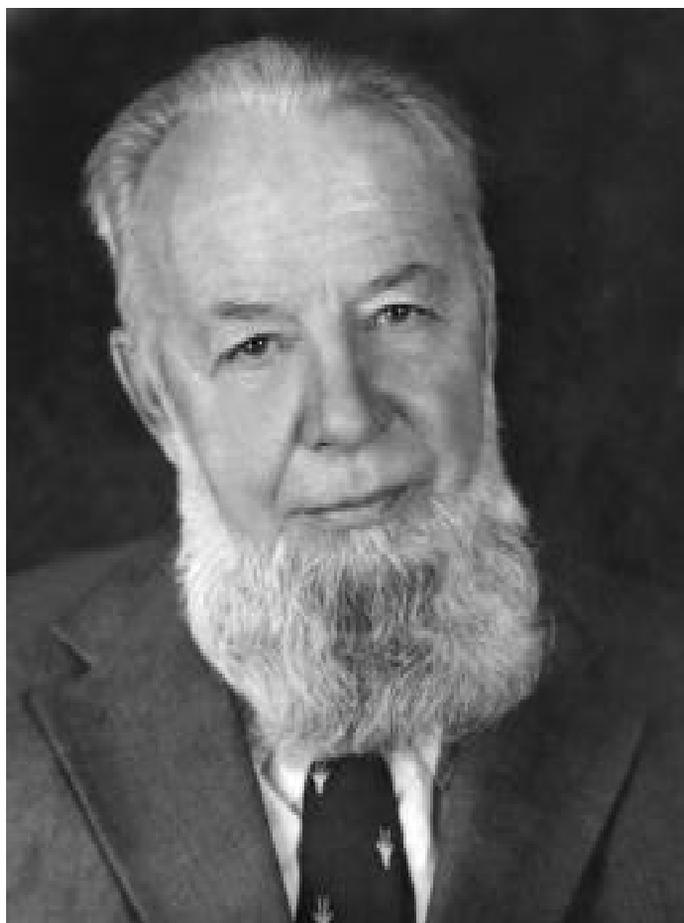
С 1921 (до ареста в мае 1926) г. в Зоомузее МГУ с герпетологическими фондами активно работал сначала студент, а потом аспирант Петр Владимирович Терентьев, а с 1932 г. — Николай Владимирович Шибанов. Оба они были профессиональными герпетологами, посвятившими изучению земноводных и пресмыкающихся всю свою жизнь, поэтому каждому из них посвящены отдельные очерки в нашей книге.

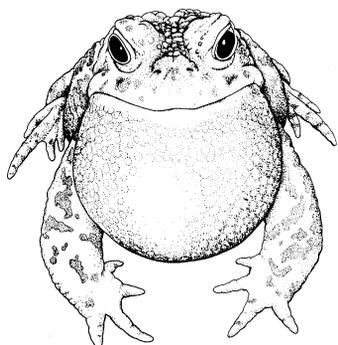
Е. А. Дунаев

**АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
БАННИКОВ**

1915–1985

Снова и снова просматриваю научное наследие А. Г. Банникова: дневники, публикации, автобиографию, характеристики от его великих учителей, отзывы на работы, юбилейные поздравления и т. д., пытаюсь обобщить его герпетологические исследования. А началось все с раннего детства. На прогулках с мамой Андрюша впитывал любовь ко всему живому. В доме всегда были охотничьи собаки. Он, как сам говорил, «рос полноправным щенком среди них». Мягкое материнское сердце и строгое влияние отца сказались на характере мальчика — он был добрым и упрямым в достижении цели, романтичным, но очень организованным и самостоятельным. В школьные годы он много бродил по лесам и болотам Подмосковья, аккуратно записывая свои наблюдения мелким почерком — это были его первые дневники.

Осенью 1926 г. Андрей Банников в первый раз пришел в знаменитый КЮБЗ, ему было 11 лет. Он был не по возрасту высоким, застенчивым, но любопытным. Знал животных по картинкам и книжкам Сетона Томпсона, Брэма и другим. Но мал еще для КЮБЗа и потому два года «ходил в кандидатах». Первое поручения «дяди Пети» (П. А. Мантейфель) были в 1928—1929 гг. — первые поездки, походы, ночевки в лесу. Приобретал полевые навыки, учился работать с картой, снимать шкурки, набивать тушки, отлавливать гадюк для зоопарка, вести наблюдения за животными и делать записи в дневники. В зоопарке вел наблюдения за водоплавающими птицами, изучал рептилий в террариуме. В этот период началось увлечение фотографией, появились первые снимки.

Закончив школу в 1931 г., после первой неудачной попытки поступления в университет (всего таких попыток было три, по его словам, из-за происхождения и плохих оценок по физике) 16-летний Андрей Банников уезжает в экспедицию в Уссурийский край в качестве препаратора. Помимо этого с 1931 по 1934 г. он изучает белуху Белого моря и проводит орнитологические сборы на п-ове Канин, ловит змей в Казахстане и Средней Азии. В отзыве П. А. Мантейфеля, выданном для представления в вуз 11.07.1934 г. отмечается содержательность докладов по этим экспедиционным работам. Материалы экспедиций послужат основой для его первых научных работ по орнитофауне п-ова Канин (1934 г.), миграциям белки на п-ве Канин (1934 г.), биологии енотовидной собаки (1939 г.).

Наконец, окончив подготовительные курсы (1933–1935 гг.), А. Г. Банников поступает на биофак МГУ, уже вполне подготовленным зоологом-натуралистом. Теперь, как он пишет, происходит мучительное раздвоение интересов: увлечение большой наукой у Б. С. Матвеева (эволюция, онтогенез, морфология, постэмбриональное развитие амфибий и черепах) и стремление в поле, в экспедиции. В этот период состоялись экспедиции на Южный Урал, в Дагестан, Азербайджан и т. д. Одновременно ведутся исследования по зимовкам лягушек. Перелистываю пожелтевшие странички дневника, где мелким убогим почерком в ноябре — январе 1938–1939 гг. велись подробные записи по наблюдениям и обнаруженным местам зимовок лягушек в разных уголках Москвы и Подмосковья (Орловка, Измайлово, Царицыно, Николина Гора, Болшево, Люблино, Лосиноостровское, Останкино и др.). Здесь же таблицы с данными первых экспериментальных работ по переохлаждению, дыханию, потреблению кислорода, предпочитаемой температуре и т. п. Позже, в 1946–1949 гг., в этой же тетради приводятся результаты учетов на маршрутах, а также экспери-

ментов (с кристаллизаторами) на выживаемость тритонов *Triturus vulgaris* и *T. cristatus*. Работа по экологическим условиям зимовки лягушек в Московской области получила отличную оценку А. Н. Формозова «по обилию материала и детальности исследования», а также П. В. Терентьева и Е. Птушенко («заслуживает полного внимания не только герпетологов и экологов, но и физиологов») и была опубликована в сборнике научных студенческих работ МГУ (1940 г.). Это исследование было удостоено студенческой премии МГУ и автор получил персональную стипендию имени академика А. Н. Северцова. По материалам учетов 1936–1942 гг., главным образом в окрестностях Москвы (Николина Гора), в Докладах АН СССР (1948 г.) выходят статьи: о колебаниях численности бесхвостых амфибий, о дыхательной функции кожи у тритонов, суточной активности *Rana esculenta*. Дипломная работа по морфо-экологическим особенностям черепах Кавказа (морфология и систематика черепах трех видов, онтогенез, биология — питание, размножение — в сравнительном аспекте) была также высоко оценена и на решении кафедры предложено доработать, используя литературу и представить в качестве кандидатской диссертации. 22 июля 1942 г. состоялась защита диссертации на тему «Сравнительное морфо-экологическое исследование черепах Кавказа». В характеристике научной работы Б. С. Матвеев пишет, что А. Г. Банников проявил интерес к общетеоретическим вопросам биологии и закономерностям эволюционного процесса. Выбрана тема и докторской диссертации: «Онтогенез адаптивных особенностей у амфибий». По этой теме собрана громадная литература, написана литературная сводка по биологии амфибий и проведены полевые исследования.

Война нарушила планы. После демобилизации, став научным сотрудником, на кафедре зоологии позвоночных Биофака

МГУ А. Г. Банников читает курс «Биология амфибий и рептилий», работает со студентами, ведет малый практикум и летнюю практику.

В августе 1942 г. А. Г. Банников командирован в Монголию для организации Монгольского университета. Начинается «монгольский период», самый значимый в жизни и научном наследии А. Г. Банникова. Особенно трудным был первый год, когда и проявились его организаторские способности в учебной жизни: составление учебных программ, изготовление препаратов, таблиц, создание коллекций, подготовка и чтение курсов по зоологии, сравнительной анатомии, дарвинизму и др. За три года было организовано четыре больших экспедиции, покрывших страну сетью маршрутов, протяженностью более 19000 км. В результате было описано много новых видов и форм, причем, по оценке В. Г. Гегтнера, «проявлен большой такт и вкус систематика», составлены первые карты ареалов, проведены учеты численности, собраны интересные коллекции.

В 1947 г. по приглашению С. И. Огнева А. Г. Банников работает на кафедре зоологии МГПИ им. Потемкина, которую после смерти С. И. Огнева с 1951 г. возглавлял С. С. Туров. Помимо большой педагогической работы на кафедре А. Г. Банников проводил обработку монгольских материалов. За 10 лет (1947–1957 гг.) опубликовано более 20 статей по млекопитающим Монголии, завершением которых была монография «Млекопитающие Монгольской Народной Республики» (1945 г.). Монография получила высокую оценку у нас и за рубежом и удостоена премии МОИП. По оценке Г. П. Дементьева, это новый этап изучения фауны Центральной Азии «вглубь». В частности, он отметил, что в монографии приводятся «первые надежные сведения о диком верблюде». В 1974 г. А. Г. Банников вновь в Заалтайской Гоби встретил стада дикого верблюда и сфотографировал. Это были пер-

вые цветные фотографии хавтагая в природе. Интересны вышедшие в этот период зоогеографические работы, выделение жизненных форм и принципы зонального их распределения; зоогеографическое районирование и история формирования фауны млекопитающих Монголии (1947, 1954 гг. и др.). Кроме того, в этот период появились в разных изданиях статьи, как по довоенным герпетологическим сборам, так и по новым материалам; их около 20. Так, по материалам, собранным в бассейне Кок-су летом 1948 г., в Докладах АН СССР (1949 г.) имеется сообщение о семиреченском лягушкозубе (*Ranodon sibiricus*) — представителе самого примитивного доледникового семейства хвостатых земноводных с узким реликтовым ареалом в горах Джунгарского Алатау. «Материалы по фауне и биологии амфибий и рептилий Монголии» (1958 г.) написаны по сборам примерно 100 экземпляров трех видов амфибий и более 800 экземпляров рептилий 11 видов. В статье приведены картосхемы распространения видов амфибий и рептилий с указанием точек их добычи. «Очерки по биологии земноводных» в соавторстве с М. Н. Денисовой (1956 г.) было первым обобщением современных представлений о морфофизиологических и экологических особенностях, о характерных чертах примитивности амфибий как наземных позвоночных. В основу книги положены ранние исследования биологии и развития земноводных, а также лекции А. Г. Банникова в МГУ и МГПИ.

В 1950-е годы Банниковым было совершено несколько экспедиций в Беловежскую Пущу, где собраны большие материалы по всем группам наземных позвоночных, в том числе «Материалы к изучению земноводных и пресмыкающихся Беловежской Пущи» (в соавторстве с Э. В. Беловой, 1956 г.). Были и экспедиции в Дагестан, результатом которых явилась статья «Материалы по биологии земноводных и пресмыкающихся Дагестана» (1954 г.). Интересен сравнительный

анализ материалов 1936–1939 гг. в статьях о колебаниях численности бесхвостых амфибий (1948 г.) и изменениях в их распространении и численности, особенно жаб, а также других амфибий в 1947–1949 гг. в Москве и Подмосковье (1955, 1967 гг.). В 1957 г. А. Г. Банников совершил экспедицию в Юго-Западный Китай и собрал «Материалы по фауне и биологии амфибий и рептилий тропической части провинции Юньнань» (1958, 1963 гг.). С 1960 г., после ликвидации МГПИ, А. Г. Банников возглавляет кафедру зоологии Московской ветеринарной академии им. К. И. Скрябина. Продолжаются исследования сайгака Калмыкии, начатые в 1950-х годах (с привлечением студентов и аспирантов МГПИ) и завершившиеся монографией «Биология сайгака» (1961 г.), послужившей основой для разработки мер по его охране и рациональному использованию. Была также организована специальная группа по изучению лося; материалы опубликованы в трех сборниках «Биология и промысел лося» (1964–1967 гг.).

Шестидесятые годы были периодом возрастающего интереса к разработке научных основ рационального использования животных, а также охраны редких видов. Для этих целей заповедники представляли собой идеальные экологические лаборатории. По словам Г. П. Дементьева, Андрей Григорьевич был «один из лучших знатоков заповедной системы нашей страны и мира». Опубликована серия научных и научно-популярных статей и книга «По заповедникам Советского Союза» (1966 и 1974 — 2-е изд.). В 1961 г. А. Г. Банников избран (после Г. П. Дементьева) членом Комиссии по редким видам, в 1963 г. — он председатель Рабочей группы по диким лошадям МСОП, один из авторов Красной книги МСОП, организатор и участник Красных книг СССР (1978, 1984 гг.). В 1972 г. А. Г. Банникова избирают вице-президентом МСОП, на этом посту он остается шесть лет.

Это был период бурной научной и общественной деятельности в области охраны природы.

Однако и в этот, совсем не герпетологический период, появляются по случаю написанные заметки о четырехпалом тритоне (*Hynobius* [= *Salamandrella*] *keyserlingii*) из вечной мерзлоты (1963 г.), экземпляры которого в банке принесли геологи и почвоведы, работавшие в Сибири. Или еще заметка — описание отпечатка ископаемой лягушки, обнаруженного студентами кафедры ихтиологии в Лихвинском четвертичном разрезе (Тульская обл.); приведена фотография, принадлежащая, вероятно, к *Rana esculenta*. Этот случай подтверждает существование этого вида в Восточной Европе во времена оксоднепровской межледниковой эпохи.

Кроме этого, Банниковым описан (в соавторстве с И. С. Даревским, 1969 г.) новый подвид геккона (*Lygodactylus angularis*) из Восточной Экваториальной Африки, опубликованы «Новые данные о нахождении дальневосточного сцинка *Eumeces latiscutatus* в Приморье» (соавтор — Н. Н. Дроздов, 1971 г.). Ряд статей посвящен охране амфибий и рептилий (1974, 1977, 1978 гг.), охране варана (1975 г.) и ядовитых змей (1965, 1967, 1976 гг.). Вокруг А. Г. Банникова всегда были молодые, активные и талантливые герпетологи (И. С. Даревский, Н. Н. Дроздов, В. В. Макеев и др.), с которыми подготовлены соответствующие разделы основополагающих книг: «Полевой справочник-определитель земноводных и пресмыкающихся (в соавторстве с И. С. Даревским, А. К. Рустамовым; 1971 г.), которому присуждается почетный диплом МОИП; «Определитель земноводных и пресмыкающихся фауны СССР. Учебное пособие для студентов» (соавторы — И. С. Даревский, В. Г. Ищенко, А. К. Рустамов, Н. Н. Щербак); «Земноводные и пресмыкающиеся Красных книг СССР» (1978, 1984 гг.); «Жизнь животных: земноводные и

пресмыкающиеся (1969 г.). Именно с них началась большая наука в жизни Андрея Григорьевича и с ними закончилось (2-е издание «Жизни животных» — «Земноводные и пресмыкающиеся», 1985 г.).

Судьба подарила мне возможность общения с человеком, ставшим для меня могучим фактором всей моей жизни. Прошло много лет, а меня продолжают греть те годы.

А дома тот же письменный стол, заваленный рукописями и статьями (теперь — дочери), над ним — большая фотография отца с доброжелательной улыбкой, коллекция рогов африканских антилоп и других копытных; фотография марабу на дереве в ночной саванне и прекрасная фотография жабы. А еще много фигурок-сувениров лягушек, жаб, черепах, саламандр. Друзья знали, что эти существа — любимые. Есть и заводная лягушка, которую подарила Е. Геевская и в которую играли дети, потом внуки. И, конечно, — книги!

Л. С. Лебедева

ВОСПОМИНАНИЯ

Мой отец, Андрей Григорьевич Банников, родился 24 апреля 1915 г. в Москве. Его отец, Григорий Хрисанфович Банников, 1879 года рождения, до революции был присяжным поверенным, а после 1917 г. работал на различных юридических и административных должностях, умер в Москве в 1947 г. Отцовская линия происходила из Полтавской губернии. Мать, Любовь Асафовна Банникова, в девичестве Баранова, 1887 года рождения, относилась к довольно старому и многочисленному московскому роду, достаточно благополучному в дореволюционное время (у ее отца, Баранова Асафа Ивановича, имелась даже небольшая текстильная мануфактура в Александрове), но уже совершенно обедневшего к мо-

менту Первой мировой войны. Любовь Асафовна имела высшее музыкальное образование: она закончила Консерваторию и пела партию «Любаши» в «Царской невесте» на сцене, однако, переболев тифом, потеряла голос. Позднее Любовь Асафовна более 35 лет работала в театре Вахтангова по костюмам, где создавала костюмы для спектаклей, в том числе вместе со знаменитой Надеждой Ламановой подготовила костюмы к первой постановке «Принцессы Турандот».

В семье Банниковых было двое детей: старшая дочь Алла и младший сын Андрей. Своего деда Григория Хрисанфовича я не застала, но хорошо помню Любовь Асафовну, которая в нашей детской памяти сохранилась как Баба Люба. Думаю, что многие качества отца унаследовал от нее: волевой характер в сочетании с добротой, неприхотливость в быту и любовь к порядку, интерес к людям и романтическое непотребительское отношение к природе.

Герпетологический период научной жизни моего отца пришелся, главным образом, на его молодые годы. Поэтому я не очень много помню чего-либо из его герпетологической биографии. Про детские годы он рассказывал, что однажды, будучи в КЮБЗе, принес домой небольшого крокодила и держал в ванной до тех пор, пока его отец, Григорий Хрисанфович, не выставил его из дома вместе с чудесной рептилией. Григорий Хрисанфович был страстный собачник и охотник, брал сына на охоту с 7—8 лет, но «герпетов» не переносил. Мой же отец, наоборот, был довольно равнодушен к охоте и обожал лягушек и жаб. Пристрастие отца к охоте не передавалось сыну, но трансформировалось в интерес ко всему живому, к ночевкам в лесу, к исследованию жизни зверей и птиц и в неослабевающую страсть к путешествиям.

В кюбзовский период пришло увлечение фотоохотой. Любовь Асафовна говорила, что проблемы с Андреем-ребенком

в основном были связаны с тем, что он, уходя утром из дома как бы в гимназию, на самом деле шел на пруд и ловил лягушек. Наша самая старшая сестра помнит, как однажды, классе в первом, на вопрос, чем занимается ее отец, она уверенно ответила, что он ловит лягушек.

Что касается меня, то страх змей, как говорят, присущий всем людям в детском возрасте, у меня пропал, видимо, так рано, что я вообще не помню, чтобы змеи или лягушки были мне когда-то противны. И это, конечно, результат того, что папа всегда искренне и бурно восхищался всеми этими «гадами». С его подачи мы с сестрой и дачными приятелями примерно в 6–8-летнем возрасте в течение ряда лет вели учет травяных лягушек на наших дачных участках методом отрезания пальцев, вскармливали бесконечное количество головастика в тазах, держали в летнем душе ужигов. Однажды у нас в трехлитровой банке долго жила какая-то африканская жаба. Она так искусно закапывалась, что примерно раз в три дня в ее поисках мы вытрясали все содержимое банки на стол, в ужасе от того, что жаба, наконец, все-таки вылезла и сбежала. Отец очень любил жаб. Он говорил, что у них самые красивые глаза. Еще я помню свое первое большое путешествие на Кавказ, где в урочище Тегеня в холодном горном ручье папа нашел кладку кавказской крестовки и потом написал про это статью. Я точно знаю, что амфибии и рептилии, с любви к которым, видимо, и начался А. Г. Банников как зоолог так и остались его первой и самой крепкой привязанностью среди всех остальных животных. А ведь какими только группами он не интересовался!

Всего по герпетологии существует 41 публикация А. Г. Банникова. Это составляет всего одну десятую от числа всех его статей и книг. Но среди этих публикаций есть работы, которые до сих пор представляют научный и учебный интерес.

Он был необыкновенно работоспособен, и работа была для него всем. На вопрос «Есть ли у Вас хобби?» он отвечал: «Да, есть. Мое хобби — работа». Только выполнив какой-то собственный план, «выучив урок», как он это называл, он мог быть доволен. Он вставал в шесть утра, делал зарядку, быстро пил очень крепкий чай с молоком, потом затыгивался первой сигаретой и садился за письменный стол. К моменту, когда мы с сестрой вставали и только разворачивали свою жизнедеятельность, у него уже всегда был «выучен какой-нибудь урок» — кучка страниц исписанных очень мелким, совершенно неразборчивым почерком.

Преподавать он любил, считал это необходимым и интересным для себя. Свои первые лекции Андрей Григорьевич начал читать в 1942 г., будучи ассистентом кафедры зоологии и сравнительной анатомии МГУ. Молодой Банников сильно заикался и профессор Б. С. Матвеев рекомендовал ему больше выступать и предложил читать курс «Биология амфибий и рептилий». Помимо того, в этот период А. Г. Банников вел практикумы, малый и летний, по зоологии позвоночных. Позже он читал лекции в Педагогическом институте и Московской ветакадемии. Стройная логика его рассуждений привлекала студентов и преподавателей, и на его лекциях зал всегда был полон людьми из разных вузов. Он никогда не пользовался и даже не имел конспектов своих лекций. Были иногда какие-то наброски и вопросы на папиросных и спичечных коробках. Лекция была для него активным творческим процессом, каждый раз он рассказывал по-новому, сам увлекался, и не было двух одинаковых лекций.

Он работал всегда и расстраивался, если мало работал. Последнее, что он успел сделать, — совсем уже незадолго до смерти — написал рецензию на альбом о Байкале О. Гусева. За день до смерти в больничной палате он показывал маме

какие-то вырезки, только что найденные и отложенные для планируемой статьи. Запечатление такого образа жизни и отношения к делу произошло во мне с детства и навсегда.

В нашем доме всегда были люди. Папа любил работать дома и в квартиру целый день ходили коллеги, аспиранты, друзья, приезжали ученики из всех уголков Советского Союза. Именно в доме проходили деловые встречи, интервью журналистов, телевизионные съемки. Наша квартира днем представлялась настоящим офисом, куда приходят новые и новые люди, непрерывно звонит телефон и приносят кипы корреспонденции со всего мира. Надо сказать, что и до сих пор из-за границы приходят на адрес этого «офиса» письма, журналы и приглашения для профессора А. Г. Банникова. А вечером приходили друзья. Удивительно, как семья, дети могли вписываться в эту многолюдную кипучую жизнь. Отец очень любил друзей. Друзья собирались со всей страны, особенно в периоды каких-нибудь московских конференций или совещаний. Среди них — Ф. Страутман, С. С. Шварц. Я застала И. С. Даревского, В. А. Попова (Попов-Казанский), А. К. Рустамова, К. Мустафаева, Г. А. Новикова, В. Ф. Гаврина, А. С. Рыковского, В. Е. Флинта, С. М. Успенского, Б. Н. Вепринцева, И. П. Сосновского, А. А. Кищинского, В. М. Галушина, Н. Н. Дроздова. С Даревским разрабатывались планы и подготавливались определители. Гаврин пел песни удивительно красивым басом. Дроздов всегда приносил что-нибудь интересненькое: то хамелеонов, которые ползают по абажуру большой настольной лампы и среди тарелок, то и дело меняя цвет, то какого-нибудь удава. А то приведет с собой индуса-факира. Факир вытаскивает из клетки-переноски для кошек ручного мангуста по кличке Лакшми, а из коробочки — дрессированную кобру. Тогда и соседи собираются поглядеть на чудо. Часто с рассказами и расспросами заживал сосед В. М. Песков.

Еще хочется вспомнить (с помощью М. Н. Денисовой и мамы) «военную группу» университета, сборы которой проводились с университетских времен ежегодно в каждую последнюю субботу ноября. Это была могучая кучка сначала студентов, потом талантливых ученых — профессоров, влюбленных в свою науку. Сплав умных и добрых, веселых и озорных преданных друзей. Они собирались на «рюмку чая» в разных местах; помню, несколько раз были и у нас. Среди них были энтомолог О. Л. Крыжановский, все время рисовавший солдатиков, Д. И. Бибииков, ихтиологи В. Д. Лебедев и А. С. Константинов, ботаник А. И. Шретер, физиолог В. А. Шидловский, К. М. Эфрон и приглашались Учителя: Б. С. Матвеев, Г. П. Дементьев, С. С. Туров, Е. С. Смирнов. Лучше не описать эти встречи, чем это сделал милейший Евгений Сергеевич Смирнов, душа компании:

Посвящается военной группе

Из юго-западной глуши,
Презрев обязанности службы,
Явился я на праздник дружбы.
Приветствую от всей души
Тех, кто на жизненной дорожке,
Раз повстречавшись, сохранил
Любовь и дружбу, кто ни крошки
Своим друзьям не насолил.
Вы были мальчики безусы,
Теперь брадатые мужи.
Переменились жены, вкусы —
Остались дружбы рубежи.
И высшего образования
Неизгладим блестящий след —
Все так же полн очарованья
Московский Университет.
Хоть мир нас нелюбезно встретил,

Мы снова накопили сил.
Нас старый Юдинцев заметил
И, в гроб сходя, благословил.
В гостях нимало не сучая,
Я ныне тост провозглашаю —
Военной группе — на страх врагам.
Пристать к желанным берегам!

Отец очень любил своих друзей, общение с ними, можно сказать, было для него на первом месте после его работы. Он легко и с удовольствием общался со студентами, гордился успехами учеников, презирал дураков и почитал учителей. Он высоко ценил умных людей, даже полагал, пожалуй, что ум покрывает многие недостатки. Однако сам мог строить любые отношения только на основе искренности и уважения. Хорошие человеческие отношения считал необходимым звеном любых контактов, ставил выше всех предрассудков и добивался их в своих семьях и между семьями. Поэтому у нас до сих пор очень большая семья, состоящая из нескольких домов, многих детей, внуков, родных и сводных сестер, племянников и племянниц, тетушек и бабушек. И смерть А. Г. Банникова не отдалила нас, а, может быть, даже сплотила еще более.

Это был человек очень сильной воли и одновременно удивительного обаяния, простой и независимый в общении одинаково со всеми, поэтому люди охотно шли за ним. Вообще он был очень разный в жизни: в семье был великодушный и добрый, но любил порядок; в компании друзей — заводила и хулиган; на работе — собранный и строгий, и в то же время очень цельный человек. Он всегда знал, чего хочет и что будет делать завтра, с завидным упорством добивался поставленной цели и, мне кажется, что компромиссы давались ему очень тяжело, потому он избегал их. Сохранились длин-

ные листы картонки с перечнем дел на каждый год, которые он собирался сделать. По мере выполнения сделанное вычеркивалось.

Влияние его на меня было огромно. В сущности, почти на всей моей жизни лежит отпечаток его гигантской личности. Никто никогда не оказал на меня большего влияния, не стал последней инстанцией истины, никогда после я не встречала более доброго и сильного человека. Мои решения до сих пор складываются под его влиянием, даже теперь, когда его нет вот уже почти 20 лет.

А. А. Банникова

ВОСПОМИНАНИЯ

Получилось так, что с ведущими советскими герпетологами середины XX века — С. А. Черновым, П. В. Терентьевым и А. Г. Банниковым — мне довелось познакомиться в один год — во время аспирантской поездки 1958 г. в Москву и Ленинград. Андрей Григорьевич Банников был мне известен тогда как автор ряда интересных герпетологических работ полевого или методического плана («Очерки по биологии земноводных» — совместно с М. Н. Денисовой или «Летняя практика по зоологии позвоночных» — с А. В. Михеевым; кстати, обе книги вышли из печати почти одновременно и постоянно используются в работе со студентами). Еще раньше когда я докладывал на заседании кафедры итоги курсовой работы по питанию прудовой лягушки и у меня получилось заочное «расхождение» с данными Андрея Григорьевича, было сделано замечание именно по этому поводу. Позднее, когда я сказал об этом случае А. Г. Банникову, он отнесся к этому спокойно, сказав что-то вроде того, что факты есть факты и спорить с ними не приходится. В то же время он умел отстаивать свое мнение и довольно резко, если это требовалось.

Андрей Григорьевич задумал давно (не позднее 1960 г.) написать коллективную монографию по амфибиям и рептилиям СССР (наподобие «Птиц Советского Союза», вышедших в шести томах в 1951–1954 гг.). Основными авторами должны были быть (кроме него) О. П. Богданов и И. С. Даревский. Мне было предложено участвовать в написании очерков о двух видах тритонов и краснобрюхой жерлянке, а также «написать остромордую лягушку». Была получена подробная схема (29 пунктов) видовых очерков, а также просьба о высылке материалов о других видах (обыкновенной гадюке и зеленой жабе). Все материалы по видам были высланы А. Г. Банникову, намечалась сдача монографии в 1962 г., но завершить дело так и не удалось.

Конец 1965 г. у А. Г. Банникова был очень хлопотным: полумесячная поездка в Югославию и оппонирование на двух защитах в Москве — докторской и кандидатской диссертаций. В Казань он приехал к 23 декабря и тоже оппонировал на защите двух кандидатских диссертаций — по охотоведению и герпетологии. Материалы моей диссертации были использованы им при написании полевого определителя «Земноводные и пресмыкающиеся СССР» (в соавторстве с И. С. Даревским и А. К. Рустамовым), вышедшем в 1971 г., и в соответствующем томе «Жизни животных», опубликованном раньше (в 1969 г.) тоже под его редакцией в соавторстве с И. С. Даревским, М. Н. Денисовой, Н. Н. Дроздовым, Н. Н. Иорданским. Он успел еще написать с теми же авторами следующее издание книги, вышедшее в год его смерти (1985 г.).

Запомнились частые встречи с А. Г. Банниковым на различных конференциях, из которых первой была, вероятно, «Пятое всесоюзное совещание по охране природы» в Кишиневе, где он выступал как заместитель председателя президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны при-

роды (1962 г.). Затем мы встретились в Ленинграде, на первой герпетологической конференции (1964 г.), где он рассказывал о поездке в Китай и вошел в первый состав Герпетологического комитета. На небольшом банкете, устроенном, как положено было, после конференции, Андрей Григорьевич произнес тост, закончив его словами: «Занимайся гадами, но не будь гадом!». В Казани он был еще на V зоогеографической конференции (1972 г.). Конференция дала толчок новому направлению — антропогенной зоогеографии. Намечалось издание книги «Антропогенная зоогеография», одним из авторов которой должен был быть и А. Г. Банников. В последние годы, Андрей Григорьевич развивал свою научную и практическую деятельность в трех направлениях — териология (копытные), герпетология, охрана природы, включая заповедное дело (он был почти во всех заповедниках Советского Союза и во многих зарубежных — на четырех континентах). За заслуги в этих делах он первым из наших зоологов получил Золотую медаль Международного Союза охраны природы, а также орден Трудового Красного Знамени.

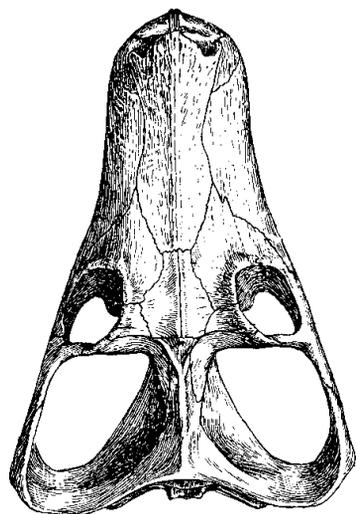
В. И. Гаранин

**БОРИС ПАВЛОВИЧ
ВЬЮШКОВ**

1926–1958

Среди учеников знаменитого палеонтолога И. А. Ефремова Борис Павлович Вьюшков занимает особое место. Его можно с основанием назвать прямым продолжением своего учителя в главном деле его научной жизни — воссоздании истории наземных позвоночных конца палеозоя — раннего мезозоя, запечатленной в древних осадочных толщах СССР.

Помимо изучения собственно ископаемых объектов, эта задача всегда включала, как и теперь, организацию широких полевых изысканий. С конца 1940-х годов, когда после Монгольской экспедиции состояние здоровья уже не позволяло И. А. Ефремову вести эти работы, их основную тяжесть в Палеонтологическом институте АН СССР взял на себя Б. П. Вьюшков — инициативный, преданный науке до фанатизма и готовый выехать немедленно в любую точку страны, откуда поступило сообщение о новой находке древних позвоночных. Такой же энтузиазм и масштабность целей видны и в самих его исследованиях, охвативших самые различные группы древней герпетофауны, в том числе и открытые им впервые. И закономерно, что главные итоги «ефремовского» периода в изучении древнейших тетрапод на территории СССР, впервые прояснившие этапность их изменения и состав образуемых ими сообществ, были обобщены в совместной монографии И. А. Ефремова и Б. П. Вьюшкова. Это — изданный в 1955 г. знаменитый каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных, до сих пор остающийся настольной книгой для каждого специалиста. Для автора этих строк, в те годы студента геологического факультета МГУ, имена обоих ученых воспринимались как одно нераздели-

мое целое. Судьба распорядилась так, что год, в котором И. А. Ефремов покинул Палеонтологический институт, оказался последним в жизни его ученика.

Борис Павлович прожил всего неполных 32 года. Может быть, поэтому о нем сегодня знают много меньше, чем он того заслуживает. Он занимался палеонтологией позвоночных животных чуть более десяти лет, но успел сделать поразительно много, о чем мы расскажем ниже. Это был человек выдающихся способностей. При всех его очевидных отличиях от И. А. Ефремова, их, на мой взгляд, многое объединяло. Как и его учитель, Б. П. Вьюшков был ученым романтического склада, со смелым полетом научной мысли. Во всем, что он делал в науке, чувствовалось бескорыстное отношение к ней как высшей ценности. Его отличал широкий круг интересов, включавший в числе других общеэволюционные и философские проблемы. Б. П. Вьюшков был страстным популяризатором науки, чему свидетельством — его многочисленные статьи и лекции о палеонтологических открытиях и истории биосферы. Несомненно у него было и литературное дарование: он писал стихи, чаще всего навеянные впечатлениями от увиденного в экспедициях и вряд ли когда-либо публиковавшиеся. В них видна глубина мысли и ощущений, позволяющая читателю заглянуть во внутренний мир автора. Оценивая все сделанное Б. П. Вьюшковым за его недолгую научную жизнь, можно по праву сказать, что она была ярким горением, оставившим свой неповторимый след.

Б. П. Вьюшков родился в г. Саратов 5 сентября 1926 г. Его отец, кандидат физико-математических наук, заведовал кафедрой астрономии Саратовского университета (СГУ); мать была учительницей математики. Еще школьником Б. П. Вьюшков увлекся палеонтологией, занимаясь в кружках юных натуралистов при Саратовском краеведческом музее

и кафедре исторической геологии университета. В 1942 г., после 9-го класса школы, он сдал экстерном экзамены за десятилетку и поступил на геолого-почвенный факультет СГУ. В 1943 г. был призван в армию, но уже в марте 1944 г. демобилизован как негодный к строевой службе по зрению.

В 1947 г. Б. П. Вьюшков окончил университет, получив квалификацию геолога-нефтяника. Уже в студенческие годы проявились его исследовательские способности, не раз отмечавшиеся факультетскими наградами. Проходя производственную практику в геологических партиях в Оренбуржье и на юге Башкирии в 1944—1946 гг., он провел здесь детальное изучение местных континентальных триасовых толщ и вместе с другими геологами сделал свое первое важное открытие — обнаружил остатки среднетриасовых позвоночных, которые ранее в нашей стране не были достоверно известны. По этим результатам позднее, в 1949 г., была опубликована первая большая статья Б. П. Вьюшкова.

С Южным Приуральем был связан решающий поворот в его судьбе, сделавший реальной его мечту о палеонтологии. Оренбургский геолог В. Л. Малютин, обративший внимание на талантливого молодого исследователя, дал ему рекомендательное письмо к И. А. Ефремову, которого знал по совместной работе в предвоенные годы. Приехав с этой поддержкой в Палеонтологический институт АН СССР и сдав необходимые экзамены, Б. П. Вьюшков уже осенью 1947 г. был зачислен в аспирантуру к И. А. Ефремову. Диссертационная задача, поставленная руководителем, касалась новой позднепермской фауны позвоночных, незадолго до этого открытой геологами на севере Оренбуржья у села Пронькино. Ее еще только предстояло раскопать.

В 1948—1949 гг. Б. П. Вьюшков со всей энергией берется за эту задачу в качестве начальника Приуральской экспедиции

ПИН, одновременно ведя полевые исследования пермских костеносных толщ на р. Вятке и в Поволжье. Уже в конце 1950 г. на основе добытых им материалов он успешно защитил кандидатскую диссертацию о пронькинских тетраподах, главная часть которой позднее (в 1957 г.) была опубликована в виде монографии «Новые котлассиоморфы из татарских отложений Европейской части СССР». В изученной Б. В. Вьюшковым фауне доминировали странные, доселе неизвестные формы, названные им хронизухиями и относящиеся к переходному уровню между амфибиями и рептилиями (то есть к батрахозаврам, по терминологии И. А. Ефремова). Б. П. Вьюшков, как это было и после него, отнес хронизухий к котлассиоморфам, то есть к примитивным представителям так называемых парарептилий, к которым относят и черепах. И лишь относительно недавно выяснилось, что открытые им животные являются поздними реликтами пермокарбоновых антракозавров — древней ветви амфибий, связанной родством с современными диапсидными пресмыкающимися.

По окончании аспирантуры, став младшим научным сотрудником ПИН АН СССР, Б. П. Вьюшков продолжает с той же интенсивностью работать сразу по многим направлениям. В 1951—1953 гг. он возглавляет раскопки пермских фаун в Кузбассе и Южном Казахстане, а затем и триасовых в Оренбуржье. Масштабность и объем его исследований в этот период удивительны. Из списка научных трудов Б. П. Вьюшкова, составленного им весной 1953 г., видно, что за эти первые годы,

Б. П. Вьюшков на раскопках в Сев. Казахстане (р. Терс-Аккан, приток Иртыша, 1951 г.)

проведенные в институте, он сделал уже большую часть того, что составило его вклад в науку. Совместно с И. А. Ефремовым уже был подготовлен к печати каталог местонахождений древних тетрапод (изданный в 1955 г.), о котором говорилось выше. Ждала опубликования и монография о новых батрахозаврах, написанная на основе диссертации. Была закончена и сдана в печать еще одна небольшая монография — «Тероцефалы Советского Союза» (вышедшая в 1955 г.). Это — первая сводка по найденным в нашей стране представителям одной из групп высших зверообразных рептилий (териодонтов), среди которых до Б. П. Вьюшкова здесь был известен лишь единственный род, установленный еще В. П. Амалицким в начале XX века. И наряду с этим — уже вышли или были готовы к опубликованию статьи о систематике позднеднетатарских горгонопсий из северодвинской фауны, о тафономии и геологии захоронения парейазавров на р. Вятке, о новых находках в Сибири, о пермских тетраподах с р. Малая Кинель в Оренбуржье, и, наконец, статья о возрастном соотношении ишеевской (дейноцефаловой) и северодвинской (парейазавровой) фаун поздней перми СССР. Этот список продолжает серия стратиграфических и научно-популярных статей.

Ко всему этому надо добавить собственно эволюционные исследования, которые были для Б. П. Вьюшкова предметом специального интереса и увлечения. В 1951 г. он публикует в «Успехах современной биологии» статью «Некоторые вопросы эволюции зверозубых рептилий», в которой показана роль противоречия между функциями дыхания и питания как одного из главных факторов, определявшего параллельную морфологическую эволюцию среди высших зверообразных пресмыкающихся — в таких чертах как развитие вторичного неба, дифференциация зубной системы и т. д. Несколько позднее он завершил работу «Некоторые проблемы эволюционной пале-

онтологии», посвященную в первую очередь проблеме экологии, то есть, по определению автора термина, палеонтолога Л. Ш. Давиташвили, историческому процессу развития экологических отношений между организмом и средой. Для Б. П. Вьюшкова это был прежде всего вопрос о зависимости между моментами появления конкретных адаптаций в экологически связанных группах. Из этой зависимости вытекала возможность использовать появление одних групп в геологической летописи для оценки физиологического уровня других, существовавших в это же время. Рукопись, посвященная этим вопросам, осталась неопубликованной.

В систематическом плане интересы Б. П. Вьюшкова все более тяготеют к зверообразным рептилиям, и на 1954 г. ему утверждена тема «Горгонопсии северодвинской фауны». Но итоги полевого сезона 1953 г. заставляют его обратиться в ученый совет института с просьбой заменить ее на другую — «Рептилии триасовых отложений СССР». Он мотивирует эту просьбу следующими соображениями. Во-первых, рептилии нашего триаса до сих пор были известны лишь по единичным обломкам, и потому вся литература о них сводится к нескольким заметкам. Между тем ныне по ним собран ценнейший новый материал. Постановка же специальных исследований в этом направлении позволит провести крупные палеогеографические сопоставления, уточнить возраст вмещающих толщ и прояснить вопросы эволюции древних рептилий. Наконец, этот материал гораздо легче поддается препарированию, чем северодвинские горгонопсии, заключенные в твердую породу, что при имеющихся скудных технических возможностях неминуемо задержит их изучение.

Здесь нужны пояснения к тем новым находкам, которые кратко перечисляет Б. П. Вьюшков в своем обращении. В 1950-е годы, с началом крупномасштабных геологи-

ческих съемок в Европейской России, геологами здесь было открыто множество новых местонахождений триасовых позвоночных. И хотя более 90% встреченных остатков принадлежало амфибиям-лабиринтодонтам, вместе с ними были установлены и новые формы рептилий. В первую очередь это были проколофоны (ящерицеподобные парарептилии), в том числе уникальный по сохранности череп, найденный в 1952 г. на р. Вятка. Другим исключительно важным открытием была находка в Оренбуржье остатков крупных архозавров из группы эритрозухидных псевдозухий, сделанная осенью 1953 г. саратовским геологом В. А. Горяиновым на правом берегу р. Урал, в овраге у села Россыпное [Рассыпная] (описанного А. С. Пушкиным в «Капитанской дочке» как Белогорская крепость). Опасаясь, что это захоронение будет смыто весенним паводком, Б. П. Вьюшков начал раскапывать его в тот же год в конце ноября, то есть уже зимой, несмотря на глубокий снег, мороз и двухдневную метель во время раскопок! Вопреки всему, он собрал уникальный материал, включавший часть черепа псевдозухии. Путь до железной дороги с этим грузом (50 км) пришлось преодолеть на саниах, так как из-за снежных заносов туда не ходили даже трактора. Этот эпизод, как нельзя лучше характеризующий Бориса Павловича, видимо, не имеет повторений в истории нашей палеонтологии.

Научная самоотверженность Б. П. Вьюшкова сделала его первопроходцем и в других отношениях. Летом 1954 г., приступив к выполнению новой утвержденной темы, он впервые в СССР организует бульдозерные раскопки древних позвоночных. Они были проведены на двух триасовых местонахождениях Оренбургского Приуралья, уже раскапывавшихся ученым вручную в предыдущий сезон и выглядевших наиболее перспективными в отношении рептильных остатков. Одно из них — на р. Донгуз (левый приток р. Урал), где еще до войны

были найдены остатки растительной и зверообразной рептилии-дицинодонта, второе — упомянутое захоронение архозавров у села Россыпное. Результаты раскопок оправдали ожидания. На Донгузе, помимо десятков костей гигантских дицинодонтов, был найден два черепа этих животных, относящихся к разным родам. Особенности этих находок заставили Б. П. Вьюшкова осторожно предположить, что данное захоронение может относиться к среднему триасу, а не к раннему, как всегда считалось; позднее это целиком подтвердилось. Вместе с дицинодонтами были найдены также кости мелких архозавров и териодонтов — наряду с остатками амфибий. Последующие раскопки же в Россыпном вскрыли остатки трех скелетов примитивных архозавров (первых, найденных в нашей стране) и вместе с ними — череп крупного лабиринтодонта-паротозуха, который и сегодня не имеет себе в мире равных по сохранности.

Следующие два полевых сезона (1955—1956 гг.) посвящены центральному и северным районам. Вместе с другим учеником И. А. Ефремова, П. К. Чудиновым (будущим организатором крупнейших раскопок пермской фауны тетрапод у г. Очер), а также только что пришедшим в Палеонтологический институт Л. П. Татариновым, Б. П. Вьюшков обследует многочисленные раннетриасовые и пермские захоронения в бассейнах рек Ветлуги и Вятки, в первую очередь новые костеносные точки, открытые геологами. Затем, в 1956 г., им были обследованы раннетриасовые местонахождения в бассейне р. Мезень, найденные еще в 1930-х годах и с тех пор остававшиеся неизученными. Наиболее важный материал по триасовым рептилиям, полученный в ходе всех этих поисков, относился к проколофонам. Среди них обнаружили представители двух явно различных эволюционных уровней, что позволило наметить соответствующие этапы в развитии восточ-

ноевропейских раннетриасовых тетраподных сообществ. Результаты изучения этих форм, опубликованные Б. П. Вьюшковым и П. К. Чудиновым в виде двух совместных статей в 1956 г., позволили им уточнить определения прежних фрагментарных остатков рептилий из нашего триаса, сделанные в 1940 г. знаменитым немецким палеонтологом Хюне. Обломок черепа, отнесенный им к архозавроморфной диаспидной рептилии, оказался принадлежащим проколофону.

Нацеленность Б. П. Вьюшкова на исследование триасовых рептилий не мешала ему активно откликаться на каждое новое сообщение геологов о находках более древних тетрапод. При широте его кругозора и научном азарте он просто не мог поступать иначе. Еще весной 1954 г. ученый обследует захоронение древнейших в СССР пермских тетрапод в угленосных толщах района г. Инты в Печорском бассейне, собирает там новый материал и позднее (в 1956 г.) публикует вместе с местным геологом наставление для поисков позвоночных в угольных шахтах. В августе 1956 г. вместе с П. К. Чудиновым он раскапывает уникальное захоронение пермских пеликозавров — казеид на р. Пинега в Архангельской области. До открытия в СССР эти примитивные синапсиды были известны лишь из более древних горизонтов перми Северной Америки.

В 1955—1956 гг. Б. П. Вьюшков проводит раскопки на новом местонахождении познетатарской фауны на окраине г. Вязники Владимирской обл. (открытом немногими годами ранее) и добывает большой и удивительный материал. Представленное здесь сообщество оказалось очень необычным: по групповому составу оно близко к северодвинской парейазавровой фауне, но на родовом уровне отличается от нее почти по всем компонентам. Здесь нет также и типичных парейазавров, но зато встречаются иногда неожиданные для этого времени группы амфибий и рептилий — либо слишком древ-

ние, либо, наоборот, слишком молодые. Сегодня, почти полвека спустя, мы знаем, в чем состоит разгадка. Выявленная Б. П. Вьюшковым вязниковская фауна отражает начало распада палеозойской наземной биоты, приведшего к великой перестройке органического мира на рубеже перми и триаса. В особенностях этой фауны находят классическое выражение многие закономерности, описанные для таких явлений. Поэтому как модельный объект для изучения крупных биотических смен она представляет собой уникальную по ценности страницу геологической летописи.

Из всего найденного в вязниковской фауне сам Борис Павлович успел подготовить лишь описание нового семейства хронизухий, включенное в его монографию 1957 г. Позднее объектами исследования стали тероцефал южноафриканского типа и древнейший в мире архозавр, описанные академиком Л. П. Татариновым, а также необычный вид неотенической амфибии — двинозавра, описанный автором этого очерка. Многие другие важные, хотя и фрагментарные находки, в том числе и самые поздние остатки палеозойских амфибий-микрозавров (группы, до этого вообще неизвестной в Европе), до сих пор остаются не изученными.

Огромный объем полевых исследований, организованных и проведенных Б. П. Вьюшковым в 1953—1957 гг., прежде всего для получения нового материала по триасовым рептилиям, оставлял ему не слишком много времени для обобщающего изучения собранных коллекций. Тем более что нарастали трудности с их препарированием и даже хранением. Написанное ученым в этот период составляют в основном небольшие статьи по отдельным пермским и триасовым группам. Некоторые из этих работ, выполненные, в частности, вместе с П. К. Чудиновым, уже упомянуты выше. В том же соавторстве написана и статья о первой в СССР находке примитивных котилозавров-

капторинид в бассейне р. Вятка. Работы Б. П. Вьюшкова, наиболее близко отвечавшие задуманной им программе исследований — описания новых дицинодонтов и первого тероцефала-бауриаморфа из триаса Приуралья, — были опубликованы уже посмертно, в 1964 и 1969 гг. Это же относится и к сообщению о результатах его последней длительной экспедиции (на этот раз в Эвенкию), состоявшейся летом 1957 г. Ее целью было выяснить условия захоронения скелета дицинодонта, найденного геологами в пограничных слоях перми и триаса в бассейне р. Нижняя Тунгуска, и оценить перспективность дальнейших поисков в этом районе. Отчет о проведенных наблюдениях, показавших, что имело место лишь изолированное захоронение одной особи, был опубликован в 1959 г.

Исследование широкого плана, задуманное Б. П. Вьюшковым и, несомненно, им начатое, находилось еще на своей вступительной стадии. В отчете ученого за 1956 г. упоминается подготовленная рукопись главы к монографии. Видимо чуть позже, в 1957 г., определилась тема его докторской диссертации — дицинодонты триаса СССР. Весь основной материал к ней переместился на стеллажи в его тесный кабинет на третьем этаже старого Палеонтологического музея.

...Последним полевым выездом Б. П. Вьюшкова было посещение классического разреза нижнего триаса на горе Большое Богдо у озера Баскунчак (Астраханская обл.) осенью того же 1957 г. Вместе с ним туда отправился его земляк и мой многолетний друг и коллега Виталий Георгиевич Очев, в то время аспирант СГУ, работавший над триасовыми тетраподами Приуралья; ныне он профессор, заслуженный деятель науки. Третьим участником был я, студент-пятикурсник. Остатки триасовых позвоночных на горе Большое Богдо довольно редки и обычно фрагментарны; но Борис Павлович, как всегда, был удачлив в своих поисках. Он обнаружил крупный

череп трематозавридной амфибии, рядом с которым раскопавший его В. Г. Очев нашел также и нижнюю челюсть более молодой особи. Эти находки стали темой моей дипломной работы, а затем и одной из двух первых публикаций.

*Б. П. Вьюшков в экспедиции на р. Мезень
(Архангельская обл., апрель 1956 г.)*

Здесь необходимо вернуться немного назад. Я познакомился с Б. П. Вьюшковым в начале 1955 г, будучи второкурсником МГУ, по рекомендации директора ПИН АН СССР и заведующего нашей кафедрой палеонтологии академика Ю. А. Орлова, которому я сообщил о своем желании специализироваться по ископаемым позвоночным. Юрий Александрович, жизненный опыт которого подсказывал не поощрять таких намерений у студентов («за позвоночных никто не платит!»), сначала меня отговаривал, но потом все же сказал: «Что ж, если голова у вас есть, попробуйте». И объяснил, к кому обратиться.

Б. П. Вьюшкова я впервые увидел на заседании Московского общества испытателей природы, где он делал сообщение о новых находках триасовых позвоночных в СССР. Одной из них был найденный геологами в Башкирии клык крупного дицинодонта. Помню, как Борис Павлович неторопливо достал из портфеля этот образец, завернутый в мятую газету. Другим предметом сообщения было сенсационное открытие в бассейне р. Ветлуга странной батрахоморфной амфибии — тупилякозавра, имеющей необычные для этой группы диплоспондильные позвонки и незадолго перед этим описанной из триаса Гренландии. В западной литературе того времени живо обсуждался вопрос о том, не является ли эта

форма предком ихтиозавров. В нашей стране изолированные позвонки тупилякозавра (как потом выяснилось, попадавшиеся геологам и раньше) еще долго принимали бы за рыбы, если бы они вовремя не попали на стол к Б. П. Вьюшкову, внимательно следившему за всеми новыми публикациями по палеонтологии ранних тетрапод. В конце заседания, когда слушатели стали расходиться, я представился докладчику и обратился с просьбой дать мне возможность работать над ископаемыми амфибиями под его руководством.

С тех пор в течение трех лет Борис Павлович был моим наставником. Он руководил двумя моими курсовыми работами и фактически — дипломной работой, до защиты которой он не дожил совсем немного. Все коллекции для моих исследований были предоставлены им и большей частью им же и добыты. Благодаря Б. П. Вьюшкову, старый Палеонтологический музей на Большой Калужской, дом 16 (ныне на Ленинском проспекте) стал для меня почти вторым домом. Ведь сама возможность заниматься ископаемыми позвоночными была для меня осуществлением давней мечты; и помню, что каждый раз я приходил в музей с ощущением праздника. Борис Павлович с готовностью показывал мне все, что могло меня заинтересовать, включая и самые новые находки. Он договорился, чтобы мне было позволено работать допоздна, когда все сотрудники уже уходили, и в демонстрационном зале гасился свет (я пробирался к выходу в темноте, нащупывая проходы среди тесно поставленных витрин и скелетов). Ко всему этому надо добавить, что три первые для меня экспедиции, связанные с раскопками древних позвоночных, были также организованы Борисом Павловичем, и в двух из них я имел возможность работать вместе с ним. Как уже сказано выше, он был удивительно удачливым «охотником за ископаемыми».

Эти подробности, может быть, имеют больше отношения к биографии автора, нежели к освещению жизненного пути Б. П. Вьюшкова. Но мне трудно не упомянуть о них, вспоминая о человеке, который сыграл ключевую роль в том, что моя научная судьба сложилась в согласии с моим собственным выбором.

Борис Павлович был высоким, физически крепким и спортивным человеком. Вместе с тем в нем была какая-то угловатость, и это ощущение, видимо, больше всего исходило от крупных, как бы грубо высеченных черт его лица и крупных кистей рук. Он был близорук и носил очки. В его поведении преобладала серьезность. Естественно, он мог пошутить или рассказать анекдот, и даже писал сатирические тексты; но все равно веселое настроение не было ему свойственно. Так же серьезно, как и ко всему, он относился и к моим палеонтологическим изысканиям. И хотя он в них почти не вмешивался (чаще просто смотрел, что у меня нового сделано), у меня было ощущение, что и я тоже выполняю часть какого-то серьезного общего дела, за которое несу свою долю ответственности.

В характере Бориса Павловича так же бросались в глаза угловатость и негибкость — черты, которые сильно осложняли его жизнь. Профессор В. Г. Очев вспоминает о нем в своей замечательной книге «Тайны пылающих холмов»: «Б. П. Вьюшков был очень добр, но вместе с тем отличался большой принципиальностью, бескомпромиссностью, крутым и вспыльчивым нравом. Неуравновешенность сочеталась в нем с быстрой отходчивостью. В жизни его было много конфликтов». Так оно все и было. Могу добавить, что он, возможно, не всегда был справедлив в оценке других людей или их высказываний. Я не судья ему и понимаю, что причин здесь могло быть много — от вполне еще юношеского самолюбия и максимализма до хронической жизненной неустроенности. О последней стоит сказать отдельно.

В Москве Борис Павлович был по существу одинок. Не знаю, были ли у него здесь вообще близкие друзья. Конечно, И. А. Ефремов, которому он был глубоко предан, старался поддерживать своего ученика и, когда нужно, ходатайствовал за него (несколько таких обращений в дирекцию сохранилось в архиве), но это, видимо, был другой уровень отношений. Служебная карьера ученого развивалась не гладко. При всех его выдающихся заслугах он почти до самых последних лет оставался младшим научным сотрудником; зато успел получить строгий выговор по случайному стечению обстоятельств. Но самое главное, что с момента окончания аспирантуры у него не было постоянного жилья.

Сохранилась недатированная копия (или, может быть, черновик) письма Б. П. Вьюшкова к тогдашнему президенту АН СССР академику А. Н. Несмеянову, в котором ученый подводит итог своим тщетным попыткам как-то решить жилищный вопрос с помощью Академии наук. Почти определенно это письмо написано в конце 1957 г. Как видно из текста, вначале были обращение к тому же А. Н. Несмеянову и даже положительный ответ от него; после чего приходили различные отписки чиновников. Сперва с обещаниями, потом все более туманные и наконец — решительный отказ. О себе Б. П. Вьюшков пишет, что ведет скорее жизнь беспризорника, чем научного работника.

Горечь и усталость от бессилия что-либо изменить неожиданно прорываются в тексте последней служебной автобиографии Б. П. Вьюшкова, торопливо и безразлично написанной в марте 1958 г., накануне финала его жизненного пути. Очень кратко перечислив вехи своей научной деятельности, он далее пишет: «С момента окончания аспирантуры по настоящее время не имею постоянного места жительства, более 6 лет снимал углы; одно время почти год находился без прописки и ночевал

Осталось вспомнить немного. В начале мая 1958 г. я пришел в Музей, чтобы, наконец, показать Борису Павловичу законченный текст моей дипломной работы. Дверь его кабинета оказалась опечатанной. На мой недоуменный вопрос кто-то из встретившихся мне ответил, что Б. П. Вьюшкова больше нет. Эти слова прозвучали как что-то нереальное, мой разум отказывался их воспринять.

Из того что я в итоге узнал от сотрудников института, сохранились в памяти лишь обрывки. Накануне, вместе со своими знакомыми, Б. П. Вьюшков отмечал майские праздники в каком-то общественном месте (кажется, это было кафе). Среди других посетителей вспыхнул острый конфликт, который Б. П. Вьюшков попытался погасить. Кончилось тем, что была вызвана милиция и она забрала всех участников происшествия, не разбираясь, кто прав, кто виноват. Нужно было знать взрывной характер Б. П. Вьюшкова, его нетерпимость ко всему, что он считал несправедливым, чтобы представить, как он должен был отреагировать. И чем это должно было для него кончиться. Согласно официальному сообщению из милиции, о котором я знаю только с чужих слов, Борис Павлович, будучи туда привезен, якобы бросился в пролет лестницы (или из окна) и разбился насмерть. Из тех, с кем я общался, никто этому не верил.

...Через несколько дней вместе с коллективом института я участвовал в прощании с Борисом Павловичем. На его лицо страшно было смотреть, лежавший на нем грим ничего не мог скрыть. И, кажется, все было понятно.

Насколько я знаю, никакого расследования обстоятельств гибели Б. П. Вьюшкова не было. Да и кто бы стал этим заниматься. Иностранцы коллеги, имевшие контакты с лабораторией низших четвероногих, узнали о происшедшем еще меньше, чем мы. В предисловии к вышедшей в 1960 г. работе

Фридриха фон Хюне с описанием архозавра из Оренбуржья, названного немецким ученым Вьюшковым трипликостата, он пишет, что назвал его «в память московского коллеги доктора Вьюшкова, ставшего в прошлом году жертвой несчастного случая в спорте» (im Andenken an den im vorigen Jahr einem Unfall beim Sport zum Opfer gefallenen Moskauer Kollegen Dr. Viushkov).

В августе 1958 г. я был зачислен в Палеонтологический институт, и моим рабочим местом стал кабинет Б. П. Вьюшкова. Я сидел за его столом; рядом на полках еще долго лежали материалы, отобранные им для диссертации; за моей спиной стоял его книжный шкаф (он и сейчас в моем кабинете). А я по-прежнему не мог поверить, что Бориса Павловича больше нет.

Приход дальнейшего пополнения в нашу лабораторию значительно задержался; и когда в ней появились более молодые сотрудники, то для них Б. П. Вьюшков был уже далекой историей. Но и сегодня наша повседневная работа во многом опирается на результаты его пионерских исследований. Признанием его заслуг перед наукой может служить факт, что именем Б. П. Вьюшкова названо около 10 родов и видов древних тетрапод, открытых в нашей стране. Это был действительно выдающийся исследователь. И кто знает, сколько было бы им сделано еще, если бы судьба его сложилась иначе.

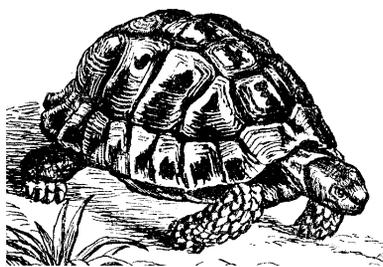
М. А. Шишкин

**МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ
ГАЛИЧЕНКО**

1948–2000

12 апреля 2000 г. в возрасте 52 лет ушел из жизни Михаил Владимирович Галиченко. Сегодня, спустя три года после безвременной кончины Михаила, горечь этой утраты остается для всех его друзей и коллег столь же острой, как и в тот дождливый апрельский день, когда мы прощались с ним навсегда.

Путь Михаила к профессии герпетолога оказался долгим и непростым. После окончания средней школы в г. Днепропетровске он поступил в техникум, где получил специальность мастера по холодильным установкам. Здесь им были приобретены важные технические навыки, которые спустя много лет сделали Михаила совершенно незаменимым во всех тех ситуациях, когда у его коллег-орнитологов опускались руки при неожиданной поломке диктофона или при отказе бензонасоса экспедиционного автомобиля.

Впрочем, в те годы юности деятельность в роли инженера оказалась Михаилу не по душе. После долгих скитаний по стране он оказался в Москве, где в возрасте 26 лет устроился в виварий Института переливания крови на должность рабочего по уходу за животными. Общительный, целеустремленный характер Михаила вкупе с его подспудным желанием заняться исследовательской работой вскоре привели его в Лабораторию биоакустики Института эволюционной морфологии и экологии животных (ИЭМЭЖ). Здесь он первоначально работал инженером в группе по изучению гидродинамики дельфинов, а затем вошел в состав коллектива, занятого исследованиями механизмов коммуникации у птиц. Одновременно Михаил проходил курс заочного обучения по специальности биология в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской.

Диплом об окончании института был получен Михаилом в 1979 г., когда его возраст перевалил уже за третий десяток.

Именно в эти годы зрелости и состоялась первое знакомство Галиченко с теми животными, изучение которых оставалось затем смыслом его существования до самых последних дней этой преждевременно прервавшейся жизни. Я имею в виду черепах, особенности образа жизни которых, диктуемые своеобразием их строения, сразу же поразили Михаила своей явной нестандартностью на фоне всего животного царства. Это непреходящее удивление перед причудливостью тех путей, которыми подчас движется эволюция, присутствовало во всех рассказах Михаила о его любимых черепахах, выдавая в нем натуралиста волей Божией.

Первым объектом исследований стала степная черепаха, популяционной структурой и социальным поведением которой Михаил заинтересовался во время орнитологической экспедиции Лаборатории биоакустики в Бадхыз в 1976 г. Тогда нам стало ясно, насколько благодарной моделью могут быть сухопутные черепахи в плане долговременного изучения паспортризованных популяций. В этот год и в следующий мы метили черепах индивидуально, нанося номера масляной краской на поверхность карапакса.

В дальнейшем Михаил посвятил себя комплексному исследованию краснокнижного изолированного подвида средиземноморской черепахи, обитающего на Северном Кавказе. Эта работа проводилась на протяжении 14 лет (1982–1996 гг.) в окрестностях биостанции ИЭМЭЖ на Малом Утрише (северо-восточное побережье Черного моря). За это время на экспериментальном участке были индивидуально помечены 276 особей, из которых 51 были в дальнейшем пойманы повторно (максимально — до 4 раз).

Мечение проводилось путем нанесения зарубок на панцирь, а также с помощью телеметрии. Здесь-то Михаилу особенно пригодились его технические способности. Он сам разработал

оригинальный способ компоновки миниатюрных радиопередатчиков, такой способ их крепежа на карапаксе, который устранял возможность потери черепахами этого устройства при уходе животных в норы (в частности, в период зимней спячки).

В ходе этого исследования удалось собрать совершенно уникальный материал по индивидуальной и возрастной изменчивости черепах, по поло-возрастной структуре и пространственной организации изученной популяции, а также по продолжительности жизни этих рептилий в природе. Достаточно сказать, что при каждой поимке стандартным образом регистрировались 40 параметров, касающихся в основном размеров животного и конфигурации его панциря. Множество ценных сведений было получено по особенностям питания и по другим сторонам аутоэкологии вида. Немало внимание было уделено также вопросам таксономии изученного вида и его положению среди прочих видов сухопутных черепах Старого Света. В частности, сопоставление фенотипического состава популяции Малого Утриша с соответствующими данными по другой популяции, исследованной Галиченко в Дагестане (Каспийское побережье Кавказа, дельта р. Самур), позволило высказать гипотезу о возможности существования в прошлом потока генов между средиземноморской и степной черепахами.

Весь этот грандиозный материал Михаил свел в единую компьютерную базу данных, которая должна была послужить основой его кандидатской диссертации «Сухопутные черепахи юга России и сопредельных территорий (экология и проблемы охраны)». К несчастью, мучительная болезнь, под гнетом которой Михаил прожил последние месяцы, не дала ему возможности реализовать задуманное.

Е. Н. Панов

ВОСПОМИНАНИЯ

Михаил Владимирович Галиченко родился 1 января 1948 г. Он был единственным сыном, любимым внуком и прирожденным диссидентом, отличаясь с ранних лет повышенной критичностью отношения к любым суждениям и событиям.

Не так часто приходилось слышать о людях, которых пытались исключить из второго класса школы за критику политики партии. Иногда мне кажется, что читать, думать, наблюдать, анализировать, систематизировать свои знания — это и было основой его существования, тогда как все прочее служило только фоном, хотя порой на редкость ярким и сложным.

Друзья, женщины и дети составляли второй базовый пласт его интересов. Не то чтобы все эти люди могли основательно усесться ему на шею. Скорее они находились под постоянной и активной опекой: основные тенденции все время отслеживались Михаилом, но при всей его снисходительности взаимодействия с этими категориями лиц строились порой достаточно жестко. Вместе с тем все периодически кипело, завихрялось, обсуждалось по телефону, перевозилось, чинилось и перераспределялось с потрясающей интенсивностью.

Собаки, лошади и другие животные входили в круг его интересов с детства. Знакомства, приобретенные Михаилом на этой почве, в конечном итоге привели его в ИЭМЭЖ, где он с 1975 г. работал в лаборатории биоакустики — сначала по модной в то время дельфиньей тематике, а затем в группе по изучению коммуникации у птиц и рептилий. Экспедиция 1976 г. впервые столкнула его с сухопутными черепахами — объектом, впоследствии навсегда завладевшим его вниманием.

В экспедициях всегда очень ярко проявлялись организаторские и дипломатические способности Михаила. Каждый раз его деятельность имела тот результат, что все местное население (вплоть до важных и не всегда бескорыстных ме-

стных властей) с энтузиазмом подключалось к организации нашего экспедиционного быта и всячески помогало в сборе материала.

Обладая бесспорным личным бесстрашием, Миша тем не менее уделял большое внимание вопросам коллективной безопасности («Не боятся только дураки», говорил он), прогнозированию возможных конфликтных ситуаций и поиску способов их избегания. Почти во всех случаях ему удавалось «понизить градус» и сложную ситуацию перевести в русло вполне разрешимой.

Наиболее комфортно в его обществе всегда чувствовали себя женщины, дети и собаки, которые оценивали происходящее на подкорковом уровне, не будучи отягощенными комплексами по поводу чужого лидерства. Что касается мужчин, то они при первом знакомстве с Михаилом инстинктивно испытывали определенную настороженность и успокаивались лишь после того, как убеждались в отсутствии открытой агрессивности с его стороны. Михаил достигал этого, подчеркнуто демонстрируя всемерное уважения к основам сложившейся местной иерархии.

В научной деятельности Михаила в наибольшей степени привлекали методические аспекты и инструментарий. Личная независимость во всех ее проявлениях всегда ценилась им выше любых соображений карьеры. В результате крайний педантизм и ответственность при работе с первичным материалом сочетались с острым нежеланием представлять печатную продукцию до тех пор, пока качество материала и текста не станут удовлетворять самого автора. При этом никакие громы и молнии со стороны начальства, настаивающего на предоставлении статьи в заранее запланированные сроки, никакого эффекта не оказывали, как не помогали и просьбы со стороны тех, кого он уважал и любил.

В одном из таких эпизодов последовали «оргвыводы». И процесс движения вперед по научной стезе еще более затормозился в связи с поисками такой новой работы, которая не мешала бы Мише продолжать изучение черепах. Работа была найдена (переводы с английского), что на какое-то время позволило продолжить научные исследования на собственные, весьма скромные доходы.

Представая иной раз перед людьми таким весельчаком с гитарой, душой любого общества, Миша в действительности был очень скрытным. И в самом деле, на поверхности оказывалось далеко не все, что созревало в глубинах его души и сознания. Как-то раз я в качестве технического редактора помогала ему при подготовке статьи на неожиданную для меня, в сущности чисто философскую тему. В ней Миша анализировал, в чем состоит сходство науки и искусства и в чем — различия между ними. Эта его работа поразила меня нестандартностью подхода и удивительной точностью формулировок. Не помню, почему статья не была опубликована: кажется, институтский сборник, для которого она предназначалась, не состоялся. Но до сих пор я крайне сожалею, что не сохранила для себя черновиков этой работы.

Яростным свободолобием Михаила определялось, на мой взгляд, и его стремление владеть самыми разными инструментами, а также знанием методов решения любых технико-бытовых и ремонтных проблем. «Вы не застанете меня врасплох» — на этой основе строились все его отношения и к людям, и к обстоятельствам. Именно так я объясняю отказ Михаила от курения. По его собственным словам, он бросил курить после того, как однажды обнаружил, что отсутствие сигарет делает его зависимым от внешней ситуации.

Н. Г. Костина

ВОСПОМИНАНИЯ

Панихида проходила в Елоховском соборе. Отпевание затянулось надолго. Вот и появилась возможность сосредоточиться после нескольких дней полной растерянности от полученного известия. Только здесь я узнал от вдовы Миши о его страшных мучениях на протяжении последнего года. Он не хотел посвящать в свои страдания даже ближайших друзей. А муки, которые ему пришлось принять, были поистине ужасны.

Впервые я встретился с Михаилом в 1980 г., когда нас познакомил Е. Н. Панов. Я увидел статного молодого человека с одухотворенным энергичным лицом, которое чем-то напоминало лик папуаса. Шапка волнистых волос и курчавая борода, глубоко посаженные глаза, светившиеся добротой. Когда что-нибудь увлекало Мишу в споре, голос его мог звучать оглушительно, что существенно подкрепляло силу приводимых им аргументов.

Мы очень быстро нашли общий язык в профессиональной области. Но гораздо удивительнее, что вопреки разнице в возрасте, происхождении и воспитании немало общего оказалось и в наших взглядах на окружающую действительность. Мне и по сию пору не вполне ясно, каким образом столь во многом совпали наши интересы и пристрастия.

Миша прекрасно играл на гитаре. В те годы мы особенно трепетно относились к бардовской песне и меня поразила Мишина манера исполнения песен Александра Галича. Никакая любительская пленка тех времен не могла сравниться с Мишиным исполнением. Так мог петь только человек, пропустивший содержание песен не только через ум, но и через сердце.

Михаил вообще был очень музыкален. На любом старом, расстроенном фортепьяно он виртуозно импровизировал джа-

зовые мелодии. Когда мы спрашивали его, как ему это удается, он отвечал: «Просто надо нажимать на нужные клавиши, и не трогать ненужные...».

Но, разумеется, больше всего нас сблизил общие интересы в изучении сухопутных черепах. Галиченко начал изучать их в Средней Азии, а затем перенес свои исследования на Кавказ, где я занимался биологией средиземноморской черепахи с конца 1970-х годов. Наши подходы к проблеме несколько различались в деталях, но цели были определены одинаково. Экспедиция Проблемной лаборатории при Педагогическом институте им. Ленина, в составе которой был и я, вела исследования в нескольких точках в окрестностях Новороссийска. Что касается Михаила, то его охват территорий был гораздо шире: он успевал работать и на Черноморском побережье под Анапой (в районе Малого Утриша), и на побережье Каспия в дельте Самура.

Михаил скрупулезно занимался мечением особей различными методами. В 1982 г. для прослеживания индивидуальных судеб черепах он впервые применил телеметрию. Из подручных средств были сконструированы миниатюрные передатчики, которые оригинальным образом крепились к карапаксу, а также приемная антенна, позволяющая обнаруживать животное с расстояния до полукилометра. В сочетании с традиционным методом мечения (надпилы на краях панциря) это позволило детально разобраться в вопросе о том, как средиземноморские черепахи утилизируют различные биотопы в районе мыса Малый Утриш.

Спустя несколько лет после начала этих исследований были сделаны следующие выводы. Большинство черепах жило стационарно на протяжении всего годового цикла; они использовали небольшие индивидуальные участки и в силу этого получили название «оседлых». Кроме них на экспе-

риментальном участке площадью 6 га появлялись животные, которые оставались здесь сроком до нескольких месяцев, но затем исчезали.

Именно радиопрослеживание помогло разобраться в характере перемещений черепах, покидавших экспериментальный участок. Удалось выделить три разные типа использования пространства такими особями. Первый из них — «рейдовый», при котором черепаха однажды пересекала участок и больше никогда и нигде не была встречена ни в его пределах, ни вокруг него. Другие особи, пребывавшие на участке до года, затем обнаруживались за километр и далее от него. Наконец, существовала категория черепах («транзитные»), которые вообще не задерживались подолгу ни на площадке, ни в других местах, находившихся под наблюдением. У особей двух последних категорий не было обнаружено никаких пристрастий к тем или иным станциям. Во время дальних перемещений некоторые из них попадались неподалеку от берега моря и даже заходили в воду. Здесь было замечено, что у самого уреза воды черепахи подчас кормились падалью.

Поскольку Михаил пришел к выводу, что максимальный срок жизни средиземноморской черепахи может составлять 55 лет, не исключено, что в окрестностях Малого Утриша и по сию пору бродят помеченные им особи. Последний раз животное с передатчиком было встречено здесь в 1999 г., за год до Мишиной кончины.

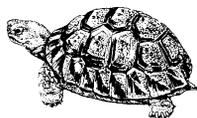
К сожалению, большая часть материала, собранного Галиченко, осталась необработанной. В обстоятельствах перестроенного и последующего периодов вести полевые исследования еще удавалось, а вот на обработку материалов времени и возможностей не оставалось.

Михаилу все же удалось обработать материал, собранный им в Дагестане и оформить его в две статьи, из которых опубли-

кована была лишь одна. Результаты, приведенные в этой публикации очень важны и, возможно, приведут к пересмотру наших представлений о происхождении и систематическом положении черепах, обитающих на пространствах бывшего СССР. Важный видовой признак средиземноморской черепахи, обитательницы Кавказа — это пятипалость. По этому признаку названный вид отличается от среднеазиатской черепахи, имеющей четыре пальца на передних конечностях. Однако в прикаспийском регионе Кавказе многие особи средиземноморской черепахи также имеют четыре пальца. Галиченко совместно с Г. Н. Костиной, всесторонне обследовав популяцию в дельте Самура (126 животных), определили соотношение четырех- и пятипалых особей. В заключении к этой работе сказано, что «...таксономическое значение данного признака является несколько преувеличенным, и он должен очень осторожно использоваться в районах, где возможен контакт между популяциями средиземноморской и среднеазиатской черепахи».

Полученные результаты послужили отправной точкой исследований, которые ныне проводятся мною совместно с дагестанскими зоологами и Институтом биологии гена РАН.

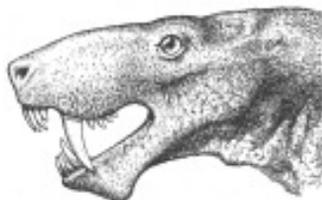
С. Л. Перешкольник

**АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА
ГАРТМАН-ВЕЙНБЕРГ**

1882–1942

Александра Павловна (Паулиновна) Гартман-Вейнберг — выдающийся специалист в области палеонтологии позвоночных. Она окончила I Медицинский институт в Ленинграде. Свою научную деятель-

ность Александра Павловна начала в качестве ассистента на кафедре нормальной анатомии человека при I Медицинском институте. Научные интересы А. П. Гартман-Вейнберг имели сравнительно-анатомическое направление, что нашло отражение в ее работе, посвященной строению симпатической нервной системы у обезьян (1926 г.). Позднее Александра Павловна заинтересовалась палеонтологией позвоночных животных и начала работать в Северодвинской галерее при Геологическом музее Академии Наук СССР в Ленинграде. Здесь она продолжила изучение знаменитой северодвинской фауны древних рептилий и амфибий, начатое первооткрывателем этой фауны профессором В. П. Амалицким, а затем М. Б. Едемским, П. П. Сушкиным, П. А. Православлевым и другими учеными. В 1927–1929 гг. Александра Павловна провела дополнительные раскопки на верхнепермских местонахождениях на р. Малая Северная Двина, давшие новые интересные материалы по ископаемым позвоночным.

С организацией Палеозоологического института АН СССР в Ленинграде на основе Северо-Двинской галереи и Osteологического отдела Геологического музея АН СССР А. П. Гартман-Вейнберг вошла в число его первых штатных сотрудников наряду с А. А. Борисяком, Ю. А. Орловым, Р. Ф. Геккером. В Палеозоологическом институте Александра Павловна работала с 1930 по 1932 г. — заместителем директора Института (с 1930 по 1931 г.) и заведующей отделом низших позвоночных (с 1930 по 1932 г.), продолжая исследования по

прежней тематике — древним рептилиям и амфибиям. Во многом благодаря ее стараниями во вновь образованном институте среди основных направлений исследований ведущее место заняла и сохраняет палеонтология позвоночных и, в особенности, традиционное для России изучение низших тетрапод перми и триаса. А. П. Гартман-Вейнберг стала также организатором и автором экспозиции Палеозоологического музея, созданного при Институте на основе Северо-Двинской галереи, Osteологического отдела и других палеонтологических коллекций и материалов. Популяризация палеонтологических знаний, научно-просветительская работа (экскурсии, лекции, в том числе для студентов и школьников) сразу стала одним из важнейших направлений работы нового музея. В настоящее время Палеонтологический институт РАН и его Музей, среди основоположников которого была Александра Павловна, является головным научным и научно-просветительским учреждением данного профиля в России, имеющим общемировое значение.

С 1933 г. А. П. Гартман-Вейнберг перешла на работу в Московский государственный университет (почвенно-географический факультет), где по ее инициативе была создана Палеонтологическая лаборатория. Александра Павловна являлась заведующей этой лабораторией с момента ее организации (1935—1940 гг.). Ближайшим помощником и сотрудником Александры Павловны в области изучения древних позвоночных, в издательско-редакционной деятельности и в организации экспедиционных работ был заместитель заведующего лабораторией Ф. М. Кузьмин. В число сотрудников лаборатории также входили профессор Л. М. Кречетович, доцент В. П. Маслов, Ю. М. Залесский, научно-технические работники и аспиранты. Очень быстро новая лаборатория А. П. Гартман-Вейнберг получила все необходимое оборудование, инструменты, аппаратуру, была основана специальная лабораторная библиотека. Благодаря созда-

нию в МГУ такого подразделения были возобновлены палеонтологические исследования, систематическое преподавание палеонтологии и подготовка молодых кадров, надолго прерванные в связи с передачей геологического факультета университета в состав Геолого-разведочного института. Фактически Палеонтологическая лаборатория А. П. Гартман-Вейнберг была самостоятельной научной организацией с широким спектром научно-исследовательской деятельности в области палеонтологии и смежных дисциплин. Как писала Александра Павловна в 1940 г., «основное направление работ лаборатории — биостратиграфическое изучение, главным образом, палеозойских, отчасти мезозойских отложений Союза путем восстановления соответствующих по времени флор, фаун позвоночных и беспозвоночных, энтомофаун, микрофаун, породообразующих организмов».

Экспедиционные исследования лаборатории охватывали многие регионы СССР. Научные труды сотрудников публиковались в специальных периодических изданиях Палеонтологической лаборатории — «Проблемы палеонтологии» и «Этюды по микропалеонтологии». А. П. Гартман-Вейнберг и другие сотрудники лаборатории регулярно читали курсы палеонтологии позвоночных и беспозвоночных для студентов почвенно-географического и биологического факультетов университета. С 1937 г. Палеонтологическая лаборатория МГУ вошла в состав Международной ассоциации палеонтологов. Результаты работы своей лаборатории, в том числе собранные коллекции, Александра Павловна представляла на XVII сессии Международного геологического конгресса в 1937 г. в Москве. А. П. Гартман-Вейнберг видела большие перспективы дальнейшего развития своей лаборатории — «расширение и углубление научно-исследовательской тематики, продолжение пропаганды достижений советских палеонтологов как внутри СССР, так и за пределами его, усиление подготовки кадров

палеонтологов». Во время работы в Палеонтологической лаборатории Александра Павловна опубликовала основные свои работы по палеонтологии позвоночных. В 1935 г. ей было присвоено звание профессора, а в 1937 г. — степень доктора биологических наук без защиты.

С 1940 г. Палеонтологическая лаборатория в МГУ была закрыта и со всеми ее материалами переведена в Ленинградский государственный университет, куда А. П. Гартман-Вейнберг и перешла на работу также на должность заведующей. Однако организационные проблемы и начавшаяся затем Великая Отечественная война не позволили ей развернуть работу лаборатории на новом месте.

А. П. Гартман-Вейнберг была прекрасным организатором экспедиционных работ, поисков и раскопок пермских и триасовых позвоночных на территории Европейской России. Выше уже упоминалось о продолжении ею в 1927—1929 гг. раскопок местонахождений северодвинской фауны (по современной терминологии — соколковский фаунистический комплекс), начатых В. П. Амалицким и М. Б. Едемским. В тридцатые годы XX века Александра Павловна организовала поиски и раскопки пермских и триасовых позвоночных на различных местонахождениях: например, в 1935 г. на верхнепермском местонахождении «Котельнич» на р. Вятка, где были открыты новые формы парейазавров (как сейчас выяснилось, представителей особого котельничского фаунистического комплекса). Особо следует отметить широкомасштабные раскопки на местонахождении «Ильинское» («Сцмин овраг») в Татарии с 1931 по 1938 г., в результате чего была открыта и описана новая фауна позднепермских позвоночных (парейазавры, горгонопсы и другие формы), представляющая особый этап в их развитии (ильинский фаунистический комплекс) наравне с северо-двинской фау-

ной. В памяти местных жителей долго сохранялся образ суровой, строгой пожилой женщины, сидевшей в массивном кресле под зонтиком посреди обширного амфитеатра раскопа в овраге, внимательно наблюдавшей за ходом работ и указывающей палкой с железным наконечником, где копать и куда отвозить в отвал пустую породу десяткам рабочих, трудившимся вокруг с лопатами или возившим по досчатым настилам тачки с песком и глиной.

Область научных интересов А. П. Гартман-Вейнберг включала преимущественно сравнительную анатомию современных и ископаемых позвоночных, морфологию, систематику и эволюцию ископаемых амфибий и рептилий (пермские парейазавры и горгонопсы, пермские и триасовые лабиринтодонты), а также фаунистику и биостратиграфию палеозоя и триаса Восточной Европы. В своей работе по изучению древних позвоночных она использовала не только материалы с территории России, но и не раз выезжала за границу для изучения ископаемых остатков амфибий и рептилий в научных учреждениях других стран, например, в Германию (Геолого-палеонтологический институт и Естественно-Исторический музей при Берлинском университете, Естественно-Исторический музей в Тюбингене), Англию (Британский музей в Лондоне) и т. д. А. П. Гартман-Вейнберг поддерживала научные контакты со многими выдающимися зарубежными учеными, например, Ф. фон Хюне, Д. М. С. Уотсоном и другими.

А. П. Гартман-Вейнберг оставила большое научное наследие, причем наиболее важные результаты получены в области изучения пермских и триасовых тетрапод. Ей принадлежит около 50 публикаций в отечественных и зарубежных изданиях по сравнительной анатомии и по палеонтологии позвоночных, в том числе три монографии по ископаемым рептилиям (1933, 1937, 1938 гг.).

Основные научные работы А. П. Гартман-Вейнберг посвящены пермо-триасовым рептилиям. В первую очередь следует отметить ряд статей и две монографии по парейазаврам (1929, 1930, 1933, 1937 гг.) — загадочной группе позднепермских примитивных рептилий. Александра Павловна подробно описала поздних крупных специализированных парейазавров — скутозавров из материалов северодвинских раскопок (соколковский фаунистический комплекс), а также более древние формы из местонахождений «Котельнич» и «Ильинское». На отечественных и зарубежных материалах она проследила эволюцию всего отряда парейазавров, отметила характерные черты прогрессивной специализации и последовательные уровни морфологической организации, достигаемые представителями этой группы в ходе ее исторического развития. Особенно важны отмеченные ею признаки специализации конечностей и их поясов у поздних парейазавров (скутозавров) — наличие трех крестцовых ребер, модифицированный таз, укорочение кистей и стоп, срастание воедино как карпальных, так и тарсальных элементов. Александра Павловна продемонстрировала значение парейазавров как руководящих ископаемых для биостратиграфии верхней перми, а также для межконтинентальной корреляции.

В последней своей монографии (1938 г.) А. П. Гартман-Вейнберг подробно описала нового горгонопса средних размеров из материалов собственных раскопок на местонахождении «Ильинское» и отнесла его к новому виду южноафриканского рода *Arctognathus*. Она высказала предположения о прогрессивности и близости к цинодонтам и о важной роли в эволюции териодонтов новой формы. Позднее А. П. Быстров переописал этого горгонопса в качестве самостоятельного восточноевропейского рода *Sauroctonus*. А. П. Гартман-Вейнберг считала возраст ильинского фаунистического комплекса с

Sauroctonus самым молодым в перми Восточной Европы, моложе соколковского с *Inostrancevia* с р. Малая Северная Двина. Однако в настоящее время общепризнана противоположная точка зрения — ильинский комплекс предшествует по времени соколковскому.

Ряд работ А. П. Гартман-Вейнберг посвящен пермо-триасовым амфибиям. В статье о панцире сеймуриаморф (в действительности — хрениозухов) Александры Павловны (1935 г.) рассматривала его морфологию как промежуточную по организации между амфибийной и рептилийной. А. П. Гартман-Вейнберг вместе с Ф. М. Кузьминым (1936 г.) описала также ряд раннетриасовых лабиринтодонт с территории Верхнего Поволжья из сборов их экспедиций 1931–1934 гг., а также переописала позднепермского лабиринтодонта *Melosaurus* (1939 г.).

Научные работы А. П. Гартман-Вейнберг явились важным шагом вперед на первых этапах изучения пермо-триасовых тетрапод и их фаун и до сих пор востребованы специалистами по ископаемым позвоночным. За прошедшие десятилетия большинство форм амфибий и рептилий, описанных ею, впоследствии были более подробно изучены и переописаны, уточнен ряд их морфологических признаков; причем в своей работе авторы всех этих публикаций в конечном итоге отталкивались от первоописаний Александры Павловны. Большой заслугой А. П. Гартман-Вейнберг было то, что она, одной из первых (одновременно с И. А. Ефремовым), заложила основы биостратиграфии континентальной перми и триаса Восточной Европы, предприняла попытки расчленения и сопоставления этих отложений, используя древних позвоночных в качестве основных руководящих ископаемых.

Следует отметить, что все коллекции А. П. Гартман-Вейнберг по пермским и триасовым позвоночным (материалы ее

экспедиционных раскопчных работ, типовые и монографические коллекции) после смерти Александры Павловны оставались в Ленинграде и перешли в распоряжение А. П. Быстрова, занявшегося их переизучением, а затем были переданы в Палеонтологический институт АН СССР в Москву, где и хранятся в настоящее время.

Сейчас, многие десятилетия спустя, можно упомянуть один из аспектов научной деятельности А. П. Гартман-Вейнберг и возглавляемой ею Палеонтологической лаборатории МГУ — своеобразное научное соревнование или, скорее, соперничество с И. А. Ефремовым (и, соответственно, с Палеонтологическим институтом АН СССР), преимущественно в области изучения тех же древних амфибий и рептилий из пермских и триасовых отложений. Это соревнование, вероятно, было в числе причин столь высокой интенсивности ее поисковых и раскопчных экспедиционных работ, а также всесторонних исследований и описаний древних ящеров из пермо-триасовых фаун России. Например, имела место взаимная конкуренция в связи с проведением раскопчных работ, в частности, на местонахождении «Ильинское» («Сдмин овраг»). Говорят, Александра Павловна даже судилась с И. А. Ефремовым за право проведения раскопок на этом местонахождении, начатых ею в 1931 г., и выиграла судебный процесс. Затем она, явившись с судебным исполнителем, заняла раскоп и продолжила работы. И. А. Ефремов вынужден был оставить «Ильинское» и начать раскопки близлежащего местонахождения «Ишеево» в Татарии. Даже на страницы научных публикаций иногда выплескивались некоторые резкие личные суждения и оценки. Эти негативные моменты свидетельствуют о реальной жизненной сложности, неоднозначности характеров и взаимоотношений таких ярких, неординарных личностей, как А. П. Гартман-Вейнберг и И. А. Ефремов. Однако течение времени затушевывает и стирает несущественные черты,

и остается самое главное — большой вклад этих выдающихся ученых в развитие отечественной палеонтологии.

Особо следует отметить активную издательскую деятельность А. П. Гартман-Вейнберг и активную роль в основании новых периодических изданий по палеонтологии, что при обычном невнимании власти предрежащей в России к этой важной и интересной науке всегда было сродни подвигу. При ее участии начали издаваться первые тома «Трудов Палеозоологического института АН СССР» (ныне «Труды Палеонтологического института РАН»). Благодаря усилиям А. П. Гартман-Вейнберг были основаны «Проблемы палеонтологии» (международное издание Палеонтологической лаборатории МГУ, к сотрудничеству в котором были привлечены многие известные отечественные и зарубежные палеонтологи) и «Этюды по микропалеонтологии» (также издание Палеонтологической лаборатории МГУ). Александра Павловна была ответственным редактором двух последних изданий, причем до войны ей удалось выпустить пять томов «Проблем палеонтологии» (1936–1939 гг.) и три выпуска «Этюд по микропалеонтологии» (1937–1939 гг.). В «Проблемах палеонтологии» печатались статьи, посвященные описанию ископаемых позвоночных и беспозвоночных, растений, палеопалинологии, биостратиграфии, палеоклиматологии и т. д.; а «Этюды по микропалеонтологии» были специализированным изданием соответствующей тематики.

Необычайная энергия, выдающиеся способности, твердость, властность характера и организационные таланты А. П. Гартман-Вейнберг обуславливали успех ее научной работы, а также деятельности в качестве научного руководителя, организатора и администратора. По типу своей личности она являлась, очевидно, прирожденным лидером, и была строгим, требовательным начальником и научным руководителем, решительно и

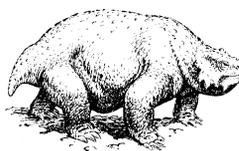
твердо направлявшим работу подчиненных и исправлявшим их ошибки. В затруднительных случаях, имевших место в ходе работы, Александра Павловна смело обращалась во все инстанции, вплоть до В. М. Молотова (с которым, как говорят, они были знакомы лично и даже дружили семьями) и И. В. Сталина. А. П. Гартман-Вейнберг выступала не только в качестве руководителя коллективов отечественных палеонтологов, но и как координатор международных исследований ископаемых организмов. Она постоянно прилагала большие усилия для развития палеонтологии, ее популяризации и повышения значимости как науки, в особенности для повышения престижа российской палеонтологии за рубежом.

По дошедшим до нас воспоминаниям, А. П. Гартман-Вейнберг была убежденной коммунисткой, как и ее муж — деятель международного коммунистического движения.

Заслуги А. П. Гартман-Вейнберг как выдающегося специалиста по ископаемым позвоночным были по достоинству оценены: она удостоилась звания профессора (в 1935 г.), степени доктора биологических наук без защиты (в 1937 г.), и, будучи членом Всероссийского палеонтологического общества (с 1928 г.), — членства в Совете Международной ассоциации палеонтологов (с 1938 г.).

Умерла А. П. Гартман-Вейнберг в блокадном Ленинграде в 1942 г.

Ее незаурядная, яркая личность, ее открытия и достижения в области изучения древних наземных позвоночных заняли достойное место на страницах истории отечественной палеонтологии.

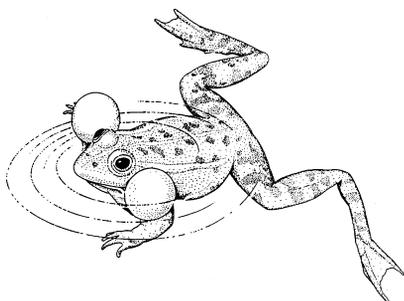

А. Г. Сенников

**МАРИЯ НИКОЛАЕВНА
ДЕНИСОВА**

1918–1991

Мария Николаевна Денисова родилась 16 января 1918 г. в г. Ахтырка Харьковской области. Ее родители были агрономами. Когда в 1920 г. умер ее отец, семья переехала в Москву, где мать работала с 1921 г. селекционером на Контрольной семенной станции НКЗ СССР.

Любовь к животным проявилась у Маруси уже в школьные годы. С 1930 г. она активно участвовала в работе кружка юных натуралистов и в 1933 г. была премирована Городским отделом народного образования за лучшую работу по амфибиям. В 1935 г. Мария Николаевна окончила школу и поступила на Биолого-почвенный факультет МГУ, училась на кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных животных*, которой заведовал ее любимый учитель — профессор Борис Степанович Матвеев.

Особой ее симпатией пользовались жабы. В студенческие годы она пишет о них: «бородавчатые, противные, но очень полезные для человека животные». С интересом слушает Мария Николаевна лекционный курс «Земноводные» А. М. Сергеева, она работает в студенческом кружке биологов-натуралистов, которым руководил Николай Павлович Наумов, став-

* Как следует из дневника Е. В. Карасевой, на IV курсе Маруся Денисова была комсоргом кафедральной группы и выполняла эту работу без особого энтузиазма, что называется «по обязанности». За это иногда она становилась объектом активной критики на комсомольских собраниях со стороны руководящих лиц. Одно из таких собраний проходило в марте 1940 г., когда М. Денисовой сильно досталось от факультетского комсомольского начальства. Насколько это ее расстроило, теперь, видимо, установить сложно, но, вероятно, все же профессиональные интересы и обязанности она ценила выше комсомольских. (Прим. Е. А. Дунаева).

ший ее наставником и другом на всю жизнь. Вместе с Андреем Григорьевичем Банниковым она исследует суточную активность озерной лягушки. Первая ее печатная работа, написанная также совместно с А. Г. Банниковым называлась «Суточный цикл активности озерной лягушки (*Rana ridibunda* Pall.) в условиях Южного Дагестана», вышла она в 1943 г.

Мария Николаевна с отличием окончила Биологический факультет в 1941 г. В 1942 г., в связи с командировкой мужа (А. Г. Банникова) она уехала в Монгольскую Народную Республику, где работала ассистентом на кафедре зоологии Монгольского государственного университета, читала лекции, вела лабораторные занятия и практику, продолжая при этом с особым интересом относиться к амфибиям. Вернувшись в Москву, Мария Николаевна продолжала заниматься земноводными и в 1948 г. совместно с А. Г. Банниковым написала работу о суточном ритме активности *Rana esculenta*. С 1950 по 1956 гг. она преподавала биологию в московской школе № 79. Теперь уже под ее руководством юные натуралисты наблюдали за ростом и развитием головастика, устанавливали зависимости скорости метаморфоза от питания, температуры и других условий. В 1956 г. вышла в свет книга, написанная вместе с А. Г. Банниковым «Очерки по биологии земноводных». Это был первый опыт обобщения сведений по морфофизиологическим особенностям и биологии земноводных, обитающих, главным образом, на территории СССР.

С 1955 г. Мария Николаевна работала на кафедре зоологии Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. В 1958 г. она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Особенности постэмбрионального развития открыто и закрыто гнездящихся птиц и вопросы эволюции типов гнездования». Однако земноводные по-прежнему оста-

ются для нее любимыми животными, теперь уже как темы курсовых и дипломных работ ее студентов.

В многотомной издании «Жизнь животных» Мария Николаевна написала раздел о бесхвостых земноводных, а в соавторстве с А. Г. Банниковым — общий очерк по классам Amphibia и Reptilia. Она была также научным консультантом фильма для детей на стихи Бориса Заходера «Гимнастика для головастика».

А. А. Качанова

ВОСПОМИНАНИЯ

Моя встреча с Марией Николаевной Денисовой была судьбоносной. Она разрешила интересы моего голопузого детства. Тогда, в сороковых годах прошлого столетия, моя летняя ясельная и детсадовская жизнь протекала в пос. Кратово, в пионерском возрасте — в прочих прекрасных местах послевоенного Подмосковья, и здесь единственными развлечениями, заменявшими мне нелюбимых кукол, были лягушки.

И вот в первую же неделю сентября 1962 г., будучи первокурсницей, я узнаю от Марии Николаевны, нашего куратора, что есть возможность заниматься изучением птиц и земноводных! Соперников у меня не было. Через пять лет под руководством Марии Николаевны я защитила диплом по земноводным, чему предшествовал многомесячный сбор материала в период студенческих каникул. Вслед за разъехавшимися на каникулы студентами во все концы страны шли многочисленные письма от Марии Николаевны. В них были и слова поддержки, и наставления научного руководителя, и слова признания в любви к нашим общим подопечным, так, например мне она как-то написала: «Теперь ты, может быть, поймешь мою нежность и приверженность к тем жабьим головастикам, которых я при помощи моих гостей ловила в Москве...».

Материнская забота о нас чувствовалась во всем. На Кольский полуостров, где я мучительно отработывала учителем свой единственный год в школе весной 1968 г. Мария Николаевна писала: «Очень рада, что зеленая тоска окончилась. Ну а стыдно или не стыдно, что она была — это вопрос!.. С учителем, который настоящий, люди бывают откровеннее, и потребность в этой, а не в какой-нибудь другой откровенности в мире, очень велика. Ведь не каждому посчастливится иметь родителей не только по крови, но и по духу. Вот учитель и заменяет всех родителей не по духу». Такое место в нашей жизни занимала Мария Николаевна.

Она так любила весну! Время начала пения птиц. И не дивно ли, что и тогда, как и сейчас, первые лазоревки в Москве запевают в день ее рождения — 16 января. «А весна у нас в полном разгаре. В Москве расцвела сирень. Приезжай скорее домой, твоя М. Н.». И в каждом письме слова поддержки: «...и не можешь ты хотеть заниматься наукой, и не хотеть учить. Это какое-то недоразумение, родившееся потому, что на душе сумерки. И еще. Абсолютно серых людей нет или даже правильнее — серых нет. Нельзя всех мерить своей меркой и судить слишком строго. С одной стороны серый, а с другой горит, как солнце. Человек это всегда интересно. Интересно, как он живет, что думает, какой он в разных поворотах, в ошибках, в подвигах и добродетелях. Нельзя хотеть от него всего сразу и слишком многого. Оглянись, там кругом возле тебя люди. Люди ведь не оттого плохи, что не нашлось кому сказать об этом. И они очень не любят, когда об этом говорят; и того, кто лучше их, вообще не любят, и, пожалуй, они не совсем неправы. Люди, они ведь все-таки люди и из плохих в хорошие их надо выводить деликатно, осторожненько, а если не выводить, то и разговаривать не о чем...».

Пуночка и горихвостка. Это были одни из самых любимых ее птиц. Мария Николаевна всегда просила брать их под «прицел» наблюдения. И мы старались. Круглые сутки записывали с секундомером продолжительность их пения. Взвешивали и измеряли птенцов.

Из писем Марии Николаевны «Зоя (Артамонова) пишет статью про пуночку. Первый (!) вариант уже обсуждали (!). А я все еще мучаю славок... нащупали окончательные подходы и ко всем другим птицам. Получается эталон для всех пишущих из нашей бражки. Может быть все-таки успеем что-нибудь написать более или менее в срок!». Восклицательные знаки выше обозначают, что все рождалось мучительно долго, кропотливо, отшлифовывалась каждая мысль и фраза.

И вот, наконец, для меня там, на Севере, гаснет северное сияние, хоть и красивое, но очень напряженное и всходит солнце. Одно из последних писем мне на Кольский. «Да здравствуют лягушки! Думаю, что кроме всяких головастиковых дел надо обязательно заняться суточной активностью взрослых по наполнению желудков. Должно получиться, интересное при сравнении разных видов между собой и одного вида в разных географических точках. Максимальный индекс наполнения будет разный, а это и есть видовая специфика питания земноводных, которая еще никем не установлена. Этот максимальный индекс наполнения интересно сравнить и у головастиков. А еще надо выяснить, чем отличается активность питания от активности размножения у этих самых древних обитателей суши, чтобы сравнить их с птицами. Одним словом — да здравствуют лягушки!»

Начались первые мои командировки от кафедры зоологии ветеринарной академии, возглавляемой А. Г. Банниковым. И снова письма Марии Николаевны на север, юг, восток. «Дорогая Н., квакши замечательны. И люди о них знают чрезвычай-

но мало. Изучай, изучай! О них важно знать все в плане монографическом, включая и фенологию, и всякие описания, просто описания, а не как у нас принято. Активность надо сделать на все лады, и по желудкам, и по учетам, и по песням. Где они сидят днем? И т. д. Они одни стоят того, чтобы жить в Дагестане». Это лето 1974 г.

Милая Мария Николаевна! Любимее и дороже многих родных. Она сделала нашу жизнь. Из писем: «Тишина лесная — благодать! Очень прошу, не нарушайте ее, берегите. Что залив подо льдом, меня тоже радует, потому что я не успела вам сделать категорическое заявление — никаких путешествий по морю, даже по самым важным делам. Вы мне нужнее на земле, чем на дне морском» (письмо в Пояконду 1965 г.). «Сегодня посмотрела вокруг на Сокольнический парк и блики солнца на нем какими-то прежними глазами. Ну и закапали слезы». Будучи тогда, в 1969 г., тяжелобольной, она прожила еще 22 года творческой жизни, подготовив к защите пять диссертаций. Под руководством Марии Николаевны издано более 20 статей по амфибиям — ее любимой тематике.

Н. В. Муркина

ВОСПОМИНАНИЯ

Первая встреча с этим удивительным человеком произошла, когда нам, будущим аспирантам, а тогда первокурсникам Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской, представили Марию Николаевну как куратора: спокойная мудрая, немного грустная. От нее исходило тепло, как теперь говорят, положительная энергия такой силы, что с первой этой встречи мы знали к кому обращаться за любой помощью, с любым вопросом.

Следующее впечатление — от лекций и практических занятий: знание и логика во всем, увлеченность своим предметом,

чувствовалось ее желание увлечь и нас; речь красивая, образная (без слов сорняков) казалась такой простой и доступной, что мы как бы не замечали ее научного стиля и легко усваивали сложную терминологию. Продолжительные, с интенсивной нагрузкой лабораторные занятия с Марией Николаевной воспринимались как короткая дружеская беседа. Мы удивлялись, что, оказывается, за это время не только справились с заданиями, но успели и отчитаться, получить оценки.

А как она умела находить подход к каждому студенту! Она была педагог и воспитатель с большой буквы — о нас она знала почти все и составляла собственный психологический портрет каждого студента и почти никогда не ошибалась. К ней тянулись все. Не удивительно, что уже на первом году учебы ближе к весне вокруг Марии Николаевны образовался кружок любителей земноводных и птиц. Мы часто выезжали на природу, не замечая на экскурсиях ее полноты и возраста. Она вела нас за собой по лесу, вводила в мир звуков и красок, учила отличать птиц не только по характерной песне, но по любому звуку, щебету, не говоря о поведении, местах гнездования и прочем. Ее знания переливались в нас без давления, легко и естественно. На любой вопрос мы получали ответ. Знания Марии Николаевны в области биологии казались нам безграничными.

В конце первого года обучения на одном из собраний группы Мария Николаевна предложила желающим поехать на лето в Кандалакшский заповедник (она уже договорилась с его руководством даже об оплате нам дороги). Энтузиасты нашлись сразу же, многие из них с того времени приобщились к экспедициям, четверо из нас в дальнейшем стали ее аспирантами и защитили диссертации под руководством Марии Николаевны. Общение продолжалось и в послеаспирантские годы. Скромность и любовь к своей профессии, ученикам, семье, да просто к людям, отличали ее. Но Мария Николаевна бывала и беском-

промиссной, если дело касалось творчества, идеи, научной работы. Многие вопросы обсуждались совместно с группой аспирантов. Помню, пришел кто-то с новыми, неординарными идеями и трактовками — все возбуждаются и радуются находке, после одобрения Марии Николаевны ушли в эйфории. На следующий день она вызвала автора идеи и заявила: «Это никуда не годится». Она сутки думала, проверяла, сопоставляла и вынесла вердикт, противоположный ранее высказанному. Мы обижались, спорили, отстаивали свои находки, но постепенно убеждались в ее правоте. То, что выходило из-под пера Марии Николаевны, можно было принимать априори — здесь все было выверено и отшлифовано. Она была мудро мыслящим человеком, философом. Все ее ученики, спутники жизни, друзья понимали это, уважали ее и очень любили.

З. В. Артамонова

НАСТАВНИЦА

Мария Николаевна Денисова не совсем и не столько моя наставница в современной биogeографии или географической биологии. Потому что она — моя бабушка, хотя и не совсем настоящая. Она стала ею, когда уже в пожилом возрасте была очарована пением нашего деда Николая и вышла за него замуж. Может быть, это был и опрометчивый поступок, но мы ее понимали — обаяние деда покоряло женские сердца в любом возрасте.

Бабушек у меня хватало, поэтому я не очень бы обратила на нее внимание, если бы она, вместо обычного для ее возраста носителя нравочений для молодой девушки, не стала для меня наставником в сфере человеческих отношений, жизненной философии. Она была педагогом, как говорят, от Бога. Никогда не забуду ее мягкую очень интеллигентную манеру чтения лекций. Это была скорее беседа на животрепеющую

тому, предложение участвовать в размышлении, о проблемах мироздания, в котором нет ничего второстепенного, незначительного. Каждый зверь, каждая птичка, своим поведением — песнями, выбором пищи, постройкой гнезда — внимательному взгляду могут многое сказать... Например, почему юрок так громко и много поет на берегах Оби, а ближе к Европе исчезает и сменяется зябликом.

Для меня лекции Марии Николаевны были первыми уроками, заставлявшими меня задуматься о том, кто именно так поселил на Земле животных, почему сибирские жарки ярче подмосковной купальницы, а юрки поют почти такую же песню, что и зяблики под Москвой, но звонче и веселее. До этого я запутывалась в аргументах типа «влияет тепло, свет, влажность».

Я не стала ни учителем, ни биологом, почему же я поминаю в своих молитвах Марию Николаевну как наставницу. Я бывала в ее доме и в качестве внучки, и в качестве студентки, писавшей курсовую работу о питании лягушек. Меня поражала атмосфера большой семьи, в которой бабушка, ее дети, внуки и прочие родственники спокойно перемешивались со студентами и аспирантами и учениками. Когда я попадала в этот дом, то всегда задавала себе вопрос, где же тут живут хозяева? Сплошные книжные полки, письменный стол и кушетка, на которой обычно возлежала тогда уже болевшая Мария Николаевна. Посредине комнаты — большой письменный стол, за которым шло перманентное чаепитие. За этим столом обсуждали семейные проблемы, планировали темы диссертаций и курсовых, праздновали дни рождения, поминали усопших. У деда Николая в этой комнате были только цветы на окнах и письменном столе и фотоаппараты, у Марии Николаевны — книги. Вот и все житейские материальные подпорки. А всю притягательную силу дома для нас составляли только жизнерадостность и радушие хозяйки дома.

Она умела передавать нам всем свою жизненную философию, умение не унывать, не закрываться от людей, от жизни ни при каких обстоятельствах. Она была счастливой, хотя по житейским меркам у нее ничего не было. Позднее, когда я уже работала в Университете дружбы народов лаборантом, Мария Николаевна читала там лекции. Кому-то из наших лаборантов пришлось поехать к Марии Николаевне домой. Я улыбалась про себя, слушая, как молодая женщина недоуменно рассказывала о том, что она увидела в доме: «Надо же, дом профессора. Но у них же ничего нет, кроме книг».

Да, у нее ничего не было в квартире, но была любящая открытая всем душа и голова, полная идей. Вот нужно писать курсовую. Вообще не знаю ничего про этих лягушек, кроме того, что они квакают и весной откладывают икру. Прихожу к ней немного напуганная — наверное, будет спрашивать о плане работы. Куда там — я сказала только первое слово «лягушка». Дальше потекла река. Это именно был не рассказ, а река. В ней было все. Лягушки там даже как-то потерялись. Я начала понимать, зачем вообще все это — мы целая армия студентов, аспирантов, преподавателей разлетаемся с ранней весны до поздней осени по стране и слушаем птичек, считаем лягушек, вскрываем желудки головастиков и смотрим: ну, что же они все-таки кушают? Все это только для одного — установить очаги, из которых распространялась жизнь по Земле. Мария Николаевна умела так рассказать, что потом много лет ты работал на эту идею и мог, ночью разбуди, объяснить, зачем все это время ловил, препарировал, резал, взвешивал, считал.

Е. В. Кирсанова

ВОСПОМИНАНИЯ

Спустя много лет пытаюсь понять, какие свойства характера Марии Николаевны притягивали к ней ее учеников — людей разных поколений.

Внешне она ничем не выделялась: простое, какое-то даже «домашнее» лицо, добрая улыбка, лучистые серые глаза, неизменная коса седеющих волос вокруг головы. Она читала лекции спокойным голосом, будто беседуя. При этом Мария Николаевна никогда не пользовалась никакими записями: у нее их просто не было. Помню какое удовольствие получали мы от ее лекций по зоологии позвоночных и дарвинизму в пединституте. Это были не просто лекции, это были научные изыскания, во время которых каждый из нас неминуемо включался в творческий процесс познания закономерностей жизни животных. При этом Мария Николаевна умела сложные понятия передать простым и вместе с тем научным языком, выстраивая факты в такой логической связи, что нам, тогда еще не искушенным в биологии второкурсникам, ничего не оставалось, как делать выводы, радуясь своей «сообразительности». Самыми важными были не факты сами по себе, они подавались как будто для тех мыслей, которые заставляли слушателей их развивать и приходиться к самостоятельным выводам.

После ухода на пенсию Мария Николаевна совместно со своей ученицей и коллегой В. И. Подаруевой подготовила к публикации свои лекции («Зоология с основами эволюционного учения», 1982 г.). Видимо, именно это постоянное совместное творчество, которое инициировала Мария Николаевна, и притягивало к ней ее учеников навсегда.

Общение с М. Н. Денисовой было для нас подобно допингу, будившему наши «сонные» мозги и каким-то чудесным образом возвышавшему каждого из нас в собственных глазах. Нас всех объединял интерес к географической изменчивости

суточной и сезонной активности поведения и физиологических ритмов позвоночных. Мы думали, спорили, творили, росли над собой. Ради этого творчества нас постоянно тянуло в дом к Марии Николаевне. После ее кончины в 1991 г. в память о любимом учителе и наставнике мы ежегодно приезжаем в ее дом и сейчас, в день ее рождения — 16 января.

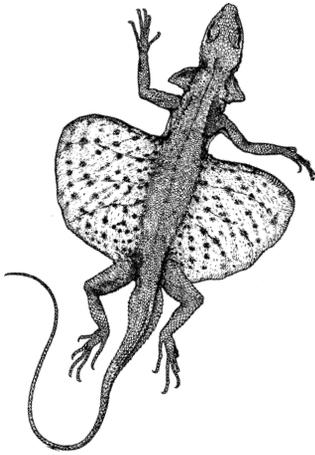
*Л. В. Савохина,
В. И. Подаруева*

**ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ
ЕЛПАТЬЕВСКИЙ**

1877–1957

Владимир Сергеевич Елпатьевский — крупный ученый, профессор, доктор биологических наук, автор ряда ценных исследований в области герпетологии, протистологии, эмбриологии, паразитологии и других разделов зоологии. Он был талантливым преподавателем, воспитателем научной молодежи и организатором работы многих учебных и исследовательских учреждений Саратова и Баку.

В. С. Елпатьевский родился 24 февраля 1877 г. в Москве, учился и начал свою научную деятельность в Московском университете. После его окончания в 1898 г. он был оставлен при кафедре зоологии для приготовления к профессорскому званию, а позднее — зачислен на кафедру ассистентом. Вскоре В. С. Елпатьевский становится хранителем Зоологического музея Московского университета и старшим ассистентом. В то же время он готовился к экзаменам на степень магистра наук и участвовал в экспедиции в Северо-Западную Монголию.

После успешной сдачи магистерских экзаменов в 1905 г. В. С. Елпатьевский в 1906–1907 гг. работал на морских биологических станциях в Триесте и Неаполе, а также в Мюнхене в лаборатории Рихарда Гертвига. В это время им были выполнены исследования по простейшим. Работы по размножению арцеллы сохранили свое значение и в настоящее время. Тогда же была начата и работа по изучению зародышевого пути сагитты.

По возвращении из заграничной командировки в 1908 г. В. С. Елпатьевский стал приват-доцентом кафедры зоологии

Московского университета, а, кроме того, преподавал биологию в Московском женском медицинском институте и в средних школах Москвы. Во время летних командировок в 1909—1911 гг. он продолжал работать на Неаполитанской морской биологической станции.

В 1913 и 1914 гг. опубликованы I и II части работы «Образование яйца и зародышевый путь сагитты», из которых первая защищена в 1913 г. как магистерская, а вторая в 1918 г. — как докторская диссертации.

В. С. Елпатьевскому принадлежит первый прочитанный в Московском университете (и в России) курс протистологии.

В московский период своей деятельности В. С. Елпатьевский много сил и времени отдавал распространению и популяризации биологии. В 1910 и 1911 гг. он редактировал и издавал «Биологический журнал», а в 1912 г. совместно с профессором (позднее академиком) А. Н. Северцовым основал и редактировал вплоть до 1918 г. «Русский зоологический журнал». Под редакцией В. С. Елпатьевского выходила серия научных книг «Биос» в издательстве «Наука». Он перевел на русский язык шесть книг, в том числе известную «Протозоологию» Калкина.

В 1918 г. В. С. Елпатьевский был избран заведующим кафедрой зоологии (позднее — зоологии позвоночных животных) Саратовского университета, где оставался до 1925 г*. В этот период становления советской высшей школы В. С. Елпатьевский много сделал для университета и других вузов Саратова. Кроме работы на кафедре, где им был организован и оснащен зоотомический кабинет, В. С. Елпатьевский выполнял последовательно обязанности проректора университета, декана физико-математического факультета, помощника

* Его адрес в Саратове: ул. Никольская, д. 33 (прим. Е. А. Дунаева).

ректора, члена правления университета и декана педагогического факультета.

В. С. Елпатьевский преподавал биологию и зоологию для медиков, а также для студентов ветеринарного и сельскохозяйственного институтов. На основании его докладной записки Наркомздрав СССР в 1920 г. учредил отделение протозоологии в Краевом институте микробиологии и эпидемиологии. В. С. Елпатьевский был первым заведующим этого отделения (впоследствии оно развилось в паразитологическое отделение Института микробиологии, эпидемиологии и паразитологии Юго-Востока СССР). За 7 лет пребывания в Саратове В. С. Елпатьевский много сил отдал подготовке кадров квалифицированных зоологов. Большая часть его аспирантов и ассистентов ныне возглавляет кафедры зоологии университетов и институтов в ряде городов нашей страны. Подавляющее большинство биологов Саратова — ученики В. С. Елпатьевского или его учеников — профессора И. Б. Волчанецкого, Б. К. Фенюка, Е. И. Орлова.

С 1925 по 1944 г. В. С. Елпатьевский работал в Баку, в Азербайджанском Государственном университете и в других учебных и научных учреждениях города. Мотивом к переводу в Азербайджан был интерес к паразитологическим исследованиям более богатой и разнообразной фауны Закавказья. С этим периодом связаны его работы по глистным инвазиям населения Азербайджана и по клещам *Rhipicephalus*. Кроме того, после командировки в Англию в 1925 г. на Ротгемстедскую сельскохозяйственную опытную станцию В. С. Елпатьевский представил доклад о методах изучения почвенных простейших и организовал такие исследования (и исследования почвенных нематод) в Азербайджане. Научные интересы В. С. Елпатьевского не ограничивались паразитологией и протистологией; им много сделано для изучения фауны позвоночных Азербайджана.

на, организовано несколько поездок для изучения различных природных районов республики, совершена в 1926 г. поездка в составе специальной экспедиции на гидрологическом судне «Максим Горький» вдоль иранских берегов Каспия. Много труда и сил В. С. Елпатьевский вложил в дело упорядочения охраны природы Азербайджана, в частности в организацию работы Кызыл-Агачского и горного Закатальского заповедников.

Благодаря большой эрудиции, кипучей энергии и волевому характеру В. С. Елпатьевский занял видное место в среде профессуры Азербайджана и был выдвинут на должность декана, а затем — проректора Азербайджанского государственного университета. Он был основателем и организатором кафедр и лабораторий зоологии в вузах Баку, руководителем секции зоологии в Азербайджанском научно-исследовательском институте*. С образованием Азербайджанского отделения Закавказского филиала Академии наук СССР В. С. Елпатьевский стал руководителем сектора зоологии, а с 1935 г. — директором Зоологического института Азербайджанского филиала АН СССР.

Как всегда, В. С. Елпатьевский много внимания уделял повышению уровня научных знаний своих сотрудников и учеников. Ныне многие из них получили кандидатские и докторские степени.

В 1944 г. В. С. Елпатьевский вновь вернулся в Саратовский университет, где принял заведывание кафедрой зоологии позвоночных и должность проректора по научной работе. Исследовательскую работу кафедры В. С. Елпатьевский направил на изучение фауны Саратовской области, а позднее —

* Кроме этого он был еще и соредактором «Известий Азербайджанского Государственного университета» с 1926 по 1930 г. (прим. Е. А. Дунаева).

фауны ползающих лесонасаждений и углубленное изучение экологии грызунов-вредителей лесного и сельского хозяйства.

Всегда живо откликаясь на все новое и прогрессивное в науке, Владимир Сергеевич в свои последние годы серьезно интересовался развитием биофизики и отдавал много сил новому для университета делу — подготовке на биологическом факультете аспирантов-биофизиков.

Не оставлял он и издательской деятельности. После Великой Отечественной войны В. С. Елпатьевский был ответственным редактором изданий Саратовского университета, ему принадлежит заслуга быстрого возобновления издания «Ученых записок Саратовского университета».

Владимир Сергеевич Елпатьевский прожил большую жизнь, целиком отданную бескорыстному служению науке и обществу. Значительную ее часть он посвятил организации советской высшей школы и выращиванию кадров советских специалистов. Он был не только видным ученым и талантливым преподавателем, но и человеком большого сердца, исключительно скромным, простым в обращении, чутким и отзывчивым, всегда готовым оказать моральную и материальную поддержку всем нуждающимся в ней.

Скончался 11 мая 1957 г. в Саратове на 81-м году жизни.

*Н. И. Ларина**

* Печатается с дополнениями по некрологу из «Зоологического журнала», т. XXXVII, вып. 4, 1958.

ЕЛПАТЬЕВСКИЙ В МОСКОВСКОМ ЗООМУЗЕЕ

Владимира Сергеевича Елпатьевского связывает с Московским Зоомузеем начало творческого пути. Родился он 12 февраля 1877 г. (по материалам картотеки архива МОИП), хотя в некрологе днем его рождения значится 24 февраля (явно, по новому стилю). Жил Елпатьевский недалеко от центра Москвы и университета — на Сухаревской площади, у Шереметевской больницы.

В. С. Елпатьевский окончил университет в 21 год и был оставлен на кафедре зоологии ассистентом (в 1899 г.), а позднее стал хранителем и старшим ассистентом университетского музея. Летом (с 12 июня по 17 августа) 1898 г. состоялась и его первая серьезная экспедиция. Она была совершена под патронажем Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии совместно с Западно-Сибирским отделом и Зоологическим отделением Императорского Русского географического общества в Акмолинскую обл. совместно с однокурсником Л. С. Бергом и П. Т. Игнатовым. Это была комплексная поездка, посвященная преимущественно изучению гидрографии и планктонной фауне местных озер (Кизыл-Кан, Денгиз и др.), о чем по приезде участники путешествия сделали два сообщения и опубликовали результаты экспедиции. Но, кроме того, они собрали объемный гербарий (350 видов растений), около сотни образцов минералов и горных пород, множество насекомых и паукообразных и 143 экземпляра позвоночных животных, среди которых были образцы амфибий и рептилий, поступившие впоследствии в музей. На основе герпетологических сборов Омской экспедиции в «Записках Зап.-Сибирского отделения Русского географического общества» (1901 г.) Елпатьевским был написан квалифицированный обзор фауны наземных позвоночных, включающий подробные морфологические описания земноводных и пресмыкаю-

щихся этого региона с критическим анализом имеющейся к тому времени литературы по их распространению.

С первых лет работы в музее В. С. Елпатьевский активно разбирал герпетологические коллекции и определял новые поступления, что требовало немалой эрудиции и высоких профессиональных знаний по систематике земноводных и пресмыкающихся в мировом масштабе. Уже в первые годы работы (1901–1903 гг.) ему приходилось идентифицировать видовую принадлежность гадов из Японии, Уссурийского края, Индокитая, Юж. Африки (сборы В. И. Исаева), Алжира (материалы экспедиции К. А. Сатунина и Н. А. Бобринского), Персии, Бухары, Ашхабада, Балхаша и Памира (коллекции Н. В. Богоявленского, М. М. Воскобойникова, Л. Г. Баньковского, П. А. Варенцова, Л. С. Берга и др.), Закавказья (экземпляры, собранные А. М. Завадским), острова Челекен (экспонаты, полученные от А. П. Иванова) и т. д. Энтузиазм и быстро приобретаемый опыт стали причиной того, что научная общественность довольно скоро признала в нем высококвалифицированного специалиста-герпетолога, хотя в ряде архивных источников в этот период жизни его называли еще гистологом рыб и земноводных, знатоком позвоночных животных. Как к эксперту к нему обращались и ученые с периферии, и именитые исследователи. Так, в частности, Елпатьевский определял амфибий и рептилий для консерватора академического ботсада И. В. Палибина, сотрудников Троицко-Кяхтинского подотдела Императорского Русского географического общества (1904 г.) и др.

Авторитет Елпатьевского как ученого возрастал, и по рекомендации М. М. Новикова и П. П. Сушкина 19 ноября 1909 г. его принимают в действительные члены Московского общества испытателей природы. К этому времени он уже вернулся из экспедиции по Монголии, сдал магистерские экзамены (1905 г.), побывал в заграничных командировках в Мюнхе-

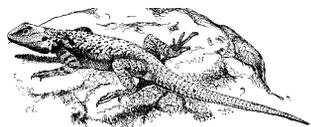
не, Неаполе, Триесте (1906—1907 гг.), где работал в известных научных лабораториях и на морских биостанциях и привез в музей коллекционные материалы. При этом, находясь в Москве, Владимир Сергеевич продолжал активную работу с герпетологическими фондами: занимался их техническим обслуживанием, перестановкой банок в новые шкафы (1909 г.), расстановкой так называемой показной коллекции (в современном понимании — экспозиционного фонда) амфибий и рептилий.

С первых лет работы в музее В. С. Елпатьевский занимался пропагандой научных знаний. Он активно работал со студентами, которые в итоге становились его помощниками в музее (Л. Л. Сабанеев, позднее — П. П. Смолин и др.). В 1909 г. его приглашают читать лекции об амфибиях и рептилиях в университетском Студенческом кружке для исследования русской природы, вести занятия в школах Москвы, преподавать биологию в Московском женском медицинском институте. В течение нескольких лет он редактировал выпуски «Известий Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии».

Но этим его просветительная деятельность не ограничивается. Новые и оригинальные находки гадов, привезенные его коллегами из дальних экспедиций, он демонстрировал в Политехническом музее, сопровождая экспозицию лекцией. Известно, что 3 марта 1902 г. в 14 часов он делал доклад «Систематика рода *Contia* (Ophidia)», иллюстрируя его экспонатами *C. modesta* и *C. collaris* (сейчас этих змей относят к роду *Eireinis*) из Зоомузея. А годом раньше (19.03.1901 в 19 час. 30 мин.) там же он рассказывал о новом, описанном им же, виде ящериц рода *Ablepharus* (*A. alaicus* = ныне *Asemblepharus alaicus*), привезенном зоологами с Памира и демонстрировал публике типовые материалы, до сих пор хранящиеся в Герпетологическом отделе Зоомузея МГУ.

Все семь герпетологических статей написаны Елпатьевским в московский период его научного творчества. Часть из них содержат описания коллекций в фондах музея, собранных различными исследователями (преимущественно Л. С. Бергом в Омском уезде, Балхашском и Аральском регионах; в честь которого он описал вид ящерицы-круглоголовки — *Phrynocephalus bergi*, сведенный в синонимы *Ph. guttatus*); другие статьи посвящены систематике ящериц и змей (*Ablepharus*, *Contia*). Всего же В. С. Елпатьевским было описано три новых таксона рептилий (кроме названных, еще подвид ужеобразной змеи *Lythorhynchus ridgewaji roseni*).

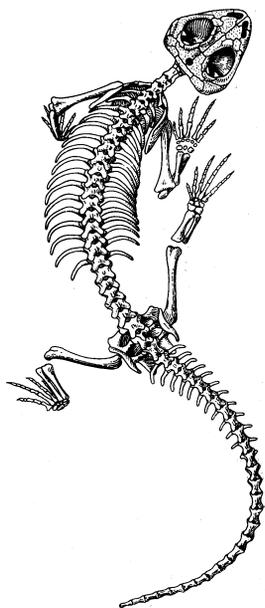
Е. А. Дунаев

**ИВАН АНТОНОВИЧ
ЕФРЕМОВ**

1907–1972

По поздним документам Иван Антонович Ефремов родился 22 апреля 1907 г. в деревне Вырица Царскосельского уезда, расположенной к югу от Петербурга на пересечении р. Оредеж (правый приток р. Луга) с Витебской железной дорогой. Однако в метрической книге Суйдинской Воскресенской церкви Царскосельского уезда записано, что он родился 9 апреля, а крещен был 18 мая 1908 г. В своей краткой автобиографии Иван Антонович по этому поводу писал: «В те годы при отсутствии паспортного режима, многие и я в том числе, несколько прибавляли себе года».

Его отец Антип (не позже декабря 1910 г. он сменил свое имя и стал Антоном) Харитонович был купцом, занимался лесоторговлей и имел чин титулярного советника. Он был выходцем из заволжских крестьян-староверов. В армии служил в лейб-гвардии Его Императорского Величества Семеновском полку — старейшем в русской гвардии, основанном в 1687 г. Петром Великим из потешных подмосковного села Семеновского.

В этот полк специально отбирали рослых и крепких парней. А это, насколько можно судить, было семейной чертой Ефремовых. Антон Харитонович хаживал на медведя с рогатиной. В семье деда — Харитона Ефремова — было десять сыновей, на редкость рослых и могучих, с которых, по мере возмужания, он перед иконой брал клятву никогда не участвовать в кулачных боях и драках. Не подумайте, что боясь за их здоровье... Такая традиция в крестьянской семье наверняка

означает, что кто-то из родственников по причине буйного характера и непомерной силищи уже тронулся в Сибирь-матушку. Высокий рост, богатырское телосложение, огромную силу, неумный, вспыльчивый и прямой характер унаследовал и Иван Антонович, хотя, по его собственным словам, безусловно уступал в силе отцу и лишь с трудом разгибал подковы.

Как это поныне часто бывает в России с деревенскими парнями, после службы Антон Харитонович на родину не вернулся, выстроил в Вырице дом-пятистенку и твердо решил «выбиться в люди». Жёну — Варвару Александровну (урожденную Ананьеву) — взял себе из села (ныне город) Тосно Царкосельского уезда (ныне Тосненского района), расположенного на пересечении р. Тосна (левого, самого крупного притока р. Невы) и московской железной дороги. Жёну взял молодую и красивую. Восемнадцати лет она родила ему сына Ивана. В молодые годы Иван Антонович, говорят, был похож на мать. Перефразируя Н. В. Гоголя, можно сказать: был и ладно скроен, и крепко шит.

Дома все было подстать мощи и вкусам отца. В комнатах стояла дубовая резная мебель. В громадных, под потолок шкафах полисандрового дерева теснились кожаные переплеты книг. По двору, вымощенному деревянным торцом, вдоль натянутой проволоки вместо собаки передвигался цепной медведь. Воспитанный в патриархальной среде отец имел крутой и деспотичный нрав. Детьми занимался мало. Дело — торговля лесом — занимало всю жизнь этого целеустремленного человека. Младший брат Ивана Антоновича — Василий — рос болезненным мальчиком, и все внимание матери было приковано к нему.

Детские впечатления Ивана были ограничены окрестностями своей деревни, недалеко (около 50 верст) поездками к бабушке (со стороны матери) и жизнью в ее доме. Моря, по

словам самого Ивана Антоновича, он в эти годы не видал, значит, скорее всего, не бывал даже в Петербурге. Не удивительно при этом, что предоставленный самому себе мальчик рано научился читать и к шести годам сделался главным читателем отцовской библиотеки. Среди меццанского быта «Двадцать тысяч лье под водой» и другие романы Жюль Верна оставили неизгладимый след на всю жизнь. Так прошли дошкольные годы Вани Ефремова.

Болезнь Василия, младшего брата Ивана, заставила семью перебраться на юг, в курортный город Бердянск, один из самых солнечных городов Российской Империи, расположенный на берегу Азовского моря.

Здесь прошло отрочество и гимназические годы Ивана. Здесь он с ватагой мальчишек в 1916 г. выстрелил из пушки, стоявшей в качестве монумента в городском сквере. Здесь он впервые увидел море, хоть и Азовское, но все же море. Тут можно было грезить об открытом океане, кораблях и моряхах, неведомых странах. А пока окном в мир путешествий и приключений были книги. К Ж. Верну добавились Г. Р. Хаггард («Копи царя Соломона», «Дочь Монтесумы»), Ж. Рони-старший («Борьба за огонь», «Пещерный лев»), Г. Дж. Уэллс («Машина времени», «Человек-невидимка», «Война миров»), А. Конан Дойл («Затерянный мир»), Джек Лондон («Зов предков», «Белый Клык», «Смок Белью», «Смок и Мальш», «Время не ждет»). Иван Антонович считал, что Г. Уэллс во многом определил его мировоззрение.

В 1917 г. родители Ивана развелись. В 1919 г. мать с детьми переехала в Херсон, вышла замуж за командира Красной Армии и уехала с ним. Дети остались на попечении дочери отца от первого брака, но вскоре лишились и ее поддержки. Дальнейшую заботу о них взял на себя Отдел народного образования.

Иван же прибился к расквартированной рядом 2-й автороте 6-й армии и стал ее воспитанником, то есть «сыном полка». С ней он дошел до Перекопа. Во время артобстрела Очакова был контужен. Легкое заикание осталось на всю жизнь. Поэтому Иван Антонович был не очень разговорчивым человеком и профессором, который никогда систематически не преподавал. В автороте Ваня до тонкостей постиг устройство автомобиля и научился его водить. То и другое пригодилось в дальнейшей экспедиционной жизни, а увлечение автомобилем продолжалось всю жизнь.

В начале 1921 г. в связи окончанием Гражданской войны в Европейской России часть была расформирована, а Иван — демобилизован. В Херсоне узнал, что отец забрал детей и уехал в Петроград. Там его встретили не очень приветливо. Он работал грузчиком, автомехаником, шофером в ночную смену. Хотел учиться. До революции окончить гимназию не успел. Поступил в школу II ступени. В это время навсегда приобрел уважение и любовь к учителям. Особенно Ване запомнился В. А. Давыдов — его учитель математики.

Конечно продолжал читать. От этой «заразы» после отцовской библиотеки и гимназии излечиться было невозможно. Прочел, в частности, «Вымерших животных» Э. Р. Ланкастера и «Преобразования животного мира» Ш. Депере, как раз недавно переизданных. Оказалось, путешествовать можно не только в пространстве, но и во времени. В предисловии к книге Ланкастера А. А. Борисяк упоминал о раскопках профессора В. П. Амалицкого на Малой Северной Двине. Значит путешествуют во времени и у нас, в России, а охотники за ископаемыми работают где-то тут рядом, на Васильевском острове. Эпоха географических открытий заканчивается, а путешествия на «машине времени» по настоящему начались только в эпоху сэра Ч. Лайелла и Ч. Дарвина. Много лет спустя он писал: «Не грустите,

что милая старая романтика непознанной Земли ушла от нас. Вместо нее родилась романтика, требующая гораздо большего напряжения сил, гораздо большей подготовки, психологической и физической, — романтика проникновения в значительно более глубокие тайны познания».

В России тогда систематические палеонтологические исследования только начинались, а история Вселенной была еще впереди... Прозрение истории Земли, сквозь толщу ее слоев связано с той же романтикой путешествий и приключений... Понимание же истории земной жизни — окно в мир жизни в Космосе. Позже Иван Антонович был уверен в принципиальной однотипности устройства и эволюции жизни и разума по всей Вселенной. Об этом он недвусмысленно писал в повести «Звездные корабли» и сказал в интервью журналу «Техника — молодежи» в 1959 г. Но вернемся к Ване Ефремову в 1920-е годы.

Для любознательного юноши эти две книги особенно поучительны в сравнении. Книга Э. Р. Ланкастера посвящена прежде всего романтике «охотника за ископаемыми», а книга Ш. Депере учила, что путешествия в прошлое совершаются силой ума. Только после долгих лет раскопок, препаровки, сравнительного исследования в тиши кабинета перед нами оживают картины геологического прошлого. Здесь совсем другая — тихая романтика, романтика постижения сущности и исторического смысла бытия. Но ум должен быть изошрен образованием. Книга Депере уже не была легким чтением. В предисловии к этой книге Борисяк рекомендовал читателям свой же «Курс палеонтологии».

Иван обратился за помощью к председателю Русского палеонтологического общества профессору Н. Н. Яковлеву и получил разрешение пользоваться библиотекой Горного института. Однако «Курс палеонтологии» и даже встреча с А. А.

Борисяком — профессором Горного института и заведующим остеологическим отделом Геологического музея Академии наук — у него дома скорее поколебали юношу в правильности выбранного пути.

Читатель вероятно уже догадался, что Иван Антонович всю жизнь, по крайней мере с отрочества, был неисправимым романтиком. Именно поэтому он сперва стал моряком, затем палеонтологом, геологом, горным инженером, писателем приключенческого жанра и наконец писателем-фантастом. Это все этапы одного романтического пути. Не случайно первые его еще вполне реалистические литературные произведения имели общее заглавие «Рассказы о необыкновенном». Обыкновенное — скучно для романтика. Свои последние путешествия, которые в силу ограниченности человеческой жизни, возраста и здоровья он уже не мог, но мечтал совершить наяву, он, как научила его палеонтология, совершал силой ума.

А в молодости юноше грезились картины природы далекого прошлого, населенные допотопными чудовищами, о которых писали А. Конан Дойл и Р. Ланкастер, законы развития жизни на Земле, о которых писал Ш. Депере и которые постигали титаны биологической, палеонтологической и геологической мысли. Меньшее не соответствовало ни размерам его тела, ни широте его души, ни масштабам претензий молодости. Большая же часть двух томов учебника А. А. Борисяка по традиции состояла из «бухгалтерской книги» расположенных в систематическом порядке очерков найденных и описанных групп организмов, значительная часть которых была представлена небольшими и мало вразумительными (особливо для неподготовленного юноши) фрагментами. Но даже тоненькая тетрадка третьей части, посвященной «Палеофаунистике», скорее напоминает списки руководящих ископаемых, расположенных в геохронологическом порядке, чем драму исторических смен

фауны. Даже в зрелые годы Иван Антонович, отдавая дань этим необходимым, технически трудоемким описательным работам отнюдь не в них видел смысл своей палеонтологической деятельности.

Однако в библиотеку Горного института ходить продолжал. В начале 1923 г. прочел в «Природе» за 1922 г. статью П. П. Сушкина «Эволюция наземных позвоночных и роль геологических изменений климата». В ней вновь упоминались раскопки В. П. Амалицкого. «Могучая мысль ученого, — писал в 1954 г. Иван Антонович, — восстанавливала большую реку, переставшую течь 170 [по нынешним представлениям — 250. А. Р.] миллионов лет назад, оживляла целый мир странных животных, обитавших на ее берегах, раскрывала перед читателем необъятную перспективу времени и огромное количество нерешенных вопросов — интереснейших загадок науки. Это проникновение в глубины прошлых времен поразило меня...».

Опять популярная статья произвела впечатление на Ваню Ефремова. От избытка чувств он написал письмо П. П. Сушкину. В ответ получил записку: «Приходите, но не на квартиру, а в Геологический музей. Мы побеседуем, а кстати, вы кое-что увидите...». Эту записку Иван Антонович хранил всю жизнь.

Встреча состоялась 18 марта 1923 г. Беседа проходила большей частью в Музее. Иван увидел не только собранные скелеты парейазавров и иностранцевии из Северо-Двинской галереи, но и слепок скелета диплодока, присланный еще до революции из Carnegie Museum (Питтсбург, США), скелет индрикатерия, описанный А. А. Борисяком, и многое другое. Глаза молодого человека горели. Скелеты говорили сами за себя. А кто в тот день был его собеседником Иван смог осознать лишь с годами. Впрочем, П. П. Сушкин тоже вряд ли догадывался, что перед ним стоит будущий продолжатель его дела на ниве палеонтологии, который станет с годами еще и писателем.

Профессор П. П. Сушкин оставил классические труды в области сравнительной анатомии и эмбриологии, фаунистики и исторической зоогеографии птиц Северной Евразии, систематике соколов и палеонтологии палеозойских низших позвоночных: рыбообразных, амфибий и рептилий. Ему же принадлежит оригинальная гипотеза о происхождении человека в горных ландшафтах. Палеонтологией Петр Петрович занялся лишь под конец жизни, после переезда в Петроград. Оказавшись рядом с остеологическими коллекциями Геологического музея им. Петра Великого он почти сразу приступил к их обработке. Поэтому уже в конце 1922 г. был приглашен заведовать Северо-Двинской галереей, оставшейся без «хозяина» после смерти В. П. Амалицкого в 1917 г. Его исследования этого периода открыли новую страницу в палеонтологии низших наземных позвоночных. Никогда еще в нашем Отечестве сравнительный анатом и зоолог такого класса не брался за палеонтологический материал. Никогда палеонтология в России не знала такого детального морфологического и палеобиологического анализа. Самым крупным его преемником на этом поприще оказался И. А. Ефремов. Именно работа рядом с Петром Петровичем привила ему вкус к биологическим аспектам палеонтологии.

В 1923 г. П. П. Сушкин был избран действительным членом Российской Академии наук. Именно он готовил организацию Палеозоологического (с 1937 г. — Палеонтологического) института (ПИН) и избрание в члены Академии его будущего директора А. А. Борисяка.

Не удивительно, что человек столь выдающихся достоинств произвел на Ивана Ефремова неизгладимое впечатление. Но до реализации мечты было далеко. Как водится, в Геологическом музее, в котором была Северо-Двинская галерея и трудился П. П. Сушкин не было ставки. Петр Петрович советовал поступать в университет на биологическое отделение.

Но жажда романтических приключений не может ждать своего удовлетворения так долго. В том же 1923 г. Иван сдал экзамены на штурмана каботажного плавания при Петроградских мореходных классах, а следующей весной отправился на Дальний Восток, нанялся матросом на парусно-моторное судно «III Интернационал» и до поздней осени 1924 г. плывал у берегов Сахалина и по Охотскому морю. В конце года он вернулся в Ленинград.

Сделать решающий выбор между морем и наукой было трудно. На сей раз Иван отправился к капитану Д. А. Лухманову — автору морских рассказов. Беседы с ним позже были использованы Иваном Антоновичем в большом рассказе «Катти Сарк», где рассказчик — хозяин дома — выведен под именем капитана Литханова, а сам Иван Ефремов — «молодого штурмана».

«Мы сидели у него дома на Шестой линии, пили чай с вареньем, — вспоминал Иван Антонович. — Я говорил, он слушал. Внимательно слушал, не перебивая, знаете, это большой дар — уметь слушать! — потом сказал: «Иди, Иван, в науку! А море, брат ... что ж, все равно ты его уже никогда не забудешь. Морская соль въелась в тебя». Это и решило мою судьбу».

По рекомендации П. П. Сушкина Иван Ефремов поступил на Биологическое отделение физико-математического факультета Ленинградского университета, сперва вольнослушателем, а затем студентом. Летом 1925 г. он по заданию того же Сушкина отправился в Тальши для сбора птиц. Но море не отпускало. Когда он выполнил задание, с ним случился последний «рецидив» (по выражению П. К. Чудинова). В Ленкарани он нанялся капитаном небольшого гидрографического катера. Его дальневосточные и каспийские морские впечатления спустя годы нашли отражение в рассказах «Встреча над Тускаророй», «Катти Сарк», «Атолл Факаофо».

Здесь, на Каспии, его нашла телеграмма П. П. Сушкина о вакансии препаратора в Геологическом музее АН СССР. Иван спешно возвращается в Ленинград, становится препаратором в Северо-Двинской галерее. Коллекции галереи В. П. Амалицкого препарировались главным образом в Варшаве, где он был профессором университета. В качестве препараторов он занимал кладбищенских каменотесов. В результате многие ценнейшие морфологические детали оказались частично или полностью разрушены. П. П. Сушкин первым в России поставил работу препараторской лаборатории на научную основу. Вот «откуда есть пошла» слава ПИНовских препараторов и традиция самостоятельного препарирования научными сотрудниками наиболее ответственных и трудных для обработки образцов. Из Северо-Двинской галереи пришли в ПИН: классик препараторского искусства М. Г. Прохоров, автор первой в нашем Отечестве «Инструкции для раскопок, препаровки и монтировки ископаемых позвоночных», и скульптор-модельер от палеонтологии, выпускник Академии художеств Я. М. Эглон, непревзойденный монтировщик, препаратор, лучший монолитчик ПИНа и музейный экскурсовод. Таким образом, Ваня Ефремов был среди первых профессиональных препараторов, научившихся работать аккуратно и с пониманием дела. Видимо к этому периоду относится ефремовский афоризм, ужасный в своей двусмысленности: «Не страшно кость поломать, страшно контакт потерять». Особенно, когда вспоминаешь другой его афоризм из «Часа Быка»: «Не бывает героев, бывают только неумелые палачи».

Петр Петрович как знал, что жить ему осталось не долго. И он торопится возобновить систематические поиски и раскопки местонахождений наземных позвоночных, едва начатые В. П. Амалицким перед войной. Уже в 1926 г. Иван Антонович отправился в свое первое палеонтологическое поле на гору

Большое Богдо в Прикаспийской низменности. Там находится одно из первых найденных в России местонахождений раннетриасовых лабиринтодонт в прибрежно-морских отложениях. Первые два черепа из этого местонахождения в Геологический музей привез геолог М. В. Баярунас. Эти земноводные оказались весьма интересными морфологически, тафономически и важными для стратиграфии и исторической зоогеографии континентального триаса. В это время Иван Антонович уже мог работать не только как коллектор и провести тщательное геологическое исследование местонахождения. Два года в Университете и год работы в Геологическом музее не пропали даром.

Впечатления и приключения, связанные с путешествием на Большое Богдо были записаны Иваном Антоновичем и опубликованы А. А. Борисяком в 1930 г. в статье «Русские охотники за ископаемыми», приложенной к переводу книги Ч. Г. Штернберга «Жизнь охотника за ископаемыми», в качестве воспоминаний «самого юного охотника» за ископаемыми. В 1945 г. уже в полуфантастическом преломлении впечатления от этой поездки легли в основу рассказа «Белый Рог».

Теперь по возвращении в Ленинград, к весьма нелегкой и кропотливой, но уже привычной работе препаратора добавилась научная работа. Иван Антонович готовил свою первую научную статью: «Об условиях нахождения остатков лабиринтодонт в верфенских отложениях горы Большое Богдо Астраханской губ.». В 1928 г. она была опубликована в «Трудах Геологического музея АН СССР». Именно эта работа положила начало будущей тафonomie — новой области палеонтологических исследований, созданной трудами И. А. Ефремова. Но до этого было еще более 10 лет.

«Казалось бы, мне оставалось, — вспоминал Иван Антонович, — только закончить университет. На деле все получи-

лось совсем не так. Разнообразная деятельность препаратора, сама наука так увлекли меня, что я часто засиживался в лаборатории до ночи. Все труднее становилось совмещать интенсивную работу с занятиями. К тому же с весны до глубокой осени приходилось бывать в экспедициях». Жажда романтики не терпела никакого отлагательства. Занятия в Университете прервались на третьем курсе, но основы биологических знаний все же были приобретены.

В 1927 г. П. П. Сушкин направил своего ученика в экспедицию на реки Шарженгу (правый приток Юга) и Ветлугу. Здесь он «охотился» тоже на раннетриасовых лабиринтодонтов захороненных в отложениях огромного озерного бассейна. В 1928 г. в этих местах работы были продолжены. Оттуда он привез коллекцию черепов изумительной сохранности. Следы вскрыши от масштабных раскопок тех времен поныне видны на крутом правом берегу Шарженги под селом Вахнево (Вологодская область).

В 1928 г. умер Петр Петрович, и лабиринтодонт с Шарженги — первый таксон, описанный Ефремовым, — был назван *Bentosaurus sushkini* Efremov, 1929. Позже выяснилось, что под этим родовым именем раньше была описана рыба. Теперь этот род называется *Bentosuchus* Efremov, 1937. Не забыта была и первая любовь: в 1929 г. была опубликована вторая статья «Местонахождения стегоцефалов на северо-востоке Европейской части СССР».

После знакомства с основами исторической геологии и геотектоники, Иван Антонович в 1929 г. высказал предположение, что океанические впадины, подобно континентам, имеют сложный рельеф. Подводные горы лишены мощного слоя осадков и их магматический фундамент доступен изучению. Статья была послана в «Geologische Rundschau». Из Германии, как писал Иван Антонович в 1972 г., «она вернулась с

довольно обстоятельным разгромным отзывом крупнейшего в те годы специалиста по геологии морского дна профессора Отто Пратье. Он заявил, что статья представляет собой химеру. Все дно океанов и морей сплошь покрыто рыхлыми позднейшими осадками, из-за которых недоступны коренные породы, и при современной технике нет никакой возможности добывать образцы их. Жаль, что заметка не была напечатана». Через 30 лет многие положения этой рукописи (как всегда в существенно уточненной и конкретизированной форме) стали общепринятыми.

Получив разгромную рецензию, Иван Антонович в душе не отказался от своих воззрений. Свой рассказ «Атолл Факаофо», написанный еще до революции в морской геологии, произошедшей в 1960-х годах, он посвятил, правда в полуфантастической форме, проблеме изучения коренных пород дна океанов.

В 1929 г. препаратор Иван Ефремов был произведен в научные сотрудники II разряда. Летом того же года он участвовал в двух экспедициях. Результаты работы на «динозавровом горизонте» в северных предгорьях Тянь-Шаня были опубликованы в статье «Динозавры в красноцветной толще Средней Азии». Публикация этой статьи в 1932 г. породила романтические мечты о будущих грандиозных раскопках наземных позвоночных не только по всей России, но и в Азии, прежде всего в Монголии, Китае, Индии. К этой идее сочувственно отнеслись А. А. Борисяк и Ю. А. Орлов (не один же Ефремов был романтиком...). До войны все попытки успехом не увенчались. Но после войны этому проекту суждено было осуществиться, хотя лишь частично.

Вторая поездка была на заброшенные к тому времени шахты и отвалы Каргалинских медных рудников в Оренбуржье, где издавна находили кости пермских позвоночных. В первой половине XIX века медистые песчаники Приуралья изучали

геологи В. фон Квален и Р. И. Мурчисон, а добытые в них кости описывали С. С. Куторга и Г. И. Фишер фон Вальдгейм.

Весной 1930 г. на базе Osteологического отдела и Северо-Двинской галереи Геологического музея был создан Палеозоологический институт. Иван Антонович автоматически стал его сотрудником, а спустя два года был произведен в научные сотрудники I разряда. Летом 1930 г. он работает в Урало-Двинской экспедиции, расширяя на север область изучения пермских и триасовых костеносных отложений амфибий и рептилий. По результатам этой экспедиции была написана статья «Пермотриас северной части Русской платформы и его местонахождения лабиринтодонтов».

Индустриализация страны требовала новых источников сырья, и геологи Академии наук все более планомерно разворачивают систематические геологические исследования. Никто не забыл о «геологическом происхождении» Палеонтологического института и многих его сотрудников. Участвует в геологической съемке и Иван Антонович. После поездки на север он возглавляет геолого-съёмочную партию в районе пос. Горный и вновь изучает Каргалинские медистые песчаники. В поселке он завел знакомства со старыми горнорабочими, которые помогли ему в поисках и исследовании заброшенных выработок. Неслучайно большая монография Ивана Антоновича о медистых песчаниках «Посвящается безымянным горнорабочим старых медных рудников Западного Приуралья — первым открывателям фауны медистых песчаников».

В 1931—1935 гг., работая зиму как палеонтолог, лето Иван Антонович проводит в геологических партиях. Это был период накопления палеонтологического и геологического опыта. Палеонтологические работы этого периода посвящены начатой еще в Геологическом музее ревизии лабиринтодонтов Русской платформы. Не забыт и проект будущей тафономии.

В 1931 г. он был начальником отряда Нижне-Амурской геологической экспедиции АН СССР. Из Хабаровска отряд спустился на пароходе до глухого таежного села Пермского, обследовал долину и устье р. Горин (или Горюн) и район озера Эворон. В 1932 г. на месте села Пермского начинается строительство Комсомольска-на-Амуре.

В 1932 г. Иван Антонович — начальник отряда по изысканию железнодорожной линии Лена — Бодайбо — Тында. Сам работает на участке от Олекмы до пос. Тында. Экспедиция задержалась на старте. Поэтому 600 км пути по горам и тайге приходилось идти с максимальной скоростью. Последнюю треть пути Ефремов и его спутники шли по глубокому снегу, а морозы достигали -28° С. Ныне один из участков БАМа проложен по этому пути.

«Будучи уже квалифицированным геологом, — писал Иван Антонович, — я ходатайствовал о разрешении мне, в порядке исключения, окончить экстерном Ленинградский Горный институт». Это случилось в 1933 г. «Мне пошли навстречу, и в течение двух с половиной лет удалось, не прерывая работы, закончить его». В 1935 г. Ивану Антоновичу было присвоено звание горного инженера. Однако диплом с отличием был выдан ему только в 1937 г.

В начале сезона 1934 г. Иван Антонович отправился в Татарию. Он намеревался копать Сџмин овраг (долина р. Свяга) к северу от небольшого г. Тетюши, где в дальнейшем была раскопана богатая фауна низших тетрапод верхнепермского возраста. Однако, прибыв на место, Иван Антонович обнаружил там чужой раскоп прошлого года. Он приступил к работе, но вскоре появилась А. П. Гартман-Вейнберг (заметьте на 25 лет старше Ивана Антоновича) с отрядом и недвусмысленным намерением копать именно здесь. Пикантность ситуации состояла в том, что Александра Паулиновна тоже

пришла в ПИН из Северо-Двинской галереи, в 1930—1932 гг. заведовала отделом, в котором работал Иван Антонович, а в 1930—1931 гг., кроме того, была заместителем директора ПИНа, но уволилась из него за два года до исторической встречи в Сдмином овраге.

Александра Паулиновна предложила Ивану Антоновичу убраться подобру-поздорову. Когда Иван Антонович, было, заартачился, Александра Паулиновна подала на него в суд г. Тетюши и выиграла процесс.

Делать нечего, пришлось Ивану Антоновичу ретироваться «несолоно хлебавши», и он отправился в Каменный овраг (километрах в 30 к западу от Сдмина оврага). Из него берет начало речка Сухая Улема. Местонахождение названо Ишеево. Там летом 1929 г. студент-геолог Носов в верхнепермских песках нашел скелет хищного ящера. В 1930—1931 гг. здесь вел раскопки ленинградский Центральный геолого-разведочный институт (ныне ВСЕГЕИ), а в 1934, 1935 и 1939 гг. — ПИН. Иван Антонович организовал эти раскопки и руководил ими в 1935 и 1939 гг.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло». В Каменном овраге за три сезона Иван Антонович произвел самые крупные в своей жизни раскопки. Мощная кровля костеносной линзы с одним, местами двумя прослоями известняков, которые уже в наше время бульдозер не брал. В 1930-е годы в ручную делали все. Число нанимаемых рабочих временами достигало 40. Был голод, и колхозники нанимались за кормежку пустыми макаронами. На территории России эти раскопки уступают по масштабам только раскопкам В. П. Амалицкого на Малой Северной Двине и более поздним раскопкам в Очере (Пермская область) под руководством П. К. Чудинова. В Ишеево была раскопана принципиально новая богатая диноцефаловая фауна, нигде до того не известная. Эта фауна раскрыла

новый своеобразный этап развития пермских фаун наземных тетрапод Европейской России и Южного Приуралья.

Наладив работу в Каменном овраге в 1934 г., Иван Антонович оставил на хозяйстве Ю. А. Орлова, а сам опять отправился на геологические работы в Сибирь.

Во второй половине сезона 1934 г. он возглавил работы Верхне-Чарской геологической партии Геологического института АН СССР, растянувшиеся аж до января 1935 г. Занимались геологической съемкой и попутным поиском полезных ископаемых, в частности нефтеносных структур. Спутниками его были: петрограф А. А. Арсеньев, коллектор-художник О. Н. Лесючевская и студент-геолог Ленинградского университета Н. И. Новожилов, впоследствии известный палеонтолог, сотрудник ПИНа и участник многих ефремовских экспедиций. Это был самый тяжелый сезон в жизни Ивана Антоновича. Непредвиденная задержка отодвинула время выхода на маршрут почти до ледостава. Стужа и ледяной ветер сопровождали сплав по Олекме, работу в долине р. Токко и бассейне Чары. Температура к концу сезона достигала -40°C . Закончив работу участники отряда собрались в Могоче лишь в середине января. Общая протяженность маршрутов составила 2700 км, что втрое превысило проектное задание.

По результатам двух полевых сезонов И. А. Ефремова (1932 и 1934 гг.) они с А. А. Арсеньевым написали статью «От Алдана до верховьев Чары» и составили геологическую карту Олекмо-Чарского нагорья и западной части Алданской плиты. Карта этого труднодоступного района была использована даже при составлении большого советского «Атласа мира», изданного в 1954 г. Но, по-видимому, именно сезоны 1932 и 1934 гг. подорвали богатырское прежде здоровье Ивана Антоновича. Однако именно приобретенный в геологических экспедициях 1930–1935 гг. опыт, не только научный, но и жизненный, открыли ему впо-

ледствии двери в литературу. Именно там рождались сюжеты большинства его ранних рассказов: «Озеро Горных Духов», «Путями старых горняков», «Олгой Хорхой», «Голец Подлунный», «Алмазная Труба», «Юрта Ворона». В 1972 г. Иван Антонович писал, что «Голец Подлунный» «хроникальное и точное описание одного из моих сибирских путешествий». Под именем Георгия Балабина в рассказе выведен сам Иван Антонович, а геолог по имени Александр Александров — это его спутник — А. А. Арсеньев. Только когда он пишет о событиях декабря 1935 г., в действительности они относились к 1934 г.

Интересна история «Алмазной трубы». Рассказ повествует о нахождении геологами взрывной кимберлитовой алмазносной трубки у нас в Якутии. В 1972 г. Иван Антонович писал: «Двенадцать лет спустя после его написания на письменный стол, за которым был написан рассказ, легли три алмаза из первых добытых в трубке, расположенной на Сибирской платформе, правда южнее места действия «Алмазной Трубы», но точно в той геологической обстановке, какая описана в рассказе». Компетентные органы Ивану Антоновичу даже предъявляли претензии, дескать знали и умолчали, а через открытую печать выдали гостайну. Однако каждому читателю его беллетристических произведений должно быть ясно, что их автора можно заподозрить в грехе утопического социализма, но в сочувствии «международному империализму» — никак.

Опыт полевой геологической работы безусловно имел, хотя и более опосредованное, преломление и в его фантастических произведениях. В «Лезвии бритвы» читаем: «Начальник тот, кто в трудные моменты не только наравне, а впереди всех. Первое плечо под застрявшую машину — начальника, первый в ледяную воду — начальник, первая лодка через порог — начальника, потому-то он и начальник, что ум, мужество, сила,

здоровье позволяют быть впереди. А если не позволяют — нечего и браться». Узнаете?..

Летом 1935 г., в соответствии с постановлением Советского Правительства, Палеозоологический институт, как и большинство учреждений АН СССР переезжали из Ленинграда в Москву. Переезжали во временное (как тогда считали) помещение на Большой Калужской, дом 75 (ныне Ленинский проспект, 33). Кончился ленинградский период жизни Ивана Антоновича.

Лето Иван Антонович был в Каменном овраге. Вот что сообщает нам «Хроника» в «Трудах ПИН» за 1936 г.: «В 1935 г. Институт продолжал работы в Ишееве, базируясь на чрезвычайно удачных результатах 1934 г. Несмотря на повышение мощности кровли костеносного пласта в сравнении с прошлым годом, удалось вскрыть около 200 кв. метров костеносного пласта. Руководствуясь данными 1934 г., площадки раскопок были заложены более удачно, в наиболее обогащенных костями участках костеносных песков. В этом году были добыты: скелет крупного хищного дейноцефала, сходного с добытым в 1934 г., однако гораздо более крупной величины, череп и часть скелета *in situ* огромного улемазавра, части черепов лабиринтодонтов и множество отдельных костей различных родов рептилий».

Постепенно появлялись последователи и ученики. В то же лето 1935 г. Н. И. Новожилов отправился в Архангельскую область, на р. Мезень, где в 1933—1934 гг. геологом Я. Д. Зеккелем (1937 г.) в пермских отложениях были обнаружены кости. В 1937 г. работу в этих местах продолжил Р. Л. Мерклин. Так было положено начало открытию еще одной принципиально новой фауны тетрапод. Она отличается уникальными условиями захоронения и настолько яркой географической спецификой, что Иван Антонович даже поначалу посчитал

эту разницу возрастной. Удивительна эта фауна и в зоогеографическом отношении: одни формы связывают ее с пермскими фаунами Северной Америки, другие — с раннепермской фауной Западной Европы, третьи — позднепермскими (раннетатарскими) фаунами Восточной Европы, содержащими гондванские элементы.

В августе 1935 г. Ивану Антоновичу присвоена ученая степень кандидата биологических наук по совокупности работ.

Летом 1936 г. Иван Антонович вновь отправляется в пос. Горный на Каргалинский рудник и, кроме того, ведет поиски костей тетрапод в Оренбургском Приуралье.

Вернувшись осенью в Москву он узнает, что пришли ящики с коллекциями Остеологического отдела и Северо-Двинской галереи, но размещать коллекции негде, для них нет музейного помещения. Поэтому наши коллекции не удастся показать участникам XVII Международного геологического конгресса, который должен состояться летом 1937 г. в Советском Союзе.

В этой ситуации, по словам профессора Р. Ф. Геккера (основателя отечественной палеоэкологии), самым решительным оказался Иван Антонович. Он написал письмо И. В. Сталину, в котором подчеркивалось: во-первых, бесценность коллекций, являющихся гордостью советской науки, во-вторых, необходимость их срочного развертывания к геологическому конгрессу, в-третьих, в качестве возможного помещения предлагались не занятые в то время бывшие конюшни (1830-е гг., архитектор Е. Д. Тюрин; ныне Ленинский просп., 18, корп. 2) Нескучного (или Александринского) дворца. Одним словом, Иван Антонович и на сей раз показал, что имел моральное право быть начальником, в соответствии с выдвинутыми им же критериями. Кроме Ивана Антоновича, письмо подписали (надо отдать должное и их мужеству) ведущие специалисты ПИНа. В результате ПИНу достались конюшни с каретным сараем

и сенной башней, а Минералогическому музею — манеж, являющийся более роскошным продолжением этого же корпуса.

Иван Антонович вместе с сотрудниками взялся за переоборудование экспозиционных помещений и монтировку экспозиции Палеонтологического музея, который удалось открыть к началу конгресса.

Узловым вопросом работы Геологического конгресса стала пермская система — единственная система, выделенная на территории России. И. А. Ефремов предложил вниманию участников конгресса детальное стратиграфическое расчленение верхней перми и нижнего триаса на зоны по наземным позвоночным. Это сообщение открыло новую — московскую эпоху в жизни Ивана Антоновича, эпоху обобщающих работ и монографий.

В 1937 г. он стал заведующим отделом низших позвоночных ПИН. Первый сотрудник, взятый им в лабораторию была М. Ф. Лукьянова. Это было очень удачное приобретение. С годами она стала искуснейшим препаратором и раскопщиком. Уже летом 1938 г. она была с Иваном Антоновичем в Ишеево. И дальше ездила с ним постоянно.

Летом (перед конгрессом) Иван Антонович совершил объезд и осмотр метонахождений Поволжья, Татарии и Приуралья. Этим Иван Антонович показал пример новой формы полевой работы, которой, увы, не суждено было стать традицией. Ископаемые кости — величайшая национальная ценность. При существовании в Европейской России более 400 только пермо-триасовых местонахождений кроме крупных продолжительных раскопок на перспективных точках, необходим и систематический мониторинг, в том числе и не очень богатых местонахождений, где изредка могут появляться линзы с очень интересными костями. К сожалению, опыт больших объездов в традицию так и не вошел.

С 1938 г. Иван Антонович, похоже, первый раз за много лет не ездил в поле. Вероятно это было вызвано свалившейся на него камеральной работой: над докторской диссертацией, монографией и большим количеством статей, опубликованных главным образом в 1940 г. Это первый симптом того, что руки обгоняют голову — обычный результат работы хорошего организатора и удачливого полевика. А возможно немалое время потребовала и необходимость перемещения Северо-Двинской галереи из каретного сарая. В этом году были опубликованы первые описания находок с Мезени.

В 1939 г. Иван Антонович завершил ишеевскую эпопею. Самая замечательная находка года была сделана в препараторской. В поле был взят монолитом неполный скелет долиозавра. М. Ф. Лукьянова, препарируя этот скелет, нашла в окружающей скелет породе незамеченный во время раскопок полный череп лантанозуха, описанный Иваном Антоновичем в 1946 г.

Кроме того, Иван Антонович руководил Каргалинской геолого-разведочной партией, изучающей медистые песчаники. Он совмещает эту работу с поиском остатков наземных тетрапод. Осматривает старые медные рудники в Башкирии по рекам Белой и Деме, в области установления пермской системы Р. И. Мурчисоном.

Особенно плодовитым на публикации оказался 1940 г. Самая характерная черта публикаций этого года: шесть больших статей, пять из которых начинаются со слова «Предварительное...» и одна со слова «Заметки...». Еще одна статья по-немецки начинается со слова «Kurze...». Это явное свидетельство того, что полевые работы обогнали камеральные. О правильности догадки свидетельствует тот факт, что начатая еще в Ленинграде ревизия лабиринтодонтов так никогда и не будет завершена.

Отсутствие недостатка в материале, перспективах будущих раскопок и идеях, конечно, породили в эти годы у заядлого романтика почти фантастические мечты об отдельном институте пермско-триасовых тетрапод. Иван Антонович даже был готов внести такой проект. Дополнительно такие мысли порождало и штатное расширение ПИНа. С 1 июля 1936 г. в него вошел отдел палеонтологии Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС) Наркомтяжпрома. При этом штатное расписание ПИНа удвоилось. Вновь пришедшие в значительной мере занимались традиционной стратиграфической палеонтологией, необходимой для целей геологического картирования и разведки полезных ископаемых. Идеи А. А. Борисяка о биологической и филогенетической палеонтологии казались многим «журавлем в небе», особенно когда шкафы ломятся от неопisanного материала, а голова полна идей межрегиональной корреляции.

Иван Антонович, воспитанный на идеях П. П. Сушкина и А. А. Борисяка, ворчал, глядя на ископаемых беспозвоночных: «это не животные, а щебенка», «плеснь на камне» какая-то и занимаются то этим «щебеночники». Конечно это было проявлением недостатка палеонтологического образования Ивана Антоновича.

Но вернемся в 1940 г. В этом же году выходят подробные описания улемазавра, рептилии из мезенской фауны и классическая палеонтологическая монография о бентозухе с Шарженги, написанная в соавторстве с А. П. Быстровым. Это поныне одно из лучших в мире монографических описаний лабиринтодонтов.

Наконец на русском и английском языках выходят статьи о тафономии — новой науке о закономерностях захоронения и формировании местонахождений ископаемых остатков организмов, а в более широком понимании — о законах строения и образования палеонтологической летописи. Не случайно в

начале 1940 г. Иван Антонович сделал доклад о тафономии на заседании, посвященном 80-летию выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина. Дарвин один из первых обратил внимание на неполноту геологической и избирательность палеонтологической летописи, которые, как и летописи исторические, нельзя воспринимать как исчерпывающий источник правдивой информации. Всегда необходимо делать поправку на неполноту и избирательность. В этом смысле тафномия — наука о правилах чтения палеонтологической летописи.

И. А. Ефремов в июне 1941 г.

В марте 1941 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Фауна наземных позвоночных средних зон перми СССР». Кроме основной задачи — зонального расчленения — в ней уделено особое внимание недавно открытой мезенской фауне и ее положению в разрезе континентальной перми Европейской России, а также монографическому описанию улемазавра.

В сущности цикл работ Ивана Антоновича, к которому относится диссертация и более поздние сочинения о зональном расчленении континентальных толщ перми и триаса Русской платформы и сопоставлении этих зон с фаунами Южной Африки и Северной Америки знаменует новый этап развития палеонтологии докайнозойских амфибий и рептилий нашего Отечества.

Раскопки В. П. Амалицкого на Малой Северной Двине дали первую большую и несомненно единую фауну тетрапод пермо-триаса. Однако для перехода к фаунистическому этапу

изучения необходима была возрастная последовательность сменяющих друг друга во времени фаун. Эту последовательность первым установил Иван Антонович. Переход ко второму этапу исследований, причем как в полевом, так и камеральном аспектах, — главная заслуга Ивана Антоновича перед палеогерпетологией в узком смысле, хотя, как мы видели и еще увидим, хватает и иных заслуг. Именно на плечах Ивана Антоновича стояли все последующие исследователи континентальной перми Восточной Европы, начиная от изыскателей «Второго Баку» до В. К. Голубева, который продолжает в наше время эти работы в лаборатории, которой полвека назад заведовал Иван Антонович.

До Северной Двины были находки в медистых песчаниках Приуралья. Но только работы Ивана Антоновича дали им более или менее надежную возрастную привязку, то есть сделали эти разрозненные находки фауной.

А дальше была война. Иван Антонович просился на фронт, а его ввели в штаб по эвакуации ценностей Палеонтологического института. Жили в Музее. В середине октября было получено снаряжение для Уральской экспедиции и Иван Антонович спецрейсом вылетел в Свердловск. На сей раз он был консультантом геологической экспедиции на медистые песчаники Южного Приуралья. До пос. Горный добирался на полуторке полтора месяца.

Вернувшись, заболел. Вот где аukaются сибирские маршруты. В 1942 г. сотрудники ПИНа перебрались из Свердловска в Алма-Ату. Приступ лихорадки повторился. Во время болезни начал писать первые рассказы. Это конечно неспроста: уже два года не копал, любимые кости недоступны. А романтика, как мы помним, не терпит отлагательства. Вот и начал писать.

В начале 1943 г. наконец добрался до г. Фрунзе, где был основной костяк ПИНа и действовала библиотека Биологи-

ческого отделения АН СССР. ПИН размещался в здании Киргизского пединститута. Там, в тамбуре между дверями гимнастического зала, И. А. Ефремов закончил рукопись «Тафономии». Там же, во Фрунзе, на семинаре Иван Антонович сделал первый доклад о методике полевых тафономических исследований. Судя по статье «Динозавровый горизонт Средней Азии и некоторые вопросы стратиграфии», опубликованной в 1944 г., Иван Антонович воспользовался пребыванием в Киргизии, чтобы продолжить свои наблюдения и мысли 1929 г. Он высказал предположение о перемыче мезозойских осадочных толщ Казахстана и Киргизии. Этим он объяснял бедность динозавровых местонахождений и фрагментарность большинства найденных остатков. Сравнивая это с результатами Центрально-Азиатской экспедиции Американского музея естественной истории, состоявшейся в начале 1920-х годов, Иван Антонович пришел к выводу, что монгольская Гоби должна дать более полную картину истории динозавровых фаун Центральной Азии.

В этом же году ему было присвоено звание профессора по специальности «палеонтология».

Поздней осенью 1943 г. Иван Антонович, в составе штаба по реэвакуации, вместе с ПИНОм и Биологическим отделением АН СССР вернулся в Москву. Вернулся уже не только палеонтологом, но и писателем. С собой он привез «Встречу над Тускаророй», «Эллинский секте», «Озеро Горных Духов», «Путиами старых горняков», первый вариант «Катти-Сарк», «Голец поддунный» и даже «Олгой Хорхой», хотя в те поры он в Монголии еще не бывал. В следующем году все это, кроме «Эллинского секрета» будет издано в «Новом мире», образуя цикл «Рассказы о необыкновенном».

С 1943 г. у Ивана Антоновича появился аспирант — А. К. Рождественский, только что окончивший основанную в 1939 г.

А. А. Борисяком при содействии Ю. А. Орлова кафедру палеонтологии Геолого-почвенного факультета МГУ.

В дальнейшем Анатолий Константинович стал ближайшим помощником Ивана Антоновича по Монгольской экспедиции АН СССР и крупнейшим в нашем Отечестве специалистом по динозаврам. В трудные для Ивана Антоновича годы в ПИНе он старался его защитить, а тот недолюбливал Анатолия Константиновича...

В 1944 г. распаковывали ящики, монтировали скелеты, восстанавливали музей и налаживали работу института. Опять не очень романтическая работа, а значит и опять романтическая литература. «Белый Рог», «Тень Минувшего», «Алмазная Труба», «Обсерватория Нур-и-Дешт», «Бухта радужных струй», «Последний Марсель», «Атол Факаофо» — все эти рассказы и повесть «Звездные корабли» написаны в 1944 г. Вспоминая эти произведения мы замечаем, как быстро приключенческий, но еще вполне реалистический жанр, начинает перерастать в научно-фантастический. Это, мне кажется, служит несомненным указанием на дефицит романтики в реальной жизни Ивана Антоновича. В этом смысле его муза — родная сестра музыки А. С. Грина.

Но реальная жизнь продолжалась. В конце 1944 г. наконец стали доступны для работы коллекции ПИНа, запакованные еще летом 1941 г. И Иван Антонович взялся за лантанозуха — самую неожиданную и интригующую находку из Ишеева. Работа затянулась и ее результаты были опубликованы только в 1946 г. Морфологическое изучение показало, что лантанозух вместе с известными ранее сеймурией из Северной Америки и котлассией с Северной Двины занимают промежуточное положение между земноводными и пресмыкающимися. Признаки этих трех родов дают такое мозаичное сочетание признаков обоих классов, что при попытке выяснения их сис-

тематической принадлежности мы, — как говорил Иван Антонович, — «сразу же теряем под ногами почву».

Здесь он встретился с по сей день окончательно нерешенной проблемой переходных групп между крупными таксонами, характера их эволюции и формы отражения их отношений в системе. К сожалению, работы даже главных своих предшественников (Э. Д. Копя, У. Б. Скотта, Г. Ф. Осборна и многих других), в которых они продвинулись в решении этой проблемы гораздо дальше Ивана Антоновича, он по видимому не знал.

Иван Антонович выделил эти три рода в отдельный подкласс *Batrachosauria* Efremov, 1946 (буквально: «лягушкоящеров»). Но своеобразие его решения заключалось в том, что он считал этот подкласс переходным, одновременно относящимся к двум вышестоящим классам — амфибиям и рептилиям. Такое решение не только противоречит Международным правилам зоологической номенклатуры, но несовместимо и со строго иерархической формой линнеевской системы. Такой одиозный поступок мог совершить только человек, считавший, что если природа изучаемого объекта приходит в противоречие с принятой формой системы, надо менять эту форму, а не пытаться искусственно загонять природу в прокрустово ложе, нами же изобретенное. Это же подтверждает и один из устных афоризмов Ивана Антоновича: «кодекс номенклатуры существует для меня, а не я для кодекса». Иногда чересчур буквальное следование этому правилу создавало номенклатурные трудности, из которых приходилось выбирать его последователям.

21 января 1945 г. Совет народных комиссаров СССР принял постановление о проведении празднования 220-летнего юбилея АН СССР. Не успев наладить работу лаборатории, Иван Антонович включается в процесс подготовки к юбилею.

Тем временем рассказы, изданные в 1944 г., уже читали. Из больших русских писателей А. Н. Толстой первым заметил

рассказы Ивана Ефремова. Уже тяжело больным, Алексей Николаевич продолжал живо интересоваться всем происходящим в литературе. Сильно идеологизированная эпоха русской революции почти нацело уничтожила приключенческий жанр как таковой и интерес к нему у массового читателя. Война унесла многих советских писателей. А для уставших после войны людей необходима была развлекательная и затягивающая, но при этом ненавязчиво поучительная и ободряющая литература. Всеми этими качествами обладает литературный мир Ивана Ефремова.

Алексей Николаевич пригласил Ивана Антоновича к себе в больницу и без обиняков спросил: «Рассказывайте, как вы стали писателем! Как вы успели выработать такой изящный и холодный стиль?». Возможно, даже Иван Антонович не очень и задумывался над этим, к этому его подготовила прожитая жизнь. Но внутренний слух и безошибочное чувство языка Алексея Николаевича позволили подметить эти качества сразу. 220-летие АН СССР отмечалось 16–30 июня 1945 г. в Москве и Ленинграде. Многие сотрудники Академии в связи с этим событием были награждены правительственными наградами. Иван Антонович был награжден орденом «Знак Почета». В этом же году монография о бентозухе И. А. Ефремова и А. П. Быстрова, изданная в 1940 г., была удостоена премии АН СССР им. А. А. Борисяка.

Союз писателей СССР избрал Ивана Антоновича своим членом. Это был единственный случай в послевоенной истории Союза писателей, когда избрание произошло без каких-либо предварительных заявлений и рекомендаций. Здесь, вероятно, мнение А. Н. Толстого сыграло важную роль. Видимо, окрыленный литературными успехами, Иван Антонович начинает писать вторую повесть «На краю Ойкумены».

Правительство Монгольской народной республики поддержало инициативу советских палеонтологов и предложило

АН СССР организовать экспедицию для поисков ископаемых животных в Монголии. Иван Антонович был назначен начальником экспедиции. Сезон 1946 г. был рекогносцировочным и был посвящен прежде всего объезду местонахождений, разведанных русскими геологами и Центрально-Азиатской экспедицией Американского музея естественной истории в 1920-х годах, но были обнаружены и новые местонахождения. В частности в первый же год было найдено гигантское захоронение динозавров в котловине Нэмэгэту Южной Гоби. Оно и теперь еще таит в себе несметные палеонтологические сокровища. По характеру полевой работы это был большой объезд и осмотр местонахождений, подобный тому, какой Иван Антонович впервые совершил летом 1937 г.

1947 г. ушел на подготовку больших раскопочных работ: завоз снаряжения, материалов (гипса, досок, лебедок, автомашин, горючего, провизии и много другого) на основную и промежуточные базы. Новый, 1948 г., Иван Антонович вместе с А. Г. Вологдиным и В. А. Пресняковым встречал в Улан-Баторе. Сезон 1947 г. Иван Антонович работал главным образом как организатор будущих работ.

Масштабным раскопкам были посвящены полевые сезоны 1948 и 1949 гг. Работа велась примерно так. Приезжали на точку (местонахождение), находили кости, особенно желанными были скелеты динозавров, которых фатально не хватало у нас дома, в России. Рутинной раскопочной работой и взятием монолитов руководили опытные сподвижники Ивана Антоновича: Я. М. Эглон, Н. И. Новожилов и М. Ф. Лукьянова под присмотром А. К. Рождественского. Иван Антонович значительную часть времени проводил в палатке за пишущей машинкой. В эти годы делались наброски для «Дороги ветров» и даже наброски, впоследствии вошедшие в «Туманность Андромеды».

*И. А. Ефремов в экспедиции
в пустыне Гоби (1948 г.)*

Результатам полевых работ в монгольской части Гоби была посвящена серия публикаций Ивана Антоновича в научной и популярной печати. Экспедиции в Монголию стали достойным завершением полевых подвигов Ивана Антоновича. За палеонтологические исследования в Монголии он награждался премиями Президиума АН СССР пять раз. Но больше он уже на полевые работы никогда не выезжал.

В 1948 г. Иван Антонович награжден орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в области палеонтологии. В 1950 г. опубликована книга «Тафономия и геологическая летопись». За нее через два года Иван Антонович был удостоен Сталинской премии второй степени.

Росла и лаборатория. В 1946 г. по окончании геологического факультета Саратовского университета поступил в аспирантуру Б. П. Вьюшков. Главной его специальностью стали зверообразные, особенно тероцефалы. Но вообще он был на все руки. Он имел публикации о лабиринтодонтах, батрахозаврах, проколофонах, парейазаврах, капторинидах, дицинодонтах, горгонопсах и проторозаврах. Он описал хронизухий (*Bystrowianidae* Vjuschkov, 1957; *Chroniosuchidae* Vjuschkov, 1957), регулярно ездил в поле, но не был в Монголии, продолжая в эти годы разведку и раскопки в Советском Союзе. В 1954 г. первую в истории русской палеонтологии применил бульдозерную вскрышу триасового местонахождения Донгуз в Оренбуржье. Его Иван Антонович называл «тафономом № 2».

В палеонтологии он был почти так же универсален, как сам Иван Антонович. Он с годами стал его любимым учеником, в котором он безусловно видел своего преемника, «но Бог судил иное». В 1958 г. его жизнь оборвалась.

В 1947 г. после демобилизации в лабораторию пришел Е. А. Малеев (1915–1966), выпускник Биофака МГУ, специализировавшийся по функциональной морфологии млекопитающих. В ПИНе он занимался гобийскими динозаврами, доставленными экспедициями Ивана Антоновича, в которых он тоже успел принять участие. В 1962 г. руководил экспедицией по изучению гигантских варанов острова Комодо.

В 1950 г. по совместительству был оформлен в качестве старшего лаборанта непревзойденный рисовальщик ископаемых костей Н. А. Яньшинов (1905–1975). Его исходная специальность — книжная миниатюрная графика. Они с Иваном Антоновичем знали друг друга еще в раннем детстве, усадьбы их родителей в Вырице были рядом, их разделял лишь общий забор. Его иллюстрации стали украшением многих ПИНовских работ и «Основ палеонтологии», посвященных ископаемым позвоночным.

Летом 1951 г. к Ивану Антоновичу приехал П. К. Чудинов (1922–2001) — геолог, выпускник Пермского университета, — с сообщением о находке черепа зверообразной рептилии в Пермской области. Осенью того же года Петр Константинович поступил в аспирантуру ПИНа. Начиная с 1952 г. ему было поручено вести разведку в Прикамье, в том числе и в окрестностях г. Очера, откуда происходил привезенный им череп. Это крупное местонахождение верхнепермских позвоночных находилось на высоком склоне холма. Вердикт Ивана Антоновича был: «Срыть к черту эту гору и добыть новую фауну». Раскопки в Очере требовали бульдозерной вскрыши и средства на них удалось получить лишь в 1957 г. Раскопки про-

должались в сезоны 1957, 1958 и 1960 гг. Но только в 1964 г. все наиболее важные находки были отпрепарированы. Очерская раскопка была самой крупной в истории советской палеонтологии и уступала лишь масштабам работы В. П. Амалицкого на Малой Северной Двине.

Но даже в годы монгольской эпопеи первая любовь Ивана Антоновича — континентальный пермо-триас России — не была полностью оставлена. Его статья «Гондванские фацции северных материков» развивает с использованием множества новейших данных главную идею В. П. Амалицкого о проникновении в поздней перми многих характерных элементов гондванской фауны на территорию Восточно-Европейской платформы. В статье «О строении коленного сустава высших дицинодонтов» он предвосхитил наши современные воззрения о роли локомоции крупных позвоночных в истории триасовых тетрапод.

Главная же палеонтологическая работа послевоенного периода «Фауна наземных позвоночных в пермских медистых песчаниках Западного Приуралья» подводила итог не только собственным работам Ивана Антоновича в этой области, начатым еще в 1929 г., но также палеонтологическим и геологическим исследованиям его предшественников более чем за 100 лет. Иван Антонович писал в этой книге: «В течение XVIII и XIX веков работало огромное количество рудников, рассеянных по всей площади развития медистых песчаников вдоль западного склона Урала. Наиболее крупные скопления медных руд в пермских континентальных отложениях представляют собой вместе с тем и местонахождения органических остатков. Результатом этого явилось то, что прекрасной сохранности органические остатки неминуемо должны были обратить на себя внимание, особенно при наличии большого количества опытных и внимательных горнорабочих и при руч-

ной разработке руды». Иными словами, палеонтологические сокровища медных рудников были типичными плодом периода случайных находок. Подробная геологическая атрибуция образцов не проводилась, поскольку находку откладывали, а выемка руды продолжалась. Поэтому соотнести находки, сделанные в рудниках большей частью в XIX веке, с добытыми в естественных обнажениях удалось лишь на стадии изучения разновозрастных фаун, то есть, как отмечалось, в эпоху Ефремова. Книга о медистых песчаниках — самая крупная монография Ивана Антоновича — была опубликована в 1954 г.

В 1955 г. была издана последняя палеонтологическая книга Ивана Антоновича «Каталог местонахождений пермских и триасовых наземных позвоночных на территории СССР». Она была написана в соавторстве с Б. П. Вьюшковым и подводила итог поисковой работе охотников за ископаемыми более чем за столетний период.

Хотя в последующие годы научная продуктивность Ивана Антоновича сократилась, но до 1958 г. палеонтологические публикации продолжали выходить. В 1957 г. Иван Антонович и А. П. Быстров получили дипломы Лондонского Линнеевского общества за свою монографию 1940 г. о бентозухе и стали почетными членами этого общества. Такое, казалось бы запоздалое признание, свидетельствовало, как ничто другое, о том, что эта монография вошла в мировую палеонтологическую классику.

Издав книгу о медистых песчаниках, Иван Антонович принялся за «Дорогу ветров». Эта книга о Монгольской экспедиции АН СССР — самое реалистичное и самое автобиографичное произведение Ивана Антоновича. Только в этой книге все герои названы своими именами. Фантазия была нужна только в тех местах, которые не мог вынести Главлит. Например, за удачные находки в книге награждаемым выдавался шоколад. Как известно, Иван Антонович старался брать на

технические должности в экспедицию водителей — бывших фронтовиков, привыкших к трудностям полевой жизни, способных на марше вести, а при случае и ремонтировать машину, но способных участвовать и в раскопках. Легко себе представить, как им нужен был тот шоколад и что именно выдавалось в награду.

Еще дописывая книгу о Монголии, он берется за первый свой роман — «Туманность Андромеды». Он неделями пишет дома, но нередко, даже явившись в ПИИ, продолжает заниматься беллетристикой. А ведь он еще лабораторией заведует: надо руководить сотрудниками, проводить семинары, вычитывать статьи, писать отзывы, отчеты писать, ежегодную инвентаризацию устраивать и т. п. В ответ на претензии он еще в 1955 г. оформляет временную инвалидность и дописывает обе вещи. «Дорога Ветров» первым изданием вышла в 1956 г., «Туманность Андромеды» — в 1957 г. в сокращенном виде в журнале «Техника — молодежи», а в 1958 г. — отдельной книгой. Это, пожалуй, самая известная, самая издаваемая и дважды экранизированная книга Ивана Ефремова (до 1987 г. — 83 раза на 36 языках). Популярность художественных произведений Антона Ивановича была невероятно велика. С 1949 по 1954 г. ничего нового им не было написано, но написанное ранее издавалось с неослабевающей частотой (с 1944 по 1953 г. — 254 раза на 17 языках).

В октябре 1953 г. Иван Антонович баллотировался на выборах в члены-корреспонденты АН СССР, но избран не был. Как часто бывает, дело было не в научных заслугах, а в противостоянии сторонников и противников Т. Д. Лысенко. Избраны в тот раз были Ю. А. Орлов и Л. Ш. Давиташвили, а отвергнуты И. А. Ефремов и А. Н. Криштофович. Оценка этого события Иваном Антоновичем 9 лет спустя была под стать романтику. Он писал Ю. А. Орлову: «Никогда больше

не выставлю свою кандидатуру, поскольку один раз Академия ее уже отвергла. Донкихотство или нет, но это так...».

В 1958 г. начиналась Советско-Китайская палеонтологическая экспедиция АН СССР и АН КНР. В связи с этим И. А. Ефремов в составе группы советских палеонтологов выезжал в Китай для переговоров, с тем чтобы со следующего года начать полевые раскопочные работы. Как и предполагалось, работы начались, в них даже участвовал П. К. Чудинов, но Ивана Антоновича там не было... Формально Иван Антонович в 1959 г., 52 лет от роду, ушел из ПИНа по инвалидности, проработав в нем 34 года. Ушел, хлопнув дверью... Он еще консультировал сотрудников, писал отзывы о диссертациях, но в Институт не ходил. Внутреннюю причину конфликта Иван Антонович сформулировал сам: «Как быть, когда становится трудно «служить двум богам», когда литературная работа хорошо и удачно идет — и на миллионы людей, а не на десятки, как палеонтологическая, она нужна людям; что не бросать же литературную и как же быть с наукой». Для серьезного обсуждения причин внешних мне не удалось найти подходящей формы.

На этом собственно научная биография Ивана Антоновича кончилась. Было опубликовано еще две статьи. Это русская версия «Некоторых соображений о биологических основах палеозоологии» и «Перспективы развития палеонтологических исследований в Монголии». Были написаны два некролога: к 100-летию В. П. Амалицкого и к 10-летию гибели Б. П. Вьюшкова. Дальше начинается биография Ивана Антоновича — большого писателя, почти безраздельно отданная беллетристике.

А. С. Раутиан

ФАНТАСТИКА, ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

Творчество И. А. Ефремова диалектически (как любил подчеркивать сам писатель) двулико. Внешне это извилистый, а порою и медленный, даже неуверенный путь восхождения от поверхностно фантастических, завораживающих первых рассказов, романтических историй, морских приключений, легенд («Катти Старк») — отголосков юношеской эпохи «морского волка» в тихоокеанских дальневосточных морях — к неожиданным оценкам как бы неявленных планов древних цивилизаций (Греции, Египта). Этот первый период и план творчества современниками оценен противоречиво. Одни (в том числе и А. Н. Толстой) оценивали свежесть и необычность сюжетов писателя. Другие, считая первые работы лишенными художественных достоинств, склонны были оценивать это творчество как особую форму беллетристики. Однако духовная тайна Ефремова уже здесь, в начале пути, обрела свои, хотя и не раскрытые крылья, — в гениальном прозрении сибирских алмазов («Алмазная Труба»), удостоверяемому исторически, самими первооткрывателями якутских месторождений, пошедшими вслед за мыслью писателя по указанному им пути. Тайна Ефремова, будто бы фантаста, обозначилась в неудержимой, всеобъемлющей, строгой научности его мысли, которую ему — ученому исключительной эрудиции — было угодно закамуфлировать радугой странных фантазий. Эти фантазии и сам камуфляж на поверку временем оказались чем-то родственным суфизму — неявленной верой-мечтой о необходимости одухотворенности (и одухотворения) мира и нашего бытия, крылатости человеческой мысли как восточного переливающегося радугой чуда. Уже с первых шагов Ефремова-писателя его генетическая нерасторжимая связь с Азией (и Средней Азией в том числе) обозначилась четко, бесповоротно.

Творчество второго, глубинного плана — это странный и как бы внезапный (непрофессиональный) переход к таинственным проблемам человеческой психики, наши представления о которой поистине вечно и ныне балансируют на «Лезвии бритвы». Роман, вызвавший чуть ли ни потоки брани даже в кругу близких друзей, по-видимому, слишком рациональных, далеких от тайн медитативного плана — основы духовных исканий и откровений Востока. Практически никто не заметил, что «Лезвие бритвы» таило в себе двойной, в том числе и сокровенный смысл: по нему, как по истинному лезвию бритвы, писатель, используя опыт Востока, впервые решился на «путешествие в Духе». Это была уже другая фантастика — смыслов, ее недостижимости, отчаянной осознанности, прорыв в духовные тайны, медитативное обретение Силы. Еще не были завершены раздумья о цивилизациях и культурах Европы, но Восток уже пробивался в методах творческого порыва, в явлениях медитативного текста, когда слово и текст становятся гармоническим и спонтанным, практически неконтролируемым сознанием — потоком образного, не думающего, а зрящего отражаемого воочию человеком. Но об этом несколько позже.

Новый план творческого бытия Ефремова начат «Туманностью Андромеды», снискавшей писателю всемирную славу одного из ведущих фантастов XX века. Международные премии, конкурсы, письма и семинары. Успех глубинной философии и естественно-исторически спорной книги «Таис Афинская», книги о безусловном превосходстве женского начала Инь (Таис) над романтическим, действенным, размышляюще-неуглубленным Ян — началом мужским (Александр Македонский как светоносное, могущественнейшее и все же наивное, детски неразмышляющее — действующее явление и начало нашего мира). Шаг поистине дерзкий и спорный, до правоты осознания которого человек, уже ставший абсолютной и воз-

можно уже неотвратимой жертвой мнимой светоносности ян — мужской тирании Земли, не додумался и не дорос и в наши безумные дни. Теперь, спустя 30 лет после смерти писателя, в поисках тайных истоков мысли о космической символике и величии женского, материнского начала Вселенной и Жизни, только и способного к постижению истинных ужасов мира, мы вдруг понимаем, что истоки идеи таятся в еще неосознанных нами противоречиях, в сущности, в иньской философии даосизма и янской — конфуцианства. И нас вновь и до глубины души потрясает прозорливость писателя Ивана Ефремова, первым уловившего, как и в истории Якутских алмазов, беспрецедентную мудрость Востока, все еще скрытую в таинственных текстах великого Учителя Лао цзы («Дао де цзин»), так потрясшую в начале XX века величайшего из провидцев России — Льва Толстого, оставившего нам в наследие лучшее из толкований древнего китайского текста. В том, что не следует сомневаться в высокой оценке мысли Ефремова, нас убеждает триумф книг Фритьофа Капры («Дао физики», «Уроки мудрости» и др.), получивших не только поддержку выдающихся физиков нашей эпохи (Вернера Гейзенберга, Джеффри Чу, Дэвида Бома и многих других), но и многих выдающихся деятелей и мыслителей XX века. Для многих становится очевидно, что именно «женская» философия даосизма сегодня становится величайшим источником альтернатив, застывшего над пропастью inferнальных крушений европейского «мужского» сознания и созданной им индустриально-технократической, потребительски меркантильной цивилизации безумной и бездумной наживы. Именно здесь, в философии меры и золотой середины, видели и Лев Толстой, еще не разгадавший тайны иньского начала Дао де цзина, и писатель-палеонтолог Иван Ефремов, отважившийся взглянуть на Восток до самых его глубин. Повесть-роман о Таис — это ответ писателя-натура-

листа на одну из глубочайших доктрин Востока — мистический феномен круговращения, взаимозамещения, слияния и противостояния сознания и интуиции, деятельности и осторожности, меры и силы, сознания и подсознания, последнего — как основного и глубинного начала творчества — мысли, хранителя опыта исторических и эволюционных эпох, первого — как деятельного начала, придающего творческим силам и формы, и логику выражения мысли.

В творчестве Ефремова почти незаметной промелькнула «Дорога Ветров», скрывающая под покровом полевых дневников, профессиональных палеонтологических экспедиций в Монголию важнейший переломный этап духовного мира писателя. И, может быть, останется вечной загадкой не только сама реальная физическая (генетическая) мощь исследователя, писателя, человека — Ивана Ефремова (истинный богатырь земли русской — кося сажень в плечах), но и глубинно созвучная ему, Ивану Ефремову и самому русскому духу провиденциальная открытость, устремленность России к ледяным просторам Сибири, Азии, Востоку... Приверженность творчеству Н. К. Рериха (А. Юферова, 1991 г.). «Премудрая тетрадь» 1956 г. 86 постулатов из медитативных текстов Е. И. Рерих («Агни Йоги»), тесно связанных с важнейшими мыслями — духовными и философскими постулатами «Туманности Андромеды», а затем и «Часа Быка», таинственные указания на истоки трех гималайских рек...

Всемирный триумф романа-утопии «Туманности Андромеды» и — временная (посмертная?) катастрофа — донос — изъятие прямо из магазинов первого тиража «Часа Быка», ставшего завещанием (случайно ли?), а по мнению профессионалов-экологов, эволюционистов, — пророческим, грозным и строго научно обоснованным предостережением ученого, философа, мудреца — думающим людям Земли о пагубности разнуздан-

ного индустриализма (технократизма), смертельной опасности олигархической власти. И третий, глубинный пласт книги, открытый лишь профессионалам, — основа доноса — смертельные симптомы реального социализма. Был наложен запрет не только на сам роман «Час Быка». В научных статьях, книгах, журналах фамилию ученого Ефремова вымарывали жестко и беспрекословно целые годы... Воистину: «И сбывается над ними пророчество Исаяи, которое говорит: «слухом услышите, и не уразумеете; и глазами смотреть будете, и не увидите...» (Матф. 13:14). «Ибо сказано вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: «и к злодеям причтен»» (Лук. 22:37). «Но да сбудется слово, написанное в законе их: «возненавидели Меня напрасно»» (Иоан. 15:25).

Мистика, непостижимость тайны Ефремова — потрясают. Кажется, что истинная его глубина еще не раскрыта. Возможно, что сегодня она еще недоступна, непостижима. Но контуры ее как образы восточных фантазий уже проступают. Было замечено (Шалимов, 1981), что явление истинного, глубинного Ефремова состоялось — в образе Дара Ветра, героя главного и оптимистического романа «Туманности Андромеды». И в этом мужественном и могучем образе, кажется, сказано все. Мы лишь добавим: Он — истинный Дар и Он — именно Ветер. Ибо ветер, как считали древние, особенно в тревожные, переломные годы, становится деятельным состоянием Духа. Творчество провиденциального Ефремова обрело богатырские силы именно на «Дороге Ветров», в бескрайних просторах Центральной Азии, с жизнью которой писатель знакомился не понаслышке. По Монголии, стране, где слагались гимны о Северной Шамбале, куда вели тайные тропы великих тибетских лам, он странствовал многие годы и телесно и в Духе. В Духе, окидывая мысленным взором заоблачные высоты Тибета и Гималаев, глядя сквозь призму исследователя — натуралиста,

эволюциониста, эколога, как палеонтолог-профессионал высочайшей пробы, мыслящий масштабами тысячелетий, — он завершил свой духовный рост. Словно и этим сакральным жестом, присоединяя себя и нас к сонму верующих в Связующий Жребий России, тайно рожденной на великом экологическом и духовном пороге Сибири — колыбели вселенского Севера, земле неизбежных, немислимых богатырских свершений. Земле, уготовленной людям, воспитанным на тайне «Благоговения перед Безмолвием», скорее думающим и строящим, чем «Говорящим», творческая мысль которого и глубина скрыты в безднах человеческого подсознания, образной, неявленной, несловесной мысли, названной интуицией. Тайные миры и планы бытия человека, открытые писателем, философом, натуралистом И. А. Ефремовым — глубинны. Это неведомое нам и ныне таинство и самораскрытие мысли без слов, точнее — мысли, таящейся под и между словами. Это мысль будущего, лишь означенная словами намеков, по которым, как по вершинам заснеженных гор, знающие спускаются к земным потаенным глубинам, оставляя нам и соборы Великого Новгорода, Пскова, Владимиро-Суздальских ополей, и древнейшие лики святых, запечатленных иконами Древней Руси, лучезарной «Троицей» Андрея Рублева, музыкой, поэзией, балетом и танцем, составившими славу Великой России. Это высокая, может быть, высшая философия, — литература безмолвия, — в сущности, единственный и неизбежный путь человеческой мысли и Духа в грядущих веках. Ибо сказано на Востоке: «горе тому, кто разделяет, дважды горе тому, кто говорит все!»

Мало кому известно, что многие тайны психологического и творческого облика И. А. Ефремова связаны с именем выдающегося русского зоолога и палеонтолога академика П. П. Сушкина. Вернувшись с Дальнего Востока могучим, но еще юным «морским волком» — капитаном тихоокеанских морей,

Иван Ефремов встретился в геологическом музее Петрограда с человеком столь же неукратимой энергии, воли, ума и силы духа, широчайших и разносторонних знаний. У меня как профессионала-зоолога, воспитанника той же кафедры, что и П. П. Сушкин, — кафедры зоологии и сравнительной анатомии позвоночных Московского университета, нет сомнений в удивительной духовной и творческой близости этих людей. Именно работа с выдающимся зоологом и палеонтологом определила профессиональное будущее Ивана Ефремова — он стал палеонтологом-эволюционистом. Нет сомнения в том, что в молодом человеке, будущем выдающемся ученым и писателе, П. П. Сушкин нашел духовно близкого человека, способного не только стать его преданным учеником, но и свершителем его несбывшихся надежд, интересов, мечтаний. Под влиянием Учителя молодой Ефремов избрал углубленный и одновременно широкий путь профессионального познания истории жизни на Земле, истории природы и человека. Ведь Учитель был не только выдающимся зоологом, палеонтологом, географом, блистательным знатоком и коллекционером бабочек, но и не менее известным антропологом — создателем оригинальной концепции горного происхождения человека. Мне кажется, что судьба и творчество И. А. Ефремова читаются через судьбу и духовную устремленность его первого Учителя однозначно. Кстати замечу, что венцом теоретической мысли И. А. Ефремова стала практически незамеченная ни общественностью, ни профессиональной наукой статья, посмертно опубликованная в малоизвестном, фактически запрещенном сборнике, изданном Академией наук СССР, — «Населенный Космос» (1972 г.). Смысл этой идеи, полностью созвучный «фантастической» идее Ефремова о единстве облика людей Вселенной как физически оптимальной форме, сводится к следующему. Многие годы, раздумывая над невероятным, по мнению И. А. Ефремова, эко-

логически и эволюционно необъяснимым разнообразием беспозвоночных животных, ученый пришел к совершенно неожиданной мысли: он допустил возможность, что на первичных этапах развития жизни, на уровнях беспозвоночных, Природа закладывает — создает на планете — все многообразие жизненных форм, на которое способна Вселенная! И лишь в дальнейшем в соответствии с конкретными экологическими особенностями планеты, из этого первичного многообразия избираются оптимальные формы, на базе которых эволюция строит восходящие ряды и уровни высших жизненных форм. Об этой «последней» идее Ефремова следует помнить. Хотя бы потому, что она, в полном соответствии с принципом «безумия» Нильса Бора, может быть оценена на сегодня как вершина «эволюционного безумия»!

Уже в юности будущий писатель, кстати, вышедший на литературную арену крайне поздно, уже перейдя порог зрелости, был неукротимым романтиком, но одновременно, как бы сегодня сказал последователь Карлоса Кастанеды, — тайным искателем Силы. Его отличала от всех писателей и фантастов неизменная, славянски одухотворенная, иногда поверхностно-мистицизированная верность научному знанию. Для него эта вера была безусловной, ибо он, в отличие от великого сонма «научных фантастов», сохранил непреложным профессиональный научный труд и даже достиг в нем теоретических вершин в апогее своей писательской славы. Нам кажется, что для И. А. Ефремова фантастика была лишь обманчивой для обывденного человека — радужной оболочкой, формой, за которой он, часто сознательно, прятал свою неукротимую, строгую, одухотворенную мысль. Ивану Ефремову удалось найти свой собственный, я бы сказал — богатырский, путь в жизни, науке, литературе. Путь широкого, практически безграничного поиска, нечеловеческой силы охвата проблем и вширь и вглубь, овладения из-

бранной темой на пределе научного знания, до самого дна. Именно таким человеком был и его старый Учитель. Мне кажется, что и сегодня эта абсолютная приверженность под-сознания Ефремова строгой науке дает себя знать. На оборотной стороне его вышивок, как и вышивок шведского короля, не удастся обнаружить ни одного узелка.

Вершины философского творчества Ефремова, подобно горам альпийского орогенеза, отмеченного возвышением Тибета и Гималаев, Алтая и Альп, достигли своего апогея в Темное Время. На пороге одного из величайших надломов в истории нашего общества. Об опасностях и симптомах которого он умудрился поведать нам в третьем, сакральном плане «Часа Быка» (и здесь — провиденциальная Сила Востока). Это был двойной образ Инферно: материализованный явно, жестко, научно и страшно облик Олигархии Торманса и потаенный (на той же inferнальной тропе) образ реального социализма (основа доноса), неуклонно творящего симптомы ущербного, духовно опустошенного супериндустриализма, обрекающего планету и ее жизнь на вырождение и гибель.

Писатель был и, в сущности, оставался романтиком-оптимистом. Ведь именно им и никем другим написан величайший (пусть спорный) роман о будущем человечества — «Туманность Андромеды». Писатель, философ и человек И. А. Ефремов — был ли он досужим фантастом? Сегодня кажется многим, в том числе и знающим его мысли, дела, способности, знания профессионально и изнутри, — он был человеком и мыслителем Высокой Пробы. Может быть, и вправду Иваном — воплощением неявленного русского Духа, последним богатырем земли нашей.

Спор тысячелетний о золотых временах не завершен. Писатель вопиет к нам о смертельной опасности Олигархической Власти, угроза которой не только реальна, возможно — нео-

твратима. Он вопиет к нам о смертельной опасности бездумного оголтелого индустриализма и технократизма вообще. Эти опасности как профессиональный эколог-эволюционист он не только обозначил великим понятием — словом Инферно, но и, раздумывая над глубинными сущностями биологического, социального, духовного бытия природы и человека, как немногие выдающиеся натуралисты и мыслители нашего времени, прошлых эпох, понимал, что возможность Светлого финала нашей истории — лишь детерминированная (диалектически направляемая) вероятность. Ему очень хотелось верить в его неизбежность. Но как палеонтолог-эволюционист он лучше многих других знал о существовании тайных путей — тупиковых ветвей инадаптивной эволюции жизни, ведущих к гибели. И они, эти inferнальные планы бытия, так же вечны, как и само явление жизни. Вечны не в конечности земного их плана, а в планах космических. И опасность их, этих метапрограммных (Природой невидимо для нас творимых) инадаптивных планов, в руках человеческих достигает своего космического апогея. История жизни нашей планеты, бесчисленными фактами которой он владел могущественно, профессионально, убеждала писателя в неизбежности прогрессирующего и прогрессивного детерминизма. Он верил в реальность Информационного Галактического Кольца космических цивилизаций. Он был убежден в детерминированности единства физического облика человека Вселенной («Сердце Змеи»). Он верил в космическую предопределенность Красоты и Гармонии, в конечное торжество Красоты, Добра и Духа над Злом. И словно безмолвным заветом он заклинал нас не верить в возможность тщедушных эмбриональных пришельцев, ибо, как было открыто ему, — только в апогее красоты тела и духа, творчество и мысль человеческая достигают своего космического апогея. Он верил в возмож-

ность, может быть, необходимость бескровных революций, как очистительной, обновляющей силы космического бытия, ибо в те годы революционными феноменами природы ему казались великие смены геологических ликов нашей планеты и все сонмов ее развивающейся жизни. Он верил в глубинное неведомое нам превосходство женского начала земли как творческой животворящей, рождающей и охранительной силы, одной только и способной кровью сердца и отчаянием материнского крика встать на спасение и защиту заблудших детей своих. Женщина и Природа едины как вмещающее, творящее и охранительное явление жизни. В конечном итоге он верил в величие (и может быть превосходство) чувственной интуиции над светом холодного разума. Он верил не в разум как таковой, а в его земную природную Мудрость, стократно усиленную любовью, материнской, земной интуицией Жизни.

Когда-то А. Блок заметил о путевых очерках М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц»: «Это, конечно, — поэзия, но и еще что-то». Сегодня, продолжая давно начатый спор о том, что наследие Ефремова — это не литература, а беллетристика, как мне кажется, мы должны больше думать о том: «А была ли фантастика?» Может быть, творчество И. А. Ефремова выше обыденной литературы, выше поэзии? Может быть, это особая форма мудрости поэтической по духу, по глубинному своему романтическому настрою, одухотворенности, сплав философии и науки — та форма духовной литературы, которая выше не только обыденных, но и поэтических слов? Может быть, ее главная самая фантастическая (по недостижимости) из ныне явленных сущностей сила — образы Философского Безмолвия, которые в будущем могут стать главной творческой силой, космического масштаба оружием человеческой мысли в ее противостоянии inferнальному Злу, а может быть, и Темным началам Вселенной?

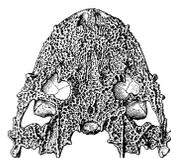
Наконец, последнее, — может быть, самое главное, — лежащее в самом тайном основании таланта писателя, ученого и человека, всего сказанного и недосказанного в этой статье. Замечено, что зрелые тексты Ефремова — медитативны. Они как бы наделены, подобно древнейшим гимнам Ригvedы, магической силой самораскрытия, пульсации, длящейся жизнью во времени, как утверждали и утверждают и буддийские адепты Большой Колесницы (Махаяны), отстаивая феномен саморазвития и самораскрытия мыслей и слов Будды Гаутамы. Истинный смысл этих текстов не дается поверхностно, свойственным для нашей торопливой эпохи кавалеристским наскоком. В них, в эти тексты, погружаются всерьез и надолго. В них «живут между строк», утопают. Утопающим открываются новые смыслы и силы, способность увидеть тайную стройность новых миров. Обретается дар понимания, как бы продления жизни, развития образов, мыслей, картин неявленных, скрытых. Это дороги в миры еще неведомой нам параллельности, сложности рядоположенных форм неявленного скрытого бытия (Метапрограмм нашего Духа). Тайна медитационного текста сродни тайне настоящего, давно умершего театра, когда первые звуки, слова, их глубинные обертоны и смыслы отключают сознание тысяч людей, заставляют верить всему, что звучит и мелькает на сцене. Такова была непостижимая сила шекспировских действий и слов, сила великого русского театра ушедшей эпохи. Тайна медитационного текста в его абсолютной зримости, способности не только видеть, но и слышать слова и голоса, отраженные текстом. Это не тексты обычной словесной и буквенной вязи. Это — словесная, зримая и звуковая вязь импульсов зримого и звучащего объемного мира. Автор как бы живет в представляемом мире, движется, видит мельчайшие детали этого мира, неразличимые в мире реальном. И тексты, рожденные почти бессознательно, переданные нам из этих

виртуальных миров нашего подсознания, обретают особую стройность и силу. Подобно живому, неуправляемому потоку, они входят в наше бытие, часто помимо сознания. Этим текстов немного. Они начаты мистикой Е. П. Блаватской, «Агни Йо-гой» Е. И. Рерих, «Розой мира» Д. Андреева, книгами, лекциями и статьями Л. Н. Гумилева. Этим загадочным даром владели Шпенглер, Ясперс, Ортега-и-Гасет... В форме пророческих социальных картин нам оставил их и Иван Ефремов. Возможно, — это тексты-вершины, по которым, как по гимнам Ригvedы, Библии и Авесты, можно спускаться в неведомые нам глубины бытия, возможно устремление в даль.

Один из известных филологов (И. И. Гарин) в книге «Неизвестный Толстой» (1993 г.) выразил точно и ярко, может быть, главную мысль нашей переломной эпохи. «Каждое поколение переписывает (мы бы добавили — «должно переписывать») историю, портреты исторических деятелей, биографии творцов культуры, саму культуру. Почему?.. Что нового можно добавить к изученному по дням и часам Толстому?.. Парадоксальные ответы на эти вопросы состоят в том, что, во-первых, мы ничего не знаем о Толстом — самом великом и поэтому самом оболганном писателе России, во-вторых, в том, что прошлое обладает ничуть не меньшей вариабельностью, чем будущее, в-третьих, в том, что человеческая культура и есть «вечное переписывание», омолаживающее самое себя все новыми и новыми перспективами... в-седьмых, в том, что о Толстом сказано все и — ничего... он не просто выразитель «русского духа», но — плоть от плоти... одной ногой этот колосс стоял в Европе, которую недолюбливал, а другой в Азии, которую славил и... пытался преодолеть, что при всей своей «русскости» Толстой — всечеловечен». Это, на наш взгляд, слова, которые следует, как на стенах дворца в пророчестве Даниила, сделать огненными — символами, указующими Путь... Ибо

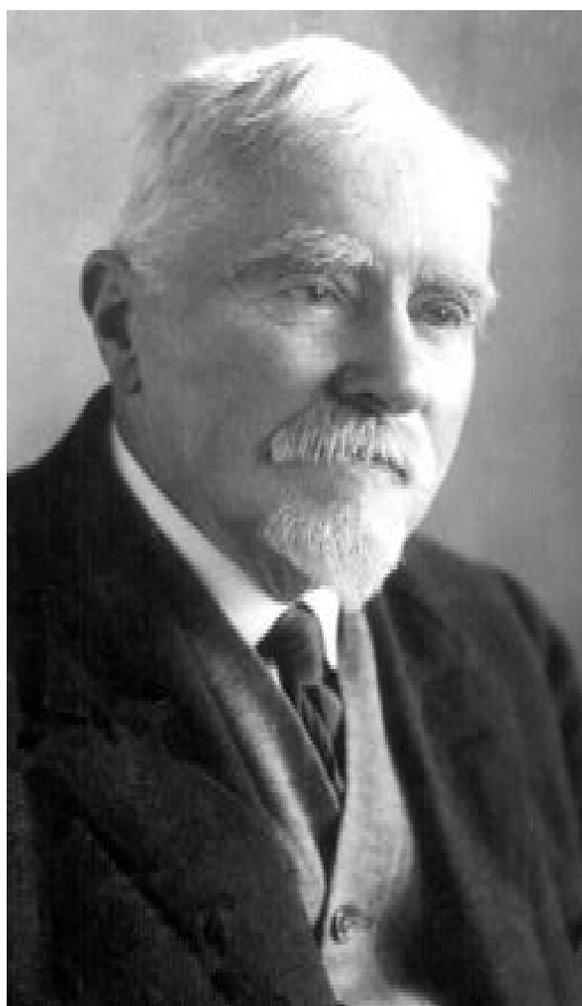
на этой Земле рождаются люди, по силам своим и трудам превосходящие любую обыденность, по скрытой духовной мощи своей принадлежащие вечности и Вселенной. В этой вечности созданное ими нетленно, в ней они раскрываются, действуют и цветут — вечно, бессмертно и непрерывно...

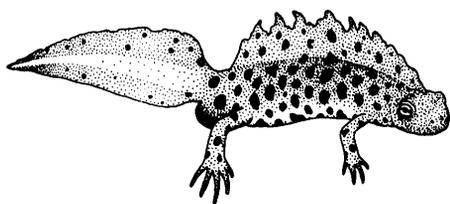
Г. Н. Симкин

**НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КУЛАГИН**

1860–1940

Одним из первых, кто целенаправленно взялся за обработку герпетологических фондов Зоологического музея, был Николай Михайлович Кулагин, известный по-

давляющему большинству биологов как энтомолог, зоолог беспозвоночных животных и деятель охраны природы. Однако немногие знают о том, что в самом начале своей научной карьеры он достаточно активно занимался, изучением земноводных и пресмыкающихся, опубликовав более десятка работ по герпетологии. Некоторые из них были заметным шагом в развитии отечественной герпетологии. Это действительно малоизвестная страница его биографии.

Николай Михайлович родился, по одним сведениям, 15 ноября 1859 г., по другим — 7 января 1860 г. в селе Шиловичи Духовщинского уезда Смоленской губернии в благополучной религиозной семье, где любовь и уважение между родителями и детьми имели обоюдный характер. Отец его был священником, образованным, добрым и воспитанным человеком, жившим проблемами прихожан и свято убежденным в служении им. Духовность была главной воспитательной составляющей в семье Кулагиных. Родители сформировали в сыне доброжелательный, уравновешенный и интеллигентный характер, основными чертами которого были честность, рассудительность и внимание к людям. Именно поэтому Николай Михайлович всегда остро воспринимал беды людей и в будущем не мог оставаться в стороне от несправедливости: в знак протеста против приказа черносотенного царского министра народного просвещения Л. А. Кассо об увольнении руководства Московского университета в числе других приват-доцентов он подал в отставку (вернулся в университет лишь в 1919 г. профессором).

Н. М. Кулагин в период работы в Зоомузее МГУ (вторая половина 1880-х годов)

В годы сталинских репрессий неоднократно вставал на защиту выдающихся отечественных биологов (Н. М. Кольцова, Г. А. Кожевникова, И. И. Пузанова и др.), активно боролся с чиновниками Наркопроса и Пушно-Госторга за благополучие Беловежской Пущи, Аскания-Нова и других заповедных территорий.

После окончания с отличием духовной семинарии отец мечтал видеть сына, обладавшего лучшими человеческими качествами и громким певучим голосом, — церковным служителем. Однако Коля решает подать документы на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Московского университета, и отец с сожалением соглашается, уважая выбор сына. Николай поступает в университет в 1880 г. и попадает под влияние незаурядной личности талантливого педагога и организатора науки А. П. Богданова, который очень внимательно отнесся к разносторонним интересам студента Кулагина, оказав поддержку во многих его начинаниях.

В эти годы Н. М. Кулагин начинает интересоваться беспозвоночными животными и по инициативе А. П. Богданова совершает несколько экскурсий по Московской (окр. села Вольинское, Петровско-Разумовского, дачи Студенец) и Смоленской (окр. села Шиловичи, где он родился) губерниям поздней осенью и зимой 1883 и 1884 гг. с целью изучения экологии пресноводных животных. При этом он подробно описывает состояние обнаруженных им зимовок лягушек и докладывает об этом на заседаниях Зоологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и

этнографии. Потом этому направлению работ Николай Михайлович посвятит более обстоятельные обзоры.

После окончания университета в июне 1884 г., основываясь на выдающихся результатах в обучении, А. П. Богданов оставляет Кулагина сначала сверхштатным, а в 1885 г. назначает штатным ассистентом Зоологического музея, где в числе прочих работ Николай Михайлович приступает к ревизии коллекции земноводных и пресмыкающихся. С 1885 по 1888 г. он активно занимается этой работой. В записях так называемой Шнуровой книги Зоомузея сохранилась информация о том, в какие дни он просматривал герпетологические коллекции, расставлял их по шкафам, доливал в коллекционные банки спирт и определял новые поступления амфибий и рептилий. В процессе этой работы он подготовил и несколько позже (1890 г.) опубликовал ряд заметок о поступлениях в музей интересных земноводных и пресмыкающихся, доставленных докторами П. А. Бурцевым и В. И. Исаевым из Уссурийского края и Юго-Восточной Азии, а также о герпетофауне Крыма. Николай Михайлович идентифицировал новые герпетологические материалы из Мерва, Японии, Сайгона, Сингапура, с Явы, Цейлона и других территорий, что говорит о его значительной эрудиции в области герпетологии. Результатом этой огромной по объему работы стал аннотированный каталог «Списки и описание пресмыкающихся и земноводных, находящихся в систематической коллекции Зоологического музея Московского Университета к 23 сентября 1888 года». Это был не просто перечень таксонов, он содержал критические заметки по систематике и морфологии видов, снабженные оригинальными рисунками диагностических признаков. Вот лишь одна цитата, свидетельствующая о скрупулезности анализа изученной Н. М. Кулагиным герпетологической коллекции: «По своим признакам этот экземпляр вполне подходит к виду *Ere mias (Podarcis) Strauchii*, установленно-

му Кесслером для Кавказских форм. Академиком А. А. Штраухом мне лично было указано на несостоятельность вида *Eremias Strauchii*. На основании экземпляров нашей коллекции и имеющихся в Музее С.-Петербургской Академии Наук мне пришлось убедиться, что единственным признаком для этого вида служит крайне варьирующий в сем. Lacertidae признак — присутствие трех *praefrontale* вместо обычных двух; все остальные признаки подходят под определение, данное Шрейбером для *Eremias velox* Pall. В виду этого формы нашей коллекции, имеющие три *praefrontale*, названы мною, по совету Академика А. А. Штрауха, *Eremias velox* var. *Strauchii*». Дальнейшие исследования не подтвердили правомочность данной номенклатурной операции, но до сих пор эта классическая работа имеет не только историческое, но и таксономическое значение. И сейчас к ней нередко обращаются систематики при анализе различных таксонов.

В 1888 г. Н. М. Кулагин публикует и докладывает на заседании Зоологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии фактически первую обзорную статью по герпетофауне Московской губернии, в которой приводит сведения о находках земноводных и пресмыкающихся как своих, так и других исследователей (причем и по коллекционным материалам, и по опубликованным работам, и по сведениям о животных, содержащихся в зоопарке). До него зоологи публиковали лишь фрагментарные сведения. И когда позже Комиссия по изучению фауны Московской губернии решила переиздать известную диссертацию И. А. Двигубского «*Primitiae Faunae Mosquensis*» 1802 года во втором варианте и стало очевидно, что ее необходимо снабдить современными комментариями в виде «Опыта каталога представителей Московской фауны», то за составлением списков амфибий и рептилий Комиссия естественно обратилась к Н. М. Кулагину (1892).

В 1889 г. Николай Михайлович переводится на должность хранителя Зоомузея и одновременно становится директором Московского зоопарка, совмещая эти должности до 1894 г. Широкие интересы, кипучая организаторская работа и увлечение сельскохозяйственной энтомологией, подогреваемое порой даже письмами крестьян на его имя об «образовании землеробов» заставляет его заниматься просветительной деятельностью. Еще в 1886–1887 гг. он организует первую в стране передвижную сельскохозяйственную выставку, которая стала очень популярной в народе (ее посетило около 6000 крестьян). Позже совместно с другим известным популяризатором науки, Г. А. Кожевниковым, он организует народные курсы по пчеловодству. Но интерес к земноводным у него не пропадает, и Н. М. Кулагин излагает на заседаниях Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии свои заметки о «биологических наблюдениях над японской саламандрой в Московском зоологическом саду».

9 апреля 1890 г. в Санкт-Петербургском университете Николай Михайлович защитил магистерскую диссертацию «Материалы по естественной истории дождевых червей (сем. Lumbricidae Veid.)» и стал приват-доцентом Московского университета (оставался им вплоть до своей отставки в 1911 г.). В 1894 г. Н. М. Кулагин назначается адъюнкт-профессором Московского сельскохозяйственного института (в советское время переименованного во Всесоюзную сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева), а после защиты в 1895 г. докторской диссертации («Материалы по естественной истории паразитических перепончатокрылых (*Platygaster*, *Mesochrus*, *Microgaster*)») становится штатным профессором, а вскоре и заместителем директора этого института. Здесь и в Московском университете он читает лекции для студентов, отличающиеся, по словам современников, «интересом и глубокой на-

учностью». Однако с этого времени Николай Михайлович интенсивно занимается энтомологией, а с лета 1906 г. — еще и охраной природы и к изучению земноводных и пресмыкающихся более не возвращается. Лишь в 1897 г. он публикует статью о находке студентами Московского сельскохозяйственного института Адамовым и Далем уродливого позвоночника у подопытной травяной лягушки вместе с аномалией пищеварительного тракта черного таракана, обнаруженной студентом Смирновым на практических занятиях в Зоологическом музее Московского университета.

Диапазон дальнейших интересов Н. М. Кулагина чрезвычайно разнообразен. Он занимался анатомией и гистологией паразитических червей, комаров, репродуктивных органов позвоночных животных, эмбриологией саранчовых, фауной соленых озер, изучением влияния температуры и влажности на организмы, проблемами физиологии старения и смерти, вопросами наследственности, теории эволюции, происхождения домашних животных, охраны, вымирания и акклиматизации видов, пчеловодством и изучением средств борьбы с вредными насекомыми, научными вопросами промысла пушных и водных млекопитающих. Опубликовал более 300 работ. В «Адресной книге русских зоологов, анатомов, физиологов, палеонтологов и проч.» (1901, С.-Петербург, с. 48, 51, 52) он значится профессиональным анатомом и эмбриологом насекомых, товарищем (в нашем понимании — заместителем) председателя Зоологического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, товарищем председателя Отдела орнитологии Императорского русского общества акклиматизации, заведующим зоологическим кабинетом и опытной пасекой Московского сельскохозяйственного института, где работает с небывалой активностью. Размах его административно-организационной деятельности поражает

воображение. В 1923 г. он создает и возглавляет Отделение рыбоведения при Московском сельскохозяйственном институте, которое в 1923 г. будет преобразовано в рыбохозяйственный факультет (теперь это Калининградский технический институт (университет) рыбной промышленности и хозяйства). С весны 1914 г. он организует секцию по охране птиц в Московском сельскохозяйственном институте, участвует в научно-литературной комиссии, работает в комитете Московского областного отдела лиги образования, читает лекции на Пречистенских рабочих женских курсах, в 1917 г. совместно с другими учеными организует Московское общество охраны природы и ведет природоохранные заседания съезда Ассоциации русских естествоиспытателей и врачей. Кроме всего прочего, он является сотрудником Института животноводства, деканом естественного отделения университета Шанявского (1912—1922 гг.), заведующим отдела прикладной зоологии Государственного политехнического музея. А в 1919 г. Кулагин возвращается в Московский университет, преподает прикладную энтомологию и организует студенческий коллоквиум по энтомологии, руководит кафедрой энтомологии университета и Комитетом по охране памятников природы при Наркомпросе РСФСР, а с 1923 г. — секцией охраны природы Госплана РСФСР, с 1925 г. — Государственным Межведомственным комитетом по охране природы, а позже становится членом Комитета по заповедникам, организует Первый Всероссийский и Первый Всесоюзный съезды по охране природы. Н. М. Кулагин — активный разработчик различных правительственных документов по охране природы, был вхож в кабинеты известных политических деятелей Советского государства (например, наркома просвещения А. С. Бубнова и члена Президиума ВЦИК П. Г. Смидовича, которые были когда-то его студентами).

Николай Михайлович всегда проявлял искренний интерес к молодежи, с исключительной добротой и вниманием относился к их проблемам, заботился об их профессиональном будущем, составляя порой протекцию талантливым абитуриентам и студентам. Е. С. Смирнов (1935) писал о нем: «Бескорыстие и пренебрежение материальными интересами — ...основная черта Николая Михайловича. Он всегда работал... исключительно в силу преданности делу и горячей любви к нему, и это отношение стремился внушить своим ученикам... Жизнерадостность и бодрость еще более усиливали симпатии к нему окружающих». В. Е. Борейко (1995) приводит популярное высказывание сослуживцев о нем: «Смолоду был молод, и в старости не стар». Однако жизнь Николая Михайловича в действительности была не из легких. В первые годы Советской власти он жил в Петровско-Разумовском под Москвой и ежедневно добирался в неотопливаемый тогда университет пешком, так как паровоз, соединяющий Петровско-Разумовское с центром Москвы, не ходил из-за недостатка топлива. Да и в дореволюционное время судьба его не баловала. В период студенческих волнений 1905—1906 гг. под немилость властей попали и некоторые профессора, заботящиеся об интересах студенчества, в том числе и Кулагин. На него обрушились нападки прессы, в квартире был проведен обыск, у его малолетнего сына отобрали игрушечное ружье. Все это не могло не отразиться на нем. Однако силой духа этого человека можно только восхищаться. И коллеги ценили его искренность и человеколюбие, необычайную и плодотворную работоспособность. Уже в 1913 г. Кулагин становится членом-корреспондентом Российской академии наук, в 1928 г. его баллотируют в действительные члены академии, но он снимает свою кандидатуру. В 1932 г. (по другим сведениям — в 1933 г.) ему присваивают звание почетного деятеля науки, он становится

действительным членом Белорусской АН (1934 г.), Академии сельскохозяйственных наук (1935 г.) и Русского энтомологического общества; почетным членом Московского общества испытателей природы, членом Американской ассоциации энтомологов, Болгарского энтомологического общества и еще около 20 научных обществ. В 1939 г. Николая Михайловича наградили орденом Трудового Красного Знамени. Возможно, что такая популярность в народе и высочайший авторитет ученого стали его иммунитетом от сталинских репрессий, а может быть он просто не успел дожить до этого. Умер Николай Михайлович 1 марта 1940 г., вскоре после возвращения из экспедиции в Беловежскую Пущу.

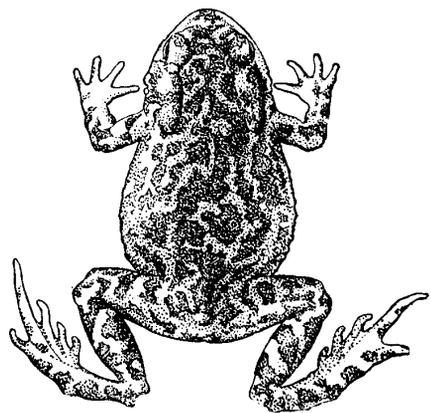
Е. А. Дунаев

**НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА
ЛЕБЕДКИНА**

1918–2000

Наталья Сергеевна Лебедкина родилась в интеллигентной, истинно дворянской семье. Ее дед по материнской линии, П. В. Вердеревский, был адмиралом, а дед по отцовской линии, И. С. Лебедкин, — директором Пробирной палаты. Бабушка (по отцу), Юлия Матвеевна, принадлежала к известной в России фамилии Кованько, давшей стране большое количество горных инженеров и военных, в том числе А. М. Кованько — первого в России генерала от авиации и основателя первой офицерской воздухоплавательной школы. Сам же дворянский род Кованько берет начало от сотника Полтавского полка Петра Кованько. Последний в 1708 г. поддержал Кочубея, обвинившего в измене гетмана Мазепу. После казни Кочубея он был высечен и сослан солдатом в Архангельск, откуда вернулся только по обнаружении измены Мазепы. Все выжившие сторонники Кочубея были «обласканы» Петром I, в том числе и П. Кованько, который получил дворянство.

Отец Натальи Сергеевны Лебедкиной, Сергей Иванович, родился в 1886 г. Не окончив гимназии и не испросив позволения родителей, в русско-японскую войну добровольцем отправился в Манчжурию и работал там санитаром. Вернувшись с фронта, окончил гимназию и — с отличием — естественный факультет Московского университета, затем там же поступил на медицинский факультет. В первые же дни войны в 1914 г. был мобилизован и назначен полковым врачом. За вынос с поля боя под огнем противника раненого командира полка был награжден георгиевским крестом. Второй крест он получил за то, что принял на себя командование после гибели командира и вывел часть из-под огня неприятеля. Незадолго

до февральской революции был отпущен в Москву для защиты государственного экзамена. После успешной защиты вернулся на фронт, где познакомился с сестрой милосердия Марией Платоновной Вердеревской, дочерью адмирала, добровольно отправившейся на войну и впоследствии ставшей его женой.

От их брака 6 июня 1918 г. в г. Винница (Украина) и родилась Наталья Сергеевна. Семья Лебедкиных часто переезжает из города в город в соответствии с новыми назначениями Сергея Ивановича. В 1920—1922 гг. они живут в Крыму, где отец семейства работает хирургом в больнице, а по совместительству еще и преподавателем кафедры гистологии Севастопольского рабфака и научным сотрудником Севастопольской биологической станции. Здесь Лебедкины знакомятся, а позже становятся друзьями с известным в будущем гидробиологом и океанологом В. Н. Никитиным и его женой, которым суждено будет сыграть важную роль в жизни Н. С. Лебедкиной.

В 1922 г. семья переезжает в Минск, куда Сергей Иванович получил назначение главным хирургом Московско-Белорусской железной дороги. Здесь же он был приглашен на должность профессора на Медицинский факультет Белорусского университета, где основал кафедру нормальной анатомии человека. Одновременно он заведует отделом Психо-неврологического института Белорусской академии наук. В Минске Наталья Сергеевна пошла в школу, но не в семь лет и не в первый класс, как полагалось, а сразу в третий, но — в 10-летнем возрасте. До десяти лет Наталья Сергеевна получала «приличествующее» дворянской девочке домашнее образование: немного точных и естественных наук и основательно — музыка, история, литература, иностранные языки. Именно в эти годы она овладела французским и немецким языками (английский она выучила самостоятельно, будучи уже взрослой), причем настолько блестяще, что уже через полвека автор этих строк слышал признание

немецких коллег, что в современной Германии редко от кого можно услышать такой богатый по лексике и чистый немецкий язык, каким владела Наталья Сергеевна.

Закончила среднее образование Наталья Сергеевна уже в Ленинграде, куда семья переехала в 1934 г., после того как С. И. Лебедин получил приглашение возглавить отдел морфологии человека в Естественно-научном институте им. П. Ф. Лесгафта. В 1935 г. Наталья Сергеевна поступает на Биологический факультет Ленинградского университета, где в те годы работали и преподавали такие яркие ученые и личности, как В. А. Догель (зоология беспозвоночных), В. Л. Комаров (анатомия растений), П. П. Иванов (эмбриология), Ю. А. Филипченко (генетика), Д. Н. Кашкаров (экология), выступали с докладами такие корифеи как Н. И. Вавилов, Н. И. Калабухов, В. Н. Сукачев... Через пять лет Наталья Сергеевна с отличием заканчивает университет, получает подписанный В. А. Догелем диплом по специальности «биология» и поступает в аспирантуру в Институт им. Лесгафта, но вскоре начинается война. На семью Лебединых обрушивается одно несчастье за другим. За отказ от срочной эвакуации из Ленинграда арестовывают С. И. Лебедин, и Ревтрибунал приговаривает его ни много ни мало к высшей мере наказания, которая, правда, вскоре была заменена десятью годами тюремного заключения. Многочисленные ученики С. И. Лебедина и его коллеги добились для него разрешения работать хирургом в тюремной больнице. Но 8 марта 1942 г. Лебедины получили уведомление о его смерти.

Лебедины пережили в Ленинграде блокадную зиму 1941—1942 гг. и только весной 1942 г. были эвакуированы из города. Мария Платоновна не перенесла дистрофии и скончалась на станции Буй Ярославской области. Младшего брата Натальи Сергеевны, Юру, призывают в армию, направляют в школу радистов, а оттуда — на фронт, где он и погиб, не дожив трех

месяцев до Победы. Наталья Сергеевна какое-то время работает медсестрой в больнице, затем устраивается санинструктором на Временный военно-санитарный поезд, на котором в конце концов и добирается до Москвы, где живет ее родная тетя — Татьяна Ивановна Лебедкина, которой в 1920-х годах разрешили вернуться в Россию после ее отъезда в Скандинавию в 1918 г. с мужем (журналистом и пресс-секретарем Шведского посольства в России). Тетя жила в коммунальной квартире — в ее маленькой комнатухе мало места, но много кошек, а на ночь в качестве кровати Наталья Сергеевна оккупировала обеденный стол.

Здесь, в Москве, собственно и начинается научная и преподавательская деятельность Натальи Сергеевны. В 1944 г. она устраивается на должность ассистента кафедры зоологии и сравнительной анатомии Мосрыбвтуза, а с 1946 г. еще и на полставки ассистента одноименной кафедры Биологического факультета МГУ (по совместительству). К этому времени (1946 г.) в Москву перебираются старинные друзья ее родителей, Никитины, которым Наталья Сергеевна становится, по сути, приемной дочерью и с которыми уже не расстается до самой из смерти в 1970-х годах. В 1947 г. Наталья Сергеевна полностью переходит на работу в МГУ, где тремя годами позже под руководством профессора Б. С. Матвеева защищает кандидатскую диссертацию по теме «Морфо-функциональный анализ черепа зайцев и полевок». Так бы и осталась Наталья Сергеевна морфологом-териологом, если бы не вынуждена была оставить кафедру по прозаичной в те времена причине — из-за ареста*. В апреле 1951 г. ее арестова-

* В этот период жизни Наталья Сергеевна запомнилась современникам как чрезвычайно красивая женщина. Особый шарм, по словам О. Л. Россолимо, ей придавал контраст черных волос с серыми глазами, привлекавший, видимо, многих кафедральных мужчин, на внимание которых Наталья Сергеевна отвечала лишь несерьезным хихиканьем. Она была очень веселым и общительным, обаятельным и жизнерадостным человеком, оставаясь такой до последних лет (несмотря на многие трагические эпизоды ее жизни). О. Л.

ли, поддержали некоторое время в тюрьме в Москве, зачитали приговор (пять лет за антисоветскую деятельность — минимальный срок по этой статье уголовного кодекса) и отправили в Куйбышевскую область отбывать наказание в лагере. В марте 1953 г. в лагерь пришло сообщение о смерти «отца народов». По воспоминаниям Натальи Сергеевны, сидевшие с нею уголовницы отрыдали положенное и начали первыми готовиться к освобождению, посоветовав и ей собирать вещи. И, действительно, вскоре последовала амнистия, которая хотя и направлена была в основном на уголовников, распространялась и на «политических» — тех, кто имел «детский» срок в пять лет.

Наталья Сергеевна вернулась в Москву. Амнистия — не реабилитация, о возвращении в МГУ и речи не могло быть, как, впрочем, и о работе в других московских высших учебных заведениях... И отправилась Наталья Сергеевна на фабрику медучпособий, изготавливавшую муляжи и препараты для биологических и медицинских институтов, и проработала на ней в

Россолимо, вспоминая о ней, говорит, что «хохотушкой она была невероятной, смех ее у меня даже сейчас звучит в ушах». Знакомые с ней люди рассказывали о Лебедкиной как об очень эрудированном и эмоциональном человеке, любившем общение и веселье. Говорят, что злую «шутку» сыграла с ней судьба именно из-за этих черт характера: еще до смерти Сталина Н. С. Лебедкину посадили по доносу за рассказанный в гостях остроумный анекдот.

Вспоминая о работе Натальи Сергеевны в университете, А. Н. Солдатов в разговоре с О. Л. Россолимо упомянула о забавном эпизоде, произошедшем с Лебедкиной на университетской практике в Звенигороде, которую она вела вместе с Н. Н. Карташевым. «Наталья Сергеевна была очень близорука и без очков практически не ходила. И, используя это, Карташев решил над ней подшутить. Как-то вечером после занятий она сидела на ступеньках террасы и читала, а проходивший рядом Карташев предложил ей земляники, завернутой в фунтик из кленового листа. Лебедкина до безумия боялась гусениц. И вот, когда среди земляники ей попала специально подложенная Карташевым гусеница, такой был вопль (на всю Звенигородскую биостанцию), она даже чуть не скатилась с террасы. Карташев был в полном восторге». Однако Наталья Сергеевна умела ценить шутки (даже такие, мягко говоря, «экстравагантные»), что безусловно говорит о ее великодушии и доброжелательности. (Прим. Е. А. Дунаева по архивным аудиозаписям Зоомузея МГУ).

должности консультанта до середины 1954 г. А потом помогло знание иностранных языков — Наталью Сергеевну приняли на работу в Институт научной информации АН СССР, где она и проработала в должности младшего научного сотрудника два года, жадно читая все, что попадало на глаза, и как бы наверстывая упущенное за время заключения... В 1955 г. Наталья Сергеевна была реабилитирована, а в апреле 1956 г. она переходит в Зоологический институт АН СССР, в лабораторию эмбриологии позвоночных, которую возглавляет академик И. И. Шмальгаузен.

Созданию этой лаборатории предшествовали драматические события 1948 г., когда после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ И. И. Шмальгаузен, «разоблаченный» как один из лидеров отечественных вейсманистов-морганистов и формальных генетиков, был лишен всех постов, должностей и сотрудников. В этих условиях академик обратился к «нейтральной», с точки зрения властей, проблеме происхождения наземных позвоночных. Под эту тему в 1955 г. Шмальгаузен и получил лабораторию, в которую стал набирать сотрудников и в которую пригласил Наталью Сергеевну (чему немало способствовало некогда близкое знакомство академика с ее отцом, С. И. Лебединым). Поскольку для решения проблемы происхождения наземных позвоночных требовались данные по онтогенезу примитивных хвостатых амфибий, И. И. Шмальгаузен поручил своим сотрудникам исследовать развитие *Hynobiidae* на примере разных систем. Наталье Сергеевне достался костный череп. Так, собственно, Наталья Сергеевна стала герпетологом, специализирующимся на морфологии, онтогенезе и эволюции амфибий. Череп стал для нее излюбленным объектом исследования, а лаборатория — самым любимым местом пребывания на следующие 44 года жизни.

Наталья Сергеевна вошла в новую для себя область науки как-то легко и стремительно: в 1960 г. в «Докладах Академии наук» опубликованы две ее первые статьи по развитию костного черепа хвостатых земноводных, а уже в 1965 г. она удостоивается премии АН СССР им. А. О. Ковалевского за серию эмбриолого-морфологических работ. В 1966 г. она уже как признанный специалист приглашается с докладом в Стокгольм на Нобелевский симпозиум, посвященный проблемам эволюции и филогении низших позвоночных, куда ее, впрочем, как некогда репрессированную, советская власть не пустила. (Впервые Наталью Сергеевну «выпустили» за границу в 1985 г. — в Чехословакию, позже она еще дважды посещала эту страну и очень ее полюбила; этим и ограничился зарубежный «опыт» Натальи Сергеевны.).

В 1976 г. в Ленинграде на ученом совете Зоологического института АН СССР Н. С. Лебедкина защищает докторскую диссертацию по теме «Развитие костного черепа хвостатых амфибий (к проблеме происхождения наземных позвоночных)». Защита прошла блестяще. Чтобы читатель мог представить суть работы и ее значение для отечественной морфологии того периода, я позволю себе привести выписку из стенограммы выступления члена Ученого совета, доктора биологических наук К. А. Юдина. «Работа, конечно, прекрасная, а завершение и защита ее — крупное радостное событие для каждого, кто любит и ценит сравнительную морфологию и филогенетику... Особо должно быть отмечено теоретико-познавательная и методическая сторона этого исследования. И. П. Павлов когда-то сказал, что факты — воздух ученого. Вместе с тем (позволительно добавить) сумма фактов есть некое море, по которому ученый может блуждать бесконечно долго, если у него нет надежных руководящих идей и достаточно разнообразных методов исследований. В этом отношении Н. С. Ле-

бедкина, мне кажется, недооценила значение собственной работы, сосредоточив внимание на изложении фактической ее стороны и оставив в тени ее методологические основы. Между тем, именно эта сторона любого филогенетического исследования в настоящее время особенно актуальна. Суть дела в том, что большинство работ, вышедших в свет после всем известного кризиса сравнительной морфологии, оказалось в идейном и методологическом отношении ниже работ классического периода. Как правило, они страдают бедностью и путаницей теоретических основ и тенденцией решать филогенетические вопросы каким-либо одним методом. Вместе с тем, всем нам, занимающимся филогенией и систематикой современных животных, приходится часто слышать и читать, что наши филогенетические построения не могут иметь достаточно фактических оснований, поскольку они базируются на рецентном материале. Таким образом, ставятся под полное сомнение не только возможности сравнительно-анатомического и сравнительно-эмбриологического методов, но и всех других методов изучения, применяемых к современным животным. Такая точка зрения, конечно, ошибочна и для науки не полезна, ибо, приняв ее, придется, прежде всего, отложить разработку системы и филогении буквально всех рецентных животных до тех счастливых времен, когда будут, наконец, накоплены по ним достаточные палеонтологические материалы. Вместе с тем, придется, очевидно, признать ненужным и метод тройного параллелизма (синтез данных сравнительной анатомии, эмбриологии и палеонтологии), то есть возвратиться к догеккелевским временам, а также отвергнуть почти все то, что внесли в изучение филогении животных сравнительные анатомы и эмбриологи, в том числе В. О. Ковалевский, А. Н. Северцов и И. И. Шмальгаузен. Очевидно, что, при охарактеризованном выше положении вещей, появление фундаментального исследования, демонстриру-

ющего на огромном материале, прежде всего, мощь сравнительно-морфологического метода, действительно есть крупное событие. Но этим далеко еще не ограничивается общее значение труда Н. С. Лебедкиной. Как большинство присутствующих здесь, вероятно, заметило, Наталья Сергеевна в своем докладе мимоходом заметила, что И. И. Шмальгаузен воскресил метод тройного параллелизма, и она следовала ему в этом отношении. В действительности И. И. Шмальгаузен, как продолжатель трудов и идей А. Н. Северцова, вел свои исследования гораздо более совершенным методом, чем метод тройного параллелизма. Три классические источника информации он, конечно, использовал в полной мере, но сверх того широко применял при филогенетических обобщениях еще данные функциональной морфологии и сравнительной экологии, а в ряде случаев и физиологии. Н. С. Лебедкина не только продолжила традицию своего учителя, но и дополнила его методический арсенал еще одним, в значительной мере ею самой разработанным приемом исследования — методом прижизненной окраски растущих костных элементов, то есть ввела в филогенетическое исследование эксперимент. В результате исследований Н. С. Лебедкиной онтогенетический и исторический морфогенез черепа низших четвероногих освещается не с одной какой-либо стороны, а с многих сторон и, что особенно важно, как процесс формирования морфо-функционального единства, имеющего первостепенное значение в жизни исследованных животных. Таким образом, диссертация Н. С. Лебедкиной не только пополняет ряды исследований морфобиологического направления, но и представляет собой дальнейшее развитие этого направления».

В 1979 г. выходит из печати книга Н. С. Лебедкиной «Эволюция черепа амфибий» и быстро становится одной из наиболее цитируемых русскоязычных работ по морфологии,

развитию и эволюции амфибий (при этом содержит многие оригинальные данные по развитию черепа и рыб). Несколько позже, в 1982 г., за эту книгу как за лучшую работу в области естественных наук Наталья Сергеевна удостоивается первой премии Московского общества испытателей природы.

Итак, в конце 1970-х годов Наталья Сергеевна издает книгу о черепе амфибий, а в 1982 г. выходит ее статья по развитию черепа болотной черепахи. Как в свое время, придя в лабораторию И. И. Шмальгаузена, Наталья Сергеевна быстро «вписалась» в исследования по абсолютно новой для себя тематике — онтогенезу черепа амфибий, так же легко и быстро в 60-летнем возрасте она успешно переключается на изучение нового для себя объекта — черепа рептилий. За черепом болотной черепахи последовал череп степной черепахи, а затем — и ящериц (геккона и скальной ящерицы). Правда они уже не «удостоились» отдельных публикаций, вероятно, из-за того, что к этому времени Наталья Сергеевна увлеклась экспериментальной эмбриологией. Еще работая над докторской диссертацией, она опубликовала факты, указывающие, что многие структуры черепа амфибий в своем развитии связаны морфогенетическими взаимоотношениями. Чтобы проверить эти подозрения, Наталья Сергеевна и обратилась к экспериментальным исследованиям, причем ушла в них с головой. Вся ее комната в лаборатории быстро оказывается заставленной кристаллизаторами, чашками Петри и просто банками из-под майонеза, в которых обретаются личинки хвостатых и бесхвостых амфибий (а потом и молодь осетровых рыб), у которых на эмбриональных стадиях развития были удалены закладки тех или иных костей, мышц, а то и участков мозга. Частично результаты этих исследований вошли в теоретические статьи Натальи Сергеевны об онтогенезе и эволюции коррелятивных систем (1985—1986 гг.). Эти трудоемкие эксперименты отнимали столько

Н. С. Лебедкина в своей квартире

времени и сил, что Наталья Сергеевна стала «забывать» о завершающем этапе любого исследования — публикации его результатов. Правда, отдельные ее статьи, рассматривающие конкретные вопросы морфологии черепа амфибий, продолжали выходить вплоть по 1997 г. Последняя крупная печатная работа Натальи Сергеевны — это глава «Проблема координации и корреляций» в книге «Современная эволюционная морфология» (1991 г.), посвященная памяти ее первого учителя, Бориса Степановича Матвеева.

Автор этих строк имел счастье общаться, а в последнее годы жизни Натальи Сергеевны и дружить с ней (несмотря на значительную разницу в возрасте) в течение более четверти века. Впервые я увидел Наталью Сергеевну в 1973 г., когда

она читала нам, пятикурсникам кафедры зоологии позвоночных биологического факультета МГУ, курс сравнительной анатомии позвоночных. Раз в неделю тихим, но хорошо поставленным голосом, безо всяких конспектов, но с обилием рисунков цветными мелками на доске, по четыре академических часа Наталья Сергеевна рассказывала нам о таинствах сравнительной анатомии. И так целый семестр — не позволяя себе ни слов-паразитов, ни «лирических отступлений», которые так нравятся студентам, да и самим лекторам. Да Наталья Сергеевна и не могла позволить себе шуток и красотостей — столько информации ей надо было донести до наших не очень отягощенных старанием голов. Лекции ее были сильно «архивированы». Понятно, что такое жесткое внутреннее редактирование требовало большого внутреннего напряжения — а ведь подготовку лекций она сочетала с работой над докторской диссертацией, а дома (как я узнал много позже) — с заботой о тяжелобольном и умирающем В. Н. Никитине...

«По-настоящему» я познакомился с Натальей Сергеевной в 1977 г., когда после окончания аспирантуры пришел работать в Институт эволюционной морфологии и экологии им. А. Н. Северцова АН СССР, где мы оказались в одной лаборатории, созданной Э. И. Воробьевой. И образ научного аскета, который применительно к Наталье Сергеевне сложился у меня (да и всей нашей группы пятого курса), как-то очень быстро начал таять. Да, она продолжала восхищать своей эрудицией, причем теперь уже не только биологической, но и в области литературы и истории, но стоит услышать ее смех (а смех из ее комнаты раздавался очень часто) — то какой уж тут аскетизм! А ее живой неподдельный интерес к «общественной жизни»? Как часто она, после визита к ней какого-нибудь институтского сплетника, говорила: «Ко мне сегодня заходил Н. Он такой алармист!». А потом, слегка порозовев от смущения и удо-

вольствия (не без этого), делилась слухами, почерпнутыми от «алармиста». Знаток и любитель классической литературы (заслуга ее матери, давшей дочери в домашних условиях классическое образование), Наталья Сергеевна буквально обожала детективы и как ребенок обижалась (правда, ненадолго — долго обижаться она не умела), если нечаянно или из вредности назовешь имя убийцы в недочитанном ею романе.

Как человеку эрудированному и ответственному, Наталье Сергеевне часто поручали рецензировать рукописи и редактировать сборники и книги. Как правило, она принималась за них чуть ли не с первого дня, но быстро отвлекалась на другие занятия — так что в скором времени, сделав большие глаза, с некоторым удивлением и испугом признавалась, что она не успевает закончить работу к требуемому дню. С приближением крайнего срока глаза делались все шире, и в голосе нарастала паника, но в последнюю ночь все успешно разрешалась: сборник был идеально отредактирован или на статью была написана квалифицированная и объективная рецензия.

Приблизительно так же Наталья Сергеевна писала собственные статьи. Сначала неторопливо, со вкусом просматривала необходимые препараты, часто отвлекаясь на другие, к намеченной статье никакого отношения не имеющие, но случайно оказавшиеся рядом с нужными. Затем неторопливо работала с литературой, заглядывая как в работы XIX века (Копа, Кювье, Гауппа и др., — естественно, на языке оригинала), так и в только что вышедшие публикации, а заодно — и в работы, далекие от непосредственно интересующей ее темы, но чем-то привлекавшие ее внимание. Потом — паника, спешка и, в конце концов, — самостоятельно напечатанная на машинке и выправленная статья в положенный срок...

Как легко Наталья Сергеевна могла «переключаться» с одних объектов и методов исследования на другие, так легко

она могла менять «образ жизни». После возвращения из лагеря (1953 г.) и до 1978 г. она — сугубо кабинетный человек, для которого самая дальняя поездка на природу — это регулярные летние выезды на дачу в Подмосковье. Но 6 июня 1978 г. (в день своего 60-летия!) поездом Москва — Махачкала Наталья Сергеевна отправляется в экспедицию в Дагестан — в первую в своей жизни экспедицию, инициатором которой она же сама и является. Цель поездки — сбор материала по эмбриональному развитию болотной черепахи. Участники экспедиции — Наталья Сергеевна, два школьника, две прикомандированные аспирантки из МГУ и автор этих строк. Незадолго до выезда из Москвы мы узнали, что в целях экономии нам не дают экспедиционную машину. Вместо нее вручили чековую книжку, сопроводив советом арендовать машину за безналичный расчет на месте. Неопределенность с транспортом и местом работы плюс крайне сомнительный состав нашей «экспедиции» — все это внушает тревогу. Но не Наталье Сергеевне — она как ребенок прильнула к окну («Как интересно!») и нехотя отрывается от него только в сумерках.

В Махачкале находим автобазу — Наталья Сергеевна заходит к директору, а я остаюсь в коридоре, изучая план эвакуации из здания и прислушиваясь к тому, что происходит в кабинете. Слышно плохо, но время от времени доносится голос Натальи Сергеевны, доверительно сообщающей что-то о рекапитуляции, онтогенезе, коррелятивных связях и филогении. Не знаю, какое из этих слов оказалось магическим, но нам выделили новенький ГАЗ-66 (единственный в автохозяйстве) в сопровождении абсолютно непьющего шофера. Самое поразительное, что сама Наталья Сергеевна к такому исходу не отнеслась как к чуду, а просто заметила: «Какой отзывчивый человек!».

Так же доверительно она поговорила о рекапитуляции, филогении и т. д. с преподавателями махачкалинского универ-

ситета — и на следующий день в сопровождении дагестанских коллег («Какие замечательные люди!») мы уже ехали в сторону Аграханского залива Каспийского моря в место, где по словам местных биологов, мы найдем черепах в достаточном количестве. И, действительно, через неделю в построенном нами загоне черепахи начали нести яйца.

На следующий год Наталья Сергеевна отправилась с нами в Казахстан, где с такой же легкостью при таком же безалаберном отсутствии какой-либо организованности был собран материал по эмбриональному развитию степной черепахи. Снова легкомысленная неподготовленность, многочисленные «накладки» и счастливое их разрешение благодаря стремлению всех лиц, нас окружающих в Казахстане, помочь, причем помочь именно Наталье Сергеевне. Видимо, всех подкупала она своим изначально доброжелательным отношением и по-детски простодушной уверенностью, что ну абсолютно всем интересно, как там протекает онтогенез черепа у степной черепахи. Следует отметить, что Наталье Сергеевне, сугубо городскому и, более того, кабинетному человеку с серьезными проблемами со здоровьем, был тогда 61 год. Но именно Наталья Сергеевна лучше всех чувствовала себя в экспедиции, хотя как и все жила в палатке (первый раз в жизни), в дни своего дежурства готовила на костре, воевала с клещами. Ей все было «Как интересно!» и она с готовностью выслушивала местных жителей («А вот, Сергеевна, у нас был случай...»), по-детски принимая на веру все их рассказы. Так же по-детски она подбирала расколотый панцирь черепахи, полуразрушенный скелет судака, череп вороны (тоже не первой свежести) и прочие «анатомические препараты», которые долгое время потом вываливались из разных ящиков и шкафов в ее комнате в институте в Москве.

В 1986 г. мы с Натальей Сергеевной (ей тогда исполнилось 68 лет) отправились в экспедицию в Армению — для

сбора материала по эмбриогенезу скальной ящерицы. Каждый день рано утром (а Наталья Сергеевна была далеко не «жаворонком») мы выезжали из Еревана с тем, чтобы, набегавшись по горам в поисках ящериц, вечером вернуться в город. Наталья Сергеевна, конечно, по горам в погоне за ящерицами не носилась, но всегда сопровождала нас в поездках. И, как обычно, была самым жизнерадостным человеком, которому все вокруг интересно.

Н. С. Лебедкина за обработкой материала в лаборатории ИЭМЭЖ

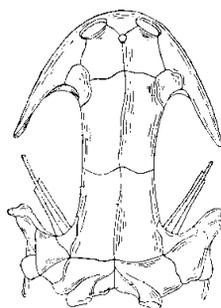
Будучи человеком крайне доброжелательным, Наталья Сергеевна могла быть и жесткой по отношению к людям, — если дело касалось научной добросовестности. Причем, если она убеждалась, что ошибки допущены что называется «по недомыслию», то дружественное отношение к «виновнику» сохранялось. Так, однажды в наш институт за внешним отзывом на кандидатскую диссертацию приехала коллега из другого города. Писать отзыв поручили Наталье Сергеевне, а так как диссертантке в Москве остановиться было негде, Наталья Сергеевна пригласила ее пожить у себя дома. Так они и прожили рядышком дней десять, пока Наталья Сергеевна днями читала работу, а вечерами за чаем уточняла у гостыи отдельные детали и положения диссертации. В результате Наталья Сергеевна написала отрицательный отзыв, но хорошие отношения между нею и неудавшейся диссертанткой сохранились.

Совсем другая реакция была у Натальи Сергеевны, если она обнаруживала умышленную подтасовку фактов, фальсификацию. Виновник переставал для нее существовать как человек, а если дело касалось диссертации, то даже откровен-

ный административный нажим не мог заставить ее не то что поддержать работу, а просто не высказывать своего мнения, к которому другие члены Ученого совета прислушались несомненно.

Человек общительный, Наталья Сергеевна обожала устраивать у себя дома «приемы», на которые являлась толпа разновозрастных биологов, объединенных помимо профессиональных интересов еще и чисто дружескими отношениями. Эти застольные «заседания», сопровождавшиеся беседами на разные темы и вкусы (от анекдотов и сплетен до научных, политических и литературных споров), затягивались иной раз за полночь... В июне 2000 г. очередные посиделки должны были быть посвящены дню рождения Натальи Сергеевны. За несколько дней до своего дня рождения она забежала в институт, радостно сообщила, что едет на дачу, что читает Гилберта, чтобы понять, что такое «гомеозисные гены», что везет с собой на дачу две сумки оттисков и что она вообще дней через десять ждет нас всех у себя, чтобы отметить ее день рождения «задним числом». А через два дня мы узнали, что ее не стало. Со временем наша некогда дружная компания сама по себе распалась, и только тогда стало ясно, что центром, стержнем ее была Наталья Сергеевна.

С. В. Смирнов

**АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

1920–1983

В 2002 г. исполнилось 100 лет первой находке динозавра в России. С тех пор и до середины прошлого века, кроме этого сообщения о динозавре с правого берега реки Амур (тогда относившегося к России) появилось не более десяти научных статей с результатами изучения собранных с территории России динозавровых материалов. Сейчас количество

публикаций, посвященных отечественными палеонтологами этой интересной и до сих пор загадочной группе ископаемых животных, выражается сотнями. Существенная часть их принадлежит А. К. Рождественскому.

Анатолий Константинович Рождественский родился 21 марта 1920 г. в селе Знаменка Тамбовской области.

С детства наблюдательный и, как большинство мальчишек, стремящийся познать окружающий мир, он любил путешествовать: с удовольствием ходил на рыбалку, охотился. Приключенческая литература, так притягивавшая его в школьные годы, усиливала страсть к походам. Наверное, многое из этого послужило причиной его поступления в 1938 г. в Московский государственный университет на Геолого-почвенный (ныне Геологический) факультет. По окончании он получил специальность геолога.

Еще во время учебы в университете Анатолий Константинович начал заниматься палеонтологией: в 1941 г. устроился коллектором Центрально-Казахстанской экспедиции Палеонтологического института АН СССР, где принимал участие в раскопках третичных млекопитающих, а в 1942–1943 гг.

работал лаборантом на кафедре палеонтологии МГУ. Позже, после окончания университета, его связь с альма-матер не прервалась. Уже будучи старшим научным сотрудником Палеонтологического института АН СССР, он в течение 5 лет преподавал на кафедре палеонтологии: читал лекции по теме «Общая палеонтология» и специально составленный им курс «Палеофаунистика позвоночных».

После окончания в 1943 г. Геологического факультета МГУ по рекомендации академика А. А. Борисяка он поступил в аспирантуру Палеонтологического института. Начинаясь ученый грезил о динозаврах. Но в то время, сейчас это почти невозможно представить, материалов по динозаврам в Палеонтологическом институте не было. Тема, предложенная будущему динозаврологу, касалась третичных рыб. Диссертацию «Род *Centriscus* из майкопских отложений Кавказа», выполненную под руководством профессора Д. В. Обручева, Анатолий Константинович защитил в 1947 г.

Сразу после защиты кандидатской диссертации, молодым, но сформировавшимся уже научным сотрудником он принял участие в организованной Палеонтологическим институтом экспедиции в Монгольскую Народную Республику под руководством И. А. Ефремова. Анатолий Константинович расценивал это как счастливое осуществление мечты. Удивительная далекая Монголия манила его еще со студенческих лет. Руководитель его диссертации, Д. В. Обручев, в шутку назвавший было своего бывшего аспиранта «рenegатом», все-таки понял своего ученика и рекомендовал его в состав экспедиции. А. К. Рождественский оказался среди первых русских палеонтологов, отправившихся в одну из богатейших палеонтологических сокровищниц мира — пустыню Гоби. Трудности осваивания сурового незнакомого края, обучение экспедиционным навыкам у старших коллег стали неоценимым опытом для ученого,

практика-полевика и организатора в дальнейшем крупных полевых исследований. Шел второй год работы экспедиции на территории Монголии, именно в этот год начался период разработки уже известных и открытия новых местонахождений и добычи уникальных находок. С этого времени основная научная деятельность А. К. Рождественского, — а правильнее сказать, и вся его дальнейшая жизнь, — посвящены динозаврам. 33 года проработал он в Палеонтологическом институте. За это время им написано более 100 научных работ — книг, монографий, научных статей и крупных разделов в сводных работах. Вклад А. К. Рождественского в развитие отечественной науки оценен правительственными наградами: медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие», а за работу над многотомным изданием «Основ палеонтологии» (он был членом главной редакции, соредактором тома и составителем ряда разделов этой сводки) Министерством геологии ему был вручен значок «Отличник разведки недр».

Он был участником более чем 30 экспедиций, большинство из которых сам возглавлял. Под его руководством и с его участием собраны многочисленные коллекции по различным группам позвоночных животных.

Будучи первоначально научным сотрудником Монгольской палеонтологической экспедиции (1946—1950 гг.), возглавлявшейся И. А. Ефремовым, в 1947 г. он становится заместителем начальника по научной части. Это предусматривало в основном руководство разведочными работами. Им были открыты крупные местонахождения меловых динозавров (Алтан-Ула и Цаган-Ула) и местонахождение с гипарионовой фауной (Алтан-Тээли).

Другая крупная международная экспедиция в Центральную Азию была организована Палеонтологическим институтом совместно с китайскими коллегами в 1959 г. Начальни-

ком с нашей стороны, учитывая богатый экспедиционный опыт, был назначен А. К. Рождественский. За два года работы экспедиции в Китае было обследовано более 40 местонахождений ископаемых позвоночных. Протяженность маршрутов составила около 30000 км. Впервые в практике зарубежных экспедиционных работ, проводимых отечественными палеонтологами, были применены бульдозерные раскопки, давшие невиданную доселе эффективность. В результате за два года работы экспедиции был добыт огромный объем материала: более 70 скелетов динозавров и млекопитающих, десятки черепов и тысячи отдельных костей.

А. К. Рождественский в монгольской экспедиции (1948 г.)

Экспедиции на Северный Кавказ, в Карпаты, Поволжье, Казахстан, Среднюю Азию, Кузбасс, Забайкалье, на Дальний Восток, возглавлявшиеся А. К. Рождественским, не зависимо от того, были ли они более или менее удачными, или разочаровывали отсутствием находок, стали первым этапом изучения местонахождений ископаемых позвоночных, в основном, мезозойских, на территории СССР. Работы отечественных исследователей этого периода и огромный вклад, внесенный в них А. К. Рождественским, создали основу для дальнейшего изучения динозавров Средней Азии и России.

Анатолий Константинович знал цену экспедиционному труду, добытым коллекциям, поэтому высоко ценил мастерство раскопщиков и препараторов. В трудных экспедиционных условиях необходимо чувство взаимопонимания, поддержки и взаимовыручки. Тщательно экипируя отряды, начальники с особой щепетильностью относятся к подбору участников экспедиции. Это Анатолий Константинович понял с самого начала своей полевой деятельности. После Монгольской экспедиции в Гоби постоянными, надежными его спутниками в экспедициях стали И. И. Лихачев и М. М. Брагин. Они были и раскопщиками, и водителями, и механиками в труднейших условиях пустынь Монголии, Китая и Средней Азии. А после полевых сезонов участвовали в препарировании и монтаже добытых палеонтологических трофеев. Монтаж скелетов, требующий вдумчивой исследовательской работы, препаровка и реставрация добытых в экспедициях динозавровых материалов в течение многих лет курировались А. К. Рождественским. Бережно, можно сказать трепетно, он относился к палеонтологическому материалу, поэтому особое внимание уделял своевременной его каталогизации, правильному и бережному хранению.

«Палеонтология вообще, а палеонтология позвоночных в особенности — весьма трудоемкая область знаний. Для удачной работы в поле необходимо быть геологом... Для научной обработки добытых коллекций надо хорошо знать биологические науки — сравнительную анатомию, функциональную морфологию, эмбриологию, физиологию, экологию, зоогеографию, систематику и другие...», — писал А. К. Рождественский в своей книге «На поиски динозавров в Гоби» (напечатана в издательстве «Наука» в 1969 г.). Этот подход он и исповедовал в своей научной работе. Будучи геологом по образованию, он детально изучал разрез местонахождения, восстанавливал палеообстановку, в которой происходило отложение осадков,

проводил тафономические исследования. А затем, при обработке собранного материала, детально изучал анатомию скелетных и других остатков динозавров, проводя морфо-функциональный анализ, восстанавливал физиологию, экологию, этологию этих, не оставивших после себя на Земле прямых потомков, животных по специально разработанной методике морфологических аналогий с современными тетраподами.

*А. К. Рождественский в Китае
(Ганьсу, 1960 г.)*

Им разрабатывались вопросы филогении и проблемы вымирания, принципы классификации и систематика различных групп динозавров, палеофаунистика и палеобиогеография с учетом сопутствующих компонентов фаунистических комплексов. Он является одним из главных специалистов, разработавших палеобиогеографию Азии. Несколько серьезных исследований посвящено им истории изучения тетрапод в России.

Органичной частью научной деятельности А. К. Рождественского, несомненно, был Палеонтологический музей. На основе изучения собранных Монгольской палеонтологической экспедицией материалов, он создал новый динозавровый раздел экспозиции музея на Ленинском проспекте (дом 16). Под его руководством и при его участии были смонтированы скелеты зауролофа, тарбозавров, таларуруса и других динозавров, которые в первоначальной реконструкции заняли важнейшее место в нынешней экспозиции музея. Научно-иллюстративная составляющая музея постоянно совершенствова-

лась. А. К. Рождественский участвовал в подготовке новой экспозиции, своим богатством во многом обязанной сборам экспедиций, которые он возглавлял или в которых принимал участие, задолго до того, как музей переехал в великолепное нынешнее здание. Им была оказана существенная помощь также в организации палеонтологического зала Государственного музея в Улан-Баторе.

Анатолий Константинович активно пропагандировал науку: его статьи вошли в два издания Большой советской энциклопедии, печатались в журналах и газетах. В течение нескольких лет, будучи членом Бюро биологической секции городского отделения общества «Знание», он прочитал большое количество лекций. Книга А. К. Рождественского «На поиски динозавров в Гоби» с успехом трижды выходила в нашей стране. Каждое следующее издание существенно дополнялось автором по мере обработки коллекций Монгольской палеонтологической экспедиции, получения новых материалов успешных экспедиций в Центральную и Среднюю Азию и появления новейших данных об ископаемых позвоночных мезозоя и кайнозоя. К книге был проявлен большой интерес не только у нас в стране, но и за рубежом. Она была переведена и издана в Польше, Японии, Китае, Германии и Франции.

Книга привлекла к себе интерес и специалистов, и самого широкого круга читателей. Характер изложения в ней подкупает четкостью, простотой и красочностью в одно и то же время. Научный материал и описания маршрутов подаются вместе с описаниями приключений, картин природы, портретов участников экспедиций. В увлекательной форме переданы все этапы подготовки экспедиции, что делает книгу настоящим руководством для отправляющегося в поле палеонтолога.

Популяризация науки невозможна без демонстрации широкой публике материала, на основе которого проводятся ис-

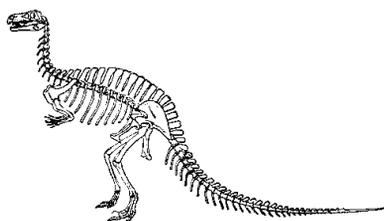
следования. В этом смысле, наряду с расширением экспозиции Палеонтологического музея в Москве и проведением в нем более сотни экскурсий для школьников и студентов, большое значение имела организованная в 1973—1974 гг. выставка в Японии, директором которой был А. К. Рождественский. Анатолий Константинович сумел не только поразить посетителей выставки показом палеонтологических находок. Его лекцию в Университете Киото поколение нынешних профессоров этого японского университета и сейчас, спустя 30 лет, вспоминает как высокопрофессиональное, интересное и содержательное выступление.

Собранные к концу 1960-х и началу 1970-х годов богатые коллекции по мезозойским рептилиям нуждались в квалифицированном хранении и научном изучении. Это беспокоило Анатолия Константиновича. Во многом благодаря его усилиям, группы мезозойской фауны начинали обретать своих исследователей в лице молодых сотрудников. С ними он был уважителен, но требователен. Он заботился о непременном прохождении молодыми коллегами школы полевых исследований. Большое внимание уделял работе на местонахождениях в пустыне Гоби в составе Совместной советско-монгольской палеонтологической экспедиции и изучению всего объема материала по группам, включая сборы и отечественных, и успешно проведенных к тому времени совместных польско-монгольских полевых работ. Вычитывая статьи молодых сотрудников, он предъявлял высокие требования к научной четкости и точности языка. Он щедро делился своим богатым опытом, охотно рассказывал о своих соображениях, умело вызывая молодежь на обсуждение. Его рассказы изобиловали казавшимися порой излишне тщательными подробностями. Лишь теперь, спустя десятилетия, приходит понимание того, что в них проявлялась большая ответственность рассказчика перед слушателем.

Работа над обобщающей сводкой по всем динозаврам Азии стала итогом многолетней деятельности А. К. Рождественского. Только он, с его опытом и владением материалом, мог взять на себя этот гигантский труд. К сожалению, работа осталась незавершенной. Анатолий Константинович ушел из жизни в расцвете творческих сил и полным планов. Однако его научное наследие и ценнейшие материалы, добытые в экспедициях, составляющие основу и украшающие экспозицию нового Палеонтологического музея — это и есть продолжение ученого в науке, которой он преданно служил всю свою жизнь.

Любая наука, и, конечно, палеонтология — не исключение, продолжает развиваться благодаря новым фактам и совершенствующимся методам исследований. Пересматриваются существовавшие взгляды, меняются представления о явлениях. Но современные исследования оказываются тем успешнее, чем более проработанный фундамент им предшествовал. В создание такого надежного фундамента, способствующего дальнейшему развитию палеонтологии позвоночных животных, существенный вклад внесен видным отечественным палеогерпетологом, крупнейшим специалистом по динозаврам — Анатолием Константиновичем Рождественским.

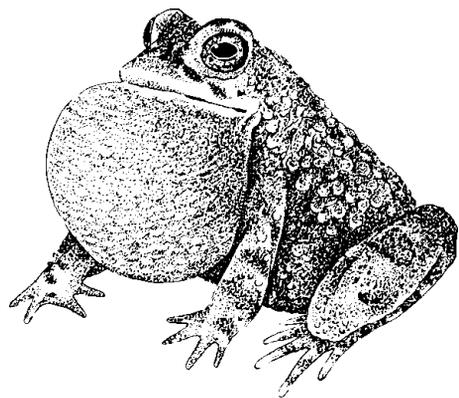
Т. А. Туманова

**ЛЕОНИД ЛЕОНИДОВИЧ
САБАНЕЕВ**

1881–1968

Эти воспоминания, по характеру, не личные, а, так сказать, родовые. Их автор не мог лично знать Л. Л. Сабанеева. С 45 лет жизнь этого ученого текла в эмиграции, и с этого времени его родственники из России его не видели. Как энтомологу мне довелось много раз обращаться к его сборам бабочек, хранящимся в Зоомузее МГУ, которые я имею честь курировать. Как любитель-генеалог я много лет занимаюсь родственной генеалогией, к которой Леонид Леонидович имеет прямое отношение. Он был мужем двоюродной сестры моего деда, профессора МГУ археолога Б. Н. Гракова, а его дети приходились троюродными братом и сестрой моей матери.

Мой очерк основан на сообщениях родственников, знавших о нем хоть что-то, материалах моего большого личного архива, данных этикеток коллекции музея и публикациях самого Л. Л. Сабанеева и о нем. Здесь мы впервые пытаемся связать сведения о его жизни в России и в эмиграции в цельную картину. Помимо желания рассказать о неординарной судьбе безусловно талантливого человека, я преследую еще одну цель — помочь многочисленным зоологам, работающим с зоологическими материалами, разобраться, кем из Сабанеевых какие материалы собраны. Иногда возникает путаница. Причина проста. Зоологические коллекции, кроме Леонида Леонидовича, собирали многие из его ближайших родственников: его знаменитый отец, Леонид Павлович Сабанеев (1844—1898), родной брат — преподаватель Московской консерватории по классу органа Борис Леонидович (1880—1917), а также братья отца.

Об отце Л. Л. Сабанеева написано много, в частности недавно и в очерке в книге «Московские териологи» (Рахилин, 2001). Он был знаменитый зоолог, специалист по вопросам охоты, на свои средства издававший журнал «Природа» (1873—1877 гг.), основатель, редактор и издатель журнала «Природа и охота» (1878—1898 гг.), автор книги «Рыбы России», участник многих экспедиций. Он посвящал работы волку, соболю, косуле, глухому тетереву, рябчику; был знатоком охотничьих собак; издавал в 1892—1893 гг. журнал «Домострой», посвященный хозяйственной деятельности; был в комиссии по пересмотру законов об охоте под руководством великого князя Сергея Михайловича; с 1873 г. — кандидат естественных наук, был заведующим Маммологическим отделением Императорского русского общества акклиматизации животных и растений (Зоологический сад на Пресненских прудах); был также секретарем Императорского общества испытателей природы (ныне МОИП). Таков далеко не полный перечень сфер деятельности и научных интересов этого активного исследователя и организатора зоологической науки. О широте его деятельности говорит, например, и то, что он помимо зоологии занимался еще и собиранием гербария для флористических нужд и участвовал даже в археологических раскопках.

Генеалогия Леонида Леонидовича по мужской линии нам хорошо известна. Оставляя в стороне недостоверное, сошлемся на авторитетные работы (Руммель, Голубцов, 1886—1887; Ельчанинов, 1909—[1916]). Последний был, кстати, не только крупнейшим специалистом по генеалогии ярославского дворянства, но и родственником наших Сабанеевых. Бабушка Леонида Леонидовича по отцу была урожденной Ельчаниновой.

Род Сабанеевых принадлежит к древнему ярославскому дворянству и потому в конце XVIII века был внесен в VI часть родословной книги этой губернии. Он ведет свое начало от

романовского татарина Ишкея Сабанеева, жившего в 1-й половине XVII века. Его сын Кутлу-Мамед, во святом крещении Федор Ишкеевич, был в 1675 г. помещиком Романовского уезда. Фамилия Сабанеев этимологически происходит от тюркского многозначного слова «сабан» (плуг, праща и т. д.) (Баскаков, 1993). Скорее всего «сабаней» — «несущий пращу» — что-то вроде библейского Давида. Генеалогически любопытно, что прапрадед Леонида Леонидовича Сабанеева, Василий Тихонович, был женат на княжне А. М. Ухтомской. Тем самым наши Сабанеевы и их потомки, известные нам, — прямые потомки Рюрика и, в силу одного из древних браков князей Ухтомских, — знаменитого Юрия Долгорукого.

Происхождение матери Леонида Леонидовича пока не известно. Она была верной спутницей мужа, иногда участвовала в редакционной подготовке статей, присланных в его журналы. Известно, однако, что она была дочерью зоолога и путешественника, друга Пржевальского (Сабанеев, 1930). К сожалению, она страдала тяжелым психическим заболеванием, нередко требовавшим больничного лечения.

Семья Сабанеевых была довольно патриархальной дворянской семьей, причем не отличалась достатком: известно, что отец издавал журнал «Природа» за свой счет, а потом вынужден был отказаться от этого. Еще труднее стало жить детям из-за долгой болезни, а затем и смерти отца. Леонид Леонидович (по домашнему: Л ля) родился в Москве в 1881 г., а в 17 лет уже потерял отца.

К этому времени у мальчика уже достаточно определился круг его главных интересов: живая природа и музыка. И первое, и последнее было не случайно. Семья естествоиспытателя была очень музыкальной, хотя родители не хотели для сына «артистической карьеры», желая видеть его в будущем ученым. Уже к 10 годам Леонид Леонидович был, по его соб-

ственным словом, «10-летним естественником». Сабанеевы жили зимой в городе, на Бол. Дмитровке (дом Шаблыкина), а летом с 1892 г. стали снимать дачу в Кунцево, что ныне в черте Москвы. На этикетках собранных Леонидом Леонидовичем бабочек, например, встречаются Кунцево, Кузьминки, Измайловский парк и т. д. (1894—1911 гг.). Интересно, что в Кузьминках одновременно с ним собирали Фл ров и Зограф.

Судя по очерку Е. А. Дунаева «Музейные герпетологи Москвы на рубеже прошлых веков» (в настоящем издании), Леонид Леонидович особенно основательно проводил исследования именно в области герпетологии: много занимался определением, каталогизацией, имел по ней публикации. Но также и коллекции насекомых были собраны им весьма квалифицированно, велики и имеют немалую ценность. Подчеркнем, что его коллекции до сих пор широко используются исследователями, в том числе были очень полезны при подготовке «Красной книги города Москвы» (Красная книга..., 2001).

С детства Леонид Леонидович вместе с братом занимался и музыкой, причем, можно сказать, у первых светил московского музыкального мира. С 1888 г. его преподаватель — профессор консерватории Н. С. Зверев (фортепьяно), впоследствии завещавший братьям свою нотную библиотеку, затем П. А. Шл цер. С 1889 г. — Н. М. Ладухин преподает ему музыкально-теоретические предметы. С 1890 г. Леонид Леонидович знакомится с С. И. Танеевым и занимается с ним теорией. Тот вводит Леонида Леонидовича в свой музыкальный круг, бесплатно занимается с ним и братом, приглашает его на домашние ассамблеи. Там присутствуют Рахманинов, Гольденвейзер, Игумнов, Скрябин, Катуар. В тот же круг входили Толстые, а также В. А. Маклаков, в будущем крупный деятель русского зарубежья, организовавший выдачу «нансеновских» паспортов и осуществлявший связь эмигра-

ции с Лигой Наций. В Старом Кунцеве летом Леонид Леонидович общался и с семьёй дяди Танеева, «радикала» и «славного еретика», отца известной фрейлины Вырубовой (Сабанеев, 1930).

Природа и музыка, музыка и природа, — параллельно и нераздельно. В 1897 г. Леонид Леонидович поступает на Физико-математический факультет Московского университета, учится «на математике». Дифференциация естественных наук еще в колыбели, по меньшей мере в структуре Университета, и его учителя, великого физика П. Н. Лебедева, нимало не беспокоят фаунистические занятия питомца, которым тот с увлечением предавался. Кстати, в 1899 г. деканом факультета до 1905 г. был избран родной дядя Леонида Леонидовича, профессор-химик А. П. Сабанеев, который после смерти отца был его ближайшим родственником-естественником.

Одновременно Леонид Леонидович учится и в Московской консерватории у Шл цера. В 1906 г. он оканчивает курс наук в университете и получает степень магистра математики (в тот год он — один из пяти) и одновременно завершает занятия в консерватории. Мы встречали как-то утверждение биографа-музыковеда, что Леониду Леонидовичу так и не пришлось применить на практике знания, полученные в университете, поскольку он безраздельно посвятил себя музыке. Зоологи знают, что это не так. Добавим, что, согласно справочнику «Вся Москва» и другим адресным изданиям за ряд лет, в качестве его основного рода занятий указывается преподавание (Реальное училище Н. Г. Бажанова, Лазаревский институт восточных языков, знаменитая Мужская гимназия Л. И. Поливанова и др.). В гимназии Поливанова в 1914 г. он преподавал в чине коллежского асессора. При необычайной широте познаний Л. Л. Сабанеева выяснить,

что в какие годы и где он преподавал, — задача непростая. Думаем, однако, что вряд ли музыковеды стали бы настаивать на том, что в Реальном училище он преподавал теорию музыки или класс фортепьяно. Заметим, что и деятельность Леонида Леонидовича в области теории музыки в этот период носила выраженную естественно-научную окраску.

Естественно-научное образование дало ему возможность глубже изучить научные аспекты музыки, названия его ранних работ прямо свидетельствуют об этом: «О звуко-цветовом соответствии» («Музыка», 1911, 9), «Наука о музыке» (там же, 1912, 74), «Эволюция гармонической идеи» (Пг., 1915), «Музыка речи: эстетическое исследование» (М., 1923).

Еще в 1913 г. восприимчик его дочери, дядя жены, в много-томной и почти ежедневной летописи жизни своего «Хутора на Сетуни» (Александров, 1909—1930) скрупулезно вписал факт дарения ему шести жаб. Согласитесь — зачем человеку, безраздельно посвятившему себя только музыке, целых шесть жаб?! А у него, вероятно, было много больше своих рептилий и амфибий.

Отметим, правда, два обстоятельства, явно не способствовавшие естественно-научной линии развития Л. Л. Сабанеева. Во-первых, среди представителей либеральной профессуры, покинувших Университет в знак протеста против покушения властей на права университетской автономии, был и учитель Леонида Леонидовича П. Н. Лебедев. Уход учителя не мог в то время пройти по касательной для ученика. Во-вторых, уже с 1909 г. в его отношении к музыке и музыковедению происходит резкий перелом. Он отходит от традиционного Танеева и увлекается Скрябиным, знакомится с ним, и ряд последующих лет проходят для него под знаком близости и дружбы с «этим беспредельным мечтателем», «русским Вагнером» (Разумова, 1997). В дальнейшем, с 1911 г., он посвятил творчеству Скрябина множество публикаций, в том числе и ряд книг.

Вообще 1909—1914 гг. были для Л. Л. Сабанеева, по-видимому, переломными и, похоже, предопределили его дальнейшую жизнь.

В 1910 г., примерно в 29 лет, он женится на Екатерине Леонтьевне Александровой (Кэт), дочери известного детского хирурга, ставшего после смерти Н. П. Филатова председателем Общества детских врачей при Московском университете, Л. П. Александрова (1858—1929). Он был многие годы главным врачом Больницы святой Ольги в Москве, преподавал на Медицинском факультете Университета, в 1907 г. получил чин действительного статского советника, а в 1918 г. был избран профессором факультета. К тому же он был увлеченным и хорошо известным поныне краеведом-ботаником и историком Москвы, имел ряд краеведческих публикаций. Здесь для курьеза мы упомянем его доклад на Обществе «Старая Москва» о борьбе императрицы Елизаветы с лягушками возле дворца на месте будущего Нескучного Сада (они раздражали ее своим кваканьем). Екатерина Леонтьевна была двоюродной сестрой Л. Л. Сабанеева, поскольку женой Александрова была родная сестра его отца Вера Павловна Сабанеева. На венчании в Троекурове шаферами были физик и историограф отечественной физики Борис Федорович Розанов, ученик Лебедева и увлеченный эсперантист, Николай Михайлович Станиславский, родной брат невесты Владимир Леонтьевич Александров, будущий профессор Московского авиационного института и соратник Туполева, в частности и во времена «шарашки». Последним в списке шаферов назван Александр Сабанеев. Среди гостей были мать и отец невесты и ряд ближайших родственников последнего (Александров, 1909—1930).

Женившись на своей кузине, Леонид Леонидович породнился с большим кланом Александровых, семьей деда невесты, Петра Александровича, учителя естествознания и позже ди-

ректора III московской гимназии. Эта гимназия многие годы была не классической (гуманитарной), а единственной реальной, где особое внимание уделялось естествознанию. Из клана Александровых и их ближайших родственников вышли многие естествоиспытатели, в частности биологи, геологи, географы, физики, также гуманитарии. Другие связали свою судьбу с этим кланом браками. Не так мало их еще и сейчас, несмотря на непростые времена, которые им довелось пережить, — в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, других городах России и ряда других стран. Я назову здесь нескольких известных биологов этого круга: Сабаневы, ихтиолог Г. В. Никольский, физиолог растений Д. А. Сабинин, териолог С. Н. Боголюбский, микропалеонтолог А. В. Фурсенко, охотовед Н. Н. Граков, ботаник из БИНа В. Л. Некрасова. Уделяли внимание биологической тематике географ В. В. Никольская и археолог Б. Н. Граков. Петр Александрович Александров — родоначальник клана, происходил из Владимира, из крепостных помещиков Дуровых, но окончил Московский университет и в дальнейшем был даже удостоен личного дворянства. Его жена — была дочерью чеха Леонтия (Леопольда) Чермака, эмигранта из занятой Наполеоном Вены, художника и педагога, владельца частного пансиона при Московском университете, в котором учились многие от Достоевского до Шренка. И с этой стороны — педагоги, ученые и т. д. Например, К. Л. Чермак — фактический основатель и директор гимназий в Тифлисе и Баку, один из первых содиректоров Кавказского музея, А. М. Ламовский — некогда первый

Л. Л. Сабанев с женой

человек и знаменитый преподаватель в Межевом институте в Москве, одновременно и один из соучредителей Московского общества охоты. Не зря он получил многозначительное охотничье прозвище — Собачий Бог. Связаны с ними юрьевский профессор гистолог Н. К. Чермак и другие.

Просвещенных людей и просветителей было не так много, и они образовывали некоторый круг, связанный узами тесного знакомства и родства. В группировку входили люди очень разного сословного происхождения, одним словом — по сути, а не по лычкам. Какая-либо кичливость и отклонение от идеалов не поощрялись. Группировка была национально терпимой, и в нее легко вписывались выходцы из других стран — Германии, Франции, Бельгии, Англии и других. Все работали на уровне русских науки и образования.

Так что брак Л. Л. Сабанеева обещал быть удачным, он, что называется, родился для этой среды. К сожалению, этого не произошло. Но об этом позже.

Леонид Леонидович продолжал заниматься и зоологией, и музыкой. Он выступал как музыкальный критик, отчасти как композитор, сотрудничал со многими периодическими изданиями. Возможно, что эта деятельность доставляла ему не только удовольствие, но и была полезнее для экономики его семьи. Музейные зоологи, как правило, — бессребреники.

1914 г. принес новые проблемы. Леонид Леонидович, как он написал сам, ненавидел любую войну (Сабанеев, 2000). Неудивительно. Однако на снимке 1914 г. он в солдатской форме. Не исключаю, что он как-то подключился к работе крупного военного госпиталя, в котором первым лицом стал его тесть, детский хирург Л. П. Александров. Госпиталь пульсировал, принимая новых раненых и выпуская фронтовиков и инвалидов. С 1910 г. до июля 1914 г. Леонид Леонидович с женой часто приезжает на «Хутор на Сетуни» брата своего

тестя П. П. Александрова (Александров, 1909—1930). То с женой, то с семьей приятеля, композитора А. А. Крейна. Потом упоминания пропадают. Летопись все ведется, а он появляется здесь только в мае 1917 г., правда уже с двумя детьми.

Адреса у него с женой меняются — знак неблагополучия: Борисоглебский, Большой Чернышевский, Скатертный, Шереметьевский, Сретенский переулки. Последний, впрочем, позже — уже в советские времена. Жена когда в Москве, когда — в Ярославле.

А пока пришел год двух революций. В этот год, в декабре умер его брат Борис.

Тяготы последующих лет, конечно, не смогут пройти мимо Леонида Леонидовича. В Москве — голод, заложничество, возможность попасть в мифический или настоящий заговор, а среди знакомых и друзей кто-то уехал, кто-то погиб. И все-таки наш натуралист и музыкальный критик смог вписаться. Надолго ли?

Востребованным оказывается не столько его зоологическое образование, сколько тяготение к современной музыке. Ведь всяческий футуризм на дворе! Он теперь (1921—1923 гг.) член правления и заведующий музыкальной секцией Государственной академии художественных наук, председатель ученого совета Государственного института музыкальной науки, музыкальный обозреватель и «Правды», и «Известий» (Разумова, 1997). А он и вправду серьезный исследователь, недаром мечтатель Скрябин называл его позитивистом. В послереволюционные годы и чуть раньше выходят его книги о Дебюсси, Скрябине, Вагнере, в год смерти Ленина — «Национальная еврейская школа музыки», Равель, потом — «Всеобщая история музыки», опять Скрябин и Скрябин. С послереволюционного времени нам ничего не известно о его зоологической деятельности, думается, что ее и не было.

В 1926 г. он становится музыкальным корреспондентом за границей, присылает оттуда статьи, берет интервью у И. Стравинского, живет в Париже... так и не приехал в СССР.

Вернемся к его семье и к его личной, как принято говорить, жизни. Надо сказать, что казалось бы перспективный брак оказался неудачным. У Л ли и Кэт родились сын Ростислав (Славка) и дочь Елена. Ростислав родился около 1910 г., был не без дурных наклонностей и слыл обременительным для семьи и родственников. Он, как и его мать, по-видимому, погиб в Ленинграде в блокаду, куда они переселились до войны. Возможно, что у него была дочь, но это никому определенно не известно. Елена (1914—1994) не имела среднего образования, она всю жизнь скромно трудилась на почтамте в Ленинграде, в войну занималась почтой в армии. Она умерла в преклонном возрасте, не оставив потомства, некоторые родственники общались с ней, приезжая в Ленинград. Она носила фамилию и даже отчество восприемника, автора упоминавшейся «Летописи... (Александров, 1909—1930) — Елена Павловна Александрова. На фамилию Сабанеев, говорят, у нее была прямо-таки идиосинкразия. Так, по-видимому, закончилась эта линия Сабанеевых. Несомненно трагическая история семьи. Воспринимал ли Леонид Леонидович ситуацию как трагедию, я не знаю. По-видимому, в браке уже была трещина. А думая о детях этой пары, невольно вспоминаешь, что брак их родителей был близкородственным.

Леонид Леонидович продолжал создавать книги по музыке — о современных русских композиторах (в Нью-Йорке, в 1927 г.), А. А. Крейне (1928 г.), Танееве (1930 г.), о музыке к кинофильмам (1935 г.). Выступал и в роли композитора — создал балет «Летчица» (1928 г.), симфоническое сочинение «Морская лазурь» (1936 г.), а в 1940 г. — кантату «Апокалипсис». В эмиграции у него была вторая жена, Тамара NN, пианистка и человек, видимо, близкий по духу (Сабанеев, 2000).

Леонид Леонидович жил не только во Франции — в Великобритании, Германии, США, но затем окончательно обосновался в Приморских Альпах. Здесь автор «Морской лазури» и умер в Антибе, на Лазурном берегу недалеко от Ниццы.

Музыкальный мир признал его и высоко оценил. Об этой стороне его творческой биографии писали и у нас в советское время (Ямпольский, 1978). Конечно, с «прибамбасами» в виде оценок: «проявлял беспринципность», «труды... не имеют серьезного научного значения» и т. д., но некоторые сведения о его творчестве приведены. В те времена он вовсе не издавался в своем отечестве. Сейчас его активно издают, говорят о его печальной участи: критиковали, мол, представители противоположных взглядов. Издают, однако, и обращают внимание. А в вышедшей недавно книге для немногих «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века» (Разумова, 1997), откуда мы привели вкратце некоторые сведения, довольно подробно рассказывается о его деятельности в эмиграции.

Применительно к Л. Л. Сабанееву название книги все-таки несколько дезориентирует читателя: ведь первая шестая часть XX века Леонидом Леонидовичем была в значительной степени отдана зоологии и мы, российские зоологи, ощущаем это по сей день. Сейчас зоологам можно представить себе и более цельный образ этого человека и узнать о судьбе своего очень глубоко музыкального коллеги, с трудом вписывавшегося в исторический контекст.

А. В. Свиридов

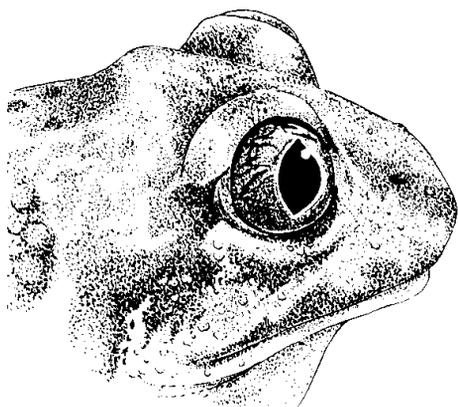
**НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
СЕВЕРЦОВ**

1827–1885

«Многие прежние истины мне теперь казались заблуждением, но не осуждал я этого заблуждения, а оставался (и остался) неизменно убежден, что мысль нам дана для свободного исследования истины, что то верование прочно и дорого, которое выдержало анализ и борьбу с сомнениями, что воздерживаться от этого умственного процесса, боясь греха, все равно что не ходить и подвергаться атрофии ног, чтобы не упасть, а стеснять зрелую мысль авторитетами значит водить взрослого на помочах. Конечно, при самом добросовестном стремлении к истине, возможны и заблуждения, но раскрыть и исправить их может только свободный обмен мыслей или собственная проверка, а осуждению такое искреннее и добросовестное заблуждение подлежит также мало, как неверный шаг или ошибка в пути темной ночью...»

Н. А. Северцов «Месяц плена у кокандцев» (1860, с. 68).

В прошлом году исполнилось 175 лет со дня рождения замечательного русского ученого-естествоиспытателя и путешественника Н. А. Северцова. Почти каждый современный зоолог знает (или, по крайней мере, слышал), что Николай Алексеевич был крупнейшим орнитологом своего вре-

мени и что он по праву считается одним из основоположников зоогеографии в России. Более сведущие вспомнят, что именно его перу принадлежала первая в России монография по экологии животных. Историк биологии добавит, что Н. А. Северцов был одним из первых русских дарвинистов, причем к идее трансформации видов он пришел независимо от Чарльза Дарвина.

Однако этим не исчерпывается перечень заслуг Н. А. Северцова. Не менее (а, может быть, даже более) значительны его достижения в географии. Почти всю свою творческую жизнь Северцов посвятил изучению малоизвестного тогда Туркестана. Он был первым европейцем, которому удалось посетить многие неведомые уголки этого региона. Благодаря своей неутомимой деятельности и истинному подвижничеству, Н. А. Северцов, невзирая на многочисленные препятствия, невзгоды и нередко подстерегавшие его опасности, не щадя своих сил и средств, об-

следовал труднодоступные горные районы Тянь-Шаня и Памира, жаркие пустыни Арало-Каспийского края, низовья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, степи северного Казахстана. Его замечательные географические открытия, заметно изменившие карты того времени и заполнившие многие белые пятна, принесли ему заслуженную славу выдающегося знатока природы Средней Азии.

Н. А. Северцов внес серьезный вклад в картографию и изучение климата Западного Туркестана, в гляциологию, геологию и т. д. Ему удалось обнаружить целый ряд месторождений каменного угля, нефти (на Эмбе) и других полезных ископаемых, предложить свой проект развития пароходства на Сыр-Дарье, представить соображения по устройству туркестанской железной дороги, а также парового безрельсового сообщения между Оренбургом и Казалинском, меры по усовершенствованию рыбных промыслов на реке Урал и т. д. Более того, Н. А. Северцову приходилось непосредственно участвовать в некоторых военных действиях, заниматься местной дипломатией, административными делами и экономикой. Следует также добавить, что он был неплохим художником, оставившим замечательные натурные зарисовки различных животных и ландшафтов. Северцов хорошо знал литературу, занимался переводами зарубежной поэзии и даже сам писал стихи. Его творческое (как художника в широком смысле этого слова), несколько романтическое восприятие природы нередко прорывалось даже на страницы научных трудов.

Таким образом, Н. А. Северцов был необычайно одаренным человеком, широко эрудированным ученым, плодотворно работавшим в разных научных дисциплинах и проводившим многолетние, как бы сказали сегодня, комплексные географические исследования Средней Азии. Фактически он один делал то, что впоследствии станет задачей для многих десятков, если не сотен, людей и многих институтов.

В своей речи, произнесенной 13 (25) октября 1885 г. на годовичном собрании Императорского Московского общества испытателей природы, спустя несколько месяцев после трагической, нелепой смерти Н. А. Северцова, его ученик и сам блестящий ученый М. А. Мензбир (1855—1935) так охарактеризовал своего горячо почитаемого учителя: «От природы склонный изучать интересующие его вопросы со всех сторон, положительно неспособный отнестись к чему-либо поверхностно, Н. А. не мог быть и не был путешественником в смысле Стэнли и Пржевальского: он был исследователь и, притом, исследователь глубокий и разносторонний, обладающий массой самых разнообразных сведений. Но из этого не следует, что Н. А. не интересовался ничем кроме своих исследований: совершенно напротив, его интересовало все стоящее хоть какого-либо внимания, и его суждения в самых разнообразных случаях отличались настолько же глубиной мысли и верностью взгляда, насколько смелостью и оригинальностью» (Мензбир, 1886, с. II).

Тем удивительнее то, что Н. А. Северцов на протяжении всей своей неустанной исследовательской деятельности не занимал каких-либо официальных научных или преподавательских (профессорских) должностей в университетах или в Императорской Академии наук. Формально он долгое время числился по военному ведомству в должности «чиновника особых поручений» (с 1860 по 1884 г., когда он вышел на пенсию). Однако его вклад в изучение фауны Туркестана (точнее Средней Азии без Закаспия) был столь велик, что в развитии зоологических исследований этого региона даже выделяется специальный «северцовский» период (Бобринский, 1929).

О Н. А. Северцове написано немало, в том числе несколько книг, преимущественно в советское время. В Ташкенте был издан интересный сборник документов, хранящихся в местном архиве («Н. А. Северцов», 1958), который раскрывает важные

детали его деятельности и взаимоотношений с колониальной администрацией. Однако все же некоторые аспекты его биографии до сих пор остаются неясными. На мой взгляд, масштаб столь неординарной во всех отношениях личности требует значительно большего внимания к ней со стороны историков науки. Сейчас, когда российское общество стало свободным от цензуры, впервые появились возможности для более объективного и непредвзятого анализа, нестесненного государственными идеологическими штампами и запретами. В первую очередь это касается эволюционных взглядов Н. А. Северцова (предыдущие работы историков биологии были изданы в лысенковское время, что могло повлиять на интерпретацию), его общественной деятельности, отношения к религии, службы в российской колониальной армии и т. д.

Издание прекрасных рисунков и акварелей Н. А. Северцова, а также сохранившихся рукописей, публикация его переписки с государственными и научными деятелями, многочисленных архивных материалов, связанных с его путешествиями и научными трудами, позволили бы не только более глубоко понять творческое наследие этого выдающегося сына XIX столетия, но и в какой-то мере проникнуть в настроения и мотивы, владевшие русским образованным обществом в период колонизации Западного Туркестана. Это было бы особенно поучительно для современной России, фактически вернувшейся к границам XVIII века.

Список публикаций самого Н. А. Северцова насчитывает более сотни названий, в том числе несколько толстых книг, включая посмертные издания. Как зоолог Северцов в первую очередь обращал пристальное внимание на любимых им птиц, затем на млекопитающих, серьезно способствовал изучению ихтиофауны Туркестана. Однако он внес заметный вклад и в развитие российской герпетологии третьей четверти XIX столетия. На про-

тяжении всей своей зоологической деятельности Н. А. Северцов не забывал о земноводных и пресмыкающихся как своей родной Воронежской губернии, так и Средней Азии, наблюдая над их образом жизни или собирая их для музеев. Поэтому те или иные сведения герпетологического характера, иногда, правда, отрывочные, можно найти во многих его сочинениях.

Детство будущего натуралиста

Н. А. Северцов родился 24 октября (5 ноября) 1827 г. в состоятельной дворянской семье. Советский историк географии Р. Л. Золотницкая, много лет изучавшая жизнь и творчество Северцова, по переписным книгам установила, что местом его рождения был город Воронеж, хотя другие биографы указывали село Хвощеватое Землянского уезда или иные населенные пункты Воронежской губернии. Северцовы принадлежали к старинному дворянскому роду, еще с середины XVII века владевшими обширными землями в этой губернии.

Отец Николая, Алексей Петрович Северцов (1789—1871) участвовал в войне с Наполеоном. В Бородинском сражении он потерял руку, за храбрость получил золотую шпагу и в 1821 г. вышел в отставку в чине гвардии подполковника с наградами. Затем, недолго послужив на ниве народного просвещения, он женился и большую часть оставшейся жизни занимался хозяйством в своих родовых имениях — сначала селе Хвощеватое, а затем в Петровском, живописно раскинувшимся среди лесов и полей недалеко от города Боброва. Алексей Петрович, к концу жизни ставший уездным предводителем дворянства, слыл весьма образованным, честным и справедливым помещиком, придерживавшимся независимых и передовых взглядов*.

* А. П. Северцов был весьма заметной фигурой общественной жизни Воронежской губернии: он владел конным заводом и несколькими имениями, возглавлял дворянство Землянского уезда, считался авторитетнейшим помещиком, с бескомпромиссным мнением которого считались люди даже очень высоких чинов и сословий (комм. Е. А. Дунаева).

Эти черты его характера, как и храбрость, были свойственны и Н. А. Северцову.

Мать Николая, Маргарита Александровна Северцова, происходила из рода Семеновых; сведений о ней почти нет. К этому роду, кстати, принадлежал и выдающийся путешественник, первооткрыватель Тянь-Шаня, один из основателей Императорского Русского Географического общества, крупный государственный деятель П. П. Семенов (1827—1914), получивший по царскому указу 1906 г. за свои заслуги прибавку к фамилии «Тянь-Шанский». Таким образом, Н. А. Северцов находился с ним в отдаленном родстве, о чем, правда, долгое время не знал. Любопытно, что они оба родились в один и тот же год, и оба прославились своими выдающимися открытиями в Тянь-Шане. Однако Семенов пережил Северцова почти на тридцать лет.

Николай был первенцем. После него родились еще четыре сына (Дмитрий, Александр, Владимир и Петр), а также две дочери (Анна и Екатерина). В Петровском все дети получили прекрасное домашнее образование, как тогда было принято в обеспеченных дворянских семьях. У отца была большая, богатая библиотека, в которой Николай проводил много времени. Он свободно знал французский, немецкий и английский языки. Кроме того, он не только читал, но и говорил по-латыни, что для того времени не было обычным. Любопытно, что вкус к латыни, а также к меткой стрельбе привил Северцову один и тот же человек — Ф. И. Лаушен, эмигрант-иезуит, бывший одним из домашних учителей.

Лаушен явно повлиял на склонность мальчика к изучению природы. Так, даже в своей магистерской диссертации Н. А. Северцов (1855, с. XXII, сноска) отметил, что Лаушен «<...> был отличный охотник и стрелял, кроме дичи, всяких птиц, чтобы показать их нам, при чем рассказывал свои охотничьи замечания, и, сверх того, упражнял и нас в наблюдении птиц, иногда

водя с собой на охоту». Н. А. Северцов даже включил несколько его наблюдений 1837—1840 гг. в свою диссертацию. Уже в детском возрасте Николай научился собирать гербарий, вести и записывать свои наблюдения в природе, зарисовывать животных. Еще ребенком он прочитал (по-французски) знаменитую «Естественную историю» выдающегося французского естествоиспытателя Жоржа Бюффона (1707—1788), которая стала его любимой книгой. Сейчас, удивляясь всему этому, мы можем лишь повторить вслед за М. А. Мензбиром (1886, с. IV): «Северцов принадлежит к совсем иной эпохе, нежели наша, и начал работать с такой прекрасной подготовкой, о которой мы не имеем понятия».

Московский университет

«Правда, в семье он не нашел ни тени сочувствия своим занятиям» (Мензбир, 1886, с. IV). Родители хотели, чтобы Николай стал военным. Однако тот мечтал о совсем другой карьере и в 1843 г. в возрасте 16 лет после блестящей сдачи экзаменов был принят в Московский университет на так называемое второе отделение философского факультета, где преподавали естествознание. По воспоминаниям его друга зоолога С. А. Усова (1827—1886), записанным А. Н. Северцовым (1866—1936), сыном Н. А. Северцова, жизнь московских студентов-естественников 1840-х годов была веселой и вольной, часто разгульной, простой и непритязательной. Они много работали и учились, но немало и кутили. Молодые люди (женщинам, как известно, в то время доступ в университет был закрыт) были остроумны, блестяще образованны, хорошо начитанны, очень интересовались немецкой философией. Именно они привели к расцвету русскую науку в 1860—1870-е годы.

Вместе с Николаем в Московский университет, но на филологический факультет, поступил его брат Александр. «В Москве братья поселились на Арбате, в одном из многочислен-

Н. А. Северцов в студенческие годы

ных его переулков. Жили они там в маленьком деревянном флигельке, жили вместе с дядькой <...>. Дядька Федор Григорьевич всячески заботился о благоденствии вверенных его попечению юношей: он заведывал их несложным хозяйством, по субботам водил их в баню, а рано утром провожал в университет на лекции» (Северцова, 1940, с. 15–16).

По словам А. А. Северцова, его брат Николай, будучи студентом, много экскурсировал. Вставал рано утром, часов в пять, и возвращался поздно вечером. Чтобы никого не беспокоить, Н. А. Северцов имел обыкновение проникать к себе в комнату через низкий балкон, который для этой цели оставлялся открытым на ночь. Уже в эти годы Н. А. Северцов проявлял признаки рассеянности, о которой впоследствии ходило множество легенд и анекдотов как в Москве, так и в Петербурге. Например, однажды он долго отсутствовал в Москве, а его брат переменял квартиру. Хотя Николай Алексеевич и был предупрежден о переезде, но забыл об этом и, подойдя к прежнему дому, направился в свою комнату, как обычно, через балкон, чем немало переполошил новых жильцов. Надо добавить также, что в молодости Северцов был очень застенчив, и хотя с годами это сгладилось, но все же на всю жизнь в нем сохранилась острая впечатлительность и нервность (Северцова, 1940, с. 16 и 41).

Молодой Северцов попал в университет в весьма благодатное для отечественной науки время, когда там преподавали многие выдающиеся ученые. В 1844 г. он стал слушателем талантливого профессора К. Ф. Рулье (1814–1858). Тремя годами ранее последний «<...> ввел новую у нас систему в

предподавание общей зоологии, прежде ограничивавшейся, сколько нам известно, общим изложением классификации и сведениями из сравнительной анатомии, между тем как его курс общей зоологии был изложением общих законов животной организации и животной жизни (зообиология). Логичность и увлекательное изложение этих лекций, к сожалению немногочисленных, в следствие обширных палеонтологических исследований профессора, побудили меня искать сближения с ним; из простаго слушателя я сделался его учеником.

В слышанном нами курсе общей зоологии, профессор обращал особенное внимание на важность и современное положение исследований о связи жизненных явлений между собой, и зависимости их от внешних условий, от среды обитания и обстановки, в которой живет животное. С тех пор, эти исследования окончательно сделались главным предметом моих занятий, и мое любопытство относительно жизни животных приняло научный характер» (Северцов, 1855, с. XXII–XXIII).

К. Ф. Рулье не только был выдающимся ученым, предложившим новую биологическую науку «зообиологию» (т. е. экологию), но еще и весьма необычным профессором, безалаберным в жизни, по словам академика А. Н. Северцова, подчас с довольно неформальным поведением. Так, иногда студенты, не найдя Рулье в аудитории для лекции, шли в кофейную Печкина, где обычно профессор пил пиво и курил трубку. Увидев, что все в сборе, Рулье объявлял, что в таком случае незачем идти в университет и прямо здесь же начинал свою лекцию.

Помимо К. Ф. Рулье, студент Н. А. Северцов «<...> не мог не обратить особенного внимания на климатологию и физическую географию <...> (Северцов, 1855, с. XXIII), которые читались профессором М. Ф. Спасским (1809–1859). Последний курс был впервые введен в университетскую программу. Таким образом, уже тогда были заложены основы

главнейших направлений будущих исследований Н. А. Северцова.

Магистерская диссертация: экологический подход

Уже в 1844 г., находясь под влиянием обоих профессоров, Н. А. Северцов начал свои наблюдения над наземными позвоночными животными, которые через десять лет были обобщены им в его магистерской диссертации. Весной 1847 г. Северцов окончил университет со степенью «кандидата», что давало ему право на научную карьеру. Продолжая свои полевые исследования, он избрал для своей магистерской диссертации тему «Наблюдения над характером позвоночных-легочных Воронежской губернии».

В 1850 г. Северцов сдал в университете экзамены, необходимые для допуска к защите диссертации («кандидатские», как сказали бы сейчас; в наше время ситуация со степенями оказалась перевернутой — сначала магистр и лишь затем кандидат наук). Магистерские экзамены (устные и письменные), которые не были тогда простой формальностью, Н. А. Северцов держал 7 (19) апреля, 5 (17) и 10 (22) мая и 5 (17) июня. Курьезно, но сначала он «провалился» на экзамене по зоологии, который потом пересдал блестяще. Среди дневников Н. А. Северцова сохранился календарь его работы, как в поле, так и по оформлению диссертации с 1844 по середину 1855 г. (см. Золотницкая, 1953, с. 17).

В конце 1850 г. Н. А. Северцов был принят в члены Императорского Московского общества испытателей природы, с которым впоследствии он был тесно связан многие годы до самой своей внезапной смерти. Первая (1850 г.) и последняя (1883 г.) прижизненные статьи Северцова, обе о птицах, были опубликованы в «Бюллетене» этого замечательного общества.

9 (21) октября 1854 г. декан физико-математического факультета Московского университета профессор М. Ф. Спас-

ский подписал к печати книгу Северцова «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии», которая вышла в Москве в типографии А. Евреинова в 1855 г. Как было указано на титульной странице книги, это было «Разсуждение, написанное для получения степени магистра зоологии, Николаем Северцовым, по наблюдениям, сделанным в 1844—53 годах».

Диссертация была написана под сильным воздействием идей К. Ф. Рулье, заслугам которого как руководителя посвящено несколько страниц предисловия. Н. А. Северцов сам оценил «<...> свой труд, как труд ученика К. Ф. Рулье, прочно усвоившего направление и методу своего наставника» (Северцов, 1855, с. XXV). Даже на титульную страницу книги он вынес в качестве программного эпиграфа знаменитую фразу Рулье, сказанную им в публичной лекции 1851 г., изданной на следующий год:

«Полагаем задачею, достойною перваго из первых ученых обществ, назначить следующую тему для труда первейших ученых: *Исследовать три вершка ближайшаго к исследователю болота относительно растений и животных, и исследовать их в постепенном взаимном развитии организации и образа жизни, посреди определенных условий*» [курсив оригинала — Л. Б.].

Н. А. Северцов понимал свое многолетнее исследование как реализацию этой установки учителя. Предисловие к своей диссертации он закончил следующими словами: «Теперь же оно [исследование — Л. Б.], при всех недостатках, все таки первый опыт подробнаго местного исследования влияния внешних условий на все, даже ничтожнейшия, явления животной жизни, т. е. деятельности целаго организма, а не отдельных органов, и не смотря на недостатки этого исследования, К. Ф. Рулье может сказать, что не пропали его труды для моего научнаго образования» (Северцов, 1855, с. XXVII).

5 (17) ноября 1855 г. в возрасте 28 лет Н. А. Северцов успешно защитил свою диссертацию. Любопытно, что его оппонентом был не кто иной, как... сам руководитель диссертанта К. Ф. Рулье! Ситуация, по нынешним меркам, просто немыслимая. Утверждение решения Совета факультета по защите диссертации в XIX веке, как и сейчас, осуществлялось вышестоящими инстанциями и требовало некоторого времени. Как было отмечено в «аттестате о службе», выданном Северцову 22 декабря 1884 [3 января 1885 г. по новому стилю] в связи с его выходом на пенсию, он «по испытании в физико-математическом факультете и после публичного защищения написанной им диссертации <...>, утвержден с разрешения министра народного просвещения, в степени магистра зоологии, на которую ему и выдан из означенного университета 20 марта 1859 г. диплом 634, <...>» (см.: «Н. А. Северцов», 1958, с. 255). Скорее всего, эта задержка с выдачей диплома была вызвана отсутствием Северцова в Москве до этого времени.

Магистерская работа Н. А. Северцова получила высокую оценку и в Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, которая 27 апреля (9 мая) 1856 г. присудила ему так называемую малую, половинную Демидовскую премию (2500 рублей). Отзыв написал знаменитый естествоиспытатель и путешественник академик А. Ф. Миддендорф (1815–1894), строгий и придирчивый критик, который, тем не менее, книгу назвал замечательной, «обильным сокровищем дельных наблюдений», новым явлением в русской научной литературе и выразил пожелание «естествоведцам Германии» издать ее на немецком языке. Научный метод диссертанта он сравнил с новой колеей, по которой можно дойти до важных открытий. Миддендорф также выразил сожаление, что Академия не имеет возможности присудить Н. А. Северцову степень доктора (тогда это было прерогативой только университетов).

Надо заметить, что появление рецензии А. Ф. Миддендорфа не было случайностью. Во-первых, он сам интересовался влиянием климата на жизнь животных, и, кроме того, он был знаком с Н. А. Северцовым лично. В 1854 г. последний осматривал в Петербурге академические коллекции, хранящиеся в Императорском Зоологическом музее (ныне Зоологический институт РАН) «<...> вместе с Г. [Господином — Л. Б.] Акад. [Академиком — Л. Б.] Миддендорфом, который был так обязателен, что сам приискивал нужные книги и сообщал разные объяснения о доставленных им в Академию Сибирских животных; <...>» (Северцов, 1855, с. XXVI). В наше время трудно представить себе, чтобы академик оказался столь любезен по отношению к приезжему аспиранту! Впрочем, не менее сложно было бы найти и такие слова благодарности академику в предисловии к кандидатской.

В истории российской науки твердо закрепилось общепринятое положение, согласно которому книга Н. А. Северцова — это первое детальное экологическое исследование в России (или даже в Европе и мире, согласно некоторым), а ее автор — основоположник экологии животных в нашей стране (вместе с К. Ф. Рулье). Пожалуй, лишь И. И. Пузанов (1895—1971) позволил себе высказаться более жестко: «Вообще надо сказать прямо: несмотря на то, что диссертация Северцова имеет большие достоинства, свидетельствующие о высокой одаренности автора, и на то, что она была увенчана Демидовской премией, она носит отпечаток большой незрелости» (Пузанов, 1948, с. 287). «Впрочем, преследуя познание истины, Северцов позднее не только отказался от многого, высказанного им в молодости, но даже первый указывал ошибочность тех или других из своих выводов. Так, познакомившись основательнее с животными европейско-азиатского материка, их образом жизни и их зависимостью от среды, он при первом же случае указал

на ошибочность своих суждений о прямом влиянии на животных средних температур» (Мензбир, 1886, с. VI—VII). Другой ошибкой Н. А. Северцова, явно связанной с влиянием К. Ф. Рулье, было отрицание роли инстинктов в жизни животных и переоценка воздействия среды.

Любопытно, что сам Н. А. Северцов и окружающие (например, А. Ф. Миддендорф) расценивали «Периодические явления» как вклад в зоологическую географию, которую Северцов считал своей основной специальностью в течение всей последующей жизни. Само слово «экология» тогда еще не существовало. Оно будет предложено немецким натуралистом Эрнстом Геккелем (1834—1919) лишь в 1866 г. в книге «Общая морфология организмов» и, насколько мне известно, никогда не употреблялось Н. А. Северцовым. Возникает вопрос, знал ли он вообще о существовании этого термина?

В «Периодических явлениях» Н. А. Северцов не только проанализировал сезонные аспекты жизни наземных позвоночных Воронежской губернии, фауна которых до него бегло изучалась лишь Самуилом Гmeliным (1744—1774) в ходе одной из академических так называемых «физических экспедиций». Большое внимание было уделено им пространственному (в том числе биотопическому, как сказали бы сейчас) распределению видов в зависимости от типов растительности, которые он сам же весьма убедительно выделил, рельефа местности, других факторов среды, особенно температуры и влажности. Выявленные Н. А. Северцовым так называемые «мелкие местные фауны», а также различные варианты растительности можно расценивать как первый важный шаг в сторону формирования будущей экологии сообществ (биоценологии). Одновременно его исследование заложило основы ландшафтно-экологического подхода в зоогеографии.

Воронежская герпетофауна

Для российской герпетологии книга Н. А. Северцова (1855 г.) стала одним из первых региональных эколого-фаунистических исследований. Первой скорее следует считать вышедшую двумя годами ранее (1853 г.) большую статью К. Ф. Кесслера (1815–1881), в которой помимо описания внешнего вида даются сведения по распространению и образу жизни земноводных и пресмыкающихся. Работы такого жанра остаются актуальными и по сей день, хотя, конечно, они выполняются уже на совсем другом методическом уровне. Н. А. Северцовым были опубликованы данные по фенологии амфибий и рептилий (например, «пробуждение гадов от зимней спячки» и уход в нее), биотопическое распространение, зависимость его от температуры, рельефа, почвы, линька («линяние») и т. д. Многие конкретные факты, приведенные Н. А. Северцовым, полезно учитывать и сегодня.

В отношении же видовой систематики и фаунистики сведения Н. А. Северцова (1855, с. 32–33 и 383–386) сейчас явно устарели. Так, он различал всего 12 видов «гадов», из них семь видов рептилий (одну черепаху, четыре ящерицы, две змеи) и пять видов амфибий (две лягушки, чесночницу, жерлянку и жабу). Любопытно, что амфибии и рептилии, вслед за французским зоологом А. Бленвилем (1777–1850), были отнесены им к двум самостоятельным классам позвоночных животных, в отличие, например, от работ 1852 и 1853 гг. профессоров А. В. Черная (1821–1898) и К. Ф. Кесслера. В этом отношении он был первым в российской зоологии.

Прыткая ящерица (*Lacerta agilis*) фигурировала в книге Н. А. Северцова под двумя латинскими названиями (*L. viridis* и *L. stirpium*), хотя он и считал на основании многочисленных «переходов», что скорее всего они относятся к одному и тому же таксону (как, кстати, и А. В. Черная, 1852). Еще один

«редкий» вид ящериц (*Eremias arguta*) он не смог точно идентифицировать даже до семейства, относя ее то ли к *Eremias variabilis*, то ли к *Agama*! Степную гадюку в то время еще смешивали с обыкновенной (*Vipera berus*). Черную гадюку («var. atra, *Vipera prester*») Н. А. Северцов считал разновидностью обыкновенной, но отмечал различия в их биотопическом распространении.

Всех трех зеленых лягушек он объединял под названием *Rana esculenta* (var. *R. cachinnans*), что будет принято примерно до 1920-х годов, а бурых лягушек (остромордую и травяную) — под названием «*R. temporaria*». Странно, что Н. А. Северцов даже не упомянул обыкновенную жабу, которую тогда уже отличали от зеленой. Во всяком случае, он в своей книге приводит лишь один вид жаб «*Bufo variabilis*», синонимами которой считал *B. viridis* и *B. calamita*. Кстати, в советском переиздании книги (1950, с. 63) еще один синоним зеленой жабы «*Rana sitibunda* Pall.», упомянутый Н. А. Северцовым, был «отредактирован» в «*Rana ridibunda*» (т. е. в озерную лягушку!), что было грубой ошибкой, за которую Северцов не должен нести, конечно, никакой ответственности. Удивительно, что тритоны, «<...> которых мы восемь лет напрасно искали» (Северцов, 1855, с. 401), вообще им не были найдены.

С другой стороны, интересно, что Н. А. Северцов воронезских чесночниц отнес к новому подвиду (*Pelobates fuscus*, var. *orientalis*; *P. campestris*?). Наличие особой «восточной» формы чесночниц в европейской части России недавно было подтверждено нами с помощью молекулярно-биохимических методов (Боркин и др., 2001; Borkin et al., 2001).

Надо заметить, что взгляды Н. А. Северцова на систематику «гадов» для 1850-х годов были, тем не менее, достаточно обычными. Например, они были вполне созвучны обзорам герпетофауны Харьковской губернии (Чернай, 1852) или Киев-

ского учебного округа (Кесслер, 1853), на которые Северцов неоднократно ссылаясь в своей книге. В целом в середине XIX века российские зоологи, включая даже А. А. Штрауха (1832—1893), ориентировались на знаменитую многотомную «Общую герпетологию» (1834—1854), написанную выдающимся французским герпетологом Констаном Дюмерилем (1774—1860) совместно со своим помощником Габриэлем Биброном (1806—1848) и частично с сыном Огюстом Дюмерилем (1812—1870).

В своей книге Н. А. Северцов обращал внимание на изменчивость видов. Впрочем, в этом к тому времени он уже не был оригинален, так как и здесь он скорее следовал указанным выше знаменитым французам, называя, правда, «варьететы» последних «*видоизменениями*» (Северцов, 1855, с. 382), тогда как, например, А. В. Чернай (1852) и К. Ф. Кесслер (1853) писали о «разностях». Однако Н. А. Северцовым (1855, с. 382) справедливо было указано, что французские натуралисты «<...> отметили весьма тщательно различныя видоизменения (*variétés*) каждой породы и местонахождения этих *variétés* но еще не определено, в какой мере оне зависят от климата». Заслуга Северцова, на мой взгляд, заключалась в том, что он пытался выяснить связь этих «видоизменений» с их биотопическим распространением и влиянием климата.

Многочисленные полевые наблюдения Н. А. Северцова позволили ему обратить внимание на изменения в численности амфибий и рептилий Воронежской губернии в местах, подвергшихся сильной хозяйственной деятельности человека. Так, в распаханной степи «Переводятся и гады; *Vipera berus*, столь обыкновенная в девственных степях, здесь стала величайшей редкостью; количество *Lac.* [*Lacerta* — Л. Б.] *viridis* уменьшилось на моей памяти, от 1844 до 1851 года». Зато вместе со степными прудами появились обыкновенные ужи и стали многочисленны лягушки и жабы (Северцов, 1855, с. 99).

Чтобы закончить с герпетофауной Воронежской губернии, скажу (для сравнения), что сейчас на этой территории достоверно обнаружено 19 видов, в том числе девять видов пресмыкающихся (одна черепаха, четыре ящерицы, четыре змеи) и 10 видов земноводных (один тритон, одна жерлянка, одна чесночница, две жабы, пять лягушек). Сведения еще о трех видах требуют подтверждения (Г. А. Лада, письменное сообщение).

Местами в «Периодических явлениях» Н. А. Северцов употреблял слова, которые теперь кажутся курьезными. Так, термин «течение» означал у него (как и у К. Ф. Рулье) миграцию животных, «понимание» — спаривание, а «гады» — амфибий и рептилий. В качестве иллюстрации приведу лишь одну фразу из книги: «Из наших гадов только безхвостые *Batrachia*, и то не все, выходят из воды, и живут на суше после понимания» (Северцов, 1855, с. 12). Впрочем, в других местах книги употребляются также слова «случка» и «совокупление» (Северцов, 1855, с. 122 и 192).

Несостоявшаяся доцентура

Менее чем через две недели после успешной защиты магистерской диссертации, уже 17 (29) ноября 1855 г. Н. А. Северцов подал прошение в Московский университет «о зачислении его на место доцента при кафедре зоологии, с правами действительной службы». Казалось бы, все в его жизни складывается гладко и удачно, ... но случилось то, чего он никак не ожидал. Уже через несколько дней после его обращения совет факультета в своем решении единодушно положительно оценил «ученые достоинства» и «необыкновенное трудолюбие» Н. А. Северцова, но при этом выразил сомнение в его педагогических способностях. В связи с этим совет предложил ему представить так называемую диссертацию *pro venia legendi* (на право чтения лекций).

Однако Н. А. Северцов продолжал настаивать. Дело тем временем затягивалось, и в мае 1856 г. он обратился к министру народного просвещения с просьбой ускорить решение вопроса, причем он был готов занять место доцента «без жалования». Кроме того, он просил у министра разрешения на выезд за границу (в Европу) для изучения зоологических коллекций. Министр поддержал его, сообщив в университет, что сам знает Н. А. Северцова «с отличной стороны» и «<...> признает со своей стороны весьма полезным определение его в Московский университет доцентом по кафедре зоологии» (см. Дементьев, 1948, с. 20, сноска). Тем не менее, совет факультета подтвердил свое прежнее решение о представлении еще одной диссертации, хотя и постановил зачислить Северцова доцентом. Летом 1856 г. Н. А. Северцов из Петербурга, где он тогда жил, уехал за границу.

Биографы Н. А. Северцова до сих пор не могут выяснить истинной причины, заставившей совет физико-математического факультета Московского университета фактически отказать в месте доцента уже столь известному, явно талантливому и к тому же успешно защитившемуся магистру, лауреату престижной академической Демидовской премии и т. д. Казалось бы, все лица, от которых зависело утверждение кандидатуры Северцова, включая декана факультета профессора М. Ф. Спаского и даже самого министра народного просвещения, высказывались о Северцове только благожелательно. Известный советский историк биологии Б. Е. Райков (1880–1966), написавший интересный очерк о Н. А. Северцове, справедливо задавался вопросом (1959, с. 20), каким образом это могло случиться, если профессор и заведующий кафедрой зоологии К. Ф. Рулье сам руководил магистерской диссертацией Северцова и был весьма высокого мнения о своем ученике. И почему сам Северцов вместо того, чтобы жаловаться министру, не обра-

тился лично к своему любимому учителю и руководителю? Однако он этого не сделал и предпочел пойти на конфликт с кафедрой и факультетом (или же обращался, но без успеха). В общем, что-то есть недосказанное, таинственное во всей этой истории.

В литературе имеется несколько объяснений негативного решения совета факультета (текст его см. Дементьев, 1948, с. 56). Первое строится на принятии официальной мотивации, связанной с тем, что некоторые личные качества Н. А. Северцова (медленная речь, плохая дикция, необщительность, рассеянность и т. д.) не вполне соответствовали требованиям, предъявляемым к университетскому доценту как, в первую очередь, к преподавателю.

Однако Б. Е. Райков (1959) выдвинул предположение о том, что все дело было в ... интригах со стороны А. П. Богданова (1834—1896), другого ученика К. Ф. Рулье, также входившего в тесный университетский кружок, группировавшийся вокруг этого профессора. Б. Е. Райков полагал, что некоторые деликатные особенности происхождения Богданова (он был «подкидышем»), ставившие его в ущербное, психологически и финансово, положение по сравнению с другими студентами из богатых дворянских семей, заставляли его бороться за жизнь не всегда интеллигентными способами и более жестко относиться к возможным конкурентам в научной сфере, так как только успешная научная карьера и могла обеспечить ему достойное место в обществе. В последние годы жизни К. Ф. Рулье (он умер в 1858 г.) именно А. П. Богданов был к нему ближе остальных учеников и стал поверенным в его делах. Кроме того, Богданов имел тесные связи с деканом факультета М. Ф. Спасским. Поэтому и Рулье, и Спасский могли делать ставку скорее на А. П. Богданова как на человека более полезного им, чем Н. А. Северцов. Действительно, после

смерти К. Ф. Рулье именно Богданов «унаследовал» его кафедру зоологии.

Объективности ради необходимо отметить, что А. П. Богданов, интересный биографический очерк о котором со многими деталями также был опубликован Б. Е. Райковым (1959), со временем стал довольно известным зоологом и антропологом, причем заслуженно. Однако, пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что он по сравнению с Н. А. Северцовым скорее был ярким, выдающимся организатором и активным общественным деятелем, нежели самозабвенным исследователем, прокладывающим новые дороги в науке. Поэтому неудивительно, что многие важные дела в Москве не обходились без самого непосредственного участия А. П. Богданова. Последний, кстати, написал замечательную биографию К. Ф. Рулье, благоговейную память о котором он сохранял всю жизнь, а также несколько капитальных работ по истории зоологии в Москве. А. П. Богданов, как и Н. А. Северцов, входил в когорту первых русских дарвинистов.

Высказывалось также мнение о том, что родители Н. А. Северцова не сочувствовали университетской карьере сына, так как в то время в родовитых дворянских кругах преподавание считалось не совсем приличным занятием для человека из респектабельной семьи. Для занятий с «чужими детьми» годились лишь разночинцы и «выписные иностранцы». В то время даже профессура большей частью комплектовалась из тех слоев общества, на которые русские дворяне смотрели с некоторым пренебрежением. Как полагают, препятствием к преподавательской деятельности могла быть и явно выраженная склонность Н. А. Северцова к путешествиям и длительным полевым наблюдениям, скорее чем к кабинетной работе. Однако, на мой взгляд, последних два объяснения (семейные взгляды и тяга к странствиям) плохо увязываются с настойчивос-

тью самого Н. А. Северцова в получении места доцента, включая его жалобу министру.

Как бы то ни было, Н. А. Северцов никогда больше в Московском университете (как и в других) не работал. Некоторые биографы, например, Г. П. Дементьев (1948, с. 20), даже полагали, что наука от этого только выиграла, так как Северцов не тратил время на преподавание. По сведениям Р. Л. Золотницкой (1953, с. 31), ему все же было предложено приступить к исполнению своих обязанностей в университете с осени 1856 г., но он отказался. Действительно, у самого Н. А. Северцова появились совсем другие планы, которые определили всю его дальнейшую жизнь, круто изменив ее. Впоследствии он откажется от профессорской кафедры и в других университетах, даже получая оттуда приглашения.

Статья «Крокодил»

Помимо работы над магистерской диссертацией, а также вовлечения в неприятную историю с несостоявшейся доцентурой, Н. А. Северцов в середине 1850-х годов написал и опубликовал в научно-популярном журнале «Вестник естественных наук» несколько статей по зоологии. Кстати, этот журнал издавался Императорским Московским обществом испытателей природы под редакцией К. Ф. Рулье. Одна из статей Северцова вышла в середине 1856 г. (26 мая по старому стилю, т. е. до его отъезда за границу) и была посвящена крокодилам. Она так и называлась «Крокодил».

Эта небольшая, всего в две страницы, статья, обычно не упоминается биографами Н. А. Северцова, хотя, на мой взгляд, она довольно любопытна. В ней автор задает вопрос, почему древние египтяне боготворили крокодилов? «На основании изучения образа жизни Крокодила, мы можем сказать, что каков он ни есть, отвратительный с виду, прожорливый, хищный, даже людоед — но Крокодил играет видную и притом полез-

ную роль в экономике природы жаркаго пояса» (Северцов, 1856, стлб. 319). Далее отмечается, что «во время обожания Крокодилов» древними египтянами чумы в Египте не было. После покорения страны персами «<...> началось гонение на Крокодилов <...>. Теперь Крокодилов в Египте нет, и чума почти постоянная» (Северцов, 1856, стлб. 320). Негативная же корреляция между крокодилами и чумой, по мнению Н. А. Северцова, заключалась в том, что они поедали трупы крупных травоядных животных, попадавших в Нил, «<...> очищая таким образом священную реку, а в настоящее время, при убыли воды, эти трупы гниют и зачумляют воздух» (Северцов, 1856, стлб. 322).

Как бы мы не отнеслись сейчас к такой трактовке, однако сама по себе биоценотическая оценка роли нильских крокодилов в «экономике» природы, данная Н. А. Северцовым в 1856 г., любопытна. К сожалению, эта небольшая статья осталась незаконченной (в журнале было указано, что окончание следует, но мне найти его не удалось). Между прочим, она была иллюстрирована изображением «гавиала из Ганга».

В 1856 г. Н. А. Северцов несколько месяцев провел за рубежом, работая в зоологических музеях, преимущественно в Берлине. Тогда же он познакомился с выдающимся немецким натуралистом и путешественником Александром Гумбольдтом (1769–1859), который был уже глубоким стариком.

Грезы о заветном Туркестане

Весна 1857 г. стала началом нового, увлекательного периода в жизни Н. А. Северцова, который растянется почти на 23 года и будет полон опасных приключений и замечательных открытий. Северцов безоглядно, со всей страстью полевого натуралиста-первопроходца бросился, как в омут с головой, в изучение манившего его Туркестана. Через 16 лет, будучи уже признанным ученым, свою знаменитую монографию «Верти-

кальное и горизонтальное распределение туркестанских животных» он начнет признанием:

«В 1845 г., еще почти мальчиком [ему было 18 лет — Л. Б.], я познакомился с известным и неутомимым исследователем Средней Азии, Г. С. Карелиным, только что вернувшимся из Семиречья, и был увлечен его рассказами о тамошней богатой, оригинальной природе, с резкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойных низин и снеговых хребтов, летнего жара и зимнего мороза.

С тех пор Средняя Азия сделалась научной целью моей жизни; а по известной книге Гумбольдта я и в Средней Азии нашел заветную часть: таинственный Тянь-шан китайцев, что значит Небесный хребет, которого западная половина теперь входит в состав туркестанского края.

В 1857 г. представилась наконец и возможность путешествия в Среднюю Азию: я был послан Академией Наук на Сыр-Дарью <...> (Северцов, 1873а, с. 1).

Григорий Сильч Карелин (1801—1872), замечательный энтузиаст в деле изучения природы Средней Азии, географ и натуралист-коллектор, несомненно, очень сильно повлиял на молодого Н. А. Северцова, во многом фактически определив его судьбу. Жизнь самого Карелина складывалась неординарно. Рано осиротев, он попал на воспитание в кадетский корпус в Петербурге и с 1818 г. работал топографом в штабе военных поселений. В 1821 г. он за карикатуру на могущественного А. А. Аракчеева (1769—1834), в то время главного начальника военных поселений, был сослан в Оренбург, т. е. в пограничный район тогдашней Российской Империи (как вновь и сейчас для России). Именно здесь, несмотря на трудные условия ссылки, ему удалось реализовать свой недюжинный талант полевого исследователя и коллектора. Наиболее прославился Г. С. Карелин своими экспедициями к Каспийско-

му морю. В частности, именно он основал на полуострове Мангышлак (сейчас Казахстан) форт Новоалександровский, переименованный в советское время в Шевченко.

Лишь в 1845 г. Карелину было разрешено вернуться в Москву, где он и встретился с молодым Н. А. Северцовым у общих знакомых. Вскоре их отношения сблизились, возникла оживленная переписка, и Северцов подолгу гостил у Карелина, обрабатывая его богатые зоологические коллекции. В марте 1848 г. Г. С. Карелин в одном из писем отцу Северцова сообщал: «Николай Алексеевич обладает редкими способностями, и сколько я его знаю, очень доброго сердца. Отличные сведения его в зоологии давно стяжали ему искреннее мое уважение» (Золотницкая, 1953, с. 28). Вместе с тем Г. С. Карелин не мог не отметить «<...> в нем много странного. Он чрезвычайно рассеян и оттого часто, исполински шагая по приличиям, заставляет посторонних смотреть на себя как на редкого зверька. Оставить его где-нибудь одного — значит подвергнуть случайностям неприятных или смешных историй» (Золотницкая, 1978, с. 15).

Мечтая о поездке со своим наставником и старшим другом в Туркестан, Н. А. Северцов, в свою очередь, несколько шуточно просил в письмах Г. С. Карелина «не забыть своего будущего спутника», так как «тянет туда душа моя, и пренабожно молю господу об этом путешествии утром, вечером, во все часы дня, чтобы благословил он Ваш бумажник, устранил препятствия, а с моей стороны их нет» (там же, с. 28). Однако длительные хлопоты Г. С. Карелина по устройству экспедиции не увенчались успехом, и, не получив поддержки, он навсегда покинул Москву. Последние 20 лет своей жизни он прожил в Гурьеве на реке Урал (ныне Казахстан), где вновь собрал большие коллекции по зоологии, ботанике, геологии и палеонтологии. К несчастью, летом 1872 г. его рукописи и

сборы сгорели во время пожара, а самого Карелина, уже весьма пожилого и больного, успели на руках вынести из деревянного дома, объятых пламенем. Среди сгоревших рукописей были готовые к печати описания его путешествий по Башкирии (два тома), Киргизии (три тома), Туркмении и пограничной Персии (три тома), а также по северо-западному Китаю (три тома).

Таким образом, главные труды его жизни были безвозвратно утрачены. Григорий Силыч не смог выдержать такого ужасного удара судьбы, оказавшегося последним, и умер 17 декабря 1872 г. Н. А. Северцов использовал коллекции и полевые наблюдения Г. С. Карелина в ряде своих работ, включая магистерскую диссертацию. В 1861 г. он подготовил каталог гурьевской зоологической коллекции. Однако рукопись, как и «Птицы Карелина», осталась неопубликованной (обе хранятся в Архиве РАН в Санкт-Петербурге).

Необычная личность Г. С. Карелина, его увлекательные рассказы о своих странствиях в Средней Азии, его ценнейшие коллекции, конечно, привлекали к себе внимание не только со стороны Н. А. Северцова, но и других молодых натуралистов. Так, в их числе оказался и А. Н. Бекетов (1825—1902), ставший впоследствии выдающимся ботаником и видным общественным деятелем либерального толка. Он был женат на дочери Г. С. Карелина. Молодой А. Н. Бекетов был знаком с К. Ф. Рулье, напечатал статью в его «Вестнике естественных наук» (1858 г.) и высоко оценил магистерскую диссертацию Н. А. Северцова, с которым затем в течение всей жизни поддерживал хорошие отношения (см.: Райков, 1959). В герпетологии Г. С. Карелин остался известным как коллектор. Часть его каспийских сборов периода оренбургской ссылки (1837—1842) до сих пор хранится в Зоологическом институте РАН (см. перечни находок в сводках А. М. Никольского, 1915—

1918). В 1838 г. Ф. Ф. Брандт описал в честь него новый вид *Coluber karelinii* (поперечнополосатый полоз).

Сейчас, когда мы восхищаемся выдающимися успехами российских естествоиспытателей и путешественников второй половины XIX столетия в Средней и Центральной Азии, мы должны помнить, что мощным фактором для их деятельности были историческое устремление Российской Империи на юг, быстрая военная колонизация западного Туркестана. Это хорошо осознавалось русскими натуралистами и, в частности, было четко сформулировано зоологом-энтомологом В. Ф. Ошаниным (1844–1917), проживавшим в Ташкенте, тогдашней военной и административной столице края.

«<...> В Туркестане каждое движение наших войск вперед, каждое новое территориальное приобретение сопровождается мирными победами и завоеваниями в области науки. Война является в Средней Азии могущественною союзницею науки. Многие местности в непосредственном нашем соседстве были совершенно недоступны для ученых исследований отдельных лиц, и изучение их стало возможным только под прикрытием русских штыков» (Ошанин, 1879, с. 1–2).

В этом смысле вся будущая успешная деятельность Н. А. Северцова в Средней Азии, заслуженно прославившая его, не была исключением, так как его полевые разъезды были так или иначе связаны с российской армией или военной колониальной администрацией.

Грезя о Средней Азии, Н. А. Северцов жадно внимал всем источникам сведений об этом так сильно привлекавшем его крае. В 1850-х годах Россия контролировала лишь северную часть западного Туркестана, и российские военные укрепления находились только в низовьях Сыр-Дарьи на восточном берегу реки примерно между нынешними городами Казалинск (форт 1) и Кзыл-Орда (форт Перовский). Для многих

русских Средняя Азия была совершенно экзотическим краем, который часто воспринимался весьма романтически. Вот как описал Н. А. Северцов свою встречу с одним из офицеров, которая, вероятно, происходила в начале 1857 г.

«Перед отъездом в степь, я встретил в Петербурге офицера, возвратившагося с Сыр-Дарьи, и спрашивал его об том крае. Он говорил с восторгом о могучей, полноводной, быстрой реке, об ея зеркальных разливах, отражающих безоблачное, темно-голубое и все-таки ярко светящееся небо и ослепительное солнце юга. Сильная, свежая растительность окружает эти разливы, тихо шепчутся над ними громадные камыши, с гибкими лозами тальника, с темной зеленью тополя, с мелкой, серебристой листвою джиды, изящною сеткою рисующейся на прозрачной, хотя и густой синеве неба. А как чист и легок весенний воздух! <...> А причудливые формы саксаула, у котораго вместо листьев пучки тонких, желто-зеленых, сочных веток, или гребенчика. <...>. А животная жизнь! так и кипит на этих цветущих берегах. Что за разнообразие, что за множество птиц! на каждом шагу с шумом вылетает фазан из колючки, и блещет на солнце радужными, металлическими отливами, резвятся в теплом, живительном воздухе стада изумрудных персидских щурок, величаво парят над Дарьей орлы-рыболовы, <...>.

Да и не одне птицы! Тут и звери не нашим чета. Прекрасен и грозен, могуч и неуловимо-проворен, как восточный удалец-наездник, кроется в чащах сыр-дарьинской долины тигр, сторожа неуклюжаго кабана, статнаго оленя, или черноглазую красавицу, стройную, воздушно-легкую дикую козу, родную сестру воспетой арабскими поэтами газели.

Так он описывал, а я слушал и заранее радовался тому, что еду в этот рай земной для натуралиста вообще и для зоолога, специально занятого позвоночными, в-особенности» (Северцов, 1860, с. 8—9).

Первая экспедиция в Туркестан: 1857–1858 гг.

В 1857 г. Императорская Академия наук решила снарядить экспедицию в Арало-Каспийскую низменность «<...> преимущественно для исследований ботанической и зоологической географии, и, более специально, для изучения влияния крайне-континентального климата на растительную и животную жизнь» (Северцов, 1873б, с. 1). Н. А. Северцов был назначен на должность зоолога и руководителя экспедиции. Любопытно, что разрешение на отправку магистра Московского университета Северцова с препаратором в научную экспедицию на два года к Сыр-Дарье дал император Александр II, о чем было сообщено на Общем собрании Академии наук 1 (13) марта 1857 г. Таким образом, в 1857 г. наконец-то исполнилась заветная мечта Северцова, который в возрасте 29 лет начал свои прославленные путешествия в Туркестан. Почему именно он был приглашен Академией наук? Думаю, что выбор не был случаен. Из предисловия к зоогеографической монографии о туркестанской фауне (Северцов, 1873а) становится ясно, что предложение шло от академика А. Ф. Миддендорфа, который в то время (1855–1858) занимал важную должность постоянного секретаря Академии наук. Это же подтверждается и М. А. Мензбиром (1886, с. VII).

Цель экспедиции в известной мере совпадала с концептуальной задачей магистерской диссертации Н. А. Северцова (1855), высоко оцененной Миддендорфом. Последний полагал, что полярная тундра и среднеазиатская пустыня почти одинаково подавляют «органическую жизнь», несмотря на различные внешние условия. Однако он решил не сообщать Н. А. Северцову о своем предположении, чтобы не влиять на его полевые наблюдения. В результате такой научной деликатности исследования Н. А. Северцова пошли по совершенно другому, самостоятельному пути.

«И на месте нашлась другая задача, котор[а]я заняла меня более, нежели влияние континентального климата, и вообще объяснение *теперяшняго* географического распространения животных *теперешними* же физическими условиями земной поверхности. Я увидал высохшее и пересохшее морское дно <...>.

Местные различия степной флоры и фауны, от Оренбурга до Каспия и Арала, прежде всего соответствовали постепенности осушения этого моря.

Представлялся след. [следовательно? — Л. Б.] вопрос о значении геологической истории страны для ее теперешней фауны; он то меня особенно и занял. <...> мне представлялась возможность в теперешнем географическом распространении животных уследить историю его изменений по мере изменений физической географии земной поверхности, и, занявшись этим предметом, я пришел к результату, что многое в нынешнем распространении животных объясняется не нынешними географическими и физическими условиями — а теми давноминувшими, которые нам открывает геология <...>» (Северцов, 1873а, с. 1; курсив оригинала — Л. Б.).

Таким образом, в отличие от магистерской диссертации с ее экологическим подходом, на этот раз Н. А. Северцов задался грандиозной идеей выяснить, как геологическая история огромной территории Арало-Каспийского региона, а также усыхание Аральского моря повлияли на формирование туркестанской фауны. Впоследствии такое направление исследований получило название исторической зоогеографии. Кстати, по более позднему признанию Н. А. Северцова (1873а, с. 2), «что же касается до подавления степной фауны неблагоприятными условиями, то я его тогда мало заметил».

По просьбе Н. А. Северцова Академия наук прикомандировала к экспедиции и молодого 24-летнего петербургского ботаника И. Г. Борщова (1833—1878), который формально,

как и Северцов, не занимал какой-либо научной должности и был чиновником по особым поручениям Министерства финансов. Экспедиция продолжалась два года (с августа 1857 г., не считая полутора месяцев в Оренбурге). Для охраны «ученой экспедиции» был придан конвой из 40 оренбургских казаков. Зоологические материалы, собранные Н. А. Северцовым, остались необработанными, тогда как И. Г. Борщову удалось опубликовать монографию по ботанической географии Арало-Каспийского края (1865 г.), которую — параллели судьбы — он успешно защитил в качестве магистерской диссертации и за которую получил половинную Демидовскую премию! В своей работе И. Г. Борщов, как и немного ранее Н. А. Северцов, предвосхитил многие идеи биоценологии.

Казалось бы, работая вместе в одной и той же экспедиции, имеющей в целом экологическую задачу (исследовать влияние климата на жизнь растений и животных), молодые талантливые натуралисты, зачинатели новых научных направлений, могли бы выполнить комплексную, поистине бесценную для науки работу биоценологического характера (или по общей биогеографии). Однако совместные полевые исследования они проводили недолго и не в самый удачный сезон (конец лета 1857 г.), а на следующий год каждый из них экскурсировал отдельно. Скоординированного зоолого-ботанического исследования, увы, не получилось! Исторический шанс в формировании науки о сообществах не был реализован.

Экспедиция осуществлялась в трудных условиях и чуть не закончилась для Н. А. Северцова трагически. В те годы в степных районах происходили волнения (бунты) местного населения. Кроме того, Россия, пытаясь усилить свое влияние в Средней Азии, наращивала свое непосредственное, в первую очередь, военное присутствие в низовьях Сыр-Дарьи. В пограничной полосе случались небольшие стычки и промышляли

разбойничьи шайки. Академическая экспедиция более или менее безопасно могла работать только в зоне контроля русских войск и при непосредственной охране, что, естественно, сковывало полевые возможности натуралистов. Любопытно, что в январе 1858 г. Академия наук, по предложению оренбургского и самарского генерал-губернатора А. А. Катенина (1803–1860), решила прикомандировать Н. А. Северцова и И. Г. Борцова (вместе с одним ориенталистом) к российскому посольству в Бухару и Хиву «<...> для наблюдения по естественным наукам <...>», о чем президент Академии даже проинформировал министра иностранных дел. Катенин «<...> уже сообщил поименованным ученым и ответа от них еще не получил» («Н. А. Северцов», 1958, с. 26). Почему молодые натуралисты не выполнили столь экзотическое поручение, остается неясным.

В 1858 г. Н. А. Северцов, по словам П. П. Семенова-Тян-Шанского, «<...> едва не сделался жертвою своей любознательности <...>» (Семенов, 1873, с. I). Уже упоминавшийся генерал-адъютант А. А. Катенин в письме в военное министерство сообщал: «<...>. Имевши случай убедиться в безграничной привязанности г. [господина — Л. Б.] Северцова к науке и в готовности содействовать пользам ее с самоотвержением, я неоднократно, во время пребывания его в Оренбурге, лично убеждал его не подвергать [себя] опасности, и вообще при изысканиях своих в окрестностях форта Перовский действовать осмотрительнее. К сожалению, это не могло предупредить несчастного происшествия, случившегося с ним <...>» («Н. А. Северцов», 1958, с. 27). Эта ужасная история, правда, со счастливым концом, была описана самим Н. А. Северцовым в небольшой книге «Месяц плена у кокандцев», которая теперь стала библиографической редкостью. Поэтому есть смысл привести несколько цитат из нее.

Месяц в плену

В конце апреля Н. А. Северцов, несмотря на заметное нездоровье («озноб и жар») и сильную усталость, продолжал свои зоологические изыскания на Сыр-Дарье в районе форта Перовский (ранее Ак-Мечеть, сейчас Кзыл-Орда), так как «<...> я был послан в степь не для отдыха, а для исследований, надеялся пересилить болезнь, и считал нарушением долга не выехать для наблюдений, когда мог держаться на лошади» (Северцов, 1860, с. 16). Несомненно, такая его исключительная добросовестность, твердая самодисциплина и удивительное чувство долга перед наукой вызывают восхищение. 26 апреля [8 мая по новому стилю] в сопровождении препаратора и еще пяти человек он отправился в очередную экскурсию за пределы военного лагеря. Однако через некоторое время они были атакованы вражеской группой в 15 человек, которая занималась грабежами и случайно обнаружила их. Отбиваясь, Н. А. Северцов убил одного из нападавших, который, тем не менее, успел «кольнуть» его пикой.

Однако «<...> лошадь запнулась перед мертвым телом; меня настигли еще три неприятеля. Я обернулся к ним, готовый еще раз стрелять, и выстрелил, но уже пеший; сперва меня сняли с лошади на пике, воткнутой мне в грудную кость. Остававшаяся в одном стволе, недосланная пуля, так и не вылетела; выстрел разорвал ружье. Тогда один из неприятелей, коканец, ударил меня шашкой по носу, и рассек только кожу; второй удар по виску, расколовший скуловую кость, сбил меня с ног — и он стал отсекал мне голову, нанес еще несколько ударов, глубоко разрубив шею, расколол череп... я чувствовал каждый удар, но, странно, без особенной боли. Двое других, киргизы, между тем ловили мою лошадь; поймавши ее, они подошли и остановили своего товарища, почему я и остался жив.

Все трое меня проворно обобрали, связали руки и повели, пешаго, а сами верхом. Я прежде всего поднял и надел упавшую с головы шляпу, походную, мягкую шляпу с широкими полями; потом объяснил им, по киргизски, <...> что пеший конному не товарищ, и я за ними не поспею. Они меня посадили на лошадь — но не на мою, и привязали ноги к стремянам; мы поехали рысью. <...>

Кровь обильно лилась из моих ран, ни чем не перевязанных, и капала на дорогу: но боли я все не чувствовал, а только слабость. Все время я был в полной памяти, и не слишком мучился своим грустным положением: я, от ударов что-ли по голове, отупел и впал в какую-то апатию, мешавшую мне раздумывать о своем бедствии. Всего сильнее я чувствовал жажду, от потери крови» (Северцов, 1860, с. 21–22).

В течение нескольких суток с остановками для отдыха Н. А. Северцова конвоировали в город Туркестан к местному правителю. Самое потрясающее во всей этой истории было то, что, будучи еле живым, Северцов, несмотря ни на что, оставался натуралистом с неистребимой жаждой познания.

«Дорогой я молчал, примечал местность, высматривал животных и птиц, но без очков, с близорукими глазами, не мог всего ясно разглядеть. Сильно меня занимали, серые кулики, которых, как мне казалось, я прежде не встречал в степи. <...>. Кречетки, впрочем, то-же попадались, хоть и реже, чем эти загадочные кулики <...>. Были еще жаворонки, и раз я видел вдали пролетевшего орла; но особенно часто попадались земляные черепахи, которая медленно, на самое малое расстояние отползали, сторонясь от наших лошадей, останавливались и бессмысленно смотрели на проезжающих. И черепахи, и кулики, и жаворонки чаще встречались на увалах, чем в лощинах» (Северцов, 1860, с. 51).

В плену Н. А. Северцов провел 31 день. Под угрозой смертной казни ему предлагалось перейти из православия в

мусульманство, причем делалось это через другого русского, уже принявшего ислам и проживавшего в городе Туркестане, где Северцов находился большую часть своего плена. Полученные им раны постоянно давали о себе знать, и фактически он не мог самостоятельно двигаться. Удивительно, что он вообще выжил. По-видимому, Северцов обладал недюжинным физическим здоровьем и необычайной выносливостью. Для герпетологов особенно может быть любопытен способ лечения, применявшийся местными жителями (европейской медицины в ханстве еще не было). Вот как описал это сам Н. А. Северцов (1860, с. 67):

«Лечение началось тем, что раны были наконец промыты и перевязаны, но не все, а только опять открывшиеся; на задней части черепа остался сплошной струп. К тем же ранам, которыя лечились, прикладывалась сперва сырая, парная баранина, для всасывания образовавшихся дурных соков; мне давался каждое утро запас ея, чтобы чаще переменять; а вечером раны присыпались порошком, котораго главная составная часть были сушенныя и толченныя черепашьи яйца, остальных мне Абселям не назвал; а раны на ногах присыпались, кроме прикладки мяса, сначала порошком из каких-то трав, потом тем же, как и прочия, из черепашьих яиц. Это лечение, чисто коканское, было однако успешно».

Благодаря решительному ультиматуму со стороны военных с угрозой взятия Туркестана, Н. А. Северцов без каких-либо условий был освобожден и 27 мая [8 июня по новому стилю] 1858 г. прибыл в форт Перовский. В своем письме испуганный правитель города Туркестан дал свою «восточную» трактовку случившемуся:

«Управляющий туркестанским владением Мирза Нияз, сын Максуд-бия, извещает Вас [А. А. Катенина — Л. Б.], правителя края, губернатора Российской империи, генералов, начальников и всех влиятельных, уважаемых и почтенных лиц о том,

что прибывший для птичьей охоты в форт Перовский из вашей страны, от губернатора и тамоших начальников, подданный белого царя, чиновник Николай Северцов, был встречен за форт нашими караульщиками и взят ими в плен.

Чиновник этот, представленный сюда, находил в отношении к себе уважение с нашей стороны <...>. Поэтому, так как <...> чиновник должен быть возвращен, — мы сему чиновнику дали лошадь, сделали подарок [халат — Л. Б.], посадили его, закутав покойным образом, в телегу, и назначив сто человек для конвоирования до Яны-Кургана, отправили в форт Перовский с проводниками: словом <...> приняли как гостя, с должным угощением, и отправили, оказавши сколь могли уважения. Летом 1274 хиджры года, т. е. во вторник, мая месяца, лошадиного года» («Н. А. Северцов», 1958, с. 31–32).

Уже в середине июля, подлечившись, отважный натуралист продолжил свои полевые исследования, сначала по причине слабости здоровья в окрестностях форта. В середине же августа он предпринял «значительную экскурсию» в Голодную степь. Лишь в октябре Северцов с реки Ирғиз отправился в Оренбург, а оттуда в декабре домой в Воронежскую губернию. Так закончилась его первая среднеазиатская экспедиция. Пленение Северцова получило широкую огласку в российском образованном обществе. Помимо военного ведомства и Министерства иностранных дел (Азиатский департамент), оно обсуждалось в Академии наук. Описание всей истории в изложении самого Н. А. Северцова было сначала опубликовано в популярном тогда «Русском слове» (1859 г.), а затем издано в виде отдельной книжки (1860 г.), цитаты из которой и были приведены выше. Удивительное дело, но в своих свежих еще воспоминаниях сам автор довольно сочувственно отнесся к чуть не загубившим его разбойникам, вырисовывая почти благородный портрет их предводителя.

Герпетологические итоги Сыр-Дарьинской экспедиции

Хотя научные результаты Сыр-Дарьинской экспедиции не были опубликованы, тем не менее, сборы попали в академический Зоологический музей (ныне ЗИН РАН). Сам Н. А. Северцов (1873б, с. 4) оценивал их как «<...> особенно богатую коллекцию птиц, и менее полные, но довольно любопытные, зверей, пресмыкающихся и рыб». Чтобы понять ценность коллекции, достаточно отметить, что только за 78 дней пути 1857 г. от Оренбурга до Аральского моря отряд Н. А. Северцова прошел «<...> 2500 верст, из которых около 1800 по местам, не посещенным прежде ни одним натуралистом» (из письма Н. А. Северцова к К. С. Веселовскому — см.: Золотницкая, 1953, с. 47).

Всего им было поймано 100 экземпляров четырех видов бесхвостых амфибий и 22 видов рептилий (см. перечни у А. М. Никольского, 1915—1918), что, по моим подсчетам, составляет примерно две трети от ныне известной герпетофауны региона. Позднее именно по сборам Н. А. Северцова А. М. Никольский (1915, с. 24) опишет особую форму болотной черепахи *Emys orbicularis aralensis*, которая, правда, сейчас рассматривается как синоним номинативного подвида. Многие находки Северцова интересны и по сей день, так как они обозначают собой юго-восточные пределы распространения для ряда европейских видов (например, краснобрюхая жерлянка, *Bombina bombina*, верховье реки Орь, ЗИН.400) или северные пределы для туранских. К сожалению, некоторые находки впоследствии были забыты и не учитывались в советское время (Банников и др., 1977), но были подтверждены позднее (например, обитание обыкновенной чесночницы, *Pelobates fuscus*, на реке Эмба — см.: Боркин, 1979).

1859 г. Н. А. Северцов провел в Петербурге, где много работал в Зоологическом музее, Географическом обществе и т. д. В этом году он получил орден Святого Владимира 4-й степени (за Сыр-Дарьинскую эпопею). Ему также удалось вновь побывать в Западной Европе, где он встретился с немецким зоологом Константином Глогером (1803—1863) и ознакомился с французскими исследованиями в алжирской части Сахары. Кроме того, в том же 1859 г. Северцов пытался устроиться в военно-топографическую экспедицию, которая снаряжалась в Оренбурге. Однако Академия наук не только не дала ему официального направления, а также запрошенных средств, но даже задержала выплату жалованья за Сыр-Дарьинскую экспедицию. Как видим, некоторые сегодняшние «обычай» в этом отношении имеют уже полуторастилетнюю давность! Чтобы не упустить интересную возможность, Н. А. Северцов за свой счет оплатил участие знакомого оренбургского препаратора, которого ему удалось прикомандировать к отряду. Собранные коллекции были потом безвозмездно переданы в Академию наук.

Неудачные лекции в Петербурге и поездка на реку Урал

В конце 1859 г. Н. А. Северцову предложили место экстраординарного профессора на кафедре зоологии Казанского университета, но он отказался. В конце февраля — начале марта 1860 г. Северцов решил прочитать в Санкт-Петербургском университете четыре двухчасовые лекции на тему «*об изменяемости видов*», как было объявлено в газете. Напомню, что в то время официальной догмой науки была идея постоянства видов. Лекции были публичными, вход на них платный (от 1 до 4 рублей, что было весьма дорого для того времени), так как они имели благотворительное назначение «в пользу бедных студентов». Судя по опубликованной программе и анно-

тации к ней (текст см.: Золотницкая, 1953, с. 194—195; Райков, 1959, с. 46—47), Н. А. Северцов подошел к этому мероприятию весьма серьезно и хотел изложить свое кредо, которое касалось не только объявленной эволюционной темы, самой по себе животрепещущей, особенно тогда, но и самых общих проблем науки, в частности соотношения между теорией и фактами на примере развития зоологии, а также применимости «зоологических выводов об изменяемости к антропологии и к вопросу о человеческих породах». Надо отметить, что Н. А. Северцов к идее эволюции пришел независимо от Чарлза Дарвина, под влиянием взглядов К. Ф. Рулье. С «Происхождением видов» (1859 г.) он, по-видимому, познакомился не ранее 1864 г. и сначала относился к дарвиновской концепции настороженно. Однако, убедившись в ее правильности, в 1870-е годы стал ее горячим приверженцем.

К сожалению, публичное выступление Н. А. Северцова оказалось неудачным. По рассказам очевидцев, уже первую лекцию он затянул, читая более трех часов (с 7 до 11:30 вечера), и потому закончил ее в почти пустом зале. О качестве второй и третьей ничего не известно. Четвертая лекция вообще не состоялась. Неудача была связана, скорее всего, в отсутствии ораторских дарований у докладчика, хотя некоторые историки (Райков, 1959, с. 48) предполагали и возможность административного запрета ввиду потенциальной нежелательности изложения эволюционных взглядов на человека, которые явно шли вразрез с официальной идеологией. Впрочем, никаких подтверждений такой мотивации не обнаружено. Сами лекции были опубликованы Н. А. Северцовым на следующий год в толстом журнале «Русское слово» под несколько странным названием «Зоологическая этнография. Исследования о видоизменениях зверей и птиц».

В марте 1860 г. Н. А. Северцов принял приглашение стать членом Комитета по устройству Уральского казачьего

Н. А. Северцов в 1860-е годы

войска. 5 (17) июня того же года он получил чин титулярного советника, соответствующего ученой степени магистра. В его обязанности входило «естественно-историческое исследование земли Уральских казаков». Сам же Северцов хотел, как сообщал он в письме к академику Ф. Ф. Брандту, «<...> проследить и на Урале распространение и нравы киргизских животных и вообще изучать отношение уральской фауны к киргизской <...>» (Золотницкая, 1953, с. 79). В течение двух лет он проработал в низовьях реки Урал, занимаясь проблемами рыболовства, географией, экономикой края. В ходе полевых изысканий он пришел к выводу, что «в естественно-историческом отношении оба берега Урала одинаковы; он [река Урал] ничего не разграничивает, а просто течет по киргизской степи» и что «Урал зоологически, географически и топографически нельзя отделить от киргизских степей» (там же, с. 80). Таким образом, по мнению Н. А. Северцова, реку Урал нельзя воспринимать как границу между Европой и Азией. Отмечу, что под «киргизской степью» в русской дореволюционной географической литературе имели в виду равнины нынешнего северного Казахстана, так как казахов тогда называли «киргизами», а собственно киргизов — «кара-киргизами». В октябре 1862 г. Н. А. Северцов покинул берега Урала.

Летом 1863 г. ему выпала возможность стать профессором зоологии в университете Святого Владимира в Киеве. Он «<...> принял было профессорскую кафедру..., но:

Представился случай посетить Тянь-шан: именно достопамятный поход генерала Черняева в 1864 г.

Для Тянь-шана кафедра была брошена <...>» (Северцов, 1873а, с. 2; курсив оригинала).

Первая Тянь-Шаньская (Чуйская)

рекогносцировка: 1864 г.

В 1864 г. военное министерство прикомандировало Н. А. Северцова к штабу М. Г. Черняева (1828—1898) для научных наблюдений с небольшой финансовой поддержкой («пособием в 500 руб.») от Императорского Русского Географического общества. Еще в 1857 г. на Сыр-Дарье до своего пленения Н. А. Северцов мечтал посетить загадочные горы Тянь-Шаня, западный отрог которого, хребет Каратау, находился всего лишь в 150 верстах от лагеря. И вот через семь лет давняя мечта, наконец-то, стала сбываться. «Дорогой через Омск к отряду генерала Черняева, собиравшемуся в Верном, я наконец, 27 апреля [9 мая по новому стилю — Л. Б.] 1864 г., увидел первый снеговой хребет тянь-шанской системы, именно семиреченский [Джунгарский — Л. Б.] Алатау, и не забуду этого впечатления. <...> вдали, на горизонте, тянулась туманная, воздушная, нежно-синеватая полоса, и между ней и сверкающей синевой среднеазиатского неба с поразительной ясностью выделялись легкия, изящныя очертания снеговых вершин Алатау, с золотистым отблеском восходящего солнца» (Северцов, 1873а, с. 2).

Уже 1 (13) мая 1864 г. Н. А. Северцов прибыл в город-укрепление Верное. Любопытно, что он (1873б, с. 10—11) употреблял также и местное название этого пункта «Алматы» (именно так, а не «Алма-Ата»). По реке Кастек он поднялся к перевалу в Заилийском Алатау. Увиденное захватило его. Вот как он описал свои ощущения первопроходца.

«Вид, открывающийся с вершины перевала, поражает своим пустынным величием <...>».

«С того же хребта, но западнее и ближе к Суок-тюбе, смотрел в 1856 г. на долину Чу и на Коканския горы следовавший в Буамское [ныне Боомское — Л. Б.] ущелье П. П. Семенов [-Тян-Шанский], как на дорогой, но еще *запретный плод*. В 1864 г. я видел тут же иное, именно принимал эту необъятную даль столь долго таинственных хребтов Средней Азии *в свое научное владение*, и от души радовался тому, что мне здесь довелось продолжать открытия первого из европейских ученых, посетившаго Тянь-шань.

Всего жаднее смотрел я на Киргизнын-Алатау [Киргизский хребет], с которого должны были начаться мои исследования, но долго, целую неделю, этот заветный хребет упорно прятался в тучах, и тем сильнее, тем раздражительнее впечатление производил на меня его вид.

Эти тучи, угрюмая, но вместе с тем прихотливо бегающая по горным громадам, наглядно представляли ту метафорическую «завесу», которая так долго скрывала Среднюю Азию от европейской пытливости, и так мельком, неполно, но заманчиво раскрывается в источниках, которыми пользовались Гумбольдт и Риттер» (Северцов, 1873б, с. 14 и 15; курсив мой — Л. Б.).

Благодаря прикрытию русских войск Н. А. Северцов смог провести обследование северной части Тянь-Шаня между реками Чу и Сыр-Дарьей, в том числе и хребет Каратау. Осенью 1864 г. он был уже в Чимкенте, в октябре и ноябре «<...> занимаясь зоологическим сбором во время осеннего пролета птиц, и помогая генералу Черняеву в составлении проекта устройства только что покоренной им страны. С этим проектом он меня в начале декабря послал налегке в Петербург <...>» (Северцов, 1873б, с. 62). Маршрут экспедиции был описан Северцовым в книге «Путешествия по Туркестанскому краю» (1873 г., с. 9—62). Естественно, в ходе военного похода он был обязан заниматься не только научными

делами, но и выполнять поручения, подчас в весьма неожиданных деликатных ситуациях.

«Я не стану здесь подробно говорить о том, какие услуги оказал Северцов, когда он сопровождал в поход генерала Черняева. Упомяну только, что в этом походе ему приходилось исправлять должность начальника штаба, делать съемки, составлять планы, водить отряд на приступ, изображать из себя парламентаря, уже после того как двое, фигурировавшие в этой роли, до него, были посажены Якуб-ханом на кол, и т. д. Во всех этих случаях Северцов был так же на месте, как в то время, когда предавался чисто научным занятиям. Да и неудивительно: ему необходим был Туркестанский край для его исследований, его манили далекия вершины гор, горныя ущелья, реки и озера, и чтобы обезпечить себе свои будущия работы, он, не задумываясь, подвергал себя опасностям боевой жизни» (Мензбир, 1886, с. IX).

«За участие в делах при покорении Туркестанской области», Н. А. Северцов в 1865 г. был удостоен «высочайших наград» — мечей к ордену Святого Владимира и ордена Святой Анны второй степени с мечами («Н. А. Северцов», 1958, с. 45).

Туркестанская экспедиция: 1865—1868 гг.

Весной 1865 г. на 38-м году жизни Н. А. Северцов женился. Со своей будущей женой, Софьей Александровной Полторацкой (184...?—1921), он познакомился в доме ее брата подполковника В. А. Полторацкого, который был генерал-губернатором Семипалатинской области. Северцов часто бывал у него, так как тот оказывал содействие его разъездам. Софья Александровна была недурна собою, скромна, хорошо рисовала, считалась хорошо образованной и начитанной женщиной. Она, как и ее брат, также любила природу и путешествия. В том же году молодые супруги выехали в экспедицию. Это было уже третье среднеазиатское путеше-

стве Н. А. Северцова, получившее название Туркестанская научная экспедиция 1865—1868 годов.

«Достопамятные походы генерала Черняева в 1864—5 годах, завершённые взятием Ташкента, имели, как известно, последствием покорение значительной части нынешняго Туркестанскаго края, и притом местности до 1864 почти совершенно нам неизвестной, но которой исследование, начатое мной в 1864 г., обещало богатые научные результаты. Поэтому летом следующаго 1865 г., по Высочайшему повелению, последовавшему на доклад военнаго министра от 1 июля, командирована туда ученая экспедиция из двух отделов, математическаго и физическаго, <...>. Первый отдел <...> должен был <...> составить полную карту края <...>, физический же отдел должен был изучить физическую географию, геологическое строение и производительныя средства края, также его флору и фауну. Все эти исследования были поручены мне <...>», — так охарактеризовал цели новой большой экспедиции на Тянь-Шань Н. А. Северцов (1873б, с. 63).

«Вследствие ходатайства командующаго войсками Оренбургскаго края о необходимости всестороннего изучения вновь занятого в минувшем году Зачуйскаго края <...>», на экспедицию «<...> В уважение предстоящих трудов и лишений <...> всемилостивейше разрешено <...>» отпустить 3926 рублей 40 копеек. Чтобы понять покупательный объём этой суммы в то время, можно сообщить, что суточные самого «высокоблагородия» Н. А. Северцова как начальника физическаго отдела экспедиции составляли 3 рубля в день, а «на наем и покупку верблюдов, лошадей, юрт, расходы по собиранию коллекций и проч. [ее] <...>» отпускалось по 100 рублей в месяц («Н. А. Северцов», 1958, с. 33, 34 и 35).

Летом 1866 г. Северцовы вернулись домой: 11 (23) сентября в Москве у них родился сын Алексей, будущий знамени-

тый морфолог и эволюционист. Позже у них появится еще один ребенок, увы, умерший.

Хотя экспедиция первоначально планировалась на два года, по ходатайству Н. А. Северцова ее пришлось продлить до весны 1868 г. Весной 1867 г. он запросил «для доставления экспедиции возможности проникать в горные хребты между р. [рекой — Л. Б.] Нарыном и верховьями рек Чирчика и Чу <...>» конвой от 20 до 60 человек, а также трех топографов для картирования незнакомой местности. Для путешествия «<...> в частях страны, нами еще не вполне занятых <...>», было решено, «<...> чтобы Северцов всякий раз испрашивал разрешения военного губернатора, ибо за все несчастья, которые могут случиться с конвоем и с самой экспедицией, ответственствует губернатор» («Н. А. Северцов», 1958, с. 40 и 42).

Летом 1867 г. Н. А. Северцов вновь в Азии. Началась наиболее значительная, заветная часть экспедиции (1867—1868), задачей которой было обследование центрального Тянь-Шаня (Нарын и Аксай). Научную группу экспедиции сопровождали проводники, переводчики, 40 казаков и 40 стрелков-пехотинцев. В ходе экспедиции, естественно, уделялось внимание коллектированию. Между прочим, Н. А. Северцов (1873б, с. 67) пришел к важному выводу, как ранее Г. И. Радде (1831—1898) на Амуре и в Забайкалье, «<...> что зоологический сбор на хорошо выбранных станциях гораздо успешнее, нежели при экскурсиях». Герпетологические коллекции («амфибии») были собраны его помощниками коллектором хорунжим И. И. Скорняковым и препаратором Евстафием Шиляевым летом 1866 и 1867 гг. в окрестностях Чимкента, на Каратау и вершине Асы («Н. А. Северцов», 1958, с. 92). В конце апреля — июне 1868 г. Н. А. Северцов вместе с Шиляевым работали в окрестностях Ходжента.

«<...>. Из амфибий нашлись под Ходжентом почти все туркестанские виды, в том числе может быть новый вид *Eremias* с ярко-пунцовым хвостом**, и новая же змея, *Choristodon sogdianus* (?); огромная же, 2-аршинная ходжентская ящерица по привезенным мной экземплярам оказалась не новым видом, как я сначала думал, а давно известным *Psammosaurus caspius*; впрочем, мне удалось сделать много новых наблюдений относительно ее нравов и образа жизни» (Северцов, 1873б, с. 95). В сноске (***) Северцов по поводу якобы новой ящерицы сделал следующее примечание: «За исключением этого признака, незначительного и теряющегося в спирту, он весьма похож на молодых *E. coeruleo-ocellatus*. Dum., которые значительно отличаются от старых того же вида».

Таким образом, в зоологическом отношении Тянь-Шаньскую экспедицию Н. А. Северцов считал, вероятно, вполне удачной, так как ему удалось провести сборы животных в местах, где раньше не бывали еще европейцы-натуралисты. В экспедиционном отчете он сообщал по части герпетологии следующее:

«3) Из амфибий собраны почти все встречающиеся в крае виды, и образцы большей части их привезены сюда [в Петербург — Л. Б.] для научного определения, экземпляров около 50; дубликаты, которых гораздо более, остались в Ташкенте» (Северцов, 1873б, с. 103). Ясно, что в обеих выше приведенных цитатах под «амфибиями» имелись в виду как земноводные, так и, главным образом, пресмыкающиеся. Такое линнеевское обозначение всех «гадов» одним классом, было несколько странно и даже архаично для того времени, особенно после диссертации самого Н. А. Северцова 1855 г., в которой он уже отнес амфибий и рептилий к разным самостоятельным классам позвоночных. Возможно, это было связано с тем, что данная его книга имела характер общегеографического описания экспедиции, а не специальной зоологической работы. Действительно, в

аналитическом обзоре всех туркестанских животных, опубликованном также в 1873 г., к «амфибиям» отнесены только земноводные.

Во время Тянь-Шаньского похода осенью 1867 г. Н. А. Северцов впервые увидел огромное горное озеро Иссык-Куль, ранее описанное П. П. Семеновым-Тян-Шанским. Вот как он, со вкусом художника, выразил свое впечатление от этого еще недавно неведомого для европейцев озера.

«Вода Иссык-куля весьма прозрачна; цвет озера ярко-синий, с бирюзовым оттенком; за ним виден весь Кунге[й]-алатау, котораго нижняя часть подернута туманом, как нежно-лиловой дымкой, а снеговые зубцы, ярко-освещенные солнцем, необыкновенно отчетливо рисуются на густо-синем, ультрамариновом небе. Синее небо, синий же Иссык-куль, между ними белая зубчатая стена, на первом плане голый, красножелтый глинистый берег — вот и весь вид, весьма несложный, но от котораго глаз с трудом отрывается: так великолепен колорит, так изящны и легки очертания снеговаго хребта, за которым еще ясно видны высочайшия вершины и севернаго хребта, трехглавый Талгар и остроконечный Алматинский пик» (Северцов, 1873б, с. 172—173).

Я бывал на Иссык-Куле в разных его местах более десятка раз и могу лишь подтвердить величественную живописность этого замечательного озера, расположенного на высоте 1608 м над уровнем моря и имеющего глубину до 702 м. Не менее красив Иссык-Куль также на закате солнца или в светлую лунную ночь, когда его поверхность дивно и нежно серебрится, вызывая неизъяснимую грусть и тихую радость одновременно. Красота озера поражает многих, и не зря великий русский путешественник Н. М. Пржевальский (1839—1888), младший современник Н. А. Северцова, завещал похоронить себя именно на берегу Иссык-Куля.

Туркестанские самоотверженные исследования Н. А. Северцова принесли ему заслуженное признание еще до публикации его основных трудов по зоологии (зоогеографии) и физической географии. В 1867 г. Императорское Русское Географическое общество наградило Северцова малой золотой медалью, а Московский университет присудил ему степень доктора зоологии без защиты диссертации (*honoris causa*, диплом от 12 декабря 1868 г.).

В конце 1867 г. «из дворян магистр зоологии» коллежский ассесор Н. А. Северцов был переведен из сверхштатных чиновников при оренбургском генерал-губернаторе в чиновники особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. В этой должности (с последующим быстрым повышением до «старшего чиновника») он находился до 1884 г. Следует заметить, что, несомненно, содействуя в качестве натуралиста-географа, к тому же при военном штабе, русской колонизации Туркестана, Н. А. Северцов придерживался достаточно либеральных взглядов. Так, он полагал, что заселение новых территорий из европейских областей России не должно ущемлять интересы местных жителей. Его возмущало варварское отношение казаков к чуждой им природе Тянь-Шаня, особенно бездумная вырубка горных лесов, приводящая к эрозии почвы. В экспедициях Северцов заботился о своих подчиненных, невзирая на их этническую принадлежность. Например, в марте 1868 г. он направил рапорт туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману (1818—1882) «с покорнейшей просьбой» о содействии коллектору экспедиции И. И. Скорнякову в возвращении домой в Оренбург (с оплатой дороги «по казенной надобности»). В июле того же года «старший чиновник особых поручений» Н. А. Северцов послал своему начальнику еще один рапорт с просьбой наградить ходжентских жителей муллу Сангина-Авы-Баделя и Азиза Сафиджанова серебряными медалями «за усердие», проявлен-

ное при открытии месторождения каменного угля, и халатами «3-го разряда за указание прочих руд» («Н. А. Северцов», 1958, с. 45 и 49).

В 1869 г. он просит опять же К. П. Кауфмана наградить препараторов Туркестанской ученой экспедиции «<...> бес-срочно-отпускного (с 1868 г.) рядового 3-го Туркестанского батальона Евстафия Шиляева и петербургского мещанина Ивана Терентьева, которых заслуги по экспедиции засвидетельствованы уже богатством коллекций, бывших на недавно закрытой Туркестанской выставке...». Первого из них как «храброго солдата и ловкого, трудолюбивого мастерового» — денежной наградой в 200 рублей и производством в унтер-офицеры, а второму дать личное почетное гражданство. Их обоих Н. А. Северцов прочил в препараторы учреждаемого Кауфманом Ташкентского музея. Любопытна резолюция туркестанского генерал-губернатора на этом рапорте. Он не только поддержал его просьбу, но и начертал: «<...> Со своей стороны полагаю, что было бы справедливо исходатайствовать г. [господину — Л. Б.] Северцову звание академика». 17 (29) мая 1869 г. он написал об этом военному министру («Н. А. Северцов», 1958, с. 53 и 58).

Второй съезд русских естествоиспытателей в Москве

В августе 1869 г. Н. А. Северцов принял участие в работе Второго съезда русских естествоиспытателей и врачей, проходившего в Москве. На съезде присутствовали 427 человек со всей России, в том числе многие выдающиеся ученые, благодаря чему съезд стал важной вехой в развитии отечественной науки. Любопытно, что Северцов зарегистрировался по отделению зоологии и сравнительной анатомии, а в качестве московского адреса указал «Шереметьевский переулок, дом Мещерской», т. е. такой же, как у зоолога профес-

сора С. А. Усова, с которым он был дружен еще в период совместного студенчества.

Уважение, оказанное Северцову, доктору зоологии из Ташкента, как было отмечено в списке участников, говорит о том, что он был признан своими современниками как один из крупных естествоиспытателей страны. Так, Н. А. Северцову было сделано почетное предложение выступить (в числе девяти других) на пленарном заседании с докладом, темой для которого он избрал «ледяной период» и его проявления в Средней Азии. В докладе, помимо геологии, он коснулся и зоогеографических аспектов проблемы, указав на важность изучения распространения животных.

Кроме того, Н. А. Северцов председательствовал на четвертом заседании «соединенных отделений зоологии, анатомии и физиологии» (26 августа). На пятом заседании соединенных отделений он был включен в комиссию «<...> для обсуждения вопроса об издании периодического журнала, который был бы общим органом всех естественно-исторических обществ». (Второй съезд, 1869, с. 2). На «осьмом» заседании отделения зоологии и сравнительной анатомии (29 августа), проходившем под председательством К. Ф. Кесслера, он представил свои «заключения касательно туркестанской фауны». Фактически на полутора страницах (с. 12–14) ему удалось изложить свою концепцию зоогеографии Туркестана, с делением последнего по фауне на восточную и западную части и с характеристикой пяти вертикальных поясов. Первые два пояса (до 3500 футов, или до 1064 м) «<...> суть полоса амфибий» (там же, с. 13), т. е. земноводных и пресмыкающихся. В этом же докладе Н. А. Северцов выделил шесть фаунистических комплексов животных. Таким образом, то, что он потом подробно изложит в известной монографии 1873 г. (см. дальше), было четко сформулировано им публично уже летом 1869 г.!

Помимо пленарной лекции, о проявлении ледникового периода на Тянь-Шане Н. А. Северцов сообщил также на заседании отделения минералогии, геологии и палеонтологии. На ряде заседаний как биологических, так и геологических отделений он выступал в дискуссиях и с мелкими заметками на разные темы.

Вне научных сессий, голос Н. А. Северцова прозвучал также на банкете. Устроенный «по подписке большой обед», проходивший в «зале старого здания университета», начался в 5 часов дня, и на нем присутствовало более 300 человек, включая министра народного просвещения. После многочисленных тостов «за здоровье Государя Императора», «за процветание съездов и естествознания в России», за здоровье министра, за попечителя Московского учебного округа, за ректора университета, за 2-й и будущие съезды «<...> Н. А. Северцов припомнил, что на днях исполнилось сто лет со дня рождения великого французского натуралиста Жоржа Кювье и предложил поднять бокал в память его.

Предложение не только было принято сочувственно, но и решили немедленно послать телеграмму в Парижскую Академию наук с извещением о знаке уважения, оказанном памяти великого зоолога съездом русских натуралистов». Через 17 дней из Парижа пришло благодарственное письмо (Труды Второго съезда русских естествоиспытателей и врачей в Москве, 1870, с. 20).

Кстати, об общественном престиже Второго съезда естествоиспытателей свидетельствовали не только поддержка его царским правительством (помимо «Высочайшего разрешения») и Московской Думой, но и различного рода льготы, предоставленные участникам съезда. Например, 50%-ная скидка на стоимость проезда по железной дороге или пароходами, «уступки в 30%» в цене гостиничных номеров (стоимостью от 50 копе-

ек до 4 с половиной рублей) и даже 5%-ная скидка «с кушанья (кроме чая, кофе и вин)». В итоге участники съезда могли пообедать за 40 копеек (2 блюда), 60 копеек (3 блюда) или дороже. Один большой номер гостиницы был предоставлен даже совершенно безвозмездно для постоянных собраний членов съезда.

С 1869 по 1873 г. Н. А. Северцов много трудился, приводя в порядок свои материалы, как по зоологии, так и по географии. Одновременно он готовил несколько научных работ на разные темы. «<...> занимаясь часто до 12 часов в сутки, а обыкновенно около 8 часов, я нахожу себе отдых в перемене работы. Когда один труд начинает меня утомлять, я его на время оставляю и занимаюсь другим», — писал он генерал-губернатору К. П. Кауфману в мае 1869 г. («Н. А. Северцов», 1958, с. 60). Последний все же был обеспокоен затягиванием с подготовкой книг и, несмотря на оптимистические рапорты Северцова, даже конфиденциально попросил начальника Главного штаба в Петербурге поручить кому-либо из его подчиненных «<...> ближе ознакомиться с занятиями доктора Северцова и определить хотя приблизительно окончание его трудов <...>» (там же, с. 64). Следует помнить, что формально последний находился в командировке от туркестанского генерал-губернаторства.

В октябре 1872 г. Н. А. Северцов сообщил о необходимости «непродолжительной» (шестимесячной) заграничной командировки в Германию, Швейцарию, Англию и Францию «<...> отчасти для сличения в тамошних музеях новооткрытых мной видов животных с соответствующими формами Индии, Китая и Северной Африки, а преимущественно для изучения на месте классически определенных следов ледяного периода в Швейцарии, у подошвы Альп (что возможно зимой) сравнительно с найденными мной на Тянь-Шане» (там же, с. 73).

Его постоянный благодетель К. П. Кауфман, как всегда, поддержал ходатайство Северцова.

За эти годы Северцов все же подготовил две замечательные книги, которые сделали его знаменитым как в России, так и в Европе в целом. Его среднеазиатские странствия, особенно подробно последнее, были описаны им в книге «Путешествия по Туркестанскому краю и исследования горной страны Тянь-Шаня», напечатанной в Санкт-Петербурге. «Появление этой книги наделало много шума в Европе: она была немедленно переведена на немецкий язык <...>» (Мензбир, 1886, с. X). Хотя эта книга имела преимущественно географический (отчасти геологический) характер, в ней помещено много зоологических наблюдений, зарисовок, встречаются любопытные замечания зоогеографического и даже эволюционного плана, которые четко указывают на то, что Н. А. Северцов всецело принял дарвиновскую концепцию дивергенции и естественного отбора (см., например: Северцов, 1873б, с. 199–200, 218–219, 268–270, 285–286 и 293–294). «Путешествия по Туркестанскому краю», которые раскрывают, как и в какой сложной обстановке совершал знаменитый путешественник-первопроходец свои замечательные открытия, с большим интересом читаются и сейчас. Книга была переиздана в советское время (Северцов, 1947).

Зоогеография Туркестана

Однако для зоологов вообще и герпетологов в частности наиболее важна другая книга Н. А. Северцова, законченная и сданная им в печать еще в декабре 1870 г. («Н. А. Северцов», 1958, с. 62). Хотя на ее титуле значится «1873», по данным А. Н. Формозова (1953, с. 3, сноска 2), она была напечатана в Москве в конце 1872 г. Эта книга, названная «Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных», составила целую эпоху в изучении фауны Сред-

ней Азии и российской зоогеографии в целом и была переиздана в 1953 г. В этом «сочинении», как тогда говорили, отважный исследователь обобщил все свои многочисленные наблюдения и сборы, накопленные, начиная с первой Сыр-Дарьинской экспедиции 1857—1858 гг. Этот первый в мире и наиболее полный для того времени аналитический обзор фауны позвоночных западного Туркестана охватывал, во-первых, все классы позвоночных от рыб до млекопитающих, и, во-вторых, огромную территорию от зауральских степей до снежных пиков Тянь-Шаня, большая часть которой была впервые обследована самим Н. А. Северцовым. Книга была выпущена Императорским обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии, которое было создано при Московском университете в 1863 г., кстати, во многом благодаря инициативе и энтузиазму А. П. Богданова. Любопытно, что последним президентом этого общества (1923—1930), внесшего важный вклад в развитие науки, был сын Северцова академик А. Н. Северцов. Редакторами книги были другой известный исследователь Средней Азии А. П. Федченко (1844—1873), трагически погибший 3 (15) сентября в Альпах в довольно молодом возрасте, и зоолог Л. П. Сабанеев (1844—1898).

Н. А. Северцов в своих работах не раз отмечал, что его основная специальность — это зоологическая география. Книга по туркестанским животным как раз и была сугубо зоогеографической монографией, первой в России. В этой книге Н. А. Северцов (1873а, с. 6) отстаивал свое «<...> положение, что туркестанский край есть типичный центр особой, среднеазиатской зоологической области <...>. Для меня, при неопределенном ограничении материковых фаун, основанием служат преимущественно центры распространения; затем некоторая близость его [края — Л. Б.] пределов к пределам области, хотя бы животное отчасти распространялось в другия [области —

Л. Б.]», — писал он. Саму же среднеазиатскую зоологическую область Северцов понимал очень широко — от Кавказа до Хингана и верховий Хуанхэ в Китае (там же, с. 5—6).

В пределах выделяемой этой среднеазиатской области Н. А. Северцов объединил как равнинные («степные»), так и горные виды. В рамках его аргументации такое «соединение» носит условный, оперативный характер «<...>» потому, что это удобнее для описания вертикального распространения животных на Тянь-шане, в первый раз здесь представляемого <...>. Притом, соединение нагорья и смежной степи в одно целое естественно и в другом отношении: тогда мы получаем вполне типичный образчик для изучения фауны Средней Азии, в котором вообще много и горных и степных участков, в самом ее центре <...>» (Северцов, 1873, с. 5). Следует, однако, заметить, что в XX столетии зоологами разных специальностей (как и ботаниками) продемонстрирована четкая гетерогенность среднеазиатской фауны, причем население равнин и гор обычно относят к разным фаунистическим подразделениям. Таким образом, в этом отношении взгляды Н. А. Северцова не нашли подтверждения.

Впрочем, сам Северцов осознавал предварительность своей концепции, как будто предчувствуя ее условность. Так, он писал: «<...> однако, соединяя здесь в одну фауну туркестанскую часть этих степей с Тянь-шаном, я должен оговорить, что не предрешаю вопроса о том, есть ли туркестанская фауна вполне естественное зоологическое целое. Хотя такой взгляд на нее мне кажется довольно правдоподобным, но вопрос может быть решен только изучением еще соседних стран, зоологически неизвестных, и их отношений в восточной и западной части туркестанского края, представляющим некоторая зоологические различия <...>» (Северцов, 1873а, с. 5). Таким образом, фаунистическую гетерогенность Северцов понимал не столько

в плане противопоставления равнины — горы, сколько в отношении восток — запад Туркестана (там же, с. 44, 49—52).

Н. А. Северцов также отмечал, что «<...> среднеазиатская зоологическая область не может быть везде резко ограничена, а напротив соединяется постепенными переходами с смежными областями; так на Алтае горная фауна Средней Азии переходит в фауну западно-сибирской тайги; роцями (по местному выражению кулками) в степях Общего Сырта соединяется с средне-европейской; между низовьями Дона и Урала, несмотря на довольно резкую границу многих степных видов, однако все заметна связь арало-каспийской фауны с степной черноморской, уже принадлежащей к зоологической области Средиземного моря. Вследствие этого смещения фаун в пограничных частях смежных зоологических областей, самые границы последних на материке неизбежно выходят несколько условными <...>» (там же, с. 5).

Н. А. Северцов, конечно, уже сам понимал неоднородность среднеазиатской фауны позвоночных. В связи с этим он выделил восемь фаунистических группировок, или комплексов, названных им «разрядами», «<...> по их общему географическому распространению: что покажет, сколько видов и какие общины Средней Азии с смежными большими зоологическими областями, сколько и какие принадлежат собственно ей» (там же, с. 6). Так, он различал виды собственно среднеазиатские, европейско-сибирские, собственно сибирские, южноевропейские, средиземноморские («средиземные» из «области Средиземного моря»), североафриканские и сирийские, южноазиатские и, наконец, космополитические. При этом для млекопитающих он наметил семь «разрядов» (все, кроме средиземноморских), а для птиц — шесть (нет южноевропейских, а также североафриканских и сирийских). Насколько мне известно, это была первая в отечественной зоогеографии попытка определить ге-

терогенность фауны и ее специфику через фаунистические комплексы. Этот важный методический подход широко используется и поныне!

По признанию самого Н. А. Северцова (1873а, с. 12), «общее распространение туркестанских пресмыкающихся мне менее известно, нежели распространение птиц и зверей <...>». Тем не менее он выделил среди рептилий 2 вида средневропейских (прыткая ящерица, «*Lacerta viridis*»; гадюка «*Pelias berus*» — он не различал степную гадюку); один вид североафриканский (серый варан, «*Psammosaurus caspius*» как «особое видоизменение» *P. deserti*), один вид индийский (среднеазиатская черепаха, «*Homopus Horsfieldi*»), два вида возможно средиземноморских (разноцветная ящурка, «*Eremias variabilis*»; быстрая ящурка, «*E. coeruleo-ocellatus (velox)*») и «<...> 22 вида могут считаться собственно среднеазиатскими, они или строго ограничены пределами этой зоологической области, как все *Phrynoscephalus*, или недалеко распространяются на З. [Запад] и Ю. [Юго] З. [Запад], в черноморския степи, Закавказье и Персию».

«IV. Из земноводных 2 вида средневропейских, *Rana viridis*, var. *cachinnans* [озерная лягушка — Л. Б.], и *Bufo variabilis* [зеленая жаба]; а весь род *Ranodon* среднеазиатский и притом горный» (там же, с. 12).

Сопоставляя разные классы позвоночных, что в российской зоогеографии также делалось, по-видимому, впервые, Н. А. Северцов пришел к очень интересному выводу: «Таким образом в классах зверей, пресмыкающихся и земноводных, виды собственно среднеазиатские составляют большинство; а в классах птиц и (по-видимому) рыб меньшинство. Но это меньшинство все-таки еще довольно многочисленно, чтобы, относительно всех позвоночных, считать среднюю Азию, в указанных выше пределах, особой зоологической областью, хотя и второго разряда,

т. е. одним из главных делений области палеарктической, а туркестанскую фауну центральной и типичной для Средней Азии» (Северцов, 1873а, с. 13; см. также с. 6).

В своей монографии Н. А. Северцов активно пользовался «числовыми данными», характеризуя в абсолютных значениях и/или в процентах объем той или иной фаунистической группы животных. «<...> Польза таких числовых данных состоит в том, что они весьма ясно представляют общее выражение влияния местных условий, климатических и топографических, на состав местной фауны, на географическое распространение и жизненные явления животных, подобно тому, как статистические цифры выражают политическую, социальную и экономическую сторону народной жизни» (Северцов, 1873а, с. 51). На основании этого считается (иногда с некоторым осуждением за формализм), что он ввел в отечественную зоогеографию так называемый статистический метод, сочетая его с экологическим подходом (учет особенностей современных условий обитания и т. д.). Однако такой цифровой подход Н. А. Северцов применял уже в своей магистерской диссертации (1855), подробно рассмотренной выше. Между прочим, он полагал, что числовой анализ состава фауны по семействам и родам очень важен «<...> при рассмотрении зависимости географического распространения животных от условий борьбы за существование <...>» (Северцов, 1873а, с. 53).

Территорию Туркестанского края Н. А. Северцов (1873а, с. 44–48) разбил на четыре «горизонтальных» участка: I — северо-восточный (Семиречье, Иссык-Куль, верхний Нарын); II — Чу, Талас, Джумгал, Сусамыр, нижний Нарын, озера Сон-Куль и Чатыр-Куль; III — северо-западный (Каратау и западная часть Тянь-Шаня, низовья Сыр-Дарьи от устья Арыса до Аральского моря) и IV — юго-западный (окрестности Ходжента, долина Зеравшана, горы и равнины до Сыр-Дарьи и

Кызыл-Кумов). Северцов не только достаточно подробно описал эти участки, указывая в том числе и характерные виды зверей и птиц, но также рассмотрел и степень их зоологической изученности. Так, например, в отношении III (северо-западного) участка он писал: «<...> Фауна птиц, пресмыкающихся и амфибий у меня почти полная, разве какой-нибудь неожиданный *Ranodon* в горном ключе, а из птиц тоже могут прибавиться несколько видов, но немного, в горах особенно у вершин Чирчика и по [Сыр-] Дарье, на неизследованной зоологически части ее течения между Перовском и Джулеком» (Северцов, 1873а, с. 47).

Помимо «горизонтальных участков», им были выделены пять «вертикальных поясов» (там же, с. 13–18): 1 — саксаульники и солонцы, 600–1000 футов [182–304 м]; 2 — культурный пояс, травянистые степи с пашнями и садами, до 3000–4000 футов [914–1219 м]; 3 — Каратау и предгорья Тянь-Шаня с лиственным (орехо-плодовым) лесом, до 4500–6000 футов [1372–1829 м], местами даже до 7000–8000 футов [2134–2438 м]; 4 — пояс хвойного леса и березы до 8500–10500 футов [2591–3200 м]; и, наконец, 5 — «подснежный пояс альпийских трав, до вечных снегов», т. е. до 10500–14000 футов [3200–4267 м] (Северцов, 1873а, с. 60). «<...> Главное и зоологически важнейшее климатическое различие между разными поясами высоты есть вообще различие в распределении влажности по временам года» (там же, с. 43). Из пяти выделенных им поясов «<...> два нижних составляют степь, а три верхних нагорье» (там же, с. 13).

Для каждого вида позвоночных было указано его обитание на территории того или иного участка и высотного пояса. Таким образом, Н. А. Северцов в сжатой (табличной) форме представил огромный массив уникальной, ранее большей частью неизвестной информации по распределению позвоночных Средней Азии. Кстати, анализ данных привел его к важному

заклучению, что в ряде случаев различия между животным населением высотных поясов могут быть выражены сильнее, чем фаунистические различия между востоком и западом среднеазиатской области.

Герпетофауна Туркестана

По данным Н. А. Северцова, туркестанская фауна насчитывала 83 вида млекопитающих, 384 вида птиц, 33 (34) вида рептилий, 6 видов амфибий и 42 вида рыб. Распределение последних по участкам и поясам заметно отличалось от географии наземных позвоночных. Среди рептилий он перечислил два вида черепах, 23 вида ящериц и девять видов змей, в том числе ряд новых для науки видов, которых планировал описать А. А. Штраух или он сам. Для некоторых видов Северцов привел краткие комментарии. Из 34 указанных Н. А. Северцовым видов (33 пронумерованных и 1 без номера — см. с. 71—72) лишь восемь, по его же собственному признанию, не были им пойманы.

Конечно, к настоящему времени данные по рептилиям, представленные Н. А. Северцовым, сильно устарели. Сейчас в фауне западного Туркестана (в пределах бывшего СССР) выявлено уже около сотни видов пресмыкающихся, т. е. в три раза больше, чем в сводке Северцова. Правда, многие виды ограничены территорией Туркмении («Закаспийская область» дореволюционной русской географии), где он не был. Таксономическое положение большинства форм, перечисленных Северцовым, также изменилось. Так, среднеазиатская черепаха фигурировала у него под двумя названиями («*Chersus iberus*» и «*Homopus Horsfieldi*»). Для ряда видов ящериц и змей сменились родовые и видовые названия (например, «*Gymnodactylus Eversmanni*» ныне в роде *Crossobamon*, «*Lacerta stirpium*» = *L. agilis*, водяной уж «*Tropidonotus hydrus*» = *Natrix tessellata*, полоз «*Zamaenis Festschenkoi*, Strauch» = *Coluber ravergieri*).

Однако для истории герпетологии, точнее для систематики, зоогеографическая монография Н. А. Северцова важна еще и тем, что в ней были опубликованы несколько латинских названий новых видов, часть из которых сопровождается кратким описанием. Особенно любопытно появление в списке рептилий туркестанской агамы «*Stellio Lehmanni*, Strauch» (с. 71), которая формально будет описана А. М. Никольским лишь через 23 года (!, 1896), спустя три года после смерти А. А. Штрауха, открывшего этот вид. Хотя в списке Н. А. Северцова это название осталось без какого-либо диагноза и поэтому должно считаться *nomen nudum*, тем не менее для истории герпетологии сам факт его появления означает, что реальность этого нового вида ящериц не вызывала сомнения у А. А. Штрауха уже в то время.

Сам Н. А. Северцов описал в книге два новых для науки, как он думал, вида. Однако его таксономические новации оказались неудачными. Краснохвостая ящурка *Eremias erythrurus* была позднее сведена в синонимы *E. velox* (молодая особь). Впрочем, такого мнения уже тогда придерживался А. П. Федченко, один из редакторов книги, о чем сам же Северцов и известил читателей в тексте (1873а, с. 72). Змея *Choristodon brachycephalus* Sev., в другом месте упомянутая также как *Ch. sogdianus* (Северцов, 1873б, с. 95) и которую он для более тщательного описания передал «<...> нашему известному эрпетологу, г. [господину — Л. Б.] академику Штрауху» (Северцов, 1873а, с. 95, сноска 2), оказалась поперечнополосатым полозом, *Coluber karelinii* Brandt, 1838. Приезжая из своих среднеазиатских странствий в Петербург, Н. А. Северцов, по-видимому, часто встречался с А. А. Штраухом. Во всяком случае, еще ранее именно по сборам Северцова из Ак-Мечети (ныне Кзыл-Орда). Штраух описал пустынного гологлаза, *Ablepharus deserti* Strauch, 1876.

«Замечателен еще состав туркестанских пресмыкающихся, обилием тропических форм, во всех порядках <...>» (Северцов, 1873а, с. 59), т. е. среди черепах, ящериц и змей. При этом, по его мнению, эта фауна в рамках региона достаточно однородна, хотя на востоке она изучена меньше, и фактически является равнинной («степной») с некоторыми видами, идущими в предгорья (там же, с. 60). Действительно, по его данным, количество видов по вертикальным поясам распределялось следующим образом: 1-й и 2-й пояса — по 26, 3-й пояс — 9, а 4-й и 5-й пояса — 0 видов.

«Но у амфибий различие горных и степных весьма резко; первые, сколько известно, еще и все восточные <...>» (там же, с. 60). Среди шести видов земноводных, которых различал Н. А. Северцов, были озерная лягушка, две формы зеленой жабы, обнаруженной на всех четырех участках и в поясах 1–4, а также три (!) вида лягушкозубов («*Ranodon sibiricus*, Kessl.», «*Ranodon Kessleri*, Ballion» и «*Ranodon* sp.»), «<...> которая <...> в Средней Азии являются исключительно горными, и живут в ключевых бассейнах и сазах при весьма низкой температуре воды, и летом не более 6–7° R [по Реомюру — Л. Б.]. *Ranodon* sp. (6[-й вид]) добыт в сазах у р. [реки — Л. Б.] малой Алматинки, близ Вернаго [Алма-Ата], на высоте около 6000 фут. [футов, т. е. 1824 м — Л. Б.]; два экземпляра подарены мне генералом Колпаковским и отданы для определения г. [господину] Баллиону, описавшему *R. Kessleri*, остальные два вида из семиреченского [Джунгарского — Л. Б.] Алатау; считаю вероятным, что и они найдутся и выше пояса 3, на высоте ельшиков. Не менее вероятно, что в поясе 4, особенно на кегенском плоскогорьи, найдутся и немногие Reptilia» (Северцов, 1873а, с. 73).

Следует отметить, что в своих походах Н. А. Северцов «пропустил» центральноазиатскую лягушку, *Rana asiatica*

Bedriaga, 1898, которая нередко в бассейне озера Иссык-Куль, реки Чу и других местах, где он работал. Лягушкозубы (*Ranodon*) на территории бывшего СССР рассматриваются ныне как один и тот же вид, а зеленая жаба представлена диплоидно-тетраплоидным комплексом, действительно, состоящим из нескольких форм, статус которых не ясен до сих пор.

Аму-Дарьинская экспедиция

После покорения Хивы в 1874 г. две организации, Императорское Русское Географическое общество и Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей, снарядили большую комплексную Аму-Дарьинскую экспедицию, которая получила правительственную поддержку и финансирование в объеме 19800 рублей. Н. А. Северцов был назначен начальником естественно-исторического отдела (с личным содержанием в 2000 рублей), в состав которого вошли также ботаник и географ. В июне они были уже в Казалинске на Сыр-Дарье в районе восточного берега Аральского моря. Экспедиция началась с несчастья: в нервном припадке застрелился топограф, обязанности которого пришлось разделить между оставшимися участниками. Тем не менее 12 (24) июня 1874 г. отряд с караваном верблюдов и казачьим конвоем выступил в поход. Н. А. Северцов решился на, казалось бы, совершенно безрассудное дело — пересечь летом пустыню Кызылкум, которая тогда была почти не изучена. Он намеревался двигаться вдоль берега Арала и достичь таким образом Аму-Дарьи. Мотивацией для него было, помимо других целей, то, что его продолжала волновать проблема усыхания Аральского моря, которой он занялся еще в свой первый приезд в этот район (1857—1858 гг.). Через 24 дня, 5 (17) июля 1874 г. отряд сумел благополучно добраться до небольшого оазиса в районе Аму-Дарьи, а затем прибыл в Нукус.

Переход через обширную незнакомую песчаную пустыню в разгар лета был, естественно, очень тяжелым, полным лишений и тягот. Путники сильно страдали от нестерпимого зноя, палящего безжалостного солнца и нехватки воды. Впечатления ботаника экспедиции С. М. Смирнова (1875, с. 197—198), правда, усиленные болезнью руки, в определенной мере помогают понять нерадостные ощущения участников. «<...> Солнце сияло так, что глазам было больно <...>. Но и между такими растениями кругом был виден раскаленный песок. Джузгуны росли на нем в страшной обстановке. Таким жаром отдавало от песку, что в нем как будто-бы засел <...> бес <...>. Днем «каждый фут» проходимаго нами здесь пространства был страшно нагрет и как бы налит сильным светом, которого немало отражали от себя песчаные бугры. Огромными песчаными буграми стеснен был горизонт. Справа из-за них иногда был слышен шум моря».

Далее он несколько патетически писал: «<...> Когда при ужасном зное я проезжал дикий, пустынный саксауловый лес, — он уже казался мне чем-то в роде того адского леса, который описывается в XIII песне Дантова «Ада» (там же, с. 205). <...> Безмолвие здесь казалось абсолютным <...>. Изредка, черная, молчаливая птица вдали, беззвучно, быстрым полетом своим пронзала воздух; уродливые же фигуры безлистного саксаула, казалось, замерли в злом ожидании той роковой судьбы, которая должна, наконец, постигнуть путников под чуждым для них солнцем. <...>. Когда начинается здесь летний день и солнце только-что появляется над горизонтом <...> это появляется на небе могучий гонитель всего живаго. Едва поднялся он над горизонтом, и уже начинает, — будто распаленный гневом мифический бог, — преследовать вас. Чем выше идет он, тем злее становится преследование <...>. У этого бога и тень светлая; неистовый зной стоит от его лучей над померт-

велою землей; тяжелые удары грозят среди страшного блеска» (Смирнов, 1875, с. 207–208).

На Аму-Дарье Н. А. Северцов проработал до начала октября, после чего вновь пересек пустыню, но уже в обратном направлении и изменив маршрут. 26 октября (7 ноября) 1874 г. он прибыл в форт Перовский на Сыр-Дарье, затем около месяца экскурсировал в районе Ташкента, оттуда в январе 1875 г. через форт вернулся в Казалинск. За 10 месяцев, что Н. А. Северцов провел в Аму-Дарьинской экспедиции, он осуществил обширную программу наблюдений по географии и собрал, как и прежде, зоологические коллекции. Для успеха экспедиции ему пришлось из собственных средств частично оплатить наем верблюдов, а также конвойную команду казаков. Деньги (245 рублей) ему вернули лишь в самом конце 1875 года.

Ненадолго заехав к семье в имение Петровское, 1875 г. Н. А. Северцов провел в Петербурге и за границей, где последний раз он был в 1872 г. вместе с женой и сыном. На этот раз Русское Географическое общество включило его в состав делегации для участия в работе Международного географического конгресса в Париже, где он получил за свои заслуги медаль первого класса, высшую награду конгресса. В Англии Н. А. Северцов познакомился с Чарлзом Дарвиным, который одобрил его исследования по зоогеографии и систематике, в частности по возрастной изменчивости у птиц.

Зоогеография Палеарктики

Вернувшись в Россию, Н. А. Северцов включился в подготовку новой большой экспедиции, которая получила название Фергано-Памирской и о которой Географическое общество вело переписку с туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом еще в 1874 г. В феврале 1876 г. Россия завоевала Кокандское ханство, преобразованное в Ферганскую область. Это способствовало реализации означенной экспедиции,

работа которой началась в июле следующего года. Однако прежде чем отправиться в Фергану и на Памир, Н. А. Северцов 26 января (7 февраля) 1877 г. выступил с докладом «О зоологических (преимущественно орнитологических) областях вне-тропических частей нашего материка» на заседании отделений физической и математической географии Императорского Русского Географического общества в Санкт-Петербурге. «Сообщение» Северцова было опубликовано в сентябре того же года в «Известиях» общества. Ныне эта статья по праву считается классической в российской зоогеографии, так как она на многие десятилетия определила развитие этой науки в нашей стране, в том числе и по отношению к анализу распространения амфибий и рептилий, хотя сами они в статье даже не упоминаются.

Эта основополагающая работа Н. А. Северцова появилась не случайно. «Обработывая мало по малу, с 1867 года, распространение животных в восточной России и средней Азии, (где мои наблюдения начались гораздо раньше), занятый отношением этой фауны к другим, я невольно расширил круг своих зоографических исследований и принялся за обработку в этом отношении всей пале-арктической области; принялся самостоятельно, по источникам, по самым дробным местным фаунам <...> и пришел к новым выводам <...>» (Северцов, 1877, с. 125).

Действительно, в монографии по распространению туркестанских животных Н. А. Северцов (1873а, с. 13, сноска) уже предложил свою схему подразделений Палеарктической области, в которой он выделил пять главных частей, а именно: полярная тундра, европейско-сибирская тайга, средиземная, среднеазиатская и, наконец, северокитайская области. Они «<...> как континентальные, не могут быть точно разграничены, а соединяются между собой смешанными переходными фаунами,

каковы: средневропейская, урало-барабинская, кавказская, алтайская, амурская и т. д.».

Критически рассмотрев работы известных английских зоо-географов Филипа Склэтера (1829—1913) и Альфреда Уоллеса (1823—1913), Н. А. Северцов в 1877 г. предложил схему районирования Палеарктики, южный рубеж которой «<...> во всем своем протяжении, ограничивается пределом тропических дождей, и, вместо условных границ, по моим наблюдениям, выходит граница естественная» (Северцов, 1877, с. 135). При подразделении самой Палеарктической области Н. А. Северцов «<...> принял за основание физико-географическое деление нашего материка, преимущественно по растительности, доставляющей зверям и птицам пищу и убежище» (там же, с. 135). Всю Палеарктику он разделил на две части (подобласти): северную и южную (с. 152—153).

В северной части Н. А. Северцов выделил три полосы (зоны), каждая из которых делится на округа (или провинции). Полярная полоса включает только один полярный округ. Полоса тайги состоит уже из трех округов (северо-европейский, урало-сибирский и восточно-сибирский). Переходная полоса, охватывающая зону перехода от леса к степи, также подразделяется на три округа (средне-европейский, урало-барабинский и даурский). В южной части Палеарктики Северцов различал две полосы: юго-западную с атлантическим и средиземноморским округами, а также полосу пустынь с пятью округами (северо-африканский, западноазиатский, среднеазиатский, тибетский и синдский).

Помимо этого, Н. Северцов обозначил область восточноазиатскую (или китайско-гималайскую), статус которой был ему не совсем ясен: то ли самостоятельная область (*Regio aemodo-serica*), то ли подобласть Палеарктики. В свою очередь, восточноазиатскую (под)область он разделил на че-

тыре округа — гималайский, сифанский, северокитайский и японский.

Таким образом, схемы деления Палеарктики в 1873 и 1877 гг. заметно различались, хотя в главном преемственность сохранялась. В обеих схемах Н. А. Северцовым был заложен так называемый зональный подход к районированию, который по своей сути является эколого-географическим (ландшафтным) и часто (но не обязательно правильно) противопоставляется так называемому историческому подходу, который в свою очередь современное распространение животных пытается объяснить историческим прошлым фауны и составляющих ее групп животных. На самом деле, такое противопоставление во многом имеет искусственный характер. Не случайно, сам Н. А. Северцов разрабатывал как экологический (еще в 1855 г.), так и исторический метод (1873 г.). В какой мере оба эти подхода и северцовское районирование сохраняются в современной герпетогеографии Палеарктики, можно понять, сравнив работы Н. Н. Щербака (Shcherbak, 1982) и автора этих строк (Borkin, 1998, 1999).

Экспедиция на Памир

Однако главной задачей 1877 г. для Н. А. Северцова стала возможность еще раз исследовать мало известные районы горного Туркестана. «Исследование Памиров составляют давнишнюю мою мечту. Я откладывал исполнение сего предположения по необходимости, теперь, когда долина Ферганы в наших руках, осуществить это предположение, по-видимому, можно. Прежде, однако, надо получить убеждение в полном успокоении горного населения между долиною и плоскогорьем Памира. Этим временем следует воспользоваться для исследования, по возможности во всех отношениях, долины, с которой мы мало знакомы». Такова была резолюция К. П. Кауфмана на докладной записке Н. А. Северцова от 2 (14) апреля

1876 г. («Н. А. Северцов», 1958, с. 118). Базой своего отряда последний выбрал старинный город Ош, расположенный на восточном стыке Ферганской долины и Тянь-Шаня (ныне западная часть Киргизии). Одним из помощников Н. А. Северцова стал А. А. Кушакевич (1822—1882), который отвечал за ботанические и энтомологические сборы. Кстати, в честь него Я. В. Бедряга (1854—1906) в 1905 г. описал круглоголовку *Phrynoscephalus kuschakewitschi* из южного Прибалхашья.

Обследование Памира и прилегающих территорий заняло почти полтора года, и концом Фергано-Памирской экспедиции считают январь 1879 г. Понятно, что, помимо решения общегеографических задач, Н. А. Северцов был очень заинтересован и в зоологических исследованиях тогда еще почти неведомого Памира. Готовя в 1876 г. смету расходов экспедиции (в итоге 15177 рублей), он в докладной записке К. П. Кауфману сообщал, что готов зоологическую часть работы проводить за свой счет, а при нехватке средств пополнить их продажей своего дома в Ташкенте.

Благодаря изысканиям отряда Н. А. Северцова произошел подлинный переворот в познании Памира. 19 сентября (1 октября) 1878 г. в телеграмме К. П. Кауфману сам Северцов, находившийся в ферганском городе Маргилан, сообщал: «Вернулся с Памира, исследования успешны. Объездил еще неизвестные части Памира: Ранг-Куль, Сарез, Аличур; везде полная переделка карты; существенные географические открытия; даже у Кара-Куля нашел сплошную долину от озера к Аксу. Розыскана историческая география Памира, добыты весьма интересные и обильные географические, вообще естественно-научные результаты и богатые многосторонние коллекции» («Н. А. Северцов», 1958, с. 160—161). Он впервые доказал, что Памир — это самостоятельная горная система, а

не продолжение Тянь-Шаня, и составил ее подробное описание, в том числе неизвестных ранее районов.

Зоологические результаты экспедиции были опубликованы Северцовым в статье «Заметки о фауне позвоночных Памира», вышедшей в Ташкенте в 1879 г. Поскольку сведения о герпетофауне «Крыши мира» довольно редки, а, кроме того, данные Н. А. Северцова и до сих пор сохраняют свою ценность, хотя и практически забыты, приведу их полностью.

«Пресмыкающиеся.

Из амфибий встречено на Памире два вида: добыта *Bufo variabilis*, в разных местностях, более у Яшиль-куля, и там же замечена какая то *Rana*, похожая по общему виду на *R. temporaria* — подробно не успел даже разглядеть, она быстро упрыгнула и спряталась в кочках саза. Что-же касается до *B. variabilis*, то эта жаба на Баш-Алае многочисленнее, чем на Памире, где однако поднимается до 13,000 фут[ов, т. е. до 3952 м — Л. Б.].

Из настоящих *Reptilia*, черепах, змей и ящериц, не найдено на Баш-Алае и Памире ни одного вида: но по соседству, у истоков Кашгар-дарьи, какой-то вид *Eremias* (добытый, но еще не определенный) поднимается до 11,000 ф. [футов, или 3344 м — Л. Б.], и достигает верхне-альпийского пояса» (Северцов, 1879, с. 88—89).

20 февраля (4 марта) 1879 г. в докладной записке К. П. Кауфману с кратким отчетом о научных результатах экспедиции Н. А. Северцов, отмечая богатые зоологические сборы, сообщал: «<...> Скуднее добыча пресмыкающихся <...>». В примечании к документу он, однако, заметил: «И для них, впрочем, открыты крайние вертикальные пределы распространения до 10, 11 и даже 12,5 тысяч футов [т. е. до 3040, 3344 и 3800 м — Л. Б.], на верховьях Кашгар-Дарьи, на Алае и на Памире» («Н. А. Северцов», 1958, с. 173).

По известным мне данным, зеленые жабы на Памире представлены только полиплоидами, а находка на озере Яшилькуль является наиболее высокой для амфибий на территории бывшего СССР. По данным, приведенным в сводке таджикского герпетолога С. А. Саид-Алиева (1979), в окрестностях этого озера в 1974—1975 гг. жабы были пойманы на высоте 3826 м над уровнем моря. Какие-либо лягушки, тем более похожие на травяную, на Памире пока не обнаружены (на Тянь-Шане это — *Rana asiatica*). В этом отношении сведения Н. А. Северцова представляют исключительную ценность, если он не ошибся. Также любопытна высокогорная находка ящерицы.

Путешествие по Памиру, бывшему в то время практически terra incognita, принесло Н. А. Северцову огромную славу, и в частности Императорское Русское Географическое общество наградило его в 1879 г. большой золотой медалью имени графа Ф. П. Литке.

Последнее путешествие: Семиречье (1879 г.)

Закончив в начале 1879 г. Фергано-Памирскую экспедицию, Н. А. Северцов, по-видимому, ни домой, ни в Петербург не вернулся. На свои личные средства он в сопровождении одного лишь препаратора предпринял еще одну поездку, на этот раз в Семиречье. Она оказалась его последним путешествием в «возлюбленный» Туркестан, чего он сам, конечно, не мог даже и предполагать. История семиреченской поездки до сих пор покрыта некой загадочной дымкой, так как сведений о ней почти нет, обстоятельства ее не известны, и биографы обычно лишь скупо упоминают о ней. Р. Л. Золотницкой (1953) на основании записей в дневниках Н. А. Северцова, а также по коллекциям, хранящимся в Зоологическом институте Академии наук, удалось частично восстановить маршрут и даты. Однако ни общую цель, ни характер экспедиции она точно определить не смогла.

Полагают, что Н. А. Северцов хотел заполнить некоторые пробелы по Семиречью для давно им задуманного фундаментального труда по зоогеографии и, кроме того, уточнить пролетные пути птиц. Поэтому орнитологические наблюдения, возможно, занимали основное место в этой экспедиции. Полевые исследования, начатые, вероятно, в мае, были закончены Северцовым в Семипалатинске, откуда он 23 августа (4 сентября) 1879 г. обычным трактом через Омск и Оренбург поехал в Петербург. Так закончилась его последняя поездка в Туркестан.

В декабре 1879 г. Н. А. Северцов принял участие в работе VI съезда русских естествоиспытателей и врачей, проходившего в Санкт-Петербурге. 30 декабря (11 января 1880 г. по новому стилю) на третьем общем собрании съезда он прочел речь «Об орографическом образовании Высокой Азии и его значении для распространения животных», в которой подвел итоги своих исследований после 1876 г. На этот раз в рамках российских азиатских владений Северцов выделил три горных фауны. Две из них (памиро-тяньшаньскую и алтайскую) он считал главными, а одну (тарбагатайскую) — переходной между первыми двумя, смешанного характера. Главным же результатом своих исследований он считал то, что зоогеографические подразделения фауны Высокой Азии строго совпадают, по его мнению, с орографическими участками горных систем, которые, в свою очередь, определяются геологическими условиями их образования. В фауне Н. А. Северцов различал два явных компонента. Более древний из них сформировался еще в третичное время, когда горные системы представляли собой большие морские острова, которые потом соединились в одну сушу. Более молодой компонент фауны составлен северными переселенцами ледникового периода, причем эти северные виды могли иметь сплошное или прерывистое (с севером) распространение. Доклад был проиллюстрирован орнитологическими примерами.

Таким образом, в этой работе Н. А. Северцов заметно отошел от концепции единой среднеазиатской области, детально обоснованной им в 1873 г. Тем не менее и этот свой доклад он воспринимал как «конспект» будущей полной научной обработки своих материалов по геологии, орографии и географическому распространению животных Внутренней Азии. Он надеялся, что это будет его вкладом в дело «<...> действительно *научного построения биологической географии*» (Северцов, 1880, с. 118).

Новые научные замыслы

С 1880 г. Н. А. Северцов основные свои силы тратит на обработку собранных им колоссальных, многолетних материалов, живя зимой в Москве, летом в Петровском и регулярно выезжая в Петербург в Академию наук и Географическое общество, с которым он был тесно связан и где пользовался огромным уважением. Северцов был в зените славы. В 1883 г. Императорское Русское Географическое общество присудило ему свою высшую награду — Константиновскую медаль. Ряд зарубежных обществ избрало его своим членом. Правда, в Академию наук, где ему было «естественное место», по словам известного энтомолога и зоогеографа А. П. Семенова-Тян-Шанского (1866—1942), одного из сыновей выдающегося путешественника и общественного деятеля П. П. Семенова-Тян-Шанского, Северцова не избрали из-за интриг «немецкой партии», т. е. академиков немецкого происхождения (Семенов-Тян-Шанский, 1980, с. 67).

Н. А. Северцов понимал, что наступило время больших обобщений и подведения итогов его многолетних исследований Средней Азии. Еще 20 февраля (4 марта) 1879 г. он обратился все к тому же туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману, который поддерживал его на протяжении многих лет, с проектом подготовки двух капитальных научных

изданий общей стоимостью в 30000 рублей. Первое из них — это запланированные им «Труды Ферганской ученой экспедиции», а второе — «Естественно-исторические исследования Туркестанского края». Последнее, поистине масштабное издание должно было содержать описания всех известных животных (как позвоночных, так и беспозвоночных) и растений, для чего планировалось привлечь к работе различных специалистов. Так, например, «3. Класс пресмыкающихся [включая амфибий — Л. Б.] будет обработан одним из лучших, если даже не первым в Европе, знатоком этого класса, академиком Штраухом, собравшим в Академическом музее [ныне ЗИН РАН — Л. Б.] огромные коллекции и из Туркестанского края. Ему постоянно отдавал и я свои коллекции из этого класса» («Н. А. Северцов», 1958, с. 181).

В краткой, несколько пессимистической, резолюции К. П. Кауфмана было отмечено: «Не могу не сочувствовать предположению; нужно много настойчивости и энергии, чтобы довести дело до конца. Не один опыт уже доказал, что прекрасное начало не доводится до конца. Во всяком случае я буду ходатайствовать об ассигновании денег и в нынешнем году 5 тыс. руб. и в будущем году остальные 25 тыс. руб. Деньги просить передать в Императорское Географическое общество» (там же, с. 185). Надо сказать, что К. П. Кауфман как в воду глядел. Он оказался прав, и грандиозный замысел Северцова так и не был реализован, о чем, однако, сам Кауфман не узнает, так как умрет в мае 1882 г. Свое слово он, тем не менее, сдержал и 28 апреля (10 мая) 1879 г. он написал о проекте Северцова военному министру, прося поддержки. Против издания трудов Ферганской экспедиции за казенный счет, однако, выступили геологи, которые весьма критически оценивали геологические достижения Н. А. Северцова (не считая его геологом). Проект же по фауне и флоре Туркестана оказался

более успешным и получил поддержку военного министра и министра финансов, но «из доходов Ферганской области» (там же, с. 192), т. е., выражаясь современным языком, деньги вместо федерального бюджета разрешили брать из регионального, которым распоряжался сам Кауфман.

Печальный конец службы

Научная слава не всегда (точнее не всем) приносит обеспеченность в жизни. Н. А. Северцов был человеком недостаточно практичным, своим хозяйством (имением) не занимался, большей частью находился в путешествиях, на которые к тому же часто тратил и свои деньги. Хотя в 1880-е годы он стал крупным, широко признанным ученым с международной репутацией, однако, как пишут его биографы, старость Северцова оказалась совсем необеспеченной. Это очень беспокоило даже его друзей. 30 мая (11 июня) 1880 г. вице-председатель (т. е. фактический руководитель) Императорского Русского Географического общества П. П. Семенов[-Тян-Шанский] писал К. П. Кауфману:

«Давно уже у меня на совести лежит одно ходатайство <...>».

Уже много лет Н. А. Северцов состоит одним из самых деятельных и почтенных сподвижников ваших по одному из тех ваших подвигов, который мы, согласно с нашей профессией, так высоко ценим, а именно по исследованию Центральной Азии. Памирское путешествие Северцова достойным образом увенчало почтенные его труды. <...>».

Между тем Северцов стареет, а непрактичен он был всегда: имеет семью и, с одной стороны, неоспоримые права на существование, а с другой — обязанность разработать богатейший, им собранный материал.

По всему этому Северцову необходимо обеспечение и, если бы возможно было осуществить для него пенсию пожизненную

и сверх могущего у него быть впоследствии содержания (пристроить его нелегко) <...>, то Северцову и его семье был бы обеспечен кусок хлеба и научные его материалы не погибли бы.

Конечно, подобного рода ходатайства встречают большие затруднения и препятствия в Министерстве финансов, если они испрашиваются из сумм государственного казначейства и даже если и проходят благодаря сильным ходатайствам, то подвергаются большим урезкам <...> («Н. А. Северцов», 1958, с. 197–198).

Далее П. П. Семенов-Тянь-Шанский сообщал, что в случае ходатайства К. П. Кауфмана великий князь Константин, «наш августейший председатель» общества, поддержит его и окажет необходимое влияние на министра финансов. Кауфман наложил резолюцию: «Давно желал бы сделать что-либо для Северцова» и попросил подготовить перечень его трудов для представления (там же, с. 198). Однако пока бумаги неспешно готовились, в связи с реорганизацией аппарата исполняющий дела туркестанского генерал-губернатора Г. А. Колпаковский (вместо заболевшего и вскоре умершего К. П. Кауфмана) предложил ... уволить Н. А. Северцова в связи сокращением числа старших чиновников особых поручений с пяти до двух!

Получая годовой оклад в 3000 рублей, Н. А. Северцов, — указывал новый начальник 25 декабря 1881 (6 января 1882) г., — «<...> посещал край лишь непродолжительными наездами для ученых экскурсий, все же остальное время проживал в России или за границей, обрабатывая собранные им здесь ученые материалы. Не отрицая, конечно, значительной пользы, принесенной г. [господином] Северцовым на поприще науки, я в то же время не могу не сказать, что, занимая административную должность по Военно-народному управлению, он в продолжение 14 лет не исполнил ни одного поручения и вообще не нес никаких служебных обязанностей» («Н. А. Северцов»

1958, с. 226). Таким образом, лишившись своего предыдущего просвещенного начальника и покровителя К. П. Кауфмана, который понимал важность его научных исследований и фактически освобождал его от бюрократических обязанностей военного чиновника, Н. А. Северцов не только не получил обещанную тем реальную поддержку в оформлении приличной пенсии, но, напротив, подвергся серьезной угрозе потерять работу в военном министерстве.

В связи с этим 8 (20) июня 1882 г., находясь в Петербурге, Н. А. Северцов обратился к вновь назначенному туркестанскому генерал-губернатору М. Г. Черняеву, в походе которого он участвовал в 1884 г., с просьбой оставить его в штате еще на два года, до окончания издания его трудов. *«Иначе мне нечем жить: доход с моего заложенного имения, сверх уплаты процентов, немислим без полного оставления мной научных занятий — для меня однако обязательных, по высылке ассигнованных на издание денег. В течение же этих двух лет думаю так или иначе устроиться <...>»* (там же, с. 229; курсив мой — Л. Б.).

В этой же записке Н. А. Северцов напоминал, что Географическим обществом был «<...> возбужден вопрос о назначении мне, по примеру полковника Пржевальского, пожизненной пенсии за выдающиеся научные заслуги в размере моего теперешнего содержания. <...>»

Останавливаясь и чувствую некоторую неловкость напомиать о своих посильных научных заслугах, хотя бы по чужой и притом весьма компетентной их оценке, но обстоятельства так сложились, что приходится» (там же, с. 229).

Н. А. Северцов также отметил, что «между тем, усердно и вполне добросовестно исполняя научные поручения, бывшие моим служебным делом, я для этого постепенно, 14 лет, жертвовал доходами со своего небольшого имения, которым мне

некогда было заниматься». Этот пассаж, конечно, был явным ответом на цитированные выше упреки со стороны Г. А. Колпаковского.

Очевидно, что писать такую записку известному ученому, к тому же уже немолодому, было не очень приятно. М. Г. Черняев предложил Н. А. Северцову обратиться в Академию наук и составить для нее проект программы исследований по Туркестану.

«Научное завещание» Н. А. Северцова

Так 29 июня (11 июля) 1882 г. появилась «Записка о научных исследованиях в Туркестанском крае», подписанная доктором зоологии Н. А. Северцовым. Этот документ, впервые опубликованный Р. Л. Золотницкой лишь в 1953 г. (см. также: «Н. А. Северцов», 1958, с. 231–240), интересен тем, что в нем выдающийся знаток Средней Азии не только подвел итоги изучения этого обширнейшего региона за последние десятилетия, но и кратко наметил перспективы будущих работ в различных направлениях науки (географии, зоологии, ботаники и отчасти даже этнографии). Этот документ в известной степени можно рассматривать как своего рода «научное завещание» самоотверженного исследователя Туркестана, написанное в житейски трудных и, я бы сказал, оскорбительных для знаменитого ученого обстоятельствах. Конечно, сам Северцов не мог предполагать, что ему осталось жить всего два с половиной года. Приведу несколько наиболее интересных цитат из этого мало известного зоологам текста.

«По самой строгой справедливости этот край, относительно обилия и полноты добытого в нем научного материала, уже и теперь, несмотря на недавнее его присоединение, может занять почти первое место в ряду русских окраин <...>».

Потому *внутри* нашего Туркестанского края первоначальную пору исследований, так сказать, наездом, посредством уче-

ных экспедиций, можно считать почти что оконченной <...>. Научного дела в нем, конечно, еще слишком много: но теперь на очереди уже не экспедиционные рекогносцировки, а подробные, постоянные, систематические работы живущих на месте исследователей <...>» (Золотницкая, 1953, с. 187—188; курсив оригинала).

Касаясь зоологии, Н. А. Северцов полагал, что «доступные путешественникам исследования уже вполне произведены; богатые и весьма полные коллекции Туркестанской фауны собраны гг. Карелиным, Леманном, Кушакевичем, Федченко, Ошаниным, Богдановым [М. Н. — Л. Б.], Аленицыным, Пржевальским, Руссовым и мной, причем новая экспедиция внутри края едва ли многим дополнит, например, мои каталоги (собственного многолетнего сбора) — 110 видов зверей и 430 видов птиц — чтобы привести пример, мне всего точнее известный.

Такой же полный материал существует и по остальным классам позвоночных — пресмыкающимся, амфибиям и рыбам <...>. Дополниться список туркестанских животных теперь вообще может только видами, ведущими самый скрытный образ жизни и попадающимися исследователю только случайно, при самых подробных поисках, в путешествии невозможных. И по зоологии, как по ботанике, для дальнейших исследований, преимущественно биологических [т. е. экологических — Л. Б.], в настоящее время уже нужно ждать собственной инициативы хорошо подготовленных специалистов» (там же, с. 189).

По мнению Н. А. Северцова, в пределах Туркестанского края остались еще две неисследованные области. Это — песчаная пустыня Муюнкум и хребет Нуратау. Среди же территорий, пограничных с Туркестанским краем, наибольший научный интерес, на его взгляд, представлял внутренний Памир и его восточная окраина, смежная с Китаем, а также горная Бухара (Гиссар, Каратегин, Дарваз и Шугнан).

Конечно, говоря об экспедициях, Н. А. Северцов имел в виду общегеографические экспедиции, которыми руководил он сам и которые часто осуществлялись в не очень удобное для коллектирования многих групп животных время. К тому же, научные исследования проходили в сопровождении военного конвоя в небезопасных условиях. Поэтому эффективность сбора не всегда могла быть достаточно полной. Например, в ходе своих полевых странствий по Туркестану, начиная с 1857 г., Н. А. Северцов собрал, несомненно, весьма ценные герпетологические коллекции. Сборы, которые он передал в Зоологический музей Академии наук (ныне ЗИН РАН) согласно перечням, опубликованным А. М. Никольским (1915–1918), содержали 39 видов, в том числе четыре вида бесхвостых амфибий и 35 видов рептилий, включая два вида черепах, 21 вид ящериц и 12 видов змей. Это составляет около трети известной сейчас герпетофауны бывшей советской Средней Азии.

Однако стратегически Н. А. Северцов оказался прав, хотя степень изученности, например, герпетофауны Средней Азии он явно переоценил. Через полтора десятилетия новая генерация зоологов-герпетологов, главным образом А. М. Никольский и Я. В. Бедряга, заменившие А. А. Штрауха, опишет множество новых видов туркестанских амфибий и рептилий, собранных именно путешественниками (например, Н. М. Пржевальским). Однако с наибольшей полнотой герпетофауна Средней Азии будет изучена в советское время благодаря усилиям уже непосредственно самих герпетологов, в том числе благодаря специалистам, живущим и работающим в этом обширном регионе.

Неподведенные итоги

Помимо рассмотренной выше, почти одновременно, 16 (28) июля 1882 г. Н. А. Северцов написал еще одну докладную записку президенту Императорской Академии наук и одно-

временно министру внутренних дел (интересное сочетание! — Л. Б.) графу Д. А. Толстому (1823—1889) о проекте издания полной сводки по зоологии Туркестана, которая должна была бы «<...> содержать сведения о всех видах животных, какие только известны в Средней Азии. <...>. Сверх того, новое издание должно содержать и общую зоологическую характеристику края, основанную на *зоографической* обработке отдельно каждого класса животных и затем всей фауны. Этот общий зоографический отдел, имеющий большое научное значение, обрабатывается совершенно вновь» («Н. А. Северцов», 1958, с. 246—247; курсив оригинала — Л. Б.). Предполагалось, что работа будет распределена между различными специалистами. Так, намечалось, что А. А. Штраух напишет разделы «Для классов пресмыкающихся, амфибий и рыб <...>», а также «для класса зверей <...>» (там же, с. 247).

Для финансовой окупаемости этого фундаментального издания Н. А. Северцов предлагал треть тиража напечатать по-русски, а «<...> две трети на каком-нибудь международном языке — немецком или французском <...>», поскольку главный доход с издания предвиделся из-за границы (там же, с. 248). «Такое научное предприятие будет вечной славой академического президентства Вашего сиятельства», — так несколько витиевато закончил свою записку Н. А. Северцов (там же, с. 249). Однако поддержки от Академии он не получил.

Новый проект заметно отличался от предыдущего, который в 1879 г. был поддержан К. П. Кауфманом, тем, что на этот раз он ограничивался уже только зоологией. Дело в том, что из запрошенных тогда 30000 рублей 25000 ушли на издание геологической сводки Г. Д. Романовского (1830—1906) и И. В. Мушкетова (1850—1902). Таким образом, геологи, раскритиковавшие издательские замыслы Северцова именно в области геологии, как раз и получили почти всю запланированную

тем сумму. Пять же тысяч рублей были получены после нескольких напоминаний со стороны Н. А. Северцова лишь в 1881 г., т. е. с задержкой на два года, и были потрачены им, по его же признанию, не совсем по прямому назначению (на издание трудов Ферганской экспедиции).

Через два дня, 18 (30) июля 1882 г. Н. А. Северцов опять пишет письмо туркестанскому генерал-губернатору М. Г. Черняеву, к которому прилагает цитированную выше записку в Академию о новом издании. Кроме того, он выдвигает еще одно предложение «<...> — все по части исследований Туркестанского края — устроить в Ташкенте отдел Географического общества, как в Сибири и на Кавказе <...>. Дело полезное и возможное, хотя в теперешнее время требует некоторой ловкости — не моей — а П. П. Семенова, которого и позондирую. <...>. Расход казны пустой — $2\frac{1}{2}$ тысячи [рублей] субсидии, но в ней могут отказать, если не так взяться» («Н. А. Северцов», 1958, с. 250).

Таким образом, даже находясь в весьма сложном финансовом положении и в «подвешенном» состоянии со службой, Н. А. Северцов думал прежде всего о крупных, перспективных делах науки, о продолжении изучения любимого им Туркестана.

В 1884 г. вице-председатель Географического общества П. П. Семенов[-Тян-Шанский] вновь написал несколько писем, в частности в военное ведомство, относительно назначения пенсии Н. А. Северцову «за его выдающиеся научные заслуги». Так, в сентябре того же года после консультаций Совет общества, «<...> озабоченный тем, чтобы многообразные путешествия Северцова принесли свой плод для науки <...>» «с усерднейшей просьбою» возбудил ходатайство о назначении действительному статскому советнику Северцову пожизненной пенсии в 1500 рублей в год и единовременного пособия в 1000

рублей «<...> на обработку собранных им материалов» (Золотницкая, 1953, с. 161). Советские биографы отмечали, что, к сожалению, ходатайство успеха не имело, в чем они видели проявление пороков царского режима.

Однако, судя по архивным документам военного ведомства, ситуация с Н. А. Северцовым была несколько иной. Очередной туркестанский генерал-губернатор Н. О. Розенбах (1836—1901), еще в мае 1884 г. отвечая П. П. Семенову, что «<...> в существующих законах не имеется специальных правил для назначения пенсии за заслуги не служебные <...>» (вероятно, намек на научную деятельность Северцова!), тем не менее обратился с просьбой к военному министру о назначении пожизненной пенсии «<...> вне правил и не в пример прочим в размере годового оклада жалованья, т. е. по 1500 руб.» («Н. А. Северцов», 1958, с. 252).

14 (26) октября 1884 г. действительный статский советник Н. А. Северцов был уволен в отставку, формально по «расстроеному здоровью», а не по сокращению штатов, как предполагалось в канцелярии губернаторства еще в 1882 г. Таким образом, он сумел продержаться в должности еще два года, о чем и просил предыдущего генерал-губернатора М. Г. Черняева. Пенсию ему, действительно, назначили в размере 1500 рублей в год, как просил П. П. Семенов-Тянь-Шанский и в его лице Географическое общество, вместо 750 рублей, положенных по закону (там же, с. 254). Любопытно, что в формуляре для расчета было указано, что «в действительной службе» Н. А. Северцов находился 23 года 5 месяцев 26 дней (на 1 января 1884 г.), в походах и сражениях не был, в домовом отпуску, в отставке и в плену у неприятеля не был (!). 22 декабря 1884 (3 января 1885) г. генерал-губернатор Н. О. Розенбах подписал аттестат о службе, выданный 57-летнему Северцову после его увольнения. Долгая околовоенная

карьера знаменитого зоолога и географа в Туркестане официально закончилась.

Нелепая смерть

В 1885 г. Н. А. Северцов привез жену и сына Алексея на рождественские каникулы в Петровское. 26 января (7 февраля) этого года он заехал к своему соседу генералу В. М. Стрижевскому, чтобы вместе отправиться в Воронеж, куда Северцов собирался отвезти некоторые свои рукописи. После обеда, в сумерках они выехали из усадьбы на станцию Лиски. При переправе через реку Икорец недалеко от ее впадения в Дон лед не выдержал, коляска попала в воду и утонула вместе с лошадьми и вещами. Северцова удалось вытащить на берег, и его первым вопросом было «Где портфель?». Стрижевский стал подбадривать его, говоря, что надо идти, иначе он погибнет. Последними словами Н. А. Северцова были: «Погибать, так погибать». Видя, что тот идти не может, Стрижевский вынужден был оставить его на берегу вместе с кучером, а сам с максимальной быстротой пошел к ближайшему населенному пункту, откуда вскоре прибыл экипаж с людьми. Однако Николай Алексеевич был уже мертв, хотя с момента аварии прошло не более полутора часов. Полагают, что он умер от паралича сердца, вызванного резким переохлаждением при внезапном погружении в ледяную воду (Райков, 1959, с. 70). Коляску и портфель с рукописями вытащили на следующий день. Похоронили Н. А. Северцова в Петровском.

Трагическая преждевременная кончина Н. А. Северцова, полного творческих сил и научных замыслов, приступившего к завершению своих главных, как он предполагал, трудов, потрясла научное сообщество как в России, так и за рубежом. Многие издания поместили некрологи. Географическое общество «исхлопотало правительственную ссуду в 5000 рублей на обработку и публикацию его сочинений. Оставшиеся необрабо-

танными коллекции Н. А. Северцова были приведены в порядок его учеником М. А. Мензбиром и переданы в Академию наук в Петербург. Мензбир же подготовил и издал в Санкт-Петербурге рукопись Н. А. Северцова «Орографический очерк Памирской горной системы» (1886 г.). В начале этой толстой книги был помещен текст памятной речи М. А. Мензбира, произнесенной им «в годичном собрании Императорского Московского Общества Испытателей Природы, 13 октября 1885 г.».

В заключение мне хочется привести несколько примечательных фраз из этой уже не раз цитированной речи. В них весьма выпукло вырисовывается цельность личности Н. А. Северцова, этого выдающегося ученого, одного из самых талантливых и энергичных, по словам М. А. Мензбира, представителей науки и России.

«<...> С первого шага своей жизни и до последняго Н. А. оставался верен себе, верен идеалам и целям, намеченным им еще в юности. Это был человек сильного характера, вечно сосредоточенный на определенных мыслях, человек не знавший, что значит отступать от раз принятаго решения. Он поставил своей ближайшей задачею изучить нагорную Азию, связать ея фауну с фаунами других частей палеарктической области, и работая с замечательным упорством в течение почти тридцати лет, довел свое дело до конца, хотя неожиданная смерть и помешала ему издать результаты своих исследований под своим личным наблюдением <...>. Биология вообще, конечно, могла ожидать от Северцова еще очень многого, но уже и сделаннаго им достаточно, чтобы доставить почетную известность не одному ученому. <...>».

<...>. Пускай же его образ останется вечным памятником безкорыстнаго служения науке и отчизне, и пускай, следуя по его стопам, создаются и вырабатываются новые исследователи.

Только подобные силы обеспечивают будущность России, ея значение, ея место среди цивилизованных стран земного шара, только подобные ученые обеспечивают будущность науки» (Мензбир, 1886, с. XVIII—XIX).

Л. Я. Боркин*

ВОСПОМИНАНИЯ

«В июле месяце неожиданно приехал в нашу Маркоиллу Николай Алексеевич Северцов. Он был близко знаком с нами еще до своей поездки в Среднюю Азию и своего плена у коканцев. Он любил беседовать с моей матерью, а нас детей, иногда занимал рассказами старых легенд и сцен из жизни зверей; последние показывают его наблюдательность и характерное отношение к животным; не могу не привести хоть одного из них. «Рисуя с натуры в зверинце, — рассказывал Н. А., — я особенно подружился с одной тигрицей; она постоянно играла со мной: возьмет в рот мою руку и перебирает зубами между пальцами, — это их любимая забава. Ну, а когда зрителей много, тут она начинает сама представление давать: ляжет на спину, схватит мою руку и, как котенок, пинает ее четырьмя лапами, вскочит, зарычит, бросится на меня, схватит руку, кусает, пустит и опять, будто с ожесточением, схватит, и все не больно». — «Как же вам не было страшно?» — «Я по глазам вижу, с кем из них и когда можно играть. Пока они кусают, это ничего: а вот как когти покажут, это уж нехорошо. Вот было с одним молодым тигром: ему дали мясо, я стал отнимать, он тянет к себе, а я не пускаю; это ему надоело, он положил лапу на мою руку, выпустил когти, уколол меня и опять спрятал, — дескать, мое терпенье к концу приходит, берегись, брось. Ну, я и воспользовался советом».

*Работа выполнена по гранту РФФИ 02-06-80391.

«Когда Н. А. возвратился в Петербург, история его плена была на устах у всех, он стал героем дня, все желали воспользоваться его знакомством; он бывал запросто у великой княгини Елены Павловны и в очень многих домах, но не изменял нам, напротив, большую часть свободного времени проводил у нас. Иногда мы ходили к нему в Академию наук смотреть его коллекции и рисунки птиц, поразительно хорошо исполненных им акварелью.

Незнакомых с ним близко людей Северцов поражал странностью своих манер и наружностью, которую многие называли страшной. Н. А. действительно не был красив, а раны; полученные при взятии в плен, еще более обезобразили его лицо глубокими рубцами. Голову держал он всегда вниз и смотрел через очки; ходил, приподняв плечи и как-то бочком; говорил громко, отрезывая слова и вставляя в речь азиатские словечки, вроде «джок», «дакжан» или присущие ему одному выражения: «отнюдь», «линия такая», «похоже, как уксус на колесо». Войдет, бывало, в гостиную и, издали завидев книжку журнала, ни с кем не здороваясь, с возгласом: «А у вас уже есть» — садится читать, как будто он один в комнате*. Особенно смущалась публика способом беседы Северцова. Дело в том, что Н. А. часто в разговоре долго обдумывал заинтересовавшие его взгляды собеседников и, по поводу их, прослеживал свою собственную мысль: замолчит, задумается, щиплет свою бороду и вдруг после долгого времени вытянет руку со скрюченными пальцами и выпалит своим зычным голосом: «джок», или: «а это, ведь, верно» — когда разговор уже успел перейти на десять новых тем. Происходило это у него не от медлительности мышления, а потому, что чужое слово тут же зарождало в нем целые потоки возражений, выводов, которые он должен был развить и

* Читал Северцов все, даже детские книжки; он говорил, что во всякой книге можно найти что-нибудь полезное.

сгруппировать сам в себе, прежде чем сообщить слушателям. Вообще, он как бы въедался в какую-нибудь мысль и иногда продолжал развивать еще и на другой, и на третий день.

Мне Северцов никогда не казался «безобразным» или «страшным», — напротив, я любила его выразительное лицо, освещенное пронизательными умными темными глазами, а его, так называемое, «оригинальничанье», его обособленность от других людей, привлекало меня к нему.

Мне приходилось впоследствии слышать, что эти «чужачества» Северцова были деланы, были позой. Я не думаю. Может быть, в молодости он когда-нибудь и хотел замаскировать свою природную застенчивость и неловкость некоторым оригинальничаньем, — это иногда бывает, — но в то время, когда я знала его, он решительно не позировал, оригинальность вошла в его плоть и кровь, она не изменялась на какие моменты его жизни, даже я тогда, когда причиняла ему неудобства или страдания; а что это случалось не раз, — мне доподлинно известно.

Своей рассеянностью Северцов давал повод к бесчисленным анекдотам, распространителем которых являлся, главным образом, Щербина. «На днях, — рассказывал он, — у нашего общего знакомого вдруг в три часа ночи звон. Он вскакивает с постели, бежит в переднюю, думает — пожар, — а это Северцов. «А я, — говорит, — к вам посидеть пришел». — «Нет уж, Николай Алексеевич, не угодно ли полежать». А вы слышали, как он в Москве в чужое окно влез? Нет? Помилуйте, истинное пришествие. Когда он жил в Москве, он имел обыкновение поздно возвращаться домой, и, чтобы никого не беспокоить, влезал в свою комнату, в окно, через низенькую крышу на двор. Вот он поехал в Азию, был в плену, успел там несколько раз жениться, растерять своих жен и вернулся, наконец в Москву. И вот, раз, поздно ночью, отправляется по старой памяти

на свою прежнюю квартиру, лезет по знакомому пути через крышу в открытое окно и преспокойно собирается лечь в постель, как вдруг с нее раздается: «караул». — Ведь, чуть не до смерти испугал нового жильца. А то, зашел в церковь к иконостасу сигару закурить, ей богу. Видит огонь». Неистошим был Щербина в подобных рассказах, а Северцов смеялся от души и сам еще прибавлял. Впрочем, он не оставался в долгу и сочинял на «Элина из Таганрога» много эпиграмм. Часто они по вечерам, сражались эпиграммами друг с другом. Северцов очень свободно владел стихотворной формой.

Некоторые черты не совсем нравились мне в Северцове, но они ступшевывались перед крупными его достоинствами. В нем было много благородства, чуткости, истинной доброты; его душа всегда понимала чужую душу, в тяжелую минуту он всегда умел найти то слово, которое одно и могло принести утешение. Он умел делить не только чужое горе, но и чужое счастье, а это — очень редкое явление: пожалуй ближнего в горе могут многие, но бескорыстно и искренне делить чужую радость умеют только очень хорошие люди. И ребенком, и взрослой, я никогда не боялась высказывать Н. А. свои мысли и чувства, — я знала, что он все поймет и не осудит напрасно.

Н. А. ничего не надо было растолковывать, — он понимал с полуслова и даже разъяснял вам самим вашу мысль, придавая ей такую рельефную форму, какую вы бы сами не сумели ей придать. Когда же он собирался со своими размышлениями, он говорил увлекательно. Наполнявшие его голову мысли развивались по мере того, как он говорил, все богаче и богаче, вбирали в себя все новые элементы, раскидывались массой подробностей, неожиданностей, пугали разнообразием, подавляли эрудицией и, наконец, сливались в выводы общие и ясные. Образование, память, знание языков были послушными слугами большому и острому уму Северцова, уму, равно способному

как на кропотливую работу, так и на широкое обобщение. Память у Н. А. была феноменальная: он мог сказать не только где, но часто на какой странице бог знает как давно прочитанной книги он видел такое-то изречение или такую-то фразу.

В эту весну 1859 г. Северцов собирался ехать в путешествие, и мы думали, что он находится уже где-нибудь в Азии, когда он вдруг явился к нам в Финляндию. Мы обрадовались, но удивились. «Линия такая вышла», отвечал он и, взглянув на меня, прибавил: «вот, я и приехал к птичке, которая лучше всех птиц и Средней Азии, и Музея Академии наук». Вечером он читал нам описание своего плена, дополняя статью живыми рассказами». (Историч. библиотека, т. X, Москва, изд. «Сфинкс», без года, стр. 199 — 204).

*Е. Ф. Юнге**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

(«по делу об определении магистра Северцова преподавателем в звании доцента при Московском университете»)

«Члены факультета, принимая в соображение, с одной стороны, существующие постановления о доцентах, а с другой — личность г. Северцова, известного всем им с самого поступления в университет, прежде всего, единодушно изъяснили свое убеждение относительно ученых достоинств г. Северцова и заключающиеся в следующем:

Г. Северцов всегда отличался необыкновенным трудолюбием и склонностью к глубокому и подробному изучению избранного им предмета; члены факультета всегда ожидали от него весьма полезного деятеля в области естественных наук,

Печатается по изданию: Дементьев Г. П., 1940. Николай Алексеевич Северцов — зоолог и путешественник (1827–1885). — М.: МОИП, с. 45–47.

как относительно исследования вопросов теоретических, подлежащих кабинетным соображениям, так и относительно указаний отдельных характеристических явлений при собственном его наблюдении в определенной сфере естествознания.

Относительно же педагогических его способностей, необходимых для публичного преподавания, члены факультета, изъявили некоторые сомнения; не находя в его предшествовавшей деятельности достаточных ручательств, на основании которых можно было бы ожидать от него, как от преподавателя, больших успехов.

Представляя на благоусмотрение Совета и высшего начальства вышеизложенные свои соображения, факультет имеет честь изъяснить, что в настоящее время он не может еще постановить окончательного заключения об этом, потому что г. Северцов не представил еще новой диссертации *pro venia legendi*, которая требуется постановлением об определении особых преподавателей в звании доцентов.

При сем прилагается и прошение г. Северцова. 25 ноября 1855.

Декан Михаил Спасский».

(Это постановление Совета физико-математического факультета вызвано поданным Северцовым 22 ноября 1855 г. прошением о зачислении его доцентом по кафедре зоологии. 16 декабря 1855 г. Совет Университета признал возможным предоставить Северцову звание доцента «в уважение его ученых достоинств», но сделал оговорку, фактически отменяющую или откладывающую проведение в жизнь этого решения, поскольку было признано необходимым, чтобы Северцов «озаботился изготовлением диссертации *pro venia legendi*»)*

*Печатается по изданию: Дементьев Г. П., 1940. Николай Алексеевич Северцов — зоолог и путешественник (1827—1885). — М.: МОИП, с. 41—42.

ВОСПОМИНАНИЯ

Яркий и исключительно своеобразный облик Николая Алексеевича Северцова глубоко на всю жизнь врезался в мою память со времени моих детства и отрочества, когда я начал встречать Северцова в комнатах моего отца, всегда для нас, его старших детей, доступных.

Н. А. Северцов был очень некрасив, и при крупном росте и массивной сутулой фигуре наружность его для детей была прямо устрашительна. Впечатление усиливалось не изгладившимися в течение всей его жизни следами его боевой схватки с кокандцами, в которой он не погиб только благодаря своему мужеству и богатырской натуре: его лицо было в шрамах, а одно ухо осталось рассеченным. Он не только не маскировал эти изъяны, но охотно показывал интересующимся свое разрубленное ухо. И мы, дети, подходя к нему ближе, уже не боялись его.

Движения Н. А. Северцова были всегда очень медленными. Говорил он необыкновенно медленно и протяжно, подобно бою старинных стенных часов, и при этом своеобразно картавил, так что каждый, рассказывавший о Северцове (а рассказов и анекдотов о нем было множество среди всех, побывавших в Туркестане), старался воспроизвести оригинальный его говор.

Стиль наружности Н. А. Северцова стал мне ясен только тогда, когда я увидел в 1888 г. на базаре в Ташкенте старого узбека, как две капли воды похожего на Николая Алексеевича; разница была только в глубоко вдумчивом взгляде глаз Северцова, в его длинных волосах и очках, которые он носил постоянно. Очевидно, Средняя Азия, с которой он так сроднился, наложила на него свою печать.

При такой наружности Северцов, несомненно, и оригинальничал. Все встречавшиеся с ним у туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана, жившего в Ташкенте почти по-царски, подтверждали это. И в Петербурге 1860-х и 1870-х

годов Северцов оригинальничал. Так, в свои наезды в столицу (а бывали эти наезды обыкновенно зимою: летом Н. А. работал в экспедициях) Северцов ходил по улицам Петербурга в громадной диковинного вида дохе, прикрывавшей иногда военную форму, которая была ему присвоена, как состоявшему при туркестанском генерал-губернаторе и участнику многих военных походов. Северцов со своим обликом типичного ученого, при своих очках и длинных волосах имел в этих случаях вид совершенно невероятный и останавливал на себе общее внимание. Вольное его обхождение с военной формой, которую он надевал только по необходимости (при официальных представлениях и проч.), подчеркивало его независимые склад, образ мыслей и положение свободного ученого.

Отличаясь, как многие ученые, большой рассеянностью, Северцов дал материал для множества о себе анекдотов, способствовавших его популярности в Туркестане. Анекдоты о Н. А. Северцове любили рассказывать В. Ф. Ошанин, И. В. Мушкетов, А. М. Вилькинс, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Б. Л. Громбчевский, Н. Н. Каразин и многие другие*.

Я отчетливо помню Н. А. Северцова с начала 1870-х гг. В эти годы во время своих зимних наездов в Петербург, где он всегда работал в Зоологическом музее Академии наук и в библиотеке Географического общества, он часто бывал у моего отца и нередко, не застав его (отец часто бывал всецело поглощен общественной и государственной деятельностью), по несколько часов подряд просиживал никем не замечаемый за книгой в комнатах отца, пока сам себя не выдавал каким-нибудь метким и умным заключением на протекавшие мимо него проявления повседневной жизни дома; на какие-нибудь хозяйствен-

* С большинством из названных путешественников Северцова связывали дружеские отношения, а с геологом И. В. Мушкетовым и художником Н. Н. Каразиным — еще и совместная работа в экспедициях (прим. Р. Л. Золотницкой).

ные распоряжения, мимоходные восклицания и проч. В этих случаях Северцов со своей своеобразной дикцией бывал для нас истинным оракулом...

Так как отец мой бывал в те годы днем обыкновенно сильно занят или разъезжал по разным общественным делам (Северцов с грустью в эти годы говаривал: «Ну, теперь Петр Петрович для науки потерян!»), отец щедро уделял ему время обыкновенно только за обедом или непосредственно после него. Вот тут-то и происходили интереснейшие повествования Северцова и обмен между ним и моим отцом мнениями по вопросам географии Средней Азии...

Около 1873 г. на меня, в то время еще ребенка, громадное впечатление произвели таблицы рисунков, главным образом, птиц, к большому труду Северцова «Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных». Н. А. Северцов был превосходным рисовальщиком, его исполненные в красках рисунки, вместе с таблицами зверей, птиц и гадов, которые предназначались для труда Пржевальского «Монголия и страна Тангутов» и которые приносил на показ моему отцу сам автор, предопределили мою профессию — зоологию и зоогеографию. Решающую же роль играли, конечно, повествования и Северцова, и Пржевальского. Рано ознакомился я и с первым большим трудом Н. А. Северцова, посвященным природе средней полосы России, «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии». И труд этот остался не без благотворного влияния на зарождавшуюся во мне любовь к природе и ее изучению. В память этого я позже сделал три скромных посвящения памяти Н. А. Северцова, назвав его именем три новых вида жесткокрылых насекомых: *Iphenarica* (вид, открытый самим Северцовым близ нижнего течения Сырдарьи), *Dorens* (единственного известного жука-олени из гор Туркестана) и *Carabus* (жужелицу из горной области озера Куку-Нор, бывшего меч-

тою и Северцова, и Пржевальского и достигнутого впервые последним). Сам Пржевальский посвятил Северцову вид рябчика, живущий в горах недалеко от Куку-Нора и в Тибете.

Незабвенен для меня и следующий случай из жизни Н. А. Северцова. Во время нахождения его в Петербурге в 1879 г. в связи с его участием в VI Съезде русских естествоиспытателей и врачей, Северцов познакомился с гостившим в то время в столице известным исследователем рыболовства в России, сотрудником академика К. Э. Бэра Н. Я. Данилевским, автором только что появившегося тогда историко-политического очерка «Россия и Европа». Данилевский подготавливал в это время свою, позже сильно нашумевшую критику учения Дарвина, в которой, как человек всегда сильно увлекавшийся, зашел, несомненно, слишком далеко. Н. А. Северцов как убежденный дарвинист выступил его рьяным противником и, посетив Данилевского в доме, где гостил последний, горячо поспорил с ним целую ночь напролет, к немалому ужасу хозяйки дома.

Картину эту надо дополнить еще тем, что Данилевский всю ночь курил трубку на длинном черешневом чубуке, а Северцов — папиросы из какого-то специфического табака странного запаха. Столкновение двух выдающихся умов, обладавших при том же громадной эрудицией, оставило неизгладимый след в памяти свидетелей этого научного турнира.

Главным недостатком Н. А. Северцова были его рассеянность и некоторая беспорядочность. Они нередко налагали печать незаконченности на его научные труды, в особенности на их оформление. Но эти внешние недостатки работы Н. А. Северцова находят себе оправдание в его кочевом в течение 25 лет образе жизни. Запоздание в описании Северцовым некоторых его замечательных открытий, как, например, серпоклюва (*Falcirostra Kaufmanii*) [ныне *Ibidorhyncha struthersii* — Е. Д. (ред.)] и так называемого индийского, на самом деле

горного, среднеазиатского, гуся (*Anser Skorniakovi*) [сейчас синоним *Anser (Eubabeia) indica* — Е. Д. (ред.)] объясняется тем, что Николай Алексеевич, проживая годами в Туркестане, не мог следить за английской научной литературой по Индии.

Во время своих многочисленных среднеазиатских экспедиций Н. А. Северцов, проявляя свою широкую научную подготовку и широкие взгляды, производя географические исследования до него неведомых площадей, собирал всех представителей фауны, начиная с главной своей специальности — позвоночных животных и кончая моллюсками и, насколько позволяло ему время, насекомыми. В частности, он привозил П. П. Семенову среднеазиатские сборы насекомых также и других лиц, например А. А. Кушакевича, Фетисова и других. Усердно собирал Н. А. Северцов и растения, что оставило свой плодотворный след во флористических работах наших ботаников (Борщова, Регеля, Гердера, Бунге)*.

Давая свой отзыв о первой крупной работе Северцова «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии», увенчанной по этому отзыву одной из главных премий нашей Академии наук, академик А. Ф. Миддендорф,

* Комментарии Р. Л. Золотницкой:

Аполлон Александрович Кушакевич (1822—1882) — полковник, начальник Ходжентского уезда (ныне Ленинабадская обл.), любитель-ботаник и зоолог; собрал ценные зоологические, в частности энтомологические, коллекции горных районов Средней Азии и значительный гербарий среднеазиатской флоры, хранящийся ныне в Ботаническом институте АН СССР; был одним из участников экспедиции Северцова на Памир в 1877—1878 гг.

А. М. Фетисов — ученый-садовод, заведовал «каменным садом» в г. Верном (Алма-Ата), в 1878 г. путешествовал по Кульджинскому району, где собрал обширный гербарий, основная часть которого была передана им Петербургскому ботаническому саду.

Илья Григорьевич Борщов (1833—1878) — ботаник и химик, профессор Киевского университета, знаток среднеазиатской флоры; участник экспедиции Северцова 1857—1858 гг. к низовьям Сырдарьи.

Эдуард Людвигович Регель (1815—1892) — академик, директор Ботанического сада в Петербурге, исследователь флоры Сибири, Дальнего Востока и Туркестана.

знаменитый исследователь Сибири, а позже и Туркестана, выдвинул Северцова как выдающегося натуралиста-наблюдателя и тем своевременно обратил на него внимание Академии наук. Это было еще в середине 1850-х годов. Позже, в 1870-х годах, Н. А. Северцов, получивший ученую степень магистра зоологии за только что названную работу, был увенчан родным ему Московским университетом почетной степенью доктора зоологии за свой многолетний труд «Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных». Кроме того, он получил несколько премий нашего Географического общества, золотую медаль в Париже и приобрел широкую известность за границей. Естественное место Н. А. Северцова было, казалось, среди членов нашей Академии наук, но всеильная тогда немецкая партия не допустила Северцова в среду Академии, как она несколько позже не допустила туда и нашего великого химика Д. И. Менделеева...

Я видел последний раз Н. А. Северцова в нашей семье зимою 1883—1884 гг., незадолго до его трагической гибели. Он был в то время еще полон творческих сил и строил новые планы научных работ. Его постигла та же участь, что и другого замечательного путешественника, талантливого исследователя природы Средней Азии, Алексея Павловича Федченко, также трагично погибшего в еще более раннем возрасте...

*А. П. Семенов-Тянь-Шанский**

Фердинанд Эмильевич Гердер (1820—1896) — ботаник-библиограф, систематик растений, в 1856—1892 гг. — консерватор и библиотекарь Ботанического сада Академии наук. Александр Андреевич Бунге (1803—1890) — естествоиспытатель, путешественник, профессор Казанского и Тартуского университетов; знаток флоры Алтая, Ирана, Монголии и Китая.

Александр Федорович Миддендорф (1815—1894) — академик, орнитолог, путешественник, исследователь Сибири, Новой Земли, Исландии, Дальнего Востока и Средней Азии.

* Печатается по статье из журнала «Природа» (1980 г., 4).

«В ПЛЕНУ У КОКАНЦЕВ»

ПИСЬМО Н. А. СЕВЕРЦОВА

«Форт Перовский, 1858. 29.V. Вот и опять я, слава богу, свободен и на русской земле, толстый друг мой, а домой прямо писать об этом не смею как-то: нужно писать и о плене; пишу через тебя.

Попался я, где не чаял и не гадал, верстах в трех от отряда, 26 апреля и попался оттого, что командовать не сумел; отчего мои 3 казака сробели. Я застрелил коканца¹, заграждавшего мне дорогу, а три других меня нагнали, изрубили голову и схватили. Дело в том, что эту шайку вел самый отчаянный наездник здешняго края, Дацан, теперь в коканской [кокандской, коканцы = кокандцы — Е. Д. (ред.)] службе, и мы еще не знали всей меры его дерзости. Меня посадили на лошадь и привязали ноги к стремянам (ноги и теперь болят); на другое утро Дацан велел меня развязать, дал лошадь попокойнее, и так 26 мы приехали а Джаны-Курган, где мне отвели особую кибитку и Дацан приставил ко мне меньшого брата, немного знающего по-русски (как и он сам), приказавши ему доставлять мне всякие удобства, чего ни спрошу. Там я отдохнул двое суток; потом ночевал у Дацана в ауле, а 30 апреля повезли меня в Туркестан, тихо и давая часто отдыхать, во уважение ран; 2 мая я туда прибыл и был сдан туркестанскому беку. Там, как и прежде в Яны-Кургане, меня спрашивали; но о состоянии линии ничего точного не узнали; я утверждал, что она в лучшем порядке, гарнизоны сильны, а точное их число не знаю. Всего более интересовало их узнать, не против ли них идет Александр Андреевич², я отвечал, что ничего подобного не слышал,

¹ В чем в Коканских землях постоянно отпирался; очевидцев не было.

² Генерал Александр Андреевич Катенин, оренбургский генерал-губернатор (прим. С. Ю. Липшица).

и что он только думал осмотреть наши владения; но что они сами вызывают неприязненные действия, захватывая мирных русских на русской земле, что безнаказанно остаться не может. Так я говорил и в Яны-Кургане, и в Туркестане, и еще из Яны-Кургана коканцы дали знать нашему начальству куда меня девали: что, как сейчас расскажу, привело к моему освобождению.

В Туркестане меня выпросил взять на свое попечение бывший там пленный русский, давно уже под страхом смерти принужденный поступить в коканскую службу: он заботился обо мне, как об родном, и справил мои раны, которые начали было портиться и отчасти угрожали гангреной; теперь все заживают. Надежды на освобождение мне подавали очень мало; напротив, в первую неделю коканцы пытались обратить меня в мусульманство, но после нескольких отказов наотрез оставили в покое. Неприятностей за эти отказы мне не было никаких, и я встречал общее участие. Изранивший меня коканец был, как я слышал, наказан.

Между тем, поднялись киргизы, кочующие на Каратау и у его подошвы, и осадили Туркестан; их было более 20000. Коканского гарнизона 1500. Коканцам пришлось тесно.

Во время осады, в глухую полночь с 10 на 11 мая, в мою хату (я занимал тогда особый домик в 2 комнаты, а после перешел к своему медику) взошло несколько коканцев, видавших со мной и прежде, разбудили меня и заговорили все вдруг; я ничего не понимал. Достали переводчика, моего медика, и объяснилось дело: коканцы приходили с известием, что получена бумага от Осмоловского, требование меня освободить, и что меня действительно освободят. Вскоре было получено и другое известие: что ген. [генерал] Данзас пошел к Джулеку, и если там не получит скорого и удовлетворительного ответа, так пойдет и дальше. Это меня выручило, и до конца жизни я останусь неоплатно обязанным Данзасу и Осмоловскому. Тур-

кестанский бек хотел было освободить меня при заключении мира с русскими, то есть уговора с обеих сторон воздерживаться от неприязненных действий; но решительные меры нашего начальства заставили его согласиться на безусловное освобождение, что он и дал знать в Джулек через два почетных киргиз, коканского и отпускаемого из плена русского; а я, по его просьбе, дал им охранный лист. Отпустить меня он обещал тотчас по возвращении этих киргизов, которые назначались мне провожатыми в форт Перовский; что было исполнено, и я отпущен 21 мая; 18 он разбил киргизов, осаждавших Туркестан, и разогнал; но на обратном пути я узнал, что они опять собрались и осадили. При прощании, Туркестанский бек наговорил мне с три короба комплиментов и уверений в дружбе, звал к себе в гости, чтобы побывать там не ПЛЕННИКОМ, а тамыром (приятелем) бека, и разрешил ученые изыскания в своей области; но я не считал коканцов довольно надежными, чтобы воспользоваться этим позволением. Теперь, в тисках, они вертят лисьим хвостом, а поправившись легко могут слово нарушить; посему удовольствуюсь своим теперешним невольным посещением коканских владений, а сам уж туда не поеду. Мне снарядили телегу, когда-то оставленную в Туркестане русским прикащиком (верхом ехать я не мог), и 27 мая я прибыл в форт Перовский.

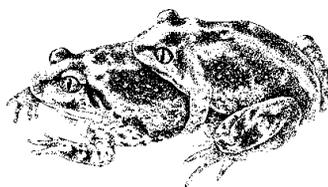
Плена моего, до объявления об освобождении, был 21 день, до отпуска 27, это небывалый пример, и по кратковременности, и по хорошему обращению коканцов с человеком, наотрез отвергающим их подданство и веру. Но пленивши меня, коканцы сами попали в тиски от киргизского восстания.

Нравственный результат плена для меня — это усиление ... (неразборчиво — Ред. [С. Ю. Липшиц — Е. Д. (ред.)]) и семейного чувства, сказать нельзя, как мне больно стало, что я из семьи все в лес смотрел. Теперь мне спокойствие наших

дорогих стариков дороже всяких исследований, и для этого-то спокойствия я думаю отказаться от экспедиции в дикие страны и жить для них, пока они живы. Предметы для исследования найдутся везде.

Так-то, толстый друг мой. Предоставляю тебе сообщить домой известие обо мне, теперь радостное, или это письмо в оригинале*. При мире с Коканом [Кокандом — Е. Д. (ред.)], теперь для меня здесь опасности нет. *Devotus tibi frater.*

*Н. Северцов**».*

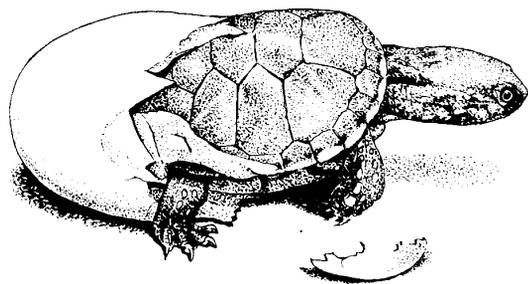
* Адресат не установлен (прим. С. Ю. Липшица).

**Печатается по изданию: Дементьев Г. П., 1940. Николай Алексеевич Северцов — зоолог и путешественник (1827–1885). — М.: МОИП, с. 43–45.

**АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
СЕРГЕЕВ**

1912–1943

Крупный отечественный эмбриолог Георгий Александрович Шмидт как то заметил, что работы А. М. Сергеева предвосхитили многие более поздние исследования. Так, например, значение исследова-

ний эмбриональных приспособлений известный американский палеонтолог А. Ромер отметил значительно позже Сергеева, предполагая, что яйцо амниот и провизорные органы зародыша, приспособляющие его к развитию на суше, были сформированы на начальных этапах эволюции рептилий, когда взрослые особи вели еще полуводный образ жизни. Однако выдающаяся роль А. М. Сергеева в науке до сих пор не оценена по достоинству. Более того, его имя мало что говорит большинству современных зоологов.

Алексей Михайлович родился 7 ноября 1912 г. в Москве. После смерти отца в 1921 г. он воспитывался в семье отчима, Николая Павловича Пахомова, искусствоведа, литературоведа и кинолога. Среда, в которой прошли детские годы А. М. Сергеева, привила ему интерес к изобразительному искусству и обусловила формирование у него хорошего литературного языка, что очень помогло ему в научной и педагогической деятельности. В детстве он изучал иностранные языки, что дало ему возможность рано познакомиться с фундаментальными трудами зарубежных ученых, изданными на основных европейских языках. Круг интересов Алексея Михайловича был очень широк. Он прекрасно знал русскую художественную литературу и уже к окончанию школы был человеком, эрудированным во многих областях знаний. Особенно большой интерес он с детских лет проявлял к живой природе: школьником стал наблюдать за птицами, зарисовывать их, собирать гербарий. В семье это увлече-

ние биологией поощрялось. Ему покупали книги, постепенно составившие собственную библиотеку, включающую сочинения Брэма, Мензбира, определители птиц. В доме постоянно жили рыбы, ежи, разнообразные птицы вплоть до сов и ястребов.

Естественно, что такое увлечение привело Алексея Михайловича в Кружок юных биологов зоопарка (КЮБЗ). Основные интересы кружковцев были сосредоточены на изучении биологии и особенностей поведения позвоночных животных*.

В 1931 г. Алексей Михайлович поступил на биологический факультет Московского университета.

Еще до поступления в университет Алексей Михайлович принял участие в длительной экспедиции на Дальний Восток, организованной Центральной научно-исследовательской лабораторией биологии и охотничьего хозяйства под руководством В. С. Стаханова. Основной целью экспедиции было выявление ресурсов охотничьей фауны в Южном Приморье, в Ханкайской низменности, на морском побережье и на островах залива Петра Великого. А. М. Сергеев совместно с А. Г.

* В КЮБЗовские времена А. М. Сергеев имел прозвище Кунька, которое фактически придумал себе сам. Вернее, как вспоминает К. С. Смирнов, находясь под впечатлением прочитанной повести Сетона Томпсона «Рольф в лесах», он хотел, чтобы домашние звали его именем старого индейца Куонеба — героя произведения. Но родственники Сергеева переделали это прозвище в более благозвучное для русского языка — Кунька. С этим именем он и появился в КЮБЗе, где быстро стал достаточно авторитетным и уважаемым кружковцем благодаря своей биологической эрудиции. Вместе с другими кюбзовцами он устраивал вступительные экзамены для новичков, которые порой длились до глубокой ночи. Жил в то время А. М. Сергеев на Сивцевом Вражке и часто бывал в зоопарке. Перестал появляться там лишь после сталинских арестов кюбзовцев 1934 г., когда уже учился в университете. Со второго курса установилась у него традиция прогуливаться с друзьями по ночной Москве и разговаривать на разные темы: от биологических до философских. Он был великолепным собеседником, «генератором идей»; как он сам говорил: «Ученые делятся на генераторов, трансформаторов и аккумуляторов. Генераторы рожают новые идеи, аккумуляторы их накапливают, трансформаторы преобразуют, иногда до неузнаваемости...» (Прим. Е. А. Дунаева по воспоминаниям К. С. Смирнова 1999 г.).

Банниковым изучал биологию енотовидной собаки, результаты этой работы были опубликованы. Богатая и разнообразная природа Приморья произвела сильное впечатление на молодого натуралиста и привила ему вкус к экспедиционным исследованиям. И уже после окончания первого курса в мае 1932 г. он принял участие в экспедиции, работавшей в бассейнах Мезени и Пинеги. Весной 1933 г. Алексей Михайлович вместе с другими студентами работал в Азербайджане по учету млекопитающих Закатальского заповедника. С начала июня до конца августа 1934 г. он участвовал в экспедиции, цель которой состояла в количественном учете млекопитающих и изучении их ареалов в Казахстане, в основном в бассейне р. Урал в связи с выявлением очагов инфекционных заболеваний, распространяемых грызунами. Алексей Михайлович в составе небольшого (три человека) экспедиционного отряда, в распоряжении которого была лошадь с повозкой, следовал по маршруту от Уральска до Гурьева. На этом пути отряд собрал большой материал, имевший важное значение для выявления источников распространения опасных заболеваний, а Алексей Михайлович смог близко познакомиться с биологией животных, обитающих в сухих степях и полупустынях, в том числе с экологией рептилий, особенно многочисленных и разнообразных в этом регионе. С этого времени рептилии стали одним из основных объектов исследований А. М. Сергеева. Эта полевая работа, проводимая Алексеем Михайловичем в разных ландшафтных зонах страны, позволила ему применить в разработке выбранной им темы комплексный подход, сочетающий сравнительно-анатомический и эмбриологический методы с экологическими и зоогеографическими наблюдениями. Этому способствовало и глубокое знание литературы по вопросам теории эволюции. Для дипломной работы Алексей Михайлович выбрал сложную и широкую тему, имеющую непосредственное

отношение к одному из кардинальных вопросов эволюционного учения — к вопросу о возникновении наземных позвоночных. Дипломная работа заслужила высокую оценку как исследование, соответствующее уровню кандидатских диссертаций.

Осенью 1936 г. Алексей Михайлович поступил в аспирантуру на кафедре зоологии и сравнительной анатомии позвоночных, руководимой Б. С. Матвеевым, с целью разработки темы «Эволюция приспособлений к наземному развитию у позвоночных». Для этого за время двух экспедиционных сезонов, проведенных в Марыйском оазисе (Средняя Азия), и за три года лабораторных исследований был собран огромный материал. В результате его обработки молодой ученый опубликовал за 1939—1941 гг. несколько статей.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук была представлена в срок и успешно защищена в апреле 1940 г. Ученый совет Московского университета квалифицировал работу как исследование на уровне докторской диссертации, и Алексею Михайловичу Сергееву была присвоена степень доктора.

Столь успешная подготовка молодого ученого определилась не только его выдающимися способностями, но и большой организованностью в работе, трудолюбием и необыкновенной памятью.

Еще будучи аспирантом, Алексей Михайлович начал вести педагогическую работу. В течение двух последних лет аспирантуры он подготовил и успешно читал студентам курс лекций по биологии амфибий и рептилий. Здесь ярко проявился его педагогический талант. Вокруг него стали группироваться студенты, под его руководством они приступили к самостоятельным исследовательским работам.

Алексей Михайлович был одаренным художником-иллюстратором. Его рисунки, воспроизведенные в учебных таблицах,

до сих пор служат пособиями при чтении ряда курсов на кафедре зоологии позвоночных животных. Исследовательской и педагогической работе на кафедре Алексей Михайлович отдавал все свое время. Уже после мобилизации в 1941 г. он писал с прифронтовых позиций своему учителю Б. С. Матвееву: «Дорогой Борис Степанович! Уже несколько дней нахожусь в резерве. Живу в прекрасных условиях и чувствую себя хорошо. Беспокоит меня только мысль о том, что на кафедре я оставил множество недоделанных дел: неупорядоченную библиотеку, курс и т. д. Также и руководимые мной студенты остались теперь без надзора. Вы их приголубьте — это хорошие ребята. Всем нашим коллегам на кафедре — горячий привет. Желаю всего хорошего, а Вам спасибо большое еще раз за все, все, все хорошее, что Вы для меня сделали. Ваш Алеша. 16.8.1941 г.». Это было одно из последних писем Алексея Михайловича.

Короткая, но целеустремленная и плодотворная жизнь Алексея Михайловича Сергеева является ярким примером глубокой любви и преданности избранному делу.

*Е. А. Бабурина,
Ю. А. Исаков,
Н. Н. Пахомова**

ПАМЯТИ А. М. СЕРГЕЕВА

Имя и научное творчество Алексея Михайловича Сергеева едва ли знакомо широкому кругу исследователей нынешнего поколения. А между тем, за свою короткую 30-летнюю жизнь (погиб в 1943 г. в Усольском лагере, куда попал после выхода из

* Печатается по изданию: Бабурина Е. А., Исаков Ю. А., Пахомова Н. Н., 1982. Памяти Алексея Михайловича Сергеева — выдающегося зоолога (1912–1943). — Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 87, вып. 4.

окружения под Киевом) он оставил заметный след в отечественном естествознании. Сейчас, когда мы восстанавливаем добрые имена наших предшественников, случайно или умышленно сокрытые от нас на долгое время, научная деятельность А. М. Сергеева представляется особенно наглядной и поучительной.

Как это обычно бывает, интерес к природе, и особенно к зоологии, был у А. М. Сергеева врожденным. И хотя его родители, искусствоведы по образованию и профессиональной деятельности, мало чем могли помочь сыну в его страсти, но его интерес к биологии поощряли. Впрочем, наверное, именно родители привили ему неутолимую жажду знаний, научили читать книги на трех языках.

Ведь отец Алексея Михайловича был по образованию историком, а в зрелые годы — известным искусствоведом, оставившим крупные аналитические работы по римским собраниям античной скульптуры, живописи Леонардо да Винчи, монографию о Донателло, провел исследование собрания рисунков Александра Иванова, блестяще разобрался в древнерусском искусстве. Михаил Сергеевич Сергеев был первым директором Оружейной Палаты Кремля в советское время.

Незаурядным человеком была и мать А. М. Сергеева*. Выпускница Высших женских курсов по отделению гуманитарных наук, она стала первым послереволюционным хранителем коллекции Музея новой западной живописи. Ее перу принадлежат переводы ряда книг по истории живописи, в том числе «Дневник Делакура» и «Переписка Манэ». Правда, справедли-

* Со слов Т. Н. Дунаевой (по воспоминаниям К. С. Смирнова) родственником А. М. Сергеева по материнской линии был Н. И. Вавилов, который был женат на сестре его матери — Татьяны Михайловны Пахомовой. Сергеев поддерживал с ним дружеские отношения и в зрелые годы — советовался с Вавиловым, например, по поводу изучения влияния ультрафиолета на развитие яиц амфибий (прим. Е. А. Дунаева).

вости ради, следует сказать, что А. М. Сергеев не был излишне опекаем родителями и рано приучился жить самостоятельно.

Как и многие его московские сверстники той поры, А. М. Сергеев стал членом знаменитого КЮБЗа — кружка юных биологов зоопарка, руководимого тогда П. А. Мантейфелем. Но уже в дневниках 6—7-го классов школы, написанных пока еще неустойчивым детским почерком, становятся заметны особые качества их автора — пристальный интерес ко всем природным явлениям (фенологии, поведению животных, следам их жизнедеятельности), четкое изложение фактов (помеченных порядковыми номерами) и педантично обособленный от них собственный комментарий, стремление дополнить описание выразительными лаконичными рисунками. В переписке с замечательным, выдающимся зоологом — Александром Николаевичем Формозовым — проступает уже солидная начитанность А. М. Сергеева, богатый — иначе не скажешь — опыт собственных наблюдений (это в тринадцать-то лет!), по-особенному старомодно-учтивая форма обращения к учителю («...лицу себя надеждой...», «...узнать у Вас наверное...», «...не будете ли Вы любезны сообщить...»). Чуть позже почерк приобретает такую же каллиграфическую гармоничность, «как у Формозова», а рисунки становятся близнецами зарисовок учителя. Естественно, и все же...

В одном из писем А. М. Сергеев просит А. Н. Формозова объяснить, чем отличаются следы, оставленные на песке галкой, сорокой и вороной. Почему-то невозможно представить себе современного мальчишку, способного задать такой вопрос, как невозможно представить себе нынешнего профессора, способного на него ответить. Другие традиции, другие интересы, другая культура...

Свою первую научную работу по биологии енотовидной собаки на Дальнем Востоке А. М. Сергеев выполнил и опубли-

ковал еще школьником. В студенческие годы (1931—1936 гг., Биологический факультет Московского университета) он работал в составе экспедиционных отрядов на севере — в бассейнах рек Мезени и Пинеги, на юге — в Азербайджане и в бассейне р. Урал, где, помимо обогащения своего зоологического опыта, всегда тяготел к решению проблемных задач: закономерностям географического распространения животных, принципам существования природной очаговости некоторых опасных зоонозных инфекций, приспособлениям животных к существованию в неблагоприятных условиях. Именно это последнее направление и стало определяющим в его последующей научной деятельности.

Еще путешествуя по низовьям Урала, А. М. Сергеев заинтересовался эмбриональными приспособлениями у рептилий, обеспечивающими выживание потомству этих животных в жестких экологических условиях пустыни. Собранный для дипломной работы материал на эту тему получил более широкую теоретическую проекцию, связанную с проблемой происхождения наземных позвоночных животных в целом. Естественным образом сформировалась и диссертационная тема аспиранта А. М. Сергеева — «Эволюция приспособлений к наземному развитию у позвоночных». Помимо огромного фактологического материала, который был накоплен собственноручно А. М. Сергеевым за три года аспирантуры, поражает действительно замечательная эрудиция этого совсем еще молодого человека. Хорошо владея основными европейскими языками, А. М. Сергеев сумел «просеять» опубликованные данные по эмбриологии, сравнительной анатомии, экологической физиологии и эволюции представителей практически всех ведущих семейств амфибий и рептилий в объеме фауны мира. Может показаться, что разговор о «научном наследии» А. М. Сергеева, оставившего всего около двух десятков опубликованных работ, — преувеличение, экзальтация друзей, поклонников и учеников. Но эти работы действительно

замечательны, оригинальны и совершенны. Они — «наглядное пособие» для тех, кто вступает в науку 50 лет спустя.

Судьба рукописи, представленной к защите в качестве кандидатской диссертации оказалась несколько необычной, хотя, наверное, и достаточно характерной для тех теперь уже далеких драматических лет.

Уже в конце июня 1941 г. А. М. Сергеев, проводивший тогда зоологическую практику на Звенигородской биостанции под Москвой, был призван в действующую армию, воевал на западном направлении, вышел из окружения и... оказался заключенным ГУЛАГА. А его довоенная диссертационная работа тем временем была единодушно оценена Ученым советом Биологического факультета МГУ как докторская диссертация, и ее автору, умиравшему в Усольском лагере от дистрофии*, заочно присудили ученую степень доктора биологических наук и текст диссертации опубликовали в 1943 г. — в год гибели ее 30-летнего автора.

Подготовка рукописи к печати была осуществлена без участия А. М. Сергеева. Рукопись редактировал и издал в виде книги «Эволюция эмбриональных приспособлений рептилий (к филогении приспособлений к наземному развитию у позвоночных животных)» университетский учитель и наставник А. М. Сергеева — профессор Б. С. Матвеев. Книга вышла в свет в 1943 г. Мало кто знает теперь эту книгу — ведь ее тираж был всего 3000 экземпляров — вряд ли она могла дойти в военное время до большинства библиотек. Да и официальная реабилитация автора, несмотря на все усилия жены,

* По сведениям К. С. Смирнова, Алексей Михайлович повесился в концлагере, куда его упекли после выхода из окружения. Жернова сталинской репрессивной машины фактически сломали этого замечательного человека. В 1970 г. имя реабилитированного Сергеева было выбито золотыми буквами на университетской Доске почета (прим. Е. А. Дунаева по воспоминаниям К. С. Смирнова 1999 г.).

друзей и Б. С. Матвеева так и не состоялась, а значит, и распространение книги не было излишне настойчивым. Об этом приходится только сожалеть. По своим, прежде всего, теоретической значимости, богатству ассоциаций, четкости изложения, безупречности доказательств; наконец, по своим композиционной соразмерности, логичности и совершенству языка эта работа безусловно наделена чертами классического произведения, созданного в традициях лучших образцов научных публикаций. Тонкая наблюдательность и усердие, превосходная аналитическая работа, корректность и весомость доводов — все в этой книге создает впечатление блестящего «показательного выступления» мастера.

Эта книга — своего рода образец постановки сложной, многоплановой и теоретически важной научной проблемы и блестящего ее решения на основе четких причинно-следственных зависимостей. Есть и другое важное обстоятельство.

Обычно в реконструкциях батрахо- и рептилиоморфов (наземных четвероногих) основное внимание уделяется морфологическим различиям между потенциальными предковыми формами для рахитомной (амфибийной) и эмболомерной (рептильной) ветвями. Именно в этом ключе обсуждаются, например, эволюционные перспективы темноспондильных амфибий и антракозавров карбона. Однако, как утверждал еще в 1969 г. известный палеонтолог Р. Кэррол, морфологические различия между батрахо- и рептилиоморфами не играют решающей роли в диагностике и эволюционном становлении этих групп, а их главное отличие состоит в типе размножения. По сути дела, книга А. М. Сергеева сосредоточена именно на этом различии, хотя, на первый взгляд, в ней построен некий градиент перехода от анамниотического способа размножения к амниотическому на основе гомологии яйцевых оболочек, едином для позвоночных животных типе дробления, сход-

стве в этапах формирования зрелых яиц и запасенном в них питательном материале. Однако с самого начала А. М. Сергеев указывает на принципиальные особенности в строении, оплодотворении и развитии яиц амфибий с их проницаемыми для жидкостей и газов оболочками, небольшим объемом запасенных питательных веществ с преимущественным использованием белка и коротким периодом эмбрионального развития, за которым следует стадия свободноплавающей личинки. С этих позиций А. М. Сергеев видит специфику размножения амниот главным образом в «поглощении личиночной стадии эмбриональной», что неизбежно ведет к удлинению сроков развития эмбриона внутри яйцевых оболочек, а значит, и к необходимости формирования мегалецитальных клейдоических яиц с плотными оболочками. Необходимость создания амниона возникает как раз из-за механической прочности внешних оболочек, препятствующих развитию эмбриона амниот при отсутствии у них перивителлинового пространства. Замечательны аналогии на этот счет, прослеженные А. М. Сергеевым по представителям некоторых групп беспозвоночных, особенно членистоногих, также испытывающих иногда нужду в прямом развитии.

Даже на сегодняшний день, после многих десятилетий бурного развития описательной и экспериментальной эмбриологии, книга А. М. Сергеева производит впечатление чуть ли не справочника по эмбриональному развитию рептилий (особенно ящериц, змей и черепах) — настолько она насыщена детальными сведениями об особенностях построения их яйцевых оболочек, составе и квотах использования запасенных материалов у разных представителей анамний и амниот, стадиях развития амниона, формировании эмбрионального кровообращения и т. п. И все же самое замечательное в этой книге — это толкование различных подмеченных автором (или почерпнутых из литературы) морфологических деталей в функциональ-

ном и адаптивном плане, причем с блестящим подтверждением своих доводов до гениальности простыми и наглядными экспериментами. Взять хотя бы опыты с развитием яиц амфибий и рептилий в условиях искусственного нарушения целостности их внешних оболочек при решении вопроса об их облигатности. Да и весь строй книги, с ее безупречной алгоритмической структурой, ясным и логичным изложением, превосходным языком почти классической прозы прямо-таки завораживает, заставляя читать эту отнюдь не забавную книгу не отрываясь, «от корки до корки», — надо сказать, замечательная и, увы, почти утраченная традиция отечественной научной литературы.

Статья А. М. Сергеева «О происхождении живорождения рептилий (по данным зоогеографии)» была написана в том же 1940 г., что и диссертация. Характерно, что по своему строю, наглядности иллюстраций, обилию сопоставляемых фактов, логичности рассуждений и однозначности выводов, она в значительной степени повторяет (или предваряет?) качества и стиль диссертационной работы. По ее прочтении создается впечатление, что сама по себе затронутая в ней проблема не так уж и сложна. Но до сих пор еще никому не удалось выразиться на этот счет с такой же убедительностью. Здесь все дело в наглядности и чистоте доказательств. Характерно и другое. Кажалось бы, убедительно продемонстрировав на множестве примеров, что смысл задержки оплодотворенных яиц в половых путях самки сводится к оптимизации режима инкубации кладки за счет поведенческой терморегуляции матери, А. М. Сергеев мог бы пойти дальше и более широко обобщить эту идею. Например, объяснить стремление животных к живорождению как попытку наделить неспособное к перемещению потомство совершенным поведением родителей, что, в принципе, может избавить кладку (выводок) от любых опасностей. В своей статье А. М. Сергеев не раз вплотную подходит к такому обобщению.

нию, но все-таки не формулирует его окончательно. По-видимому, причина этого проста: подобный вывод был бы результатом чисто логических операций, которые невозможно подтвердить конкретными фактами. И, стало быть, доказательство не будет безупречным. А этого он позволить себе не мог.

Ознакомившись с работами А. М. Сергеева, можно невольно задаться вопросом: так к чему же все-таки больше всего тяготел Алексей Михайлович? В какой области биологических знаний оставил он наиболее значимый след?

Ответ будет очевиден, он был талантливым подвижником науки и его вклад наиболее весом в методологии. Наглядный тому пример — хотя бы небольшая, частная работа по предпочитаемым температурам у среднеазиатских ящериц. Высказывалось немало недоумений по поводу отсутствия видимой конкуренции у пяти близких видов ящурок, населяющих, в сущности, одни и те же биотопы в песчаных пустынях Туркменистана. Тщательными измерениями температуры тела этих видов в сопоставлении с суточным ходом температур воздуха и почвы А. М. Сергеев показал, что у каждого вида есть свой узкий предпочитаемый термический диапазон, занимающий на суточной (дневной) шкале времени всего 2—3 часа. Таким образом, ящурки, охотясь даже на одной и той же территории, используют ее ресурсы эшелонировано и практически не встречаются друг с другом в одно и то же время дня. А различия в спектрах питания, способах добычи корма и тому подобное играют второстепенную роль. Опять — замечательная наблюдательность автора, оригинальность в сопоставлениях, убедительность результатов.

Другой пример. Накопив огромный эмпирический материал по эмбриональным приспособлениям у амфибий и рептилий, А. М. Сергеев наглядно показал, что индивидуальное развитие организмов отнюдь не является «лояльным» повторением

филогенетической истории крупных таксонов и видов в рамках закона рекапитуляции. Напротив, эмбриональные стадии — равноценные участники эволюционного процесса, столь же подверженные действию естественного отбора, как и свободно живущие организмы. И они столь же тонко реагируют на «давление» внешней среды, хотя оно и может быть до известной степени опосредовано их эмбриональными оболочками. Здесь у Алексея Михайловича были сильные союзники — С. Г. Крыжановский, Г. А. Шмидт и другие.

Научное наследие А. М. Сергеева отчетливо указывает на одну характерную черту этого замечательного исследователя: он всегда избегал строить свои доводы на зыбкой почве недоказуемых гипотез, явно тяготея к однозначным фактам и строгим доказательствам. Вот почему во всех его работах в той или иной мере обязательно присутствует какая-либо количественная метрика — пропорции, изотермы, градусы, линейные, весовые или объемные единицы измерения. По этой же причине, думается, и была предложена им несколько неожиданная гипотеза о существовании «сперматофорного» механизма внутреннего оплодотворения у проамниот, опирающаяся на известный факт и выявленную им закономерность для хвостатых амфибий. Других подходящих фактов еще не обнаружено, а многочисленные предположения на этот счет — всего лишь упражнения «чистого разума», которых А. М. Сергеев не любил и всячески от них уклонялся.

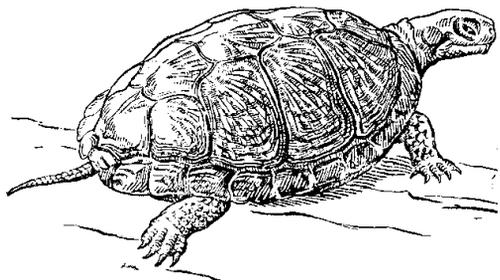
*Б. Д. Васильев,
С. Г. Васецкий**

* Печатается по изданию: Онтогенез, 1998, т. 29, 2, с. 133–134; Онтогенез, 1995, т. 26, 5, с. 400–402.

**НИКОЛАЙ ИПОЛИТОВИЧ
СОБОЛЕВСКИЙ**

1901–1975

История жизни Николая Ипполитовича Соболевского долгое время оставалась одной из загадочных страниц отечественной герпетологии. Он создал несколько оригинальных статей и одну великолепную монографию по фауне земноводных и пресмыкающихся (которые сразу стали заметными событиями в науке), описал два подвида ящериц и подвид узорчатого полоза, активно участвовал в сборе и обработке герпетологических коллекций Зоомузея МГУ. Но о личности исследователя, перипетиях его биографии и творческого пути многое оставалось неизвестным.

Даже в книге Крэга Адлера (Adler, 1989) по истории герпетологии среди немногих упомянутых московских герпетологов фамилия Н. И. Соболевского приводится без дат жизни с указанием лишь группы животных (Sauria) и региона (USSR), которыми он занимался как ученый.

Тем не менее, Николай Ипполитович принадлежал к очень известной на Руси фамилии, имеющей польские корни (смешанные, правда, с датской, немецкой, французской, а также с русской кровью). Представители этого достаточно древнего рода были знакомы со многими известными людьми прошлых эпох. Они дружили с семьей А. С. Пушкина и, возможно, неплохо знали лиц, тесно связанных с М. Ю. Лермонтовым. Говорят, что Иракий Андронников свою «Тайну Н. Ф. И.» («Н. Ф. И.» — инициалы Натальи Федоровны Ивановой, в которую безответно был влюблен М. Ю. Лермонтов и посвятил ей 30 стихотворений) разгадал не без участия семейства Соболевских.

Но первым неординарным представителем именитой фамилии Соболевских был прапрапрадед Николая Ипполитови-

ча лейб-медик Екатерины II Григорий Федорович. Он слыл хорошим врачом и выдающимся ботаником. А его книга «Flora Petropolitana» пользовалась в свое время большой популярностью, и автора часто уважительно называли «русским Линнеем». Когда же генералу Ланскому (видимо, предку мужа Натальи Николаевны Пушкиной) стало плохо со здоровьем, он просил пригласить для лечения именно Г. Ф. Соболевского.

Прапрадед Николая Ипполитовича — Петр Григорьевич прославил отечество как выдающийся химик, изобретатель порошковой металлургии (С. В. Плоткин, 1966. «Петр Григорьевич Соболевский», М.: Наука), а прадед Владимир Петрович основал Институт железнодорожного транспорта в Санкт-Петербурге (Институт инженеров путей сообщений), был его директором и профессором, служил действительным тайным советником, был генералом и инженером путей сообщения, членом Совета министров.

Дед и отец Николая Ипполитовича (Владимир Владимирович и Ипполит Владимирович) также стали активными участниками и организаторами строительства железных дорог в России.

Отец Н. И. Соболевского — Ипполит Владимирович родился 24.05.1853 г. в Санкт-Петербурге. 43 года своей жизни он отдал службе на железной дороге: работал старшим инженером для особо важных поручений в Мосбетстрое, титулярным советником, начальником Московского отделения службы пути Северной железной дороги, построил более 700 верст путей, провел проектные работы на 3000 верстах и т. д. Он принимал участие в проектировке, строительстве и эксплуатации многих железнодорожных участков (Камышинско-Уральского, Пермь-Котласского, Московско-Винданского, Новороссийского и др.) и мостов (Волжского в Батраках, Екатеринославского на Суре и Пьяне, через Днепр, Лузу, Хопер, Арзакас-

Шехранского и других в Вятской и Вологодской губерниях). В знак уважения его заслуг перед Россией 27 января 1903 г. Ипполиту Владимировичу был вручен «золотой жетон для бесплатного пожизненного проезда... по Московско-Винданской линии» железной дороги. А в старости Ипполит Владимирович получил даже персональную пенсию, правда, ее размеры были невелики, и он не мог обеспечить себе достойное лечение и переезд семьи в деревню на лето.

Мать Николай Ипполитовича — Софья Степановна (урожденная Островская) родилась 28.09.1869 г. в Борисоглебске Тамбовской губ. Она была любящей женой и матерью и часто летом вывозила детей отдыхать в деревню, в имения знакомых помещиков. Семья Соболевских вообще очень часто переезжала с места на место, не имея своего угла, что определялось, видимо, служебными назначениями Ипполита Владимировича.

Николай Ипполитович Соболевский родился 18 августа (по старому стилю) 1901 г. вблизи г. Череповец бывшей Новгородской губернии. Учился он в привилегированной гимназии в Москве и всегда с удовольствием летом уезжал с семьей за город. Так, например, известно, что в 1913 г. Николай Ипполитович гостил с мамой в имении князей Багратион-Мухранских в Новгородской губернии (недалеко от г. Любань) — именитых потомков грузинской правящей фамилии.

Коля Соболевский (12 лет) с матерью на даче у князей Багратион-Мухранских

Возможно, такие вылазки и стали причиной раннего интереса Николая Ипполитовича к природе и географии. Неизгладимые впечатления на него произвела поездка в Финляндию с родителями в 13 лет. И как результат — его первый опубликованный в печати очерк об этой стране.

С ранних лет Николай Ипполитович со всей серьезностью подходил к изучению природы. Читая биологическую литературу, делал выписки по интересующим его вопросам, связанным с биологией и распространением различных животных. Так, например, в семейном архиве сохранилась одна такая его записка об ареале пумы.

Пристальный интерес у него вызывали насекомые и пресмыкающиеся (змеи). Особенно восхищали Николая своей красотой и изяществом бабочки. Даже в старости, когда он говорил о них, его лицо преображалось доброй, прелестной улыбкой.

Увлечение энтомологией Николай Ипполитович пронес через всю свою жизнь. С детства он собирал энтомологические коллекции, причем этикетировал их чрезвычайно подробно, с учетом требований, предъявляемых к научным материалам. Свои детские коллекции, собранные еще до поступления в гимназию, он подарил внучатой племяннице — Наталье Алексеевне Шувахиной. Ее удивило стремление мальчика к чрезвычайно подробному указанию места сбора насекомых: на этикетке к мухе, например, он написал даже, что она была поймана «на левой ноге павшей лошади». Такая педантичность стала фактически чертой характера Николая Ипполитовича и не раз проявлялась позднее как в его научных трудах, так и в жизни.

Видимо, с 1907 г. семья Соболевских стала жить в Москве. В середине сентября 1910 г. родители Николая сняли квартиру в 1-ом Ильинском переулке (д. 7, кв. 4) на Пречистинке (позднее переулок был переименован в 1-ый Обыденский и причислен к Остоженке, потом менял названия на Бе-

зобразовский и переулочек Крыленко) у действительного статского советника, горного инженера Владимира Васильевича Яковлева. Потом эту квартиру им удалось, видимо, выкупить. Была она достаточно большой, имела пять комнат, два выхода (так называемые, парадный или светлый и черный), два ватерклозета, переднюю, ванну и комнату для прислуги. Соболевским полагалась также часть подвала с местом для дров и других технических нужд. В удостоверениях личностей родителей значилось, что, по крайней мере, до 1930 г. они жили на Остоженке, затем их местом прописки стала Черноградская улица (д. 31), а с 1939 г. они обосновались на Сходне. Но дети, видимо, продолжали жить на Остоженке.

Николай Ипполитович был младшим ребенком в семье. У него было еще два брата, Виталий и Георгий, и сестра Ольга. Георгий Ипполитович был энтомологом, и его сборы жуков из Русского Туркестана (1912–1913 гг.), переданные через В. Лучника, до сих пор хранятся в Зоологическом музее МГУ и в ЗИН РАН*. Во время Первой мировой войны Георгий Ипполитович (казак Кубанского войска) пропал без вести. 30 августа 1915 г. под Молодечно (в нынешней Белоруссии, Минская обл.) он, переодевшись в крестьянское платье, в сопровождении двух казаков отправился в разведку и не вернулся. Ольга Ипполитовна скончалась от туберкулеза, а с Виталием Николай Ипполитович до конца своей жизни жил в одной квартире на Остоженке.

Виталий Ипполитович стал известным геологом, доктором геологических наук, профессором, составителем геологического атласа СССР, а последние 15 лет работал в Алмазном фонде Кремля. Его комната сама по себе представляла чуть ли не минералогический музей.

* Сообщение А. В. Свиридова.

Николай и Виталий были полными противоположностями и по типуажу, и по характеру. Виталию Ипполитовичу «по наследству от французских предков» достались такие качества как жизнелюбие и вольтерьянство. Он закончил пажеский корпус в 1889 г. в Санкт-Петербурге, по протекции отца попал в горный институт, но не отличался прилежанием и час-тенько прогуливал занятия, возможно, и покутить был не прочь. Виталий Ипполитович был весельчаком по духу и ловеласом по натуре. Во время революции за свое социальное положение и, вероятно, неуемность характера его арестовали, и первая его супруга за драгоценности «выкупила» мужа («и комиссары берут взятки», — скептически говаривал Виталий), после чего они уехали из Питера.

Пожалуй, лишь одна черта действительно объединяла обо-их братьев — феноменальная память (медики таких людей называют эйдетиками). Так, например, Николай Ипполитович помнил число, день недели и даже погоду места того или иного случая в своей жизни.

Н. И. Соболевский был стройным и высоким человеком, с открытым лицом славянско-польского типа, голубыми глазами, мягким неторопливым голосом. Родственники описывают его внешность как «благообразно благолепную». Он вел себя как представительная личность, внушающая почтение и уважение, с внутренним достоинством. Ходил прямо, не спеша, со степен-ной улыбкой (брат же, Виталий, как положено антиподу — часто куда-то спешил). Когда он увлекался рассказами, голос его преображался, становился слегка дрожащим.

Николай Ипполитович обладал эдаким польским аристок-ратизмом в лице, немецким педантизмом, был православным че-ловеком, с догматической мировоззренческой позицией и утон-ченным ценителем прекрасного и изысканного (будь то бабочки, деревья или женская красота). Он хранил альбом фотографий

с изображением женских головок, говорил о том, что люди 19 века умели видеть и достойно оценивать женскую красоту, судя о фигуре, например, по облеганию платья, когда дама садилась на стул.

Николай Ипполитович и природу воспринимал как проявление божественной красоты, поэтому, например, даже несколько осерчал на Е. Н. Павловского за то, что в музее грандиозное чучело какого-то оленя тот распорядился передвинуть, а на его место поставить неэстетичных глистов. Н. И. Соболевский гордился тем, что не убил зазя ни одного животного — только ради науки. Поэтому причислял себя к избранным, которые обязательно попадут в рай.

Его комната существенно отличалась от комнаты брата и была обставлена отнюдь не современными предметами. Николай Ипполитович вообще дома жил прошлым (XIX) веком. Его кабинет-библиотека была святилищем, храмом, где он чувствовал себя среди книг и вещей славного прошлого своих предков. Не каждый мог посетить этот уголок. Даже некоторые родственники, с которыми он поддерживал вполне дружеские отношения, были допущены в эту комнату лишь после 10 лет общения.

Николай Ипполитович был аристократом и консерватором по духу, систематиком и статичным исследователем, не любившим теоретическую зоогеографию, но приходившим в неописуемый восторг от животного разнообразия разных природных зон.

Но вернемся к началу его творческого пути. После поступления в Московский университет Н. И. Соболевский увлекся изучением герпетофауны Алтая, Крыма и Подмосковья, но первой его работой стала книжка «Герпетофауна Тальша и Ленкоранской низменности. Опыт зоогеографической монографии», изданная 10 июня 1929 г. в Москве тиражом в 1000 экземпляров Зоологическим отделением Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), действительным

членом которого он состоял и при поддержке его членов осуществил свою поездку в Азербайджан. Было ему на момент путешествия, длившегося с 30 июня по 9 августа 1927 г., 26 лет (в экспедиционной картотеке архива Зоомузея МГУ есть короткая запись о том, что уехал он туда, будучи дипломником).

В состав экспедиции, кроме Н. И. Соболевского, входил переводчик (Теймур Рамазанов), «два проводника тальшинца и два вооруженных объездчика, сопутствующие в качестве охраны», что было совсем не напрасно, так как в Сев.-Зап. Зуванде и в верховьях р. Виляж-чай (куда, правда, Н. И. Соболевский так и не попал) кочевали отряды персидских разбойников, но и в других участках маршрута обстановка была неспокойной. Тем не менее, от селения Лерик он путешествовал без объездчиков и охраны.

Николая Ипполитовича в период этой экспедиции поджидали и другие сложности. Однажды, например, во время трудного горного перехода произошел обвал, в результате которого он чуть не погиб, а один из ящичков коллекции безвозвратно исчез в бурной реке, свалившись в ущелье более чем с 30-метровой высоты. И это далеко не все трудности, с которыми столкнулся молодой человек во время своего путешествия.

Сохраненные в этой поездке материалы Н. И. Соболевский передал в Зоомузей МГУ. Но созданию монографии еще предшествовал огромный труд по обработке не только собственных сборов, но и коллекций Зоологического музея Академии наук в Питере (куда он специально приезжал в декабре 1927 г.) и материалов Зоомузея МГУ. Предстоял тщательный анализ более 60 литературных источников, подробное ознакомление с герпетофауной соседней Персии и других территорий Закавказья, доклад о зоогеографии этих регионов (23 января 1928 г.) на заседании Зоологического отделения ОЛЕАЭ, кропотливая работа по изучению климатологии, гео-

ботаники и истории герпетологических исследований Ленкоранского уезда. Но эта книга — не только зоогеографическое эссе. Монография включает чрезвычайно подробное изложение изменчивости и биологии большинства исследованных видов. В ней он дал подробные описания маршрутов 16 исследователей XVIII — XX веков (при упоминании 33) и результаты их поездок, порой со списками собранных видов.

В итоге Н. И. Соболевским было создано поистине уникальное произведение, не потерявшее своей актуальности до сих пор. Даже при беглом взгляде на эту работу возникает уважение к ее автору, серьезно подходившему ко всем деталям исследования, тщательно и скрупулезно выверявшему и взвешивавшему буквально каждое употребляемое слово. Достаточно обратить внимание на аргументацию использования терминов (биологическая станция, а не стация), географических названий (Зуванд — согласно произношению местных жителей, а не Зувант — как встречалось у некоторых авторов прошлого; Тальшский хребет вместо Тальшинский; селение Розанова вместо Разано; Астанлы, но на пятиверстовой карте — Астанлу), а также границ ряда географических регионов (Передняя и Западная Азия) и т. д. Вот где проявилась педантичность характера, сформированная еще в детстве.

В июле 1928 г. Николай Ипполитович посещает Пицундский мыс в Абхазии и Сухуми, через год (в июне 1929 г.) совершает поездку в Бакинскую губернию (окрестности села Петропавловка в Сальском уезде), а еще через год — Елизаветпольскую губернию (территория современного Нагорного Карабаха), продолжая, таким образом, планомерное изучение герпетофауны Кавказа и собирая коллекции для Зоомузея МГУ. Эти материалы он будет использовать для ряда своих последующих публикаций, хотя работа в музее заставляет его обратить свое внимание и на другие зоогеографические регионы.

Уже в 1928 г. Н. И. Соболевский приступил к изучению южно-алтайской коллекции А. П. Разореновой (из селения Сенного на р. Бухтарма, территория современного Сев.-Вост. Казахстана), создал статью, в которой описал как аберрацию *Elaphe dione tenebrosa*. И опять очевидна серьезность для Николая Ипполитовича этой процедуры: из полутора страниц описания почти треть объема занимает обсуждение критериев термина «аберрация».

После окончания МГУ Н. И. Соболевский работал в Институте зоологии при I МГУ и занимался изучением герпетофауны Закавказья, Персии и Туркестана. В 1930 г. вышли еще две его статьи, как и предыдущая, в «Известиях Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете I МГУ». В одной из них он описал подвид луговой (*Lacerta praticola hungarica*, ныне *L. p. pontica*), а в другой — зеленой (*Lacerta viridis magnifica*) ящериц. Но на этом таксономические работы Николая Ипполитовича завершаются, и впоследствии он вплотную посвятил себя зоогеографии и педагогической работе.

Николай Ипполитович немало путешествовал, посетил многие заповедники страны (Кавказский, Беловежскую пущу, а в последние годы жизни несколько раз бывал в Хоперском заповеднике), где активно работал и одновременно отдыхал душой наедине с природой, величавой и прекрасной. Она для него была божественным храмом, а ее красота и гармония стали для Н. И. Соболевского главным в восприятии жизни.

В начале творческого пути Николая Ипполитовича в поездках по Кавказу сопровождала его первая жена (ее фамилии установить не удалось, но все ее звали баронессой Зиночкой). Второй брак Николая Ипполитовича был недолгим и неудачным. Жена была очень красивой женщиной, но как говаривал сам Соболевский, «предпочитала лежать на диване и курить,

поэтому я ее прогнал». Вообще Николай Ипполитович в душе признавал только церковный брак, хотя с третьей женой (Ольгой Федоровной) они были и венчаны, и официально расписаны.

В семейной жизни с Ольгой Федоровной (урожденной Ракутиной) Н. И. Соболевский был не столько мужем в обычном смысле, а скорее большим ребенком, требующим постоянного внимания и ласкового обращения. Ольга Федоровна очень любила своего мужа и трогательно называла Котенькой. Внешне она была обаятельна, женственна, с красивой фигурой и правильными чертами лица, синими глазами и темными волосами. Она происходила из саратовских крестьян (родом из Аркадака), закончила техникум, но качество образования в первые годы Советской власти на Руси было невысоким, и Николай Ипполитович частенько занимался ее обучением, что Ольга Федоровна воспринимала с удовольствием. С удовольствием она запоминала даже латинские названия бабочек. Супружеский союз этих людей в течение более 30 лет (с 1943 г.) был безупречным и взаимно счастливым.

С 1934 по 1966 г. Н. И. Соболевский преподавал и имел звание доцента Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской (МОПИ), опубликовав там (в 1954 г.) статью, посвященную фауне позвоночных животных Московской области. В 1935 г. он стал членом Московского общества испытателей природы. А в 1950 г. в «Большой Советской энциклопедии» вышло несколько его очерков, наиболее крупные из которых были посвящены описанию животного мира Белоруссии, Сев. и Юж. Америки, Африки и Альпийских гор.

Николай Ипполитович был знаком и сотрудничал со многими известными зоологами тех времен (Г. А. Кожевниковым, Б. М. Житковым, С. Ф. Царевским, Н. А. Бобринским, Г. Ф. Суховым), был дружен с крупнейшим отечественным герпетологом С. А. Черновым, известным гемиптерологом С. И.

Мальшевым, географом и картографом, членом-корреспондентом АН СССР Н. Н. Баранским, уважительно относился к И. С. Даревскому.

Николай Ипполитович был неординарной личностью во многих отношениях. Он зажигался сам и мог увлечь любую аудиторию своими всеобъемлющими знаниями по географии и зоогеографии. Слушать его было одно удовольствие. Особенно увлекательно он рассказывал о своих впечатлениях от природы Кавказа. Благодаря уникальной памяти практически любой географический пункт на земном шаре был ему досконально известен в мелких подробностях. Это был человек по истине энциклопедических знаний, которые отличались еще глубиной и точностью. Вероятно, поэтому Н. И. Соболевский был интересным и уважаемым лектором и педагогом. Правительство СССР наградило его за педагогический труд орденом Трудового красного знамени, правда, к Советской власти, в отличие от брата Виталия, он всегда относился отрицательно и до конца жизни в разделе анкет о принадлежности к партии, видимо, не без гордости писал: «беспартийный».

Личность Николая Ипполитовича была уникальной и в другом аспекте. Он жил как бы двойной жизнью. Как педагог и ученый на работе и как «реликт» прошлой монархической России у себя дома (вспомните обстановку его квартиры). Даже стилистика речи Н. И. Соболевского выдавала в нем заядлого приверженца монархии — не взирая ни на чье присутствие он всегда полностью выговаривал: «Его Императорское Величество Государь Император Николай Второй» или «Его сиятельство князь Феликс Юсупов». Он вообще, как вспоминает профессор В. А. Тряпицын, очень уважительно относился к этому родовитому аристократу — Феликсу Феликсовичу Юсупову (Сумарокову-Эльстон, 1887—1967), вошедшему в историю как активный участник покушения на Григо-

рия Распутина и женившийся на племяннице царя Николая, княжне Ирине Александровне.

Письмо Н. И. Соболевского известному герпетологу Луи Амедеевичу Лантцу, написанное в конце 1920-х годов и сохранившееся в семейном архиве, изобилует фразами типа «не откажите в любезности» (упоминается четырежды), «был бы Вам чрезвычайно благодарен» (дважды) и т. д., что также указывает на уважительно архаичную даже по тем временам речевую форму.

Николай Ипполитович был чрезвычайно эрудированным человеком. Он очень увлекался музыкой, особенно любил оперетты Ф. Легара, И. Штрауса, И. Кальмана и Д. Оффенбаха. Интересовался живописью и скульптурой, обожал различные безделушки. В небольшом шкафчике у него была собрана коллекция фигурок-миниатюр.

Но главный интерес для Н. И. Соболевского все-таки представляли книги. Он был завсегдатаем «Академкниги», посещал этот магазин регулярно, и его библиотека была чрезвычайно обширной. По центру комнаты-кабинета стоял стеллаж с книгами, протирку которых от пыли, как и уборку в кабинете, он никому не доверял.

Николай Ипполитович хорошо знал немецкий, английский и французский языки, свободно читал и изучал специальную литературу зарубежных авторов.

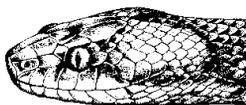
Это был человек чрезвычайно разносторонний знаний. Он написал на нескольких сотнях страницах серьезное исследование «История открытия, исследования и колонизации Центральной Америки. Историко-географический обзор», которое представлял как диссертацию, будучи уже кандидатом биологических наук. Эта работа так и осталась неопубликованной. Кроме того, родственники говорят, что у него еще была рукопись и о пиратах Карибского моря.

В конце своей жизни Николай Ипполитович увлекся астрологией. Как ни странно для ученого, но он верил в чудеса и с вдохновением рассказывал, например, о появлении Богородицы в Каире. «Чудо чудесное» — было его любимое выражение. Н. И. Соболевский обожал все мистическое, гадал на кофейной гуще, увлекался оккультными науками, спиритизмом (как-то даже «разговаривал» с Суворовым), верил в НЛО, которые рассматривал как космические аппараты пришельцев. Вообще он отличался способностью к сильному самовнушению, наивно верил в существование снежного человека, которого считал потомком обезьяны, а обычного человека (*Homo sapiens*) — сотворенным богом существом. Дарвинизм не признавал, но и крецианистом не был.

При этом Николай Ипполитович был глубоко верующим христианином, всегда молился на ночь, регулярно посещал близлежащий храм Иоанна Предтечи, был его прихожанином, помогал материально церкви и завещал отпеть его в своем приходе по высшему церковному канону. Он верил в загробную жизнь, но его представление о рае было нетрадиционным, считал себя принадлежащим к числу избранных для него.

Умер во сне в Москве 7 ноября 1975 г., фактически предсказав собственную кончину. Похоронен был на Ваганьковском кладбище в Москве, где в семейном склепе покоятся и его родители.

Семейные документы Н. И. Соболевского, сохраненные его пасынком (сыном О. Ф. Соболевской — Вячеславом Константиновичем Столяровым) переданы в архив Герпетологического общества им. А. М. Никольского и хранятся в Зоомузее МГУ.

Е. Я. Шувакина,
Е. А. Дунаев

**ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ
ТАЛЫЗИН**

1903–1980

Член-корреспондент Академии медицинских наук, Заслуженный деятель науки, профессор, паразитолог, герпетолог, педагог, путешественник, писатель, лектор, художник, певец, патриот Отечества — Федор Федорович Талызин родился 15 августа 1903 г. в забай-

кальском городке Нерчинске в семье преподавателей реального училища Федора Никандровича и Александры Петровны Талызиных.

Отец — Федор Никандрович был человеком с широким кругозором и богатым багажом знаний, очень любил природу и передавал эту любовь своим сыновьям. Младший сын, Федя, рос жизнерадостным, любознательным, рано начал рисовать, обнаружив при этом значительные способности. Федор Никандрович, сам краевед и коллекционер, пробудил в маленьком Феде интерес к истории родной страны, к литературе о научных открытиях.

В 1915—1918 гг. Федя учился в реальном училище г. Минусинск. Там преподаватель рисования учил Федю рисовать с натуры акварелью и карандашом, а затем и масляными красками. Картинами Феде были завешаны стены комнаты, где жили сыновья Талызиных. Еще в детстве Федя решил сделать рисунки, а затем написать текст книги. Когда ему было двенадцать лет, он придумал текст, а к нему сделал рисунки. И каждую свою последующую книгу Федор Федорович иллюстрировал собственными рисунками, фотографиями — с такой же любовью, с какой оформлял свою первую в жизни книгу.

В библиотеке отца юный Федя черпал сведения о разных науках, открытиях. В журнале «Природа и люди» он прочитал статью о французском ученом Луи Пастере, о созданной им

вакцине против бешенства, спасшей жизнь многим людям, укушенным больными животными. В журнале «Золотое детство» мальчик узнал о крупном русском ученом — профессоре Н. А. Холодковском, который был не только ученым, но и художником, музыкантом, поэтом.

Отец, Федор Никандрович, благожелательно относился к развивающемуся интересу сына в области естествознания, советуя поближе узнать особенности различных животных, условия их жизни, способы защиты от врагов. Федя стал брать в библиотеке книги, где рассказывалось о строении живых организмов; сам стал препарировать насекомых и собирать незатейливые коллекции. Проявился интерес к биологии. В 1916 г. Федор Никандрович, часто объезжавший с инспекционной целью сельские школы, взял с собой в поездку и сына Федю. В поездке возник разговор о цели в жизни, о планах на будущее. Федя высказался определенно: «думаю стать врачом-биологом, чтобы оказывать людям помощь в борьбе с заболеваниями и изучать те живые организмы, которые приносят страдания людям».

Однажды Федя, вместе с товарищами по училищу, пошел на прогулку в окрестностях Минусинска. В лесу одного из мальчиков случайно укусила гадюка. Федя был свидетелем тех мучений, которые претерпел укушенный, и стараний врачей, стремившихся всячески облегчить страдания мальчика. Этот случай еще более укрепил решение Феде стать тем, кто борется за здоровье, а порой и за жизнь человека. В разговоре с отцом Федя дал клятву юности — приложить все силы, чтобы стать биологом. С еще большими энергией, интересом и усидчивостью Федор стал читать специальную литературу; изучать животных, насекомых, зарисовывать их, чтобы в будущем со знанием дела готовить рисунки и препараты. Случалось ловить и змей, в том числе и ядовитых. В этих занятиях ему помогал и отец.

В 1922 г. Федор сдает вступительные экзамены на медицинский факультет Иркутского государственного университета (Иргосуна) и становится его студентом. В университете был сильный, преданный своему делу профессорско-преподавательский состав.

Заслуженный профессор Владимир Тимофеевич Шевяков преподавал зоологию, сравнительную анатомию и паразитологию. Студент Талызин с большим увлечением слушал его лекции, перерисовывал таблицы, висевшие на стенах, схемы и рисунки, которые по ходу лекции делал на доске профессор Шевяков. Имея навыки в рисовании, полученные в прежние годы, Федор Талызин предложил профессору Шевякову свою помощь в иллюстрации научных исследований. Его предложение после проверки возможностей и умения студента было принято. Таблицы, нарисованные умелой рукой Талызина, используются и по сей день в экспозиции музея Иркутского медицинского института, отпочковавшегося от Иргосуна. Вскоре студент назначается помощником препаратора, а в 1925 г. научно-техническим сотрудником кафедры. «Встреча с Владимиром Тимофеевичем Шевяковым и работа на кафедре оставили неизгладимый след на всю мою жизнь; это он научил меня кропотливому труду, заинтересовал меня паразитологией, привил любовь к науке», — писал в одном из своих дневников Ф. Ф. Талызин.

В 1927 г., когда был закончен последний курс медфака, профессор Шевяков предложил Талыzinу остаться на кафедре аспирантом и заняться вопросами паразитологии, в частности попытаться найти на Байкале у местных жителей паразита — почти неизвестного вида малого лентеца, упомянутого в «Руководстве к практической паразитологии человека» профессора Е. Н. Павловского в 1924 г. В течение нескольких месяцев молодой врач оказывает медицинскую помощь жите-

лям о-ва Ольхон, находит там экземпляры упомянутого лентеца, одновременно обнаруживает и тщательно изучает ранее неизвестного паразита, дает ему описание и название. Впоследствии оказалось, что это было открытием, и новый вид паразита человека (лентец узкий) был назван по латыни в честь его первооткрывателя.

После окончания аспирантуры Ф. Ф. Талызин включился в практическую противоэпидемиологическую работу. Он попал в отряд по борьбе с чумой, передаваемой тарбаганами, ее очаги обнаруживались в разных местах Ачинской степи Забайкалья. Ф. Ф. Талызин был включен в отряд по рекомендации В. Т. Шевякова — как врач-биолог. Вспышка чумы среди населения была предотвращена. Итоги работы экспедиции с иллюстрациями Ф. Ф. Талызина были опубликованы в научных журналах тех времен. Работа в противочумном отряде дала Федору Федоровичу практические навыки противоэпидемиологической работы, которые не раз потом потребовались и были полезны ему на жизненном пути, особенно в годы Великой Отечественной войны на Северо-Западном фронте, как начальнику санитарно-эпидемиологического отряда, а также в Иране и Ираке, где пришлось бороться с возникшими там очагами чумы. Рисунки, выполненные Ф. Ф. Талызиным в Ачинской степи, были переданы им Противочумному музею в г. Иркутске.

В 1930 г. Ф. Ф. Талызин стал ассистентом кафедры, где ранее он был аспирантом. По совместительству он был принят также младшим научным сотрудником Восточно-Сибирского биолого-географического научно-исследовательского института в Иркутске. В то время возникла необходимость обследовать районы Братска и Илимска в связи с намечавшимся освоением этих мест и наплывом больших масс людей. Из этих регионов поступали сигналы об обнаружении там комаров-анофелесов — пере-

носчиков малярии. Биолого-географический институт направил туда экспедицию, в состав которой вошел и Ф. Ф. Талызин. По материалам экспедиции места в районе городов Братска, Бельска и Усть-Илимска, где были обнаружены возможные источники заболевания малярией, нанесли на карту. Отчет экспедиции с картой и рекомендациями, где надо провести работу по уничтожению личинок переносчиков болезни, были представлены ученому совету института. Эти данные позволили в дальнейшем избежать заболевания малярией строителей ГЭС в Братске, Иркутске, Красноярске и около Усть-Илимска.

В 1933 г. Ф. Ф. Талызин прошел по конкурсу и был приглашен на работу в Ленинград во Всесоюзный институт экспериментальной медицины. Руководство отделом паразитологии этого института было поручено профессору Е. Н. Павловскому. Ф. Ф. Талызин возглавил лабораторию отдела паразитологии, которая должна была заниматься изучением ядов змей и приготовлением противоядной сыворотки.

Еще в Иркутске, весной 1933 г., Ф. Ф. Талызин был направлен в тайгу Красноярского края, в район р. Маны в Вост. Саянах. Там у местных жителей возникло заболевание сыпным тифом, вспышки которого приходились на весну. Переносчика тифа не могли обнаружить. Ф. Ф. Талызин выяснил, что весной на деревьях было большое количество клещей, но затем они внезапно исчезли. Предположение о том, что переносчиками могли быть клещи было сообщено в Красноярский отдел здравоохранения. В Ленинграде Ф. Ф. Талызин поделился своими соображениями с Е. Н. Павловским, и в Красноярский край ранней весной была направлена экспедиция паразитологов, подтвердившая правильность предположения. Переносчиками вируса сыпного тифа действительно оказались клещи, сосавшие кровь больных грызунов и передававшие болезнь местным жителям. В мае же клещи уходили

Ф. Ф. Талызин с желтопузиком в Туркмении (1933 г.)

в почву до будущей весны, а заболевания прекращались. Так была раскрыта загадка природно-очагового заболевания в Красноярском крае.

Для выполнения задач, стоящих перед лабораторией по изучению ядов, нужны были ядовитые змеи и их яд. Е. Н. Павловский поручает сотрудникам лаборатории выехать на юг среднеазиатских республик для сбора змей. В мае 1934 г., подготовив снаряжение для ловли ядовитых животных, Федор Федорович выехал в горы Таджикистана, где поймал первых своих кобр, гюрз, гадюк и скорпионов. Поиски змей были продолжены в Туркмении, в Фирюзинском ущелье.

У горы Маркоп, что означает «много змей», также были пойманы кобра, гюрзы, гадюки и даже редко встречающаяся кошачья змея. На остатках древнего города Термеза, на месте археологических раскопок было поймано еще несколько ядовитых змей.

Сначала в Ленинграде, а затем в Москве, куда в ноябре 1934 г. был переведен отдел и часть института, названные Всесоюзным институтом экспериментальной медицины (ВИЭМ) им. А. М. Горького, Ф. Ф. Талызин продолжил работу по изучению свойств ядов змей и их воздействия на живые организмы. В последующие годы экспедиции за змеями были продолжены на территории Средней Азии и Кавказа. В Сухуми был построен «змеиный питомник» — серпента-

рий, предназначенный для содержания в нем ядовитых змей в условиях, близких к естественным. Кроме Ф. Ф. Талызина в экспедициях за змеями участвовали также ленинградские профессора П. П. Перфильев, С. А. Чернов и другие. Позже Ф. Ф. Талызиным была создана книга «За ядовитыми змеями по югу СССР», выпущенная в 1939 г. в Москве. Все рисунки и заставки к ней были выполнены самим автором.

По совокупности ранее выполненных и опубликованных научных работ Ф. Ф. Талызину в июне 1935 г. была присуждена ученая степень кандидата биологических наук.

Ученики Е. Н. Павловского и он сам овладели методикой взятия яда у змей в склянку с натянутой сверху тонкой резиновой пленкой. Змея, прокусив эту пленку, выделяла через каналы ядовитых зубов капельки смертоносной жидкости, стекающей на дно склянки. Жидкий яд высушивали в термостатах. Опытами было установлено, что сухой яд кобры не теряет своих свойств даже после 25 лет его хранения. Сотрудники лаборатории работали над созданием противоядной сыворотки. Высушенный змеиный яд вводили порциями лошадям и пони, иммунизируя их. А затем получали сыворотку. В результате длительной и кропотливой работы удалось приготовить очищенную от посторонних белков сыворотку. Ф. Ф. Талызин вместе со своими сотрудниками опубликовали целый ряд научных статей о физико-химических свойствах ядов змей, скорпионов, жаб, сохраняющих свои действия после многих лет содержания в сухом виде.

Одновременно с изучением действия ядов Ф. Ф. Талызин продолжал тему влияния на человека других организмов, вызывающих заболевания — кишечных паразитов, комаров, переносчиков малярии, клещей, других насекомых и микроорганизмов.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Федор Федорович решил на собственном опыте проследить как

реагирует человеческий организм на заражение глистным заболеванием с самого первого дня его возникновения. Для этого он проглотил с мякишем хлеба две финки цепня невооруженного и стал вести дневник наблюдений за своим организмом. Через некоторое время опыт пришлось прервать — началась Великая Отечественная война. «Действие паразитических червей на функции пищеварительного тракта» — так называлась книга Ф. Ф. Талызина, вышедшая уже после войны, в 1949 г.

Уже на следующий день после сообщения о войне военврач второго ранга Ф. Ф. Талызин, с двумя шпалами в петлицах, вел осмотр мобилизуемых в приемной комиссии военкомата, а 23 июля 1941 г. воинская часть, в которой теперь служил ученый военврач, была направлена на Северо-Западный фронт. Об этом времени в валдайской районной газете «Ленинский путь» позже Федор Федорович писал: «Валдай, Яжелбцы, Лычково, Пола, Старая Русса — это дорогие моей памяти места. Именно здесь прошли многие месяцы нашей тревожной молодости. Здесь мы получили фронтовую закалку, которая выручает и по сей день».

В августе 1941 г., во время одного из воздушных налетов на пос. Лычково, Ф. Ф. Талызин был ранен в голову и контужен, но вскоре вернулся к исполнению своих обязанностей в части. В октябре 1942 г. старший офицер Ф. Ф. Талызин был награжден боевой медалью «За отвагу».

Были и неожиданные встречи на фронте. Однажды ночью, когда Ф. Ф. Талызин руководил погрузкой раненых в санитарный поезд, он в темноте услышал знакомый голос того, с кем в молодости пели дуэтом множество раз. Это был М. А. Панкратов, ученик академика Л. А. Орбели, живший в Иркутске, затем в Ленинграде, прибывший с поездом для приема раненых. Узнали друг друга в ночной тьме по голо-

сам два певца-военврача. А потом встретились уже после Дня Победы!

Во время войны были случаи применения немцами биологического оружия путем распространения различных заболеваний среди населения, заражения пленных туляремией, вирусами тифа и других болезней. Ф. Ф. Талызин, имевший уже опыт борьбы с подобными заболеваниями, возглавлял санитарно-эпидемиологический отряд (СЭО) Северо-Западного фронта. В задачи отряда входила борьба с возможными случаями возникновения эпидемиологических заболеваний, работа по изоляции людей, могущих быть источником заболеваний среди бойцов и местного населения. В лесах строились лазареты, изоляторы, дезбани. Проводилась дезинфекция одежды, организовывались банно-прачечные пункты, велась борьба с грызунами и насекомыми, велась разъяснительная профилактическая работа.

Тогда Федор Федорович не вел дневники, но делал многочисленные зарисовки, где были запечатлены постройки СЭО, панорамы поля боя, окопы, освобожденные от врага и разоренные им города и села. Большинство своих фронтовых рисунков Ф. Ф. Талызин передал в Военно-медицинский музей Вооруженных сил в г. Ленинград, а также в Рижский музей истории медицины им. П. Страдыня.

В поэме А. Твардовского о Теркине говорится словами ее героя, что и на войне нужны песни. Обладая прекрасным голосом и слухом, общительным характером, Ф. Ф. Талызин активно участвовал в концертах самодеятельности фронтового армейского коллектива, за что был уважаем и любим товарищами. Он всегда старался поддерживать высокий боевой дух и боевое настроение солдат. Высокого роста, стройный, подвижный, легкий на подъем, с гладко выбритой головой, он был душой братства медиков своей армии. Один из фронтовых поэтов посвятил Федору Федоровичу такие стихи:

Он сочетал в себе талант:
Певец, художник, музыкант,
И, выступая в любой роли,
Способен даже на гастрولي.

Известен в ЭПах, ППГе,
На складах, ПАХах и ИГе,
Он всеармейский модный лев —
Наш уважаемый Ф. Ф.!

Всегда галантен, выбрит гладко,
Но мучит нас одна загадка —
Не может дать никто ответ:
Блондин он, рыжий иль брюнет?

Северо-Западный фронт, 1943 г.

Стихи эти сохранились в одном из дневников Ф. Ф. Талызина, с пояснением, что ЭП — эвакуационный пункт, ППГ — подвижной полевой госпиталь, ПАХ — полевое аптечное хозяйство, а ИГ — инфекционный госпиталь. Увы! Фамилия автора стихов не сохранилась.

В конце войны некоторые части нашей армии, в том числе и Северо-Западного фронта, были переброшены на территорию Ирана. Подразделение, в составе которого служил Ф. Ф. Талызин, базировалось в г. Реште, у южной оконечности Каспийского моря. Задача СЭО была та же — предотвращение возникновения эпидемических заболеваний в частях армии.

Когда среди иранских туркмен в районе г. Бендер-Шах на юго-западном побережье Каспийского моря, возникло быстро распространяющееся заболевание, похожее на возвратный тиф, иранское правительство обратилось за помощью к командованию наших частей, и военные эпидемиологи пришли на помощь местным врачам. В ряде школ и учреждений Ф. Ф. Талызиным и его коллегами были организованы временные

лазареты: оборудованы пункты обработки одежды, стрижки и мытья населения. К уходу за больными привлекли учителей, молодежь, которых срочно обучали необходимым навыкам. Советское Общество Красного Креста и Красного Полумесяца помогло посылками со многими комплектами белья, мыла и дезинфицирующих средств. Эпидемия была ликвидирована, больные спасены.

Однако тут же поступает новое сообщение — в центральном районе Ирана возникло какое-то опасное инфекционное заболевание, и снова нужна помощь иранским врачам. Наши военные должны от Бендер-Шаха срочно направиться к г. Исфаган, что по относительно хорошей дороге, в объезд пустыни Деште-Кевир, через Тегеран и другие города, составит 750 км. Если пересечь пустыню по прямой — надо проехать 400 км. Необходимость и решительность привели к выбору более короткого, хотя и опасного, пути. Иранцы предупреждали наших врачей об ожидающих их опасностях в пути: в 1938 г. иностранные географы уже пытались пересечь пустыню Деште-Кевир, где есть ущелья, вязкие полупересохшие русла соленых рек, малопроходимые горы. Иностранцы заблудились в горах и погибли. В дневниках погибших сообщалось, что сначала кончился бензин, потом вода, а жара завершила эту неудачную попытку гибелью географов. Но Ф. Ф. Талызин принял решение не отступать перед трудностями. В городке Гамасаре на краю пустыни запаслись водой и бензином. Надо было спешить на выручку больным через пустыню. Соляные русла выстилали камнями, переправлялись, минуя препятствия. Жажда была мучительной. В первый же день при тяжелом физическом труде на жаре резко сократился запас питьевой воды. На следующий день путь преградили скалы, которых не было на карте. Весь день искали проход, но безрезультатно. Нашли его лишь на третий день. Край пустыни должен был быть

близок, но запас воды и бензина катастрофически убывал. Обнаружилось, что надвигается песчаный буран. Гонимые ветром колючки скопились под автомашиной и загорелись от глушителя. Песком и остатками воды пожар был потушен и машина спасена. Но из-за отсутствия воды на жаре у ряда сотрудников начались кровотечения из носа. В обход барханов в сыпучем песке искали проходы, разгребали лопатами путь для машины и к радости всех увидели глинобитную стену селения. Жители были удивлены появлению пришельцев из пустыни. Они дали воду жаждущим, хотя она была мутна, солоновата и пахла сероводородом. По словам жителей такого мощного песчаного урагана не было несколько лет. Но препятствие уже преодолено. На следующий день наши врачи попали в Исфган. У жителей города был обнаружен сыпной тиф. Совместными усилиями экспедиции Ф. Ф. Талызина и иранских врачей распространение эпидемии было приостановлено.

Но снова получено задание — двинуться на юг, на территорию Ирака — в Басру, оттуда на берега Тигра, в пункт Амара, где обнаружен очаг бубонной чумы. И в этом случае наши эпидемиологи и паразитологи помогли местным врачам в ликвидации опасной болезни и участвовали в научном совещании по проблемам чумы.

Федор Федорович — врач, биолог, паразитолог, энтузиаст-натуралист, интересовался всеми представителями животного мира, встречавшимися на пути его скитаний по земным дорогам. В пустыне Деште-Кевир это были куланы и джейраны, а в районе скал — архары. В полуразрушенных заброшенных строениях на бывших караванных путях собирал он клещей — носителей вирусов заразных болезней. На берегу Персидского залива знакомился с экзотическими морскими жителями: с рыбой-пилой, с акулами, с жемчужными раковинами и с разновидностями морских водорослей. Федор Федоро-

вич интересовался историей, архитектурой, искусством, нравами и обычаями, легендами тех народов, которые встречались в пути.

Одновременно как специалиста его интересовали паразитарные заболевания, не встречавшиеся или редкие на территории нашей страны. Так, в Исфагане и его окрестностях бытовал кожный лейшманиоз, передаваемый москитами. На берегах Тигра и Ефрата у больных были обнаружены тяжелые глистные заболевания — шистомоз или бильгарциоз. В Иране Ф. Ф. Талызиным были собраны москиты — переносчики лихорадки, а в очаге бубонной чумы, с пойманных в ловушки крыс и мышей — блохи (переносчики чумы), в г. Зубейре — москиты, переносящие возбудителей пендинской язвы, висцерального лейшманиоза и трехдневной лихорадки паппатачи.

В 1944 г., по материалам отчета о проделанной работе Ф. Ф. Талызиным была опубликована брошюра для служебного пользования «К эпидемиологии клещевого возвратного тифа в Иране». О совершенном путешествии после войны им была написана книга «По Ирану и Ираку, записки врача эпидемиолога» (1952 г.), также с иллюстрациями автора. Книга была дважды издана в нашей стране, а также в Германии, в Польше, на чешском и словацком языках. Книга эта рекомендовалась как «пособие» для тех, кто направлялся для работы на территориях Ирана и Ирака.

Ф. Ф. Талызин в течение всех последующих лет стремился делиться с людьми теми знаниями и впечатлениями, которые он почерпнул во время множества поездок, полных незабываемых встреч и приключений. Делился с широким кругом слушателей, читателей и собеседников, друзей и знакомых.

5 ноября 1945 г. вышел приказ, подписанный заместителем командующего войсками, начальником тыла генерал-майором Шафранским. Вот выдержка из этого приказа: «...начальник Санитарно-эпидемиологического отряда 20 майор меди-

цинской службы Талызин Федор Федорович демобилизуется из Красной Армии. Товарищ Талызин Ф. Ф. с первых дней Отечественной войны и до дня демобилизации работал в Санэпидотряде. Будучи по специальности паразитологом, освоил практическую эпидемиологию и всю энергию, силы и знания отдавал на защиту войск от заболеваний. Находясь на фронте в период Отечественной войны, он выполнял ответственные задания по обеспечению боевых действий войск, за что награжден медалью «За отвагу». Будучи чутким, отзывчивым, но требовательным начальником, высокодисциплинированным офицером, товарищ Талызин Ф. Ф. много потрудился над воспитанием и подготовкой кадров эпидемиологов. Все научные конференции в войсках, научная и литературная работа проходили с активным участием тов. Талызина Ф. Ф. За плодотворную работу на благо Красной Армии объявляю майору медицинской службы товарищу Талыzinу Ф. Ф. благодарность и желаю ему дальнейшей плодотворной работы».

И действительно, дальнейшая работа была плодотворной. После демобилизации Федор Федорович снова вернулся к научной работе. 23 июня 1947 г. в Военно-медицинской академии г. Ленинград им была защищена докторская диссертация на тему «О токсическом действии паразитических червей на функции пищеварительного тракта». Ф. Ф. Талызин стал заведующим лабораторией института эпидемиологии и микробиологии им. Гамалея, а в 1948 г. он был утвержден в звании профессора. В 1949–1951 гг. Ф. Ф. Талызин, как профессор, читал лекции студентам 4-го курса на зоологическом отделении Московского университета. В 1951 г. он был награжден орденом «Трудового Красного Знамени», а в апреле 1952 г. избран по конкурсу заведующим кафедрой общей биологии 1-го Московского медицинского института. В 1952 г. Ф. Ф. Талызин избран членом-корреспондентом Академии медицинс-

ких наук СССР. Продолжалась и его научная работа. В 1948—1959 г. выходит ряд его статей (с соавторами), посвященных фармакологическим свойствам яда рептилий (эфы, кобры), зеленой жабы и клеща *Hyalomma asiaticum*. В сентябре 1952 г. Федор Федорович назначается директором 1-го Московского медицинского института.

В 1949 г. Талызин выезжал в Туркмению для продолжения работ по приготовлению противоядных сывороток. В 1953 г. он направляется в Албанию на месячник советско-албанской дружбы. По пути теплоход «Трансильвания» заходил в Румынию, Турцию, Ливан, Египет. И повсюду наши полномочные представители, среди которых был и Федор Федорович, выступали с лекциями, докладами, рассказами о нашей стране.

В начале 1954 г. Ф. Ф. Талызин направлялся в английский город Скарборо, где на конгрессе он сделал доклад о природной очаговости болезней и о работе паразитологов под руководством академика Е. Н. Павловского. Английские ученые попросили повторить этот доклад в Манчестере и Бирмингеме, где на расширенном заседании деканата медицинского факультета Бирмингемского университета доклад прошел с большим успехом. Далее следовал Стратфорд-на-Эйвоне [Страт-форд-он-Эйвон], город Шекспира, и посещение его дома; затем Лондон, где на здании Вестминского аббатства находится плита с надписью: «Чарльз Роберт Дарвин. Родился 12 февраля 1809 года. Умер 12 апреля 1882 года». На Хайгетском кладбище Талызиным были возложены цветы на могилы Карла Маркса и его жены Женни. Посещен был и знаменитый музей Лондона — музей восковых фигур, созданный мадам Тюссо. Это было первое, но не последнее, посещение Лондона.

Через Ла-Манш — Франция. Стена коммунаров, Эйфелева башня, Нотр-Дам, Триумфальная арка, Пантеон. А затем

снова выступления перед соотечественниками с рассказами об увиденном и пережитом.

В январе 1955 г. Ф. Ф. Талызин направлялся в Афганистан, как руководитель группы деятелей науки, для поддержки взаимоотношений с соседом. В этом же году печатается статья Ф. Ф. Талызина с соавторами «Лечебные свойства жидкой и высушенной концентрированной сыворотки «Антигюрза»». А в конце 1955 г. Ф. Ф. Талызину было предложено направиться в США в качестве советника по вопросам медицины представительства России при Организации Объединенных Наций и члена ЮНИСЕФ при ООН. В начале 1956 г. Федор Федорович через Париж и Атлантический океан убыл в Нью-Йорк. Этот период подробно был описан в двух изданиях книги «По городам США», в многочисленных статьях газет, журналов «Вокруг света», «Киев» и других. Нью-Йорк, Ниагарский водопад, Чикаго, Вашингтон, другие города США — вот поток впечатлений, не говоря уж о деятельности ООН.

Запомнились Федору Федоровичу встречи с интересными известными людьми, в том числе с Полем Робсоном, с которым он пел дуэтом на вечерах дипломатов. Там даже был выпущен машинописный сборник песен, которые исполнялись на вечерах, и на нем написали от руки: «Бессменному председателю всех празднично-концертных комиссий в Представительстве, уважаемому Федору Федоровичу Талызину — в память о наших вечерах» и ниже: «В. Богословский, 4.04.57 г. Нью-Йорк».

Несмотря на ответственный пост, Федор Федорович был все так же доступен в общении с людьми, как с американскими учеными, так и с российскими виднейшими медиками, приезжавшими в США. Одаренный как художник Федор Федорович участвовал в международной выставке картин, организованной ООН, и две его картины были выиграны кем-то по лотерее, выручка от которой шла на питание и одежду детей

слаборазвитых стран. Портрет А. С. Пушкина, нарисованный Ф. Ф. Талызиным был подарен Полю Робсону.

Летом 1957 г., по пути на родину в отпуск теплоходом «Куин Элизабет» Федор Федорович посетил английский порт Саутгемптон, Лондон, затем Копенгаген, Стокгольм, Хельсинки, с осмотром этих городов.

С 1958 г. Ф. Ф. Талызин часто выступал по радио и в печати с рассказами об увиденном, о жизни людей другого континента. В 1-м Московском Медицинском институте была продолжена работа заведующим кафедры биологии. А в 1959 г., по рекомендации Министерства здравоохранения страны, Ф. Ф. Талызин был утвержден Всемирной Организацией здравоохранения (ВОЗ) как эксперт-консультант по разделу паразитарные болезни (общая паразитология). В апреле 1959 г. в Женеве ему поручено выехать в Индию, на Цейлон и в Мексику для инспекции на месте противомаларийной работы с последующим отчетом перед ВОЗ и прессой.

Без спутников, один, встречаемый лишь местными медиками, Талызин проделал длинный путь: Женева — Москва — Ташкент — Нью-Дели; по Индии: Бангалор — Майсур — Кунур — Куимбатор — Мадрас; Цейлон — Коломбо — Бомбей; Аравия — Каир; Греция — Афины; Италия — Рим; далее — Женева, Париж, Нью-Йорк, Вашингтон, Нью-Орлеан и Мексиканский залив — Мексика. Там — Мехико, город Пуэбло, Куэрнавака, Алеппо, Веракрус и вновь Мехико. Обрато — Нью-Йорк — Париж — Женева. Там отчет и через Прагу — в Москву. Масса впечатлений, знакомств, происшествий. Результаты нашли свое отражение в книгах «По Индии и Цейлону» (1964 г.), «Под солнцем Мексики», в статьях в журналах «Здоровье», в газетах «Медицинский работник», «Известия» и других. Все публикации вновь иллюстрировались автором.

Между прочим, в одном из посещенных Ф. Ф. Талызиным мест посчитали, что он «просто шпион» и предложили ему взять в руки ядовитую змею. Увидев, с каким знанием дела и ловкостью он обошелся со змеей, резко изменили к нему отношение. В окрестностях Веракруса, в питомнике гремучих змей, Ф. Ф. Талызин берет у гремучей трехметровой змеи яд в мензурку, также подтверждая свой статус герпетолога.

В декабре 1959 г. Советским комитетом защиты мира Ф. Ф. Талызин был награжден Почетной грамотой за активную деятельность по укреплению мира между народами. В 1960 г. его избирают вице-президентом Общества советско-афганской дружбы, и он активно выполнял эту почетную обязанность до конца своей жизни.

В 1960—1963 гг. Талызин проводил научную работу совместно с сотрудниками Института физической химии. Ими были получены положительные результаты противоядного действия химических препаратов: пропилгаллата, гепарина, кортизона и гидрокортизона. Итоги работ были опубликованы в серии статей с описанием фармакологических свойств яда гадюковых змей и кобры, скорпиона и насекомых.

В 1963 г. Ф. Ф. Талызин принял участие в автопробеге, организованном Советским комитетом защиты мира, в котором участвовали многие известные деятели культуры и науки: поэты Н. Доризо и Е. Долматовский, кинорежиссер С. Ростокский, драматурги А. и П. Тур, Г. Боровик и другие. В маршрут входило посещение Турции, Греции, Италии, с юга до севера, острова Капри, Югославии, Болгарии и Румынии. Участники пробега выступали с рассказами о достижениях науки, искусства, давали концерты, вели дневники, кино- и фотосъемки. По возвращении домой в Московском Доме ученых состоялся отчетный творческий вечер.

В 1963 г. был торжественно отмечен юбилей Ф. Ф. Талызина. Но Федор Федорович продолжал активную научную и педагогическую деятельность. В 1961–1966 гг. одновременно с работой в 1-м Московском медицинском институте он заведовал кафедрой биологии и паразитологии Университета дружбы народов (УДН) им. П. Лумумбы. Иностранцы с большим вниманием и интересом слушали его лекции, сопровождаемые моментальными рисунками на доске, показом слайдов, тематических кинофильмов, демонстрацией коллекций бабочек, жуков, скорпионов, раковин, привезенных из разных частей света.

29 апреля 1965 г. в газете «Вечерняя Москва» была опубликована статья «Любимый профессор», где говорилось о педагоге 1-го Медицинского института Талызине: «Профессор — удивительный рассказчик. Слушатели вместе с ним пробираются по джунглям, осматривают пестрые и шумные города, заходят в тихие кабинеты ученых... Федора Федоровича называют «поэтом науки». Его лекции не пропускают. «Ваш любимый профессор?» — такой вопрос был задан сорока студентам второго курса. Все назвали фамилию Талызина». В УДН один из студентов обратился с просьбой называть профессора своим отцом, как принято в его стране обращаться к любимому и уважаемому человеку. Поскольку у Ф. Ф. Талызина уже было два родных сына, проситель в своих письмах профессору подписался: «Ваш третий сын».

В 1965 г. Общество советско-афганской дружбы направило Ф. Ф. Талызина в Афганистан для укрепления связей соседних стран. Там были встречи с деятелями науки в Кабуле и Джалалабаде.

В июле 1965 г. за заслуги в области медицинских наук и плодотворную педагогическую деятельность Ф. Ф. Талызину

было присуждено почетное звание Заслуженного деятеля науки РСФСР, а в декабре того же года он был удостоен высшего ордена Родины — ордена Ленина.

Еще в 1958 г. Президиумом АМН Талызин был избран редактором отдела биологии Большой медицинской энциклопедии при АМН.

Уже к началу 1960-х годов было им опубликовано около ста научных работ, статей, очерков, научных и научно-популярных книг. Они печатались в научно-популярных журналах (например, «Техника молодежи», «Здоровье», «Фельдшер и акушерка», «На суше и на море», «Природа»), сборниках докладов, материалах конференций, трудах институтов, альманахах и отдельными книгами. Научные работы были посвящены характеристике ядов бунгаруса, кобры, гюрзы. Появлялись у него и очерки о Великой Отечественной войне, материалы, посвященные знаменательным датам нашей Родины и защиты мира.

В 1965 г. группа ветеранов Великой Отечественной войны, в которую вошел и Ф. Ф. Талызин, была приглашена на празднование Дня Победы в г. Белосток (Польша). Там произошел забавный случай. Во время торжественного ужина Федор Федорович прошел через калитку в изгороди, на территорию, где находились зубры, к которым посторонних не пускали. Решительность Федора Федоровича была вознаграждена — удалось получить уникальные фотокадры, которых не довелось сделать другим. Подобная решительность помогла и в Индии получить кадр, где Ф. Ф. Талызин снят рядом с гепардом, которого хозяин вел на цепочке. Для этого Федор Федорович так стремительно подошел к зверю, что гепард опешил и не двинулся с места! Хозяин его только и мог воскликнуть: «Да он же мог кинуться на Вас!». Хладнокровие, решительность не раз в жизни выручали Федора Федоровича, в том числе на фронте и при встречах с ядови-

тыми змеями и даже людьми. Он ставил перед собой задачи и решительно выполнял их.

В 1960 г. из-за несчастного случая Ф. Ф. Талызин долгое время вынужденно был прикован к постели, но и это время он использовал для написания и иллюстрации своих новых книг, статей, намечаемых научных работ. Неукоснительное выполнение требований врачей позволило ему преодолеть недуги и снова вернуться к научной деятельности.

Более 20 лет Федор Федорович работал в Советском комитете защиты мира и был награжден почетным знаком Комитета. Как член общества «Знание» выступал с лекциями на заводах, в учебных заведениях, в воинских частях, в школах, в других учреждениях Москвы, Тулы, Иркутска, Владивостока, Ленинграда, Риги, Шатуры, Львова и еще многих городов страны.

Как член бюро ветеранов-медиков Совета ветеранов Северо-Западного фронта, он организовывал многие встречи ветеранов, выезжая в Киев, Ярославль, Ригу, Ленинград. В 1978 г., совместно с бывшими фронтовиками, Ф. Ф. Талызин участвовал в поездке ветеранов Северо-Западного фронта в места былых жестоких боев в районе Демянска, Лычкова, деревни Цемена близ озера Ильмень на Валдае, где были встречи с местным населением, воспоминания. Об этой поездке было рассказано в газете «За медицинские кадры» от 31 мая 1978 г.

В духе патриотизма, любви к Родине воспитывал он молодежь, приводя примеры из своей богатой событиями жизни, говорил о преемственности профессий, о трудовых династиях. В частности он мог это сказать и на примере своей семьи — его жена, один из сыновей, четверо внуков, два правнука, не говоря о двоюродных родственниках, продолжили свою династию медиков, работая в различных отраслях медицины.

В августе 1973 г. за большие заслуги в развитии медицинской науки, в подготовке кадров и в связи с семидесятилетием со дня рождения член-корреспондент АМН СССР Федор Федорович Талызин был награжден орденом Октябрьской Революции.

А работа по пропаганде достижений науки Родины продолжалась. В 1974 г. — доклады в Медицинском институте в Волгограде, тогда же три доклада в Мединституте Минска, в 1975 году — два доклада в Ленинграде, в 1977 г. — участие в съезде герпетологов в Ленинграде...

Даже выезжая на отдых в другие города, Федор Федорович читал лекции, показывал слайды, рассказывал о своих путешествиях. В обращениях к молодежи он призывал: «...надо жить с распростертыми крыльями».

Неиссякаемым творческим порывом Федор Федорович подтвердил высказывание Вольтера, что пожилые годы для ученых, накопивших большой жизненный опыт и багаж знаний, это время жатвы, время сбора урожая, посеянного в течение всей долгой жизни. Этот урожай — многочисленные ученики: кандидаты и доктора наук, врачи разных специальностей, работающие в нашей стране и многих других странах мира; научные книги, статьи, учебники, конспекты лекций; научно-популярная литература, вызывающая большой интерес читателей и никогда не залеживающаяся на полках магазинов; это запомнившиеся тысячам людей встречи, рассказы об увиденном; это рисунки, документы и другие экспонаты, переданные в музей с тем, чтобы еще многие и многие их посетители могли бы узнать для себя что-то новое из истории, археологии, жизни людей, животных; это память тех, кто слышал замечательные речи и напутственные слова любимого профессора.

Есть пластинка с записью выступления Ф. Ф. Талызина перед студентами 1-го ММИ им. И. М. Сеченова. Вот вы-

держка из этого выступления: «...Перед вами раскрываются двери университета. Имя ему — сама жизнь. Да, в этом университете вы познаете и сладость успеха, и радость творчества, и чувство глубокого удовлетворения, которое будет приносить успешное лечение ваших пациентов. Но вы встретите и трудности в вашей весьма многогранной деятельности. Не страшитесь их! Дорогие друзья! Не теряйте связи с нами, вашими учителями, помните, что для вас всегда наши сердца открыты, приходите к нам за советом, пишите нам письма, и мы обязательно поддержим вас своим добрым советом старшего товарища!..». Так с открытым сердцем общался Федор Федорович Талызин с коллегами, друзьями, студентами, со всеми, с кем пересекались его жизненные пути. Популяризация приобретенных знаний была неотъемлемой чертой Ф. Ф. Талызина. Выступая по телевизору, по радио, он старался донести до зрителя и слушателя все то, что он видел и знал.

О своих встречах с Полем Робсоном, с другими интересными людьми, о путешествиях и происшествиях во время этих посещений дальних и ближних мест Федор Федорович написал книгу воспоминаний «Тропой памяти», но дальнейшие события так и не позволили ей увидеть свет. Она лежит в семейном архиве, несмотря на множество интереснейших повествований, уже более 20 лет!

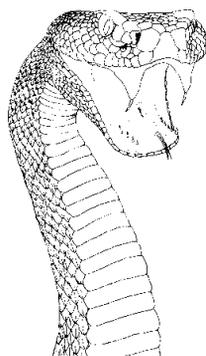
В марте 1980 г., по радио, на всю страну прозвучала беседа Ф. Ф. Талызина о значении музыкального искусства, о любви к музыке в семье, о совместном пении с Полем Робсоном... Это было последнее его публичное выступление.

Над упомянутой рукописью книги «Тропой памяти», над еще задуманными статьями Федор Федорович трудился ежедневно, пока несчастный случай не прервал его работу и безвременная кончина не унесла его из круговорота жизни.

4 июня 1980 г. Ф. Ф. Талызина не стало. В «Медицинской газете» было сказано: «...Ф. Талызин всегда был примером творческой активности, неисчерпаемой энергии и оптимизма. До последних дней жизни он работал с полной отдачей...».

Федор Федорович был благодарен своей судьбе за то, что он увидел, узнал, передал другим, и всей своей жизнью стремился доказать, что жить интересно и надо во всем находить «изюминку» и делиться с людьми тем, что познано самим. По тропе своей жизни он вел своих учеников, читателей, слушателей и потомков.

В. Ф. Талызин

**ПАВЕЛ ВИКТОРОВИЧ
ТЕРЕНТЬЕВ**

1903–1970

Московские годы П. В. Терентьева

Существует шутка на тему о том, кто такой хороший специалист. Это — тот, кто широко известен в узких кругах. Профессор Павел Викторович Терентьев явно принадлежал к тем весьма немногим герпетологам, имена

которых были (и, надеюсь, остаются) широко известными и вне герпетологии. Действительно, он был достаточно популярен, чтобы при упоминании его фамилии частый в таких случаях вопрос о том, кто это, как правило, не возникал. Помимо личных качеств и огромной эрудиции, этому способствовали следующие обстоятельства.

Во-первых, П. В. Терентьев вместе с другим выдающимся советским герпетологом и своим одногодком С. А. Черновым (1903—1964) написал знаменитый «Определитель пресмыкающихся и земноводных СССР», который в трех изданиях с 1936 по 1949 г. вырос с 96 до 340 страниц. Эта замечательная книга, по которой училось не одно поколение зоологов нашей страны, была не только настольным (и полевым) определителем для каждого, кто так или иначе интересовался отечественными амфибиями и рептилиями и пытался определять их. Она представляла собою в течение нескольких десятилетий фактически краткую энциклопедию по герпетологии. Чтобы оценить это в полной мере, надо помнить, что в советское время отечественная герпетология весьма страдала от нехватки квалифицированных изданий на русском языке, а иностранные книги были, как правило, недоступны для большей части герпетологов, как любителей, так и профессионалов. Определитель П. В. Терентьева и С. А. Чернова интересен и сейчас.

Другим важным обстоятельством, которое также способствовало широкой известности П. В. Терентьева вне рамок герпетологии, был его постоянный интерес к общебиологическим проблемам, явное стремление к постановке и решению крупных задач, например, из области эволюционной биологии или зоогеографии, неугасимый энтузиазм в применении математических методов в биологии. Кроме того, П. В. Терентьев не был замкнутым ученым-одиночкой, а, напротив, организовал несколько важных совещаний и конференций, сыгравших существенную роль в развитии советской герпетологии и биологии в целом. Как будет показано ниже, все эти замечательные качества проявились уже в московский период его жизни.

Отклики

О Павле Викторовиче Терентьеве после его смерти было написано больше, чем о каком-либо другом советском герпетологе. Мне известны 15 некрологов и статей, полностью посвященных его жизни и деятельности и опубликованных как в СССР, так и за рубежом — в Германии, Польше, Румынии и США. Кроме того, известный американский герпетолог Крэг Адлер включил биографию П. В. Терентьева в свое уникальное собрание очерков по истории мировой герпетологии («Герпетологи прошлого», 1989 г.). Тем не менее, даже биография П. В. Терентьева полна неясностей и пробелов, содержит ряд неточностей и «нестыковок» у разных авторов, а научное творчество его до сих пор не проанализировано с достаточной полнотой. Особенно это касается до-ленинградского периода его жизни. Списки работ Терентьева, опубликованные в 1971 г. в Польше профессором Марианом Млынарским или в 1975 г. в Москве известным биометром Г. Н. Зайцевым, неполны, содержат ряд досадных опечаток и нуждаются в уточнениях.

«Павла Викторовича особо отличало сочетание исключительно широкой научной разносторонности с чрезвычайной

работоспособностью и яркой индивидуальностью как личности — ученого и человека. Своеобразие его оригинальной натуры вполне гармонировало, однако, с присущей ему общественной настроенностью. Он никогда не замыкался в себе, постоянно готов был делиться своими обширными познаниями, всегда внимательно прислушивался к критическим замечаниям коллег и со своей стороны умел достаточно объективно и доброжелательно оценивать труды и высказывания других. Его отличала демократичность и простота в общении как со своими товарищами по работе, так и со студентами. Павел Викторович всегда охотно откликался на все важные общественные начинания, проявляя коллегиальность и отзывчивость. <...> Он никогда не жалел своих сил для наилучшего выполнения насущных задач в деле подготовки кадров молодых специалистов и развития отечественной науки». Так было сказано о П. В. Терентьеве в 1971 г. в некрологе, подписанном тремя известными зоологами — А. С. Мальчевским, Ю. И. Полянским и Л. И. Хозацким (1971, с. 158), его коллегами по кафедре и факультету Ленинградского университета.

С Москвой П. В. Терентьев формально был связан лишь годами ученичества и начала своей герпетологической деятельности. Большая часть его жизни прошла вне этого города. К сожалению, именно тот период, когда Павел Викторович сформировался как ученый, наименее освещен биографами, которые в лучшем случае уделяют этому не более одного абзаца. При этом точные даты учебы, того или иного места работы часто не приводятся, и, как результат, не всегда понятна последовательность событий его биографии. Поэтому мне хочется дать здесь хотя бы беглый анализ того, что было сделано молодым Терентьевым в московский отрезок его жизни. Везде, где это было возможно, для датировок или оценок его деятельности я старался использовать неизвестные ранее документы, хранящиеся в архивном фон-

де П. В. Терентьева в Зоологическом институте РАН (далее Архив ЗИН РАН), а также некоторые опубликованные высказывания его московских коллег и современников.

Учителя

П. В. Терентьев родился на юге Крымского полуострова в Севастополе 23 декабря 1903 г. Биографы, правда, не отмечают, приводится ли эта дата по старому или новому стилю. Возможная календарная разница, однако, существенна и составляет 13 дней, что может повлиять не только на месяц, но даже и на год рождения! Его мать, Лидия Ивановна Терентьева, была астрономом Санкт-Петербургского университета (ассистентом, а затем доцентом), а отец, Виктор Михайлович Терентьев, работал в Министерстве народного просвещения. Таким образом, получается, что Павел Викторович происходил из петербургской семьи среднего уровня жизни, то есть, как писали в советских анкетах, «из семьи служащих».

Когда его семья переехала в Москву и по каким причинам, мне неизвестно. Однако уже в школьные годы Павел жил в Москве, где он учился в 3-й московской мужской гимназии. В сентябре 1922 г. Павел Терентьев поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, который после Октябрьской революции некоторое время назывался I МГУ. Таким образом, его детство и юность пришлось на годы расцвета и полного краха Российской Империи, на годы двух революций (1905 и 1917), первой мировой (1914—1917) и гражданской войны (1917—1921). Годы учебы в университете совпали с заметным улучшением экономической жизни (нэп) в стране, которая с самого конца 1922 г. стала называться Союзом Советских Социалистических Республик (СССР).

По воспоминаниям выдающегося генетика-эволюциониста Н. В. Тимофеева-Ресовского (2000, с. 155), в то время рабо-

тавшего в Москве и тесно связанного с университетом, в том числе и с зоологами: «Ну, 20 год был, конечно, паршивый, а с конца 21-го до конца 26-го — начала 27 года было время очень хорошее». В пародийной форме московскую атмосферу 1920-х годов отразил писатель Михаил Булгаков в повести «Роковые яйца», главный герой которой профессор зоологии В. И. Персиков (фактически герпетолог!) работал «в зооинституте, что на улице Герцена» (ныне Зоомузей Московского университета). Полагают, что его прототипом послужил известный морфолог и эволюционист академик А. Н. Северцов.

В Москве и в Московском университете в частности в 1920-е годы работало много замечательных ученых, как старшего, так и более молодого возраста, которые внесли огромный вклад в развитие науки. Достаточно сказать, что именно в те годы здесь стали активно развиваться такие еще достаточно новые для того времени направления, как пресноводная гидробиология, экология, экспериментальная зоология и генетика. Шли жаркие дебаты по теории эволюции. Все это не могло не отразиться на формировании взглядов студента П. В. Терентьева.

К сожалению, нам почти ничего не известно о его университетской жизни. В эти годы на кафедрах зоологического профиля в МГУ работали такие известные профессора, как Н. В. Богоявленский, Б. М. Житков (1872—1943), М. М. Завадовский (1891—1957), Н. К. Кольцов (1872—1940), Н. М. Кулагин (1859—1940), А. Н. Северцов (1866—1936) и многие другие. Каждый из них активно работал, возглавлял определенное научное направление и, как правило, имел многочисленных учеников и сторонников. Наиболее выдающейся фигурой в зоологии того времени, несомненно, был знаменитый профессор М. А. Мензбир (1855—1935), известный зоогеограф, орнитолог и пламенный дарвинист. Помимо всего прочего, он был

также президентом Московского общества испытателей природы (с 1911 по 1935 г.).

Кого же следует считать университетскими учителями студента Терентьева? Ответ на этот вопрос можно найти, если внимательно прочитать его публикации. Так, в 1922 г. совсем молодой Павел Терентьев напечатал в американском журнале «Сореia» (Нью-Йорк) небольшую статью с описанием нового вида лягушек с Дальнего Востока России. В этой статье в сноске своим первым учителем в зоологии он назвал Г. Н. Зографа, судя по инициалам — сына известного московского зоолога Н. Ю. Зографа («G.N. Zograf»). В честь своего учителя он даже назвал этот новый вид как *Rana zografi*.

Среди учителей П. В. Терентьева называют также известного московского профессора Г. А. Кожевникова (1866—1933). Хотя последний больше всего прославился своими исследованиями медоносной пчелы, тем не менее, это был зоолог с достаточно широким спектром научных интересов. Так, например, он был одним из первых биологов в России, кто стал применять статистические методы в целях изучения изменчивости. Как отметил в своей книге 1960 г., посвященной выдающимся отечественным зоологам, известный историк науки Б. Н. Мазурмович, в результате активной деятельности самого Г. А. Кожевникова, а также его учеников сформировалась так называемая московская школа биометриков. Г. А. Кожевников был также директором Зоологического музея Московского университета (с 1904 по 1930 г.), который при нем вырос в крупное научное учреждение. В Санкт-Петербурге в архиве ЗИН РАН в одной из личных папок П. В. Терентьева я обнаружил фотографию профессора Кожевникова, сделанную, судя по записи на обороте, в Москве летом 1924 года. Там же рукой Терентьева написано: «Мой первый и главный учитель — Г. А. Кожевников. ПВТ» [то есть П. В. Терентьев].

Имена Г. А. Кожевникова и М. А. Мензбира попали в историю герпетологии благодаря А. М. Никольскому, ранее работавшему в Петербурге и переехавшему затем в Харьков. В 1918 г. описал в их честь загадочных среднеазиатских хвостатых амфибий — *Ranodon kozhevnikovi* и *Turanomolge mensbieri*. Их таксономией впоследствии занимался и П. В. Терентьев (сейчас они — синонимы других видов).

П. В. Терентьев упоминается также среди учеников зоолога С. С. Четверикова, одного из основателей эволюционной (популяционной) генетики. Совсем недавно (в 2002 г.) в Москве в академической серии «Научное наследство» вышел объемистый том, посвященный этому замечательному ученому. В нем сообщается (с. 579 и 602), что с ноября 1919 г. он работал преподавателем на кафедре сравнительной зоологии. Заведовал же этой кафедрой другой выдающийся биолог Н. К. Кольцов (1872–1940). В анкете от 10 ноября 1923 г. Четвериков указал, что он читает курсы энтомологии, введение в теоретическую систематику (биометрию) и ведет практикум по систематике позвоночных (там же, с. 58). По воспоминаниям зоолога и генетика С. М. Гершензона (1906–1998), с 1925 г. Четвериков стал также читать первый в истории Московского университета курс генетики (там же, с. 496).

В архиве ЗИН РАН мне посчастливилось найти студенческие записи П. В. Терентьева со статистическими выкладками. К ним приложен листок, на котором его рукой написано: «Мои первые биометрические вычисления с поправками С. С. Четверикова (я тогда студент МГУ)». По-видимому, именно здесь надо искать истоки математических увлечений П. В. Терентьева. Кстати, на одном из листков им были сопоставлены особи двух подвидов остромордой лягушки «*R. [Rana] arv. [arvalis] issaitchs. [issaitchsikovi]*» и «*R. arv. alt. [altaica]*». К сожалению, каких-либо дат мне найти не удалось. Для ори-

ентации укажу, что в мае 1925 г. П. В. Терентьев представил краткое описание этих подвидов в своем докладе о систематике рода *Rana* (см. ниже).

Впоследствии П. В. Терентьев изредка переписывался со своим учителем, который после ссылки работал в Горьковском университете. Так, в письме от 24 мая 1959 г., написанном по поручению группы учеников С. С. Четверикова — участников 2-го совещания по использованию математических методов в биологии, П. В. Терентьев сообщал, что они гордятся своим учителем, который первым в России ввел преподавание курса биометрии, и счастливы от того, что были его первыми слушателями («С. С. Четвериков», 2000, с. 602).

Таким образом, хотя на формирование П. В. Терентьева как разностороннего ученого и педагога повлияли разные московские зоологи, все же следует признать, что главным из них по своему воздействию оставался профессор Г. А. Кожевников. Чувство глубокой благодарности и признательности к нему Павел Викторович сохранил в течение всей жизни. Не случайно, свой учебник по герпетологии (первое руководство в мире!) «Герпетология. Учение о земноводных и пресмыкающихся», вышедший в Москве в 1961 г., он посвятил «<...> памяти моего учителя покойного профессора Московского университета Григория Александровича Кожевникова».

Работа в московских музеях

Параллельно с изучением зоологии, П. В. Терентьев активно включился в музейную работу и исследования. Как отмечали в некрологе 1971 г. Л. И. Хозацкий и И. С. Даревский (с. 1423), «еще будучи 18-летним студентом Московского университета, П. В. Терентьев начал свою научную деятельность в качестве ассистента Дарвиновского музея в Москве». Действительно, в его архиве (Архив ЗИН РАН, папка 1) имеется справка, подтверждающая работу Терентьева в этом

музее. Учитывая любопытное содержание этого документа, приведу его полностью.

[На стандартном листе бумаги со штампом в правом верхнем углу: «Р.С.Ф.С.Р./ Министерство Культуры/ Государственный Дарвиновский музей/ 8 Апреля 1954 г./ 59./ Москва 21 Девичье поле,/ М. Пироговская 1/ Тел. Г 6-64-70»]

С П Р А В К А*

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДАРВИНОВСКИЙ МУЗЕЙ

в Москве настоящим удостоверяет, что

Павел Викторович ТЕРЕНТЬЕВ

состоял штатным сотрудником названного музея в течение 1921 года, занимая должность лаборанта, работая по разделу приемки и инвентаризации национализируемых частных зоологических коллекций и попутно выполняя ответственные поручения по финансово-хозяйственному разделу учреждения.

Считаю своим долгом отметить при этом исключительное рвение моего тогдашнего молодого помощника, уже в ту пору, проявлявшего данные будущего большого самобытного ученого, и самоотверженное активное участие его во всех работах ДАРВИНОВСКОГО МУЗЕЯ, как крупнейшего массового зоомузея страны в тяжелую тогдашнюю пору жизни — в мерзлой, тифозной, голодающей столице.

Основатель (1896) и Директор
Дарвиновского Музея в Москве

доктор биологических наук,

«Отличник Здравоохранения СССР»

профессор-Орденоносец

Подпись

(Александр Фед. Котс)

Круглая печать

* Подчеркнуто в оригинале двойной линией; косой линейкой мною указаны границы строк в «шапке» документа.

Судя по другой справке от 17.VII.1955 г., также подписанной А. Ф. Котсом, П. В. Терентьев проработал в Дарвиновском музее лаборантом (а не ассистентом, как указывалось в некрологах) с 1 сентября по 31 декабря 1921 г., то есть менее года.

Для герпетологии, однако, более важным было то, что, по видимому, именно с этого года он стал обрабатывать коллекции Зоологического музея, так как работа с научными коллекциями имеет принципиальное значение для формирования любого зоолога, особенно систематика. То, что молодой Терентьев был связан с Зоологическим музеем еще до своего поступления в Московский университет, вытекает из «Удостоверения» от 5 февраля 1921 г. (28). В этом документе, подписанном заведующим музеем Г. А. Кожевниковым, сказано следующее: «Настоящим удостоверяется, что сотруднику Зоологического Музея П.В. Терентьеву доверяется получить библиотеку, бывшую в помещении Общества Любителей Аквариумов и вывезенную отсюда в мастерские наглядных пособий, для препровождения ее в Университет».

Это «удостоверение» было написано Кожевниковым от руки на бланке: «К. [Комиссариат] Н. [Народного] П. [Просвещения] / Зоологический Музей Государственного / Московского / Университета. / Февраля 5 дня 1921 г. / 28 / Москва, уг. [угол] Б. [Большой] Никитской и Долгоруков. [Долгорукого] пер. [переулка], / зд. [здание] Университета. / Телефон 1-57-21».

В 1920-е годы П. В. Терентьев явно работал с упоением и юношеским энтузиазмом. Ведь он был допущен в настоящее научное учреждение, имеющее многолетнюю историю. В итоге своей интенсивной работы он опубликовал более десятка работ. Вот как охарактеризовал его деятельность в эти годы известный зоолог-териолог С. И. Огнев (текст написан при содействии

герпетолога Н. В. Шибанова, который хорошо знал П. В. Терентьева по совместной работе в зоопарке и зоомузее):

«С 1920 по 1926 г. систематикой амфибий весьма успешно занимался П. В. Терентьев, бывший в эти годы студентом Московского университета. Он привел в порядок и определил все коллекции земноводных Зоологического музея и обработал в систематическом отношении все вновь поступившие за эти годы герпетологические коллекции. Результаты своих научных исследований П. В. Терентьев опубликовал в ряде небольших статей, значительная часть которых посвящена систематике лягушек рода *Rana* <...>. От частных вопросов систематики П. В. Терентьев скоро перешел к общим теоретическим вопросам зоологии и уже в 1922 г. выступил на первом Всесоюзном съезде зоологов <...>. На втором Съезде зоологов СССР в 1925 г. он выступил с сообщением <...>, в котором подвел основные итоги своих исследований по систематике настоящих лягушек фауны СССР.

Кроме того П. В. Терентьев опубликовал научно-популярный «Очерк земноводных Московской губернии» (Госиздат, 1924), в котором изложил как все до тех пор известные, так и многие новые сведения по географическому распространению и биологии подмосковных амфибий. Эта небольшая книжка до сих пор не утратила своего педагогического и научного значения» (Огнев, 1940, с. 99).

Первые публикации

Всего за московский период П. В. Терентьев напечатал 13 работ. Удивительно, но первой его публикацией была «Инструкция для сотрудников Иваново-Вознесенского Научного Института изучения природы края по собиранию гадов Средней России», изданная в Иваново-Вознесенске в 1921 г. В библиотеке ЗИН РАН имеется экземпляр этой небольшой брошюры карманного формата и объемом в 12 страниц. На титульной страни-

це рукой П. В. Терентьева надписано: «Библиотеке ЗИН АН СССР. Это моя первая печатная работа. Павел Терентьев. 9.2.1966 г.». В брошюре на этой же странице вверху напечатано, что П. В. Терентьев — научный сотрудник Иваново-Вознесенского научного института изучения природы края. Таким образом, формально юный Терентьев получил свою первую научную должность еще до того, как стал студентом! Такое было возможно, конечно, лишь в то революционное время, когда карьера людей делалась стремительно, а возраст не играл такой важной роли, как сейчас. К тому же люди в те годы часто работали в нескольких различных учреждениях, что тогда никого (в первую очередь, администрацию учреждений и представителей власти) не смущало, так как везде платили мало, и подчас совместительство носило формальный характер. Любопытно, что в конце брошюры отмечены место и время выполнения работы: «МОСКВА. Зоолог. Музей. 17-го 1921 г. н. ст. [то есть нового стиля — Л. Б.]». Автор брошюры предлагал также всем желающим за справками или определениями материала обращаться к нему по этому же адресу.

Текст брошюры говорит о том, что ее юный автор уже успел стать достаточно квалифицированным в вопросах герпетологии. Брошюра написана четким языком, снабжена определительной таблицей, списком герпетофауны, насчитывающим 17 видов (1 вид черепах, 4 вида ящериц, 2 вида змей, 8 видов бесхвостых и 2 вида хвостатых амфибий). Кроме того, для каждого вида указана северная граница распространения, приведена также таблица «станций», то есть биотопического распределения. В отличие от А. М. Никольского (1858—1942), зеленые лягушки представлены двумя видами (*Rana ridibunda* и *R. esculenta*). Одним словом, работа выглядит вполне научной даже с позиций современной герпетологии.

Автор рекомендовал также для дальнейшего чтения книги А. М. Никольского (1902, 1907, 1915, 1916, 1918), а также сводку по герпетофауне Европы Э. Шрайбера (Schreiber, 1912), назвав ее «прекрасной работой». Были также рекомендованы две сводки по террариумистике на русском и немецком языках.

Следует напомнить, что Павлу Терентьеву в это время шел всего лишь 18-й год и он еще не был студентом! Этот факт говорит о том, что явный интерес к герпетологии прорезался у него довольно рано. Было бы интересно выяснить, что (и кто) подвигнуло юношу к изучению амфибий и рептилий, особенно в столь сложные, трагические годы, когда вокруг были разруха и голод, а в стране шла гражданская война. Частичный ответ на этот вопрос я нашел, разбирая бумаги П. В. Терентьева в архиве ЗИН РАН.

Кружок любителей естествознания

Оказывается, в 1916 г. он, ученик 3-го класса гимназии, вместе со своими друзьями создал кружок любителей естествознания. В архиве П. В. Терентьева сохранился рукописный дневник (протоколы) этого кружка, что говорит о том, что он дорожил памятью о тех годах до конца своей жизни. Содержание дневника и других, связанных с ним бумаг представляет большой интерес не только для понимания формирования самого Павла Викторовича как зоолога, но и для представления о московских гимназистах последних лет Российской Империи. В качестве иллюстрации приведу несколько цитат из протоколов этого замечательного собрания юных энтузиастов науки. Текст цитируется с учетом современного алфавита. На первой странице помещено обращение следующего содержания.

«Многоуважаемому Николаю Ивановичу [фамилия не указана — Л. Б.]

от Кружка Любителей Естествознания при 3-ьей гимназии

От редакции

18 декабря 1916-го при 3-ьем классе Московской 3-ьей мужской гимназии образовался кружок, именуемый «Кружком Любителей Естествознания», и состоящий исключительно из учеников вышеозначенного класса. Кружок имеет целью изучение зоологии, ботаники и химии (впоследствии, может быть, будут присоединены и другие предметы). Кружок этот решил издавать журнал, где желающие могут узнать о деятельности Кружка. Журнал выходит в каникулы — 1 раз в месяц, а в учебное время — в 2 месяца 1 раз.

Основатели Кружка:

Анат. Александров.

Алексей Есипов.

Влад. Никитин.

Пав. Терентьев.

Борис Церевитинов.

Александр Эшлиман.

Примечание:

Кружок разрешен г-ном директором гимназии.

Редактор А. Есипов».

На третьей странице дается информация о предварительном собрании.

«Предварительное собрание

18 декабря 1916-го года происходило предварительное собрание Кружка Любителей Естествознания у члена Кружка Терентьева, на котором присутствовали: Александров, Есипов, Терентьев и Церевитинов. Прежде всего Терентьев вскрыл лягушку (*rana temporaria*), оказавшуюся самкой. При разрезе кожи был задет мочевой пузырь. Наблюдали судорожные сжатия сердца, рассматривали в микроскоп легкое и желчный пузырь, но, кроме черного пятна, ничего не увидели. Смотрели мозг через прозрачную черепную коробку.

Затем члены Есипов и Церевитинов читали проекты уставов. Председателя, казначея и секретаря не выбирали, потому что из 8-ми человек присутствовали лишь четверо.

Насчет уставов было сделано несколько замечаний: устав Есипова слишком неполон, а в уставе Церевитинова многое им самим признано было лишним. Первому поручено было выбрать из устава Церевитинова самое важное и представить для утверждения».

21 декабря на 1-м собрании кружка был утвержден его устав и «закрытой подачей мнений» был избран председатель. Им оказался Павел Терентьев. В уставе было записано, что для достижения целей кружка будут проводиться практические занятия, собрания с докладами, экскурсии и выставки работ и коллекций членов кружка. При кружке будет собираться библиотека «по естественной истории». «Средства Кружка составляют необязательные членские взносы и добровольные пожертвования лиц, интересующихся Кружком». Отчет о деятельности кружка будет сообщаться директору гимназии.

Уже на втором собрании 23 декабря 1916 г., то есть в день своего рождения (13 лет!), Павел Терентьев «читал реферат «Кости головы»», текст которого составил три с небольшим рукописные страницы, включая небольшой рисунок, который не сохранился. Приведу лишь начало реферата для того, чтобы показать уровень развития мальчика.

«Кости головы

Кости головы разделяются на *facies* (лицо) и *cranium* (череп). *Cranium* (череп) состоит из костей: 1-ой *os frontis* (лобной), 2-х *ossa parietalia* (теменных, 1-ой *os occipitale* (затылочной), 2-х *ossa temporalia* (височных), 1-ой *os sphenoidium* (основной) и 1-ой *os etmoideum* (решетчатой).

В *os frontis* отличают: собственно лобную, носовую и глазничную части. Над глазничными частями находятся надбров-

ные дуги, а несколько выше их — лобные бугры. Os frontis при помощи шва sutura coronaria соединяется с 2-мя ossa parietalia. Они, в свою очередь, соединяются между собой швом sutura sagittalis. <...>».

Таким образом, видно, что уровень знаний у гимназистов был достаточно высокий, а интерес к науке большой. На третьем собрании кружка основной докладчик Б. Церевитинов опоздал, поэтому председателю, то есть Павлу Терентьеву пришлось сделать «запасной доклад «*Hirudo medicinalis* (медицинская пиявка)», текст которого также был приложен к протоколу. На этом заседании в фонд кружка собрали 8 рублей 40 копеек.

На четвертом собрании, проходившем 4 января («декабря»), «Терентьев вскрывал таракана, который оказался самцом. Объект, как и само вскрытие, был очень удачен». На этом же заседании решили издавать раз в месяц журнал сначала в 9, но затем в 20 экземплярах, размножая его на гектографе. Действительно, в этой же папке я нашел три копии (под копирку) «Известий Президиума Общества Любителей Естествознания

1» от 16.V.1918 г., издателем которых был «редактор П. В. Терентьев». На двух страничках от руки были изложены сведения для членов О. Л. Е. (необходимость уплаты членских взносов, предоставление своих адресов секретарю — за невыполнение штраф в размере 1 рубля, о начале работы библиотеки, о днях приема президиумом общества и о подписке на «Вестник О. Л. Е.»).

Школьная проба пера

В архиве ЗИН РАН сохранился также сильно выцветший размноженный на гектографе экземпляр «Вестника Общества Любителей Естествознания» 1 от 1 июня 1918 года с пометкой в правом верхнем углу «на правах рукописи» (цена 1 рубль). Редактором был Павел Терентьев. «Вестник» форматом в школьную тетрадь и объемом в 26 страниц, отпеча-

таннных на пишущей машинке, был построен по обычному принципу научного журнала. Судя по структуре (статьи, заметки, хроника, библиография), за основу, возможно, был взят журнал «Природа», который стал издаваться, начиная с 1912 года. В первом номере «Вестника» Терентьев поместил ряд своих сообщений и заметок. Открывался журнал его установочной статьей «Цели и задачи О.Л.Е.», в которой гимназист сформулировал свое кредо, которому он остался верен всю свою жизнь. В этой короткой статье сочетались наивность стиля и одновременно серьезность намерений 15-летнего президента О. Л. Е. и редактора его «Вестника».

«Для чего наше общество? Зачем оно?» Такие вопросы часто приходилось слушать мне даже со стороны членов-основателей. На почве неразъясненности этих вопросов часто возникали самые невероятные мнения. Одни превращали наше о-во в какой-то клуб, где можно поругаться, побезобразничать, и вообще “весело” провести время — другие считали его каким-то классным пособием и т.п. Нелепость и глупость этих мнений очевидны сами собой. Но каковы же действительные задачи нашего общества? Первая и самая главная цель его есть: “возбудить интерес к естественным наукам”. За сею идет другая менее важная цель: “способствовать как своим членам, так и посторонним лицам по естественной истории”, и наконец третья цель составляет: “содействовать улучшению и развитию естествознания”». Далее юный автор указал, каким путем можно достичь выполнения этих целей (например, «Для плодотворной работы нужно: а). Чувство соревнования и б). Хороший пример.»). Заканчивалась статья призывом «ВПЕРЕД!!!!!! ...» (именно с пятью восклицательными знаками) и рисунком бурой лягушки.

«Научные» сообщения и заметки этого номера «Вестника» характеризуют очень широкие интересы молодого нату-

ралиста. Сначала идут «Наблюдения над жизнью ежа», затем «Наблюдения неба в июне 1918 г.», которые включали таблицу восхода и захода солнца и луны за все сутки месяца. В примечании указано, что текст печатается «Под редакцией ассистента при кафедре астрономии П.Ж.У-та Л. И. Терентьевой», то есть матери автора. В разделе «Научные новости и заметки» Павел поместил заметку «О возрасте животных» с таблицей «пределов жизни» позвоночных животных (взяты из свежей немецкой статьи зоолога Коршеля), «О роли щитовидной железы в развитии головастика» (реферат статьи на английском языке профессора Канзасского университета Аллена), «О вероятном происхождении китайских драконов», в котором полагал, что представления об этом мифическом существе связаны с находками вымерших животных, и привел в качестве примера недавнюю находку гигантских амфибий в 20–30 м длиной на территории Китая. Далее Терентьев поместил заметки «Влияние солей кальция на размножение» морских свинок, «О туберкулезных бактериях». В разделе «Библиография» он печатает рецензию на книгу А. А. Силантьева «Определитель европейских птиц» и на «Руководство к практической зоологии» В. Кукенталя.

В разделе «Научных новостей и заметок» были напечатаны еще две любопытные заметки А. Свинчанского. В одной из них он сообщал о том, что «Недавно нашим президентом П. В. Терентьевым открыт новый вид рыбы верховки, названный им «Цветистая верховка (*Leucaspius coloratus* Terentjev)», описание которой будет помещено в следующем номере. В заметке «К фауне 3-ей московской мужской гимназии» [sic!] А. Свинчанский указал, что «П. Терентьев пишет в настоящее время сочинение о фауне 3-ей московской мужской гимназии. Им замечены там следующие животные: 1) Человек, 2) Кошка, 3) Собака, 4) Пасюк, <...> 16) Ящерица, 17) Живородящая ящерица <...> 28) Муравей».

Молодой Павел Терентьев, несомненно, был одним из лидеров «Общества любителей естествознания». Так, в «Хронике общества» было указано, что на выборах 28 апреля 1918 г. он был избран президентом и председателем общей секции, а также заведующим музеем и председателем «натуро-философской секции». Любопытно, что к этому времени бывший кружок превратился в общество с разветвленной структурой, в котором были следующие секции: зоологическая, ботаническая, геолого-минералогическая, физико-химическая, астрономическая и натуро-философская.

Столь подробный разбор деятельности кружка-общества любителей естествознания, на мой взгляд, наглядно показывает, что П. В. Терентьев уже в гимназии проявил себя не только как хороший и образованный, хотя и начинающий натуралист, но и как успешный организатор. Все эти задатки блестяще развернутся в его последующей деятельности.

Московский зоопарк

В сентябре 1922 г. П. В. Терентьев поступил в «I МГУ», где проявил особый интерес к зоологии. И. С. Даревский и Г. Н. Зайцев в статье «Памяти Павла Викторовича Терентьева», опубликованной в 1975 г. в московском сборнике «Биометрические методы», полагали, что оставаясь студентом, в 1923—1926 гг. П. В. Терентьев работал в Московском зоопарке на правах заведующего террариумом. Это однако не совсем точно. В 1955 г. Терентьев обратился туда за справкой о своем трудовом стаже в зоопарке. В ответ он получил извещение о том, что архив зоопарка «<...> в годы Великой Отечественной Войны сгорел» (Архив ЗИН РАН, фонд Терентьева, папка 1). Однако среди бумаг этой же папки я нашел несколько других справок, в которых удостоверялось, что П. В. Терентьев, действительно, трудился в московском зоопарке с 15

января 1924 г. по 23 апреля 1926 г. Эти справки были подписаны бывшим директором зоопарка академиком ВАСХНИЛ профессором М. М. Завадовским, лауреатом Сталинской премии профессором П. А. Мантейфелем (1882–1960), а также научным сотрудником Дарвиновского музея П. П. Смолиным (1897–1975). Оба последних подтверждали, что Терентьев, как сказано в их справках, «служил одновременно со мной».

Первоначально Терентьев был взят на службу в зоопарк на должность помощника заведующего подотделом аквариумов (с 15 января 1924 г.), и лишь позднее он стал заведующим секцией террариумов (с 21 января 1925 г.). В его «расчетной книжке 51» с грифом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», выданной Терентьеву 26 сентября 1925 г., отмечено, что на последней должности он «зачислен в 14 разряд тарифной сетки» с заработной платой в 78 рублей 12 копеек в месяц. С 1 февраля 1925 г. в соответствии с новым «колдоговором» ее повысили аж до 79 рублей 75 копеек, но одновременно разряд понизили до 13-го, а с 16 мая того же года он стал получать 82 рубля 50 копеек.

Вот как описал начало своей работы в зоопарке сам П. В. Терентьев в 1957 г.: «В декабре 1909 г. было открыто новое помещение аквариума около «слоновой горки», в котором был ряд террариев. Всем этим зданием ведал С. А. Сидоров. После Октябрьской социалистической революции, при реорганизации Московского зоологического сада в зоопарк, Терентьев был сперва помощником Сидорова, а потом организовал самостоятельный отдел на хорах слоновника. Помещение это было, однако, крайне неудобно, и в 1927 г. террарии были перенесены внутрь «Острова зверей».

В зоопарковской расчетной книжке П. В. Тереньева имеется ряд других курьезных записей, характеризующих то время. Например, в разделе «Дисциплина» указано, что все должны

соблюдать установленную дисциплину и сохранять общий порядок, во всех помещениях вывешиваются правила техники безопасности, санитарии и по охране труда, что рабочие и служащие в нетрезвом виде на работу не допускаются или же немедленно удаляются с нее. Воспрещалось приносить хмельные напитки, курить, где не положено, заниматься посторонними делами или оставлять без надобности место работы, уносить с собою на дом какое-либо имущество, играть, хотя бы в перерывы, в азартные игры; нельзя было также ругаться. Вряд ли трудовая жизнь молодого заведующего террариумом проходила строго по этим правилам. В книжке также отмечено, что в апреле 1925 г. Терентьев за сверхурочную работу заработал дополнительно 9 рублей, но других таких записей больше не было — не известно, то ли он более не перерабатывал, то ли ему за это не платили.

В 1925 г. в книге «Московский зоосад» появилась глава «Террарий», написанная П. В. Терентьевым. Глубокий интерес к террариумистике он сохранит на всю жизнь. Поэтому не кажется странным, что в его (с С. А. Черновым) классический определитель 1949 г. будет включен раздел «Содержание в неволе», занимающий целых девять страниц типографского текста.

Надо заметить, что П. В. Терентьев попал в зоопарк в довольно счастливое для себя (и зоопарка) время. Директором зоопарка стал широко известный уже в те годы экспериментальный зоолог, профессор Московского университета М. М. Завадовский, который трансформировал зоопарк из чисто развлекательного учреждения (зоосада) в научно-просветительское, перенеся туда даже свою научную лабораторию. Эти изменения, а также система воспитания в зоопарке (см. ниже) оказали сильное и, главное, благотворное влияние на зоологическую жизнь в Москве, которое долго еще сказывалось на формиро-

вании нескольких поколений блестящих советских зоологов и педагогов.

В зоопарке П. В. Терентьев, помимо прочего, занимался интродукцией местных амфибий. В его архиве (ЗИН РАН) я нашел два любопытных «акта» о заселении прудов зоопарка краснобрюхой жерлянкой и озерной лягушкой, один из которых я процитирую.

«Акт

о выпуске с целью акклиматизации в Барулинский пруд
Зоопарка Bombina bombina (L.)

В четверг 26 июля 1923 года в Барулинский пруд Зоопарка были выпущены в 11 ч. 20 м. дня 20 экземпляров Bombina bombina (L.) s. Bombinator igneus (Laur.) (F. Discoglossidae, Amphibia). Указанные экземпляры были пойманы в прудках на Воробьевых Горах (окр. г. Москвы).

Измерения выпущенных экземпляров:

<...> [для 10 особей приведены измерения 14 признаков — Л. Б.]

Два экземпляра зафиксированы в виде образца. Соотношение полов не могло быть учтено в виду неясности внешних половых признаков.

Ст. [Старший] Герпетолог Зоопарка: Павел В. Терентьев

Мл. [Младший] Герпетолог Зоопарка: С. Шибанов

Зоопарк.

Ч. [Четверг] 26.VII.23 г. н/ст.

Свидетели

Ст. Энтомолог зоопарка

[неразборчиво — В. Орканский?]

Орнитолог зоопарка Я. [?] Яхонтов

Ст. Ботаник зоопарка М. Вадковская

Мамолог [sic!] Б. Церевитинов

NB! В Ч.[етверг] 9.VIII.23 г. н.ст. в Барулинский пруд

была выпущена дополнительная партия в 12 шт.[штук], пойманных на Воробьевых горах.

Павел В. Терентьев».

КЮБЗ

Довольно рано проявился и педагогический дар П. В. Терентьева. В 1924 г. в Московском зоопарке был создан кружок юных биологов, знаменитый КЮБЗ. Руководителем секции земноводных и пресмыкающихся стал П. В. Терентьев. Вот как вспоминал об этом известный экспериментальный эколог и териолог Н. И. Калабухов (1978, с. 28–29): «Большую роль в развитии зоологического кружка сыграл заведующий террариумом Зоопарка, тогда еще студент последнего курса биологического отделения МГУ, Павел Викторович Терентьев. Руководя секцией сравнительной анатомии, он знакомил нас с основами изменчивости животных и методикой изучения их морфологических признаков: измерением тела и его частей и статистической обработкой данных. Особенно важным было то, что Павел Викторович и Владимир Владимирович [Карпов, энтомолог — Л. Б.] научили нас тщательно записывать на карточках сведения о всех интересных для нас печатных научных работах, чтобы в дальнейшем легко их находить среди тысяч журналов и книг в библиотеках».

Этот абзац однозначно позволяет считать, что уже в 1920-е годы для П. В. Терентьева были характерны три важных аспекта его деятельности, которым он будет уделять много внимания и в последующие десятилетия. Во-первых, это — разработка системы промеров тела у земноводных и пресмыкающихся. Заложенные им принципы и сама система промеров благодаря определителю 1949 г. стали основополагающими в отечественной герпетологии и используются до сих пор. Во-вторых, это — статистические методы обработки изменчивости как новый важный элемент теоретической и прак-

тической культуры герпетолога-систематика. Можно напомнить, что в этом подход Терентьева как теоретика принципиально отличался от методов систематики, использовавшихся А. М. Никольским (статистическая обработка выборок вместо изучения единичных «типичных» экземпляров).

И, наконец, в-третьих, это любовь П. В. Терентьева к книгам и библиографии, которая не угасала у него всю его жизнь. Надо заметить, что Павел Викторович знал несколько языков. Помимо традиционных европейских (английский, немецкий и французский), он владел также латынью, греческим языком и даже, по воспоминаниям В. Г. Ищенко (2002), ивритом. П. В. Терентьев собрал огромную личную библиотеку, которая после его смерти была куплена академическим Институтом экологии растений и животных в Свердловске. Институт, где директором в то время был академик С. С. Шварц, ученик П. В. Терентьева, заплатил за это замечательное собрание книг, включая ряд раритетов, 18 тысяч рублей — огромную по тем временам сумму. Обширная картотека Павла Викторовича по герпетологии была передана в отделение герпетологии Зоологического института АН СССР.

Любовь П. В. Терентьева к каталогам и библиографии отмечена в нескольких документах. Так, в приказе 1332 ректора Ленинградского университета члена-корреспондента А. Д. Александрова от 30 апреля 1958 г. ему «<...> за систематическую помощь в организации каталогов, библиографических аппаратов, в подготовке к изданию библиографических указателей, в комплектовании книжных фондов и др. работе <...>» на пользу библиотеки была объявлена благодарность. В домашнем архиве известного ленинградского герпетолога и палеонтолога Л. И. Хозацкого (1913–1992), который на протяжении нескольких десятилетий работал вместе с П. В. Терентьевым, я нашел машинописную копию письма в

Библиотеку АН СССР от 23 апреля 1959 г. В нем профессор Ленинградского университета П. В. Терентьев и доцент ЛГУ Л. И. Хозацкий высказали свои соображения о структуре систематического каталога этой крупнейшей научной библиотеки по разделам зоологии и палеонтологии.

Начало научной деятельности

Большая часть публикаций П. В. Терентьева московского периода отличалась своей лаконичностью, подчас «телеграфным» стилем. Однако при внимательном чтении можно заметить, что именно в них уже были заложены те основные направления научной деятельности П. В. Терентьева, которые с наибольшей полнотой проявятся позже, когда он переедет в Ленинград.

Так, в кратком изложении своего доклада о географической изменчивости у зеленых лягушек, представленного Ленинградскому обществу естествоиспытателей, П. В. Терентьев сообщил, что «Автор впервые занялся этим вопросом в 1920 г. и многократно возвращался к нему в последующее время». Действительно, его первая краткая, но содержательная статья по этой теме, называвшаяся «К систематике зеленых лягушек Московской губернии», была опубликована в «Русском гидробиологическом журнале» в конце 1922 г. Статья была закончена им еще 7 марта 1922 г. и уже на следующий день, 8 марта, была доложена «в заседании» Комиссии по исследованию фауны Московской губернии при известном Московском обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии. Напомню, что это происходило за полгода до поступления Павла Терентьева в университет. Высокий уровень его гимназической подготовки и занятия в ученическом Обществе любителей естествознания (явная реминисценция выше упомянутого общества), как видим, не прошли даром!

Сейчас, спустя 80 лет, можно сказать, что эта небольшая статья 19-летнего автора стала заметной вехой в изучении сложной группы зеленых лягушек, которая и в последние десятилетия остается в центре внимания зоологов многих стран как модель необычного видообразования (и необычных механизмов наследования). Так, если А. М. Никольский в 1918 г. различал лишь один вид (с подвидами) европейских зеленых лягушек «*Rana esculenta*», то П. В. Терентьев в 1922 г. разбил его на три. При этом он доказал, что *R. lessonae* обитает на территории России (точнее Московской губернии), а не только «в Италии, на Рейне и в Англии», как считал Никольский (1918, с. 33), а до него выдающийся английский герпетолог Дж. Буланже (George Albert Boulenger). Эта концепция таксономической структуры комплекса европейских зеленых лягушек, весьма близкая к современной, к сожалению, уже на следующий год самим же П. В. Терентьевым была изменена в схему с двумя видами (и каждый с двумя подвидами). Подтвержденная затем им в специальной немецкой статье 1927 г., а также благодаря определителю (1936—1949), двухвидовая трактовка окончательно устоялась в советской герпетологии и применялась вплоть до конца 1970-х годов. Лишь тогда стало очевидным, что *R. esculenta* имеет гибридное происхождение от родительских видов *R. ridibunda* и *R. lessonae*, а соответствующие гибриды были достоверно обнаружены на территории СССР. Последняя статья П. В. Терентьева по зеленым лягушкам вышла в 1962 г., то есть еще до открытия польским зоологом Лешекон Бергером гибридной природы *R. esculenta* (1965 г.).

После революции 1917 г. издательская деятельность в России и международные научные связи оказались разрушенными, и многие российские ученые не могли публиковаться. По воспоминаниям жены академика А. Н. Северцова, «начиная с 1922 г. <...> у нас восстановилось печатание научных изданий и

журналов и наладилась регулярная связь с Западной Европой <...> (Северцова, 1946, с. 259). Именно в это время молодой П. В. Терентьев довольно быстро вошел в научное сообщество, в том числе установив контакты с зарубежными журналами. Уже в июле 1922 г. он в возрасте 18 лет опубликовал в американском журнале «*Soreia*» описание нового вида лягушек с Дальнего Востока России *Rana zografi*. К сожалению, в уже упоминавшихся библиографиях Мариана Млынарского (1971) и Г. Н. Зайцева (1975) эта статья ошибочно отнесена к 1923 г. Во второй заметке «Concerning the question of the presence of *Eumeces marginatus* Hall. in Russia», напечатанной в том же журнале через год, П. В. Терентьев подтвердил мнение А. М. Никольского о том, что найденный еще в 1888 г. на побережье в Приморье сцинк принадлежал к виду *Eumeces latiscutatus*. Этот вывод был сделан им, как писал он сам, на основании тщательного изучения коллекций Зоомузея МГУ. Ранее в том же 1923 г. П. В. Терентьев начал печатать в популярном тогда немецком журнале «*Zoologischer Anzeiger*», выходившем в Лейпциге, серию своих кратких сообщений по герпетологии, преимущественно таксономического и фаунистического характера, под общим названием «*Miscellanea Herpeto-Batrachologica*» (то есть «герпето-батрахологическая смесь»). Всего им было опубликовано шесть заметок, объединенных в три статьи (1923—1927). Первая из них была получена в редакции 31 августа 1922 г. Таким образом, первые две научные публикации (на английском и немецком языках) по систематике амфибий и рептилий были подготовлены П. В. Терентьевым еще до поступления в Московский университет (сентябрь 1922 г.).

Первый съезд зоологов в Петрограде

В 1922 г. московский студент-первокурсник П. В. Терентьев участвовал в Первом Всероссийском [новое название страны «СССР» появится в тот же месяц за день до Нового

года!] съезде зоологов, анатомов и гистологов, проходившем в Петрограде 15—21 декабря. Это было одно из важнейших событий в советской биологии того времени, так как после последнего съезда русских естествоиспытателей и врачей прошло 10 лет и страна стала другой. В Петрограде собрался цвет тогдашней зоологической науки, включая гидробиологию, экспериментальную зоологию, генетику, анатомию человека и гистологию. В опубликованном списке участников («членов») съезда П. В. Терентьев был указан как зоолог, сотрудник Зоологического музея Московского университета (с адресом «Плющиха, 55а»). На секции систематики, экологии и зоогеографии им был представлен доклад «О законе параллельных рядов у Amphibia». В нем были приведены примеры параллелизма признаков, начиная с уровня семейств и кончая индивидуальной изменчивостью. В последнем случае упоминались параллельные изменения в рисунке окраски у видов лягушек рода *Rana* и дискоязычных лягушек рода *Discoglossus* (пятнистая и полосатая формы), то есть то, что в последние десятилетия батрахологи обсуждают под названием фенетики окраски.

Хотя сейчас опубликованный текст доклада (3 страницы) кажется довольно схематическим и несколько наивным, следует заметить, что для начала 1920-х годов он был вполне в духе эпохи, отражая даже модные в то время возражения против ортодоксального дарвинизма. Так, статья П. В. Терентьева заканчивалась следующими словами: «Я думаю, что в большинстве из приведенных случаев нет основания видеть результат хорологической, а не автономической (*sensu* Berg) закономерности, и потому мне кажется, что изложенное говорит за б о л ь ш у ю в е р о я т н о с т ь н о м о г е н е з а н е ж е л и т и х о г е н е з а» [Терентьев, 1923, с. 35; разрядка оригинала — Л. Б.].

Как видно, молодой Терентьев находился под влиянием книги зоолога-ихтиолога и географа Л. С. Берга «Номогенез», только

что выпущенной в Петрограде в 1922 г. и считавшейся наиболее полным и удачным синтезом антидарвинизма того времени. Более чем вероятно, что на взгляды П. В. Терентьева также оказал воздействие и закон гомологической изменчивости, о котором Н. И. Вавилов (1887—1943) триумфально провозгласил на 3-м Всероссийском селекционном съезде в Саратове в 1920 г., хотя фамилия последнего в опубликованном тексте доклада не была упомянута. Напомню, что название доклада Терентьева начиналось со слов «О законе...». Кстати, сам Н. И. Вавилов значился в списке участников съезда, и, возможно, он был на заседании, чтобы выслушать доклад Терентьева на столь важную для обоих (и многих других) тему. Как видим, П. В. Терентьев не только работал с коллекциями амфибий, но и внимательно следил за новинками в области эволюционной теории и старался применять их к герпетологии. Замечу, что впоследствии он преодолел свое сомнение в дарвинизме и, несмотря на «грехи молодости», стал вполне убежденным дарвинистом, внося большой вклад в изучение именно географической изменчивости видов.

Студенческий кружок имени Ламарка

Обращение молодого П. В. Терентьева к эволюционной тематике не было случайным. В Московском университете большое значение в подготовке биологов имели студенческие научные кружки, деятельность которых возобновилась после окончания гражданской войны и некоторой стабилизации жизни. В 1920-х годах в МГУ существовало несколько кружков.

«Из общебиологических кружков, работавших в то время, должен быть отмечен «Биологический кружок имени Ламарка», возникший в 1920 г. Его основателем и руководителем был Е. С. Смирнов. Кружок занимался вопросами эволюционного учения и связанными с ними проблемами, причем для доклада привлекалась обширная литература и собственные ра-

боты членов кружка. Он просуществовал до 1926 г., будучи особенно активным в первые три года. В среднем в кружке насчитывалось 20—25 человек. Членами его были энтомологи Тарбинский, Желоховцев, Кузин, герпетологи Шибанов и Терентьев, генетик Ромашов, Парамонов (ныне профессор Тимирязевской академии), Абрикосов и ряд других. Собрания кружка посещали М. П. и А. П. Павловы. Этот кружок, хотя и имел в своей работе некоторые методологические ошибки, сыграл большую и, в общем, положительную роль в научном формировании своих членов. Существенно также, что он был первым кружком, специально занимавшимся вопросами эволюционного учения», — так писал О. Крыжановский в 1940 г. в статье «Студенческие научные кружки биологического факультета Московского университета с 1917 по 1939 г.».

Известный историк биологии А. Е. Гайсинович (1906—1989) в своей книге «Зарождение и развитие генетики» (1988 г.) отмечал, что «Кружок имени Ламарка» объединял студентов, работавших в Зоомузее МГУ. Надо отметить, что руководитель этого кружка Е. С. Смирнов (1898—1977) был не только убежденным ламаркистом (так что название кружка было неслучайным), но и активно пропагандировал наследуемость приобретенных признаков. Одной из целей кружка было «<...> сопоставление различных теорий и их синтез <...>». Однако на деле его заседания часто превращались в горячие споры между ламаркистами и дарвинистами. К последним относился упомянутый выше Д. Д. Ромашов (1899—1963), первоначально энтомолог-колепторолог, а позже генетик, тесно связанный с С. С. Четвериковым. Тематика заседаний кружка была довольно разнообразной. Она проанализирована в интересной книге В. В. Бабкова «Московская школа эволюционной генетики» (1985 г., с. 154). Любопытно, что в 1920/1921 г. Ромашов выступил с рефератом только что опубликованного закона гомологических

рядов Н. И. Вавилова; обсуждались также проблемы географической изменчивости, проблемы генетики, систематики, зоогеографии и т. д. Ко всему этому П. В. Терентьев уже проявлял глубокий интерес, а многими из перечисленных вопросов он будет заниматься всю свою жизнь.

Работы по систематике и фаунистике

Вернемся, однако, к докладу молодого Терентьева на петроградском съезде зоологов, анатомов и гистологов 1922 г. Для истории советской герпетологии этот доклад интересен также тем, что здесь впервые П. В. Терентьев в табличной форме предложил свою схему деления всех видов рода *Rana* на «длинноногий» и «коротконогий» подвиды, сделав, таким образом, существенные изменения во внутривидовой систематике этой группы лягушек. Данная схема в той или иной форме будет долго доветь в его таксономических представлениях, в том числе в определителе (1949 г.) и справочном пособии «Лягушка» (1950 г.), оказывая тем самым большое воздействие на всех советских герпетологов.

В мае 1925 г. на этот раз в Москве состоялся Второй съезд зоологов, анатомов и гистологов СССР. Почти все его заседания проходили в аудиториях Московского университета. На этот раз П. В. Терентьев был зарегистрирован как заведующий отделом террариума Московского зоопарка (с тем же домашним адресом «Плющиха, 55а»). На заседании секции по систематике, экологии и зоогеографии он представил доклад «Опыт обзора русских лягушек рода *Rana*», в котором различал для фауны СССР восемь видов лягушек. Любопытно, что, по его мнению, *R. esculenta esculenta* «в СССР достоверно неизвестна». Текст доклада был опубликован в «Трудах» съезда лишь в 1927 г.

За свои московские студенческие годы П. В. Терентьев описал семь, как он полагал, новых таксонов амфибий и репти-

лий разного ранга. Это — пять форм лягушек из СССР и Китая, а именно: *Rana zografi* (1922 г.), *R. asiatica balchaschensis* (1923 г.), *R. nigromaculata schybanovi* (1923 г.), *R. temporaria warezowii* (1923 г.) и *R. arvalis altaica natio issaltschikovi* [*issaitschikovi* — Л. Б.] (1927 г.). Кроме того, им были описаны две формы ящериц из семейства Lacertidae: это — *Eremias arguta occidentalis* из Бессарабии и *Lacerta incerta* из Черногоории. Увы, но довольно скоро все эти формы были сведены в синонимы. Таким образом, в этом отношении начинающийся зоолог П. В. Терентьев как систематик-практик оказался неудачлив. Можно добавить, что предложенный им значительно позже (1963 г.) подвид *Lacerta vivipara sachalinensis* также не был принят коллегами.

Помимо таксономических, П. В. Терентьев в 1926 г. опубликовал две фаунистические работы. Обработывая небольшую коллекцию пресмыкающихся, собранных Л. Б. Беме и Д. А. Тарноградским в Терской области, он прозорливо обратил внимание на различия между особями ушастой круглоголовки из предкавказской и среднеазиатской частей ареала. Тогда же П. В. Терентьев предположил, что речь может идти о разных подвидах, но что это требует подтверждения на большем материале. Эта небольшая, но любопытная статья была напечатана им в «Ученых записках Северо-Кавказского института краеведения» во Владикавказе.

Другая его работа 1926 г. была посвящена герпетофауне Центрально-Промышленной области России, объединяющей несколько современных административных областей. В этой статье, отталкиваясь от фаунистического списка, он рассмотрел несколько более общих вопросов, в частности о генезисе герпетофауны, используя «ледниковую» схему А. М. Никольского. П. В. Терентьев предложил также использовать понятие «колония» применительно «к гадам», понимая под ней «соци-

альную совокупность индивидов, на которые разбиты все представители данного вида в данной станции». В общих чертах это понятие, по-видимому, можно сопоставлять с демом или локальной частью метапопуляции, которые были введены в популяционную биологию значительно позже. Кроме того, в этой же статье П. В. Терентьев обратил внимание на экологический викариат видов лесных и открытых биотопов, а также на расширение видом спектра своих местообитаний в тех районах, где отсутствует конкурирующий вид (принцип экологического исключения?!).

Земноводные Московской губернии

Несомненно, что центральной публикацией московского периода П. В. Терентьева была уже упоминавшаяся небольшая книжечка, озаглавленная «Очерк земноводных Московской губернии». Она была выпущена в Москве без указания года издания. Поэтому в литературе можно встретить 1923 г. (например, Хозацкий и Даревский, 1971). Вероятно, это связано с тем, что предисловие в книге было датировано 28 августа 1923 г. На самом же деле, эта книга вышла в 1924 г., как отмечал и сам Терентьев. В ней он суммировал все известные ему сведения по систематике, распространению и экологии амфибий Московской губернии, подчас в довольно широком контексте. В обзоре Н. Я. Кузнецова 1932 г., опубликованном в юбилейном выпуске журнала «Природа», работа Терентьева была перечислена среди главных эколого-фаунистических исследований, выполненных в СССР за первые 15 лет советской зоологии (по разделу герпетологии).

Любопытно, что «Очерк земноводных Московской губернии» вышел в серии «Учебные пособия для школ I и II ступени». На титульной странице этой книги также указано, что издание «Научно-педагогической секцией Государственного учебного совета допущено как руководство для преподавате-

лей». Таким образом, получилась парадоксальная ситуация: автором руководства для преподавателей стал всего лишь второкурсник Московского университета! Других таких случаев в истории нашей герпетологии я не знаю. Напомню, что Павел Терентьев стал студентом в сентябре 1922 г., а рукопись книги была закончена в августе 1923 г.

Сам П. В. Терентьев охарактеризовал «Очерк» как «этюд». Это слово уже тогда, в 1920-е годы, было несколько старомодным для быстро развивающегося советского русского языка («новояза»). В основном оно употреблялось представителями старшего поколения. Влияние «дореволюционных пережитков» в речи Терентьева будет чувствоваться на протяжении всей его жизни. Как бывший студент Ленинградского университета, я хорошо помню, что по своей лексике и построению фраз лекции Павла Викторовича заметно отличались нестандартностью, а иногда и вычурными словами, от лекций других преподавателей.

Свой московский «этюд» 1924 г. П. В. Терентьев посвятил «<...> комиссии для исследования фауны Моск. губ. при М.О.Л.Е., А. и Э.». Данное сокращение, уже совершенно в стиле новой эпохи, означало Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии. Это в свое время достаточно знаменитое общество, сейчас, увы, подзабытое, возникло еще в 1863 г. Однако 1 января 1931 г. после многолетних ревизий, под нажимом и по распоряжению Наркомпроса РСФСР оно было слито с Московским обществом испытателей природы (МОИП). Президентом МОЛЕАЭ после революции были замечательные ученые — географ профессор Д. Н. Анучин, а с 1923 г. — А. Н. Северцов. Можно предположить, что несколько необычное для начинающего исследователя посвящение своей первой книжки не родителям, учителям или друзьям, а некоей «комиссии», вероятно, было обусловлено большой поддержкой батрахологических изысканий П. В. Те-

рентьева со стороны членов этой комиссии. В связи с этим было бы интересно выяснить, кто входил в ее состав в те годы.

В предисловии («От автора») приносится «искренняя благодарность» ряду лиц, содействовавших написанию и изданию «Очерка», в том числе «<...> моему уважаемому учителю Григорию Александровичу Кожевникову, Сергею Сергеевичу Четверикову, <...> С.Д. Перелешину, <...> Н.В. Шибанову, <...>». В качестве учреждения П. В. Терентьев привел Зоологический музей. Однако адресом для возможных писем со стороны читателей указал «Герпетологическую лабораторию Московского Зоологического сада». Обращает на себя внимание также подпись под предисловием — «Павел В. Терентьев» (не П.В. или Павел Терентьев). Этой совершенно не русской (сейчас сказали бы «американизированной») формулой Павел Викторович будет пользоваться всю свою жизнь (в западном варианте — «Paul V. Terentjev»). Таким образом, даже некоторые стилистические особенности его более позднего, ленинградского периода жизни сформировались в московские годы.

В «Очерке земноводных Московской губернии» П. В. Терентьев, наряду с музейными коллекциями использовал сведения, полученные им самим или его друзьями и коллегами, в том числе еще в гимназический период. В видовых очерках, помимо распространения (с перечнем находок) и систематики, рассмотрены также особенности образа жизни и даже некоторые экспериментальные данные. Так, например, автор отмечал, что озерная лягушка может долго голодать. В качестве доказательства он привел случай с самкой этого вида, которая прожила почти год (с 26 июня 1921 г. по 1 мая 1922 г.) при комнатной температуре и не получая пищи. Кстати, в этой своей книжке П. В. Терентьев, по-видимому, первым из отечественных герпетологов употребил слово «экология», что для того времени не было совсем тривиальным.

Первый арест и ссылка

Последней статьёй московского периода стала уже упоминавшаяся третья публикация в серии «Miscellanea Herpeto-Batrachologica», посвященная систематике и распространению зеленых лягушек («Bemerkungen über die Systematik und Verbreitung der grünen Frösche»). Данная статья была подготовлена, как отметил ее автор, на основе обработки материалов Зоомузея МГУ и Зоологического музея АН СССР (ныне ЗИН РАН). Это — первое указание на работу Терентьева с ленинградскими коллекциями, с которыми он будет тесно связан всю свою оставшуюся жизнь, начиная с 1934 г.

Статья вышла в Германии 20 октября 1927 г. В это время П. В. Терентьев уже находился в Предуралье в небольшом городке Чердынь на севере нынешней Пермской области, куда он был выслан из Москвы. На одном из оттисков рассматриваемой статьи, которые он рассылал из Чердыни 9 ноября 1927 г., его рукой было написано: «Дорогой Мамочке от Павлика» (Архив ЗИН РАН, фонд Терентьева, папка 1).

П. В. Терентьев окончил Московский университет в 1926 г. В некрологе 1971 г. свердловские зоологи-экологи Н. Н. Данилов, В. Г. Ищенко и С. С. Шварц отметили, что он «<...> был оставлен в аспирантуре по специальности «зоология». После окончания аспирантуры он занимается исследовательской работой и преподаванием в Казани и Архангельске» (с. 113). Однако какие-либо подробности этой аспирантуры (у кого, по какой теме и т. д.) не указываются. На самом же деле с мая 1926 г. П. В. Терентьев больше в Москве не работал. В некрологах и статьях, написанных в советское время, вопрос о причинах, заставивших его покинуть этот город, «деликатно» не затрагивался, в первую очередь, по цензурным соображениям.

Со слов Л. Н. Лебединской (1906—1986), старейшей сотрудницы отделения герпетологии ЗИН АН СССР, много лет

IX 1922 — IV 1926 I МГУ
V 1926 — X 1926 под арестом
IV.1929 — IV. 1930 безработный
IV.1930 — IV. 1931 ТНИЭИ*
IV.1931 — XI. 1932 лагерь
X. 1933 — V. 1934 Архангельск
VI.1934 — IV. 1942 ЛГУ
IV.1942–10.9.1944 ЗИН АН
1.9.44 г. — 29.1.51 ЛГУ
1.2.51 г.—16.8.51 ЗИН АН

16.8.51 г. — зав. каф. зоологии Вологодск. Пед. Ин-та».

В Чердыни начался новый период жизни П. В. Терентьева. Но это уже другая история. Можно только отметить, что мытарства Терентьева, вынужденного в течение нескольких десятилетий при каждой смене работы отмечаться в органах внутренних дел, закончились лишь в 1964 г., когда решением Президиума Московского городского суда от 30 марта, он был, наконец-то, реабилитирован, а Постановление особого совещания при коллегии ОГПУ от 23 августа 1926 г. и все последующие репрессивные постановления были отменены (Архив ЗИН РАН, фонд Терентьева, папка 1).

*Л. Я. Боркин***

УЧИТЕЛЬ

До поступления на Биофак ЛГУ о Павле Викторовиче Терентьеве я практически ничего не знал, за исключением того, что он был одним из лучших лекторов факультета, профессором, заведующим кафедрой зоологии позвоночных. Хотя большинство однокурсников отдавало в этом отношении пальму первен-

* Татарский научно-исследовательский экономический институт [Прим. Л. Б.].

** Работа выполнена по гранту РФФИ 02-06-80391

ства Юрию Ивановичу Полянскому, для меня, да простят меня мои друзья, лучшим лектором все-таки был (и есть!) Павел Викторович. На его лекциях (а он читал годово́й курс зоологии позвоночных) аудитория всегда была полной. Но тогда мне казалось, что он был очень строг, сух, труднодоступен, к тому же был непонятным «биометриком», что большинство студентов просто отпугивало. Возможно и поэтому, у него очень редко бывали «собственные» студенты. По неизвестным мне причинам Павел Викторович предложил мне пойти в обучение к нему. Надобно сказать, что он с пониманием отнесся к моему изначальному желанию стать орнитологом, как и желанию многих других студентов кафедры, в чем, в силу определенной конкуренции, мне было отказано, и сказал, что подумает о какой-нибудь орнитологическо-биометрической теме для меня, но пока что предложил заняться амфибиями.

Уже позже я понял, что, несмотря на свою официальность в обращении, по крайней мере в первые месяцы нашего знакомства, некоторую сухость, Павел Викторович внимательно наблюдал за моей деятельностью, причем достаточно пристрастно и всегда имел полную информацию о моих результатах. По-видимому, успешный и быстрый сбор материала, сыграл определенную роль в наших дальнейших отношениях. Но, как я понял позже, Павел Викторович настроен был по отношению ко мне гораздо серьезнее, чем я думал. Помимо первого задания на практику после второго курса наловить тритонов и жерлянок, он дал мне две книги. Одна — на английском — «Школа лесов» Уильяма Лонга. Книга написанная, как потом мне объясняли, на безукоризненном литературном английском языке, почти не переводимом. А вопрос о том, что будущий зоолог не знает английского достаточно для чтения и перевода, Павлом Викторовичем вообще не рассматривался. Вторая книга (не просто данная, а подаренная мне!) была на русском языке. Это была

«Систематика и происхождение видов с точки зрения зоолога» Эрнста Майра. Дав мне эти две книги, Павел Викторович сказал лишь одну фразу: «Прочтите и кончайте с натурализмом». И вот это-то и была мина замедленного действия. Потому что без всяких нравочений и нотаций я понял необходимость знания английского, как минимум для чтения, а что касается книги Майра, то зоология явилась мне такой стороной, о которой я и не помышлял, о которой не только в школе, а и во многих ВУЗах в ту пору не помышляли. Ведь жил и здравствовал тогда, увы, Трофим Денисович Лысенко! И я начал становиться зоологом...

Дальнейшие наши отношения с Павлом Викторовичем складывались достаточно, как теперь кажется, просто. Во-первых, он дал мне небольшой список литературы про тритонов, состоящий из работ старых, «дореволюционных» зоологов (Н. Ф. Кащенко, В. С. Елпатьевский, Б. М. Житков, Л. П. Сабанеев и др.). На вопросы о других работах Павел Викторович и тогда, и в дальнейшем отвечал просто: «Голубчик, идите в библиотеку!» И я тогда уже понял, что умению искать и читать литературу Павел Викторович придавал первостепенное значение, и он дал мне понять, что научить этому практически невозможно, ибо любовь к знанию и способность это знание добывать, по его представлениям, должны быть заложены в человеке изначально. Иначе нечего и думать о научной работе.

Но что делать с тритонами? Наловил я их и жерлянок, как было предписано, неожиданно легко и быстро, но дальнейшее мне было не ясно. Мне было показано, как измерять тритонов, и рекомендовано взять десяток из них и измерить у каждого длину головы, туловища и хвоста, предварительно снабдив каждый экземпляр персональным номерком, засунутым в рот. После чего каждый тритон должен был быть измерен повторно еще несколько раз, до получения совпадаемости результатов.

Далее мне было велено прочесть и понять книгу Ю. Филиппенко «Изменчивость и методы ее изучения», в которой были описаны основы вариационной статистики. После этого я должен был свои данные (промеры тритонов и индексы пропорций тела) «обсчитать» и описать в виде курсовой работы.

Все проведенные мною расчеты Павел Викторович проверял лично на арифмометре, причем делал это у себя дома вечерами. Расхождение допускалось в шестом знаке после запятой. Но поскольку у меня в школе с арифметикой проблем не было, Павел Викторович не нашел у меня ни одной ошибки. Это также положительно отразилось на наших дальнейших контактах, потому что точка зрения Павла Викторовича на этот счет была проста: «Если научный работник делает ошибки в арифметике, то с ним дальше разговаривать не о чем». Разумеется, это очень жесткий подход, но то же самое много позже я слышал от его соученика по Московскому университету Н. В. Тимофеева-Ресовского.

Рукопись курсовой работы Павел Викторович взял домой, вернув через несколько дней с исправлениями, внесенными красными чернилами. Я с ужасом увидел, что количество текста, написанного красными чернилами, намного превышало написанное мною, и многое из того, что я написал, было просто вычеркнуто! И опять-таки — никаких наставлений и критики. Просто: «Вот, голубчик, прочтите и поймите, как не надо писать!»

Коль скоро у нас стали складываться хорошие отношения, читал я «про лягушек» все, что попадалось под руку, Павел Викторович стал приглашать меня к себе домой. Жил он в ту пору (1958 г.) на Первой линии Васильевского острова, в коммунальной квартире, где он, его жена Нина Анатольевна и сын, Анатолий, занимали одну большую, примерно метров сорок, если мне не изменяет память, комнату. Первое впечатление было совершенно необычное — одни книги. По периметру комнаты,

вдоль стен, — стеллажи. Перегородки в комнате — из стеллажей с книгами. Я не знаю, сколько тысяч книг было, но десять — наверняка. Между стеллажами — письменный стол, обеденный стол, несколько стульев и кровати. Все! Ничего более. Я помню, как Павел Викторович показывал мне ту или иную книгу на полке, поясняя, что вот, мол, эту книгу читать не то что не надо, ее даже трогать нельзя, она должна стоять спокойно. Это был какой-нибудь раритет. Показывая книгу, он сам испытывал большое удовольствие оттого, что держит ее в руках, мог долго о ней рассказывать. Книжник он был ревностный, читал очень много, читал на английском, немецком, французском, латыни, греческом. Да наверняка еще и на других языках. Прекрасно знал географию, историю и ценил любовь к ней в других. От него я впервые услышал замечательную фразу: «Если вы не знаете зоологию, то это не беда, зоологию можно выучить. Но если Вы не знаете, кто взял Бастилию, то это плохо!»

О том, какой страстью для него были книги, я понял много позже, когда разбирал его библиотеку, приобретенную после его смерти Институтом экологии в Свердловске. На большинстве титульных листов вверху стоял его автограф «Павел Терентьев» или «Paul Terentjev» и дата приобретения книги. Так вот, я видел книги, датированные 1942 г.! Сейчас уже немногие могут себе представить, как в блокадном Ленинграде человек не топил печь книгами, а собирает их! Совсем недавно, немногим менее двух лет назад, я прочел в воспоминаниях его сына, Анатолия Терентьева-Катанского: «...отец не сжег книги. Скорее он расстался бы с жизнью». Но в тот, первый визит ни о чем подобном я, разумеется, не думал. Павел Викторович и Нина Анатольевна, по русскому обычаю, поили меня чаем, не без фамильного серебра, после чего Павел Викторович провел «практическое занятие». Взяв с полки дореволюционное издание

«Хиромантии» он с помощью иллюстраций быстро нашел на моей ладони повышенные математические способности и склонность к мелким уголовным преступлениям. Если первое лишь подтвердило его уверенность в «правильности выбора студента», то по поводу второго он сказал просто: «Вот это, голубчик, вам совсем не обязательно!».

На 4 курсе мне довелось прослушать его лекции по биометрии. Несмотря на то что Павел Викторович заведовал кафедрой, кроме общего курса зоологии позвоночных он официально ничего не читал. Но два курса он читал факультативно — на кафедре вечерами. Эти два курса, «Герпетология» и «Биометрия», наверное, больше нигде в СССР и не читались. Герпетологию, естественно, слушали только зоологи. И тут приходилось не просто конспектировать лекции, а почти полностью записывать. И дело не в том, что не было учебников. Даже если бы они и были, это не меняло бы дела. Павел Викторович никогда не читал того, что можно прочесть в учебнике. Более того, он часто, о чем-то упомянув, говорил: «Это Вы прочтете в учебнике». И нам он давал те знания, которые черпал из своего необъятного домашнего книгохранилища.

То, что П. В. Терентьев был энтузиастом и знатоком биометрии, общеизвестно. Понятна и его любовь к математике, привитая его матерью, которая сама была математиком. А что касается биометрии, то как-то показав книгу Карла Пирсона «Грамматика науки», где и описаны основы биометрии, Павел Викторович заметил, что эта книга оказала на него решающее влияние в формировании его как ученого. В дальнейшем это влияние проявилось самым необычным образом. По существующей легенде (со слов С. С. Шварца), в 1948 г., на вопрос о том, как он относится к учению Т. Д. Лысенко, Павел Викторович ответил: «Абсолютная ложь также непознаваема, как и абсолютная истина!». После этого он был уволен из Зоологи-

ческого института и почти три года работал в Ленинградской публичной библиотеке (ныне — Российская национальная библиотека), где в совершенстве изучил библиотечное дело. Умение работать и совершенствоваться в любой обстановке было в нем развито необычайно. Недаром же будучи в ссылке в Пермской области (насколько я знаю, за поддержку движения скаутов) он там «изобретал» свои «корреляционные плеяды»!

Но об этом я узнавал гораздо позже. А пока что мы слушали курс биометрии и, с 1960 г., — «Избранные главы биометрии». И опять-таки, в отличие от ряда учебников по статистике, лекции были построены не от математики, а от жизни. Всегда в основу лекции ставилась определенная биологическая задача, так или иначе связанная с изучением изменчивости. А дальше нам предлагались способы решения задачи. Нина Анатольевна Терентьева многие часы тратила на то, чтобы на пишущей машинке, под копирку, размножить разнообразные математические таблицы, необходимые каждому из нас в работе. Каждый из слушателей должен был в перерыве между лекциями (одна лекция в неделю) самостоятельно обсчитать несколько примеров, или на предложенных данных, или на своих. Это было обязательным требованием П. В. Терентьева для усвоения лекционного материала. Мы уже тогда приучались к точной и корректной обработке материала. Это было настолько ново и необычно, что слушать курс биометрии приходили не только студенты биофака, но и студенты и аспиранты математики и физики. Нам предлагались не просто формулы, но нам тогда прививалось определенное мировоззрение. И тут вспоминаются два момента. Как-то на кафедре вывесили очередной номер кафедральной стенгазеты. Не помню, как она называлась, но наверняка что-нибудь вроде «За советскую экологию». Там были заметки про полевые работы, какие-то планы, фотографии палаток с ружьями и биноклями и т. д. Проходя

мимо и увидев как я пристально исследую содержание стенгазеты, Павел Викторович заметил: «Это не экология, зайдите ко мне». Тут же, в своем кабинете, он достал с полки какую-то книгу (если мне не изменяет память — учебник экологии Ан-древарты и Берча), полистав его, показал мне ряд графиков и таблиц и сказал: «Вот это — экология». Другой раз, взяв одну из зоологических монографий, он показал мне таблицу, содержащую какие-то средние величины для нескольких видов животных. Ни ошибок средних величин, ни данных о величине выборок таблица не содержала. Показав ее, Павел Викторович сказал лишь одно: «Никогда так не делайте!». И это уже была не рекомендация!

В 1959 г. мне надо было где-то собирать материал для следующей курсовой и дипломной работ. Павел Викторович предложил мне поехать в Свердловск, к своему бывшему аспиранту С. С. Шварцу. В тот год мне довелось побывать на Севере, на юге п-ова Ямал. По возвращении в Ленинград, при первой же встрече Павел Викторович долго меня расспрашивал о поездке, о тундре, о фауне, о погоде. Сам он много лет никуда не ездил, но видно было, что он немного тоскует от отсутствия контактов с природой, хотя обычно это в нем никак не проявлялось. Тем не менее, он старался узнать как можно более подробностей о тех условиях, в которых обитали те «серии» амфибий, с которыми он так или иначе работал. Недаром же на одном из заседаний кафедры он в речи, обращенной к нам, старшекурсникам, произнес замечательную фразу. Показав рукой куда-то вдаль, он сказал: «Никогда не забывайте, что зоология начинается там, в поле!». Он считал это необходимым, для того чтобы обдумывать результаты обработки. Сам он говорил мне, что думать надо, по крайней мере, дважды, — перед тем как обрабатывать (обсчитывать) материал и после того. Справедливости ради должен отметить, что его ученик, Станис-

лав Семенович Шварц, приучал меня думать, прежде чем собирать материал в поле, иначе, как он говорил, потом думать будет поздно. Впрочем, и в этом «совете» С. С. Шварца чувствуется влияние Павла Викторовича.

Но вместе с тем Павел Викторович, в общем-то не вмешивался в сам процесс обработки материала. Для него важно было сформулировать задачу и предложить наиболее корректные способы обработки данных. Единственное, к чему он был требователен — это к работоспособности и самоотдаче. Поскольку Терентьев на кафедре бывал далеко не всегда, да к тому же строго по расписанию и редко видел, как я работаю, я спросил его, на основе чего он судит о моей работоспособности. Он ответил просто, употребив свое любимое слово: «Голубчик, нет ничего проще, чем мысленно пересчитать окурки в Вашей пепельнице!». Вот прекрасная иллюстрация к его замечанию о том, что и зачем надо измерять!

Он не любил совмещения разных родов деятельности и признавал только профессиональную деятельность — никакого любительства. Однажды дома, показывая мне фотографии европейских и американских герпетологов, достаточно известных, он сказал про одного из них: «Но он был армейским полковником, а от них серьезных успехов в науке ожидать не приходится!». Нередко в его поведении, часто по тому как он здоровается с кем-нибудь, проглядывалась определенная сухость и бескомпромиссность в отношении к тем или иным людям. Нетрудно было заметить, что он достаточно холодно относился к членам КПСС, особо рьяно занимавшимся партийной работой. В то же время помнится, что, узнав о том что я по истории КПСС на экзамене получил «тройку», он вполне серьезно отчитал меня, сказав, что по общественным наукам надо иметь отличные отметки. Но по глазам его видно было, что он доволен тем, что его студент не забивает себе голову пустяками, тем более что Историю эту он

знал не только по учебникам. Закончил он свое «внушение» тихой фразой «Противника надо знать!». Но помимо этого от «своих» подопечных он требовал добротных знаний. Когда я в 1961 г. сдавал ему государственный экзамен по зоологии, отвечая на вопрос о систематике грызунов, я допустил лишь одну ошибку. Я забыл русское название одного из грызунов, хотя с латынью проблем не было. Но этого оказалось достаточно для того, чтобы П. В. Терентьев снизил мне, на балл от максимальной, оценку по этому вопросу. А ведь зверь-то этот был бобр!

Что касается его требовательности к работоспособности, то она отражала, прежде всего, его собственную увлеченность своей работой. Он никогда и никого, насколько мне известно, не заставлял что-то делать. Просто с человеком равнодушным к своему делу, он порывал отношения. Такие люди его не окружали. Сам он, по-видимому, с ранней молодости мыслил себя только с зоологией, несмотря на свою широчайшую образованность. Позже, в 1961 г., при моем первом знакомстве с Н. В. Тимофеевым-Ресовским в Свердловске, Николай Владимирович замечательно, в свойственной ему манере, отозвался о Павле Викторовиче: «Я помню Павла по Московскому университету. Он ходил в пенсне, с тросточкой, и разговаривал только о лягушках!». Пенсне я не застал, тросточку могу только представить, но то, что только о лягушках — это несомненно. О них он мог говорить сколько угодно, причем, опять-таки по выражению Н. В. Тимофеева-Ресовского, «на любом языке».

Знанию иностранных языков Павел Викторович придавал очень большое значение. Не заставляя, он просто замечал в беседе, что языком вполне достаточно заниматься хотя бы один час в день, и вовсе необязательно сидеть с учебником грамматики, вполне достаточно «работать с текстом», приучив себя схватывать суть написанного. Он не признавал выписывания слов на бумажку и заучивания их наизусть.

Он был строг, нередко официален, кому-то мог показаться и высокомерным. Но его мимолетная улыбка иной раз выдавала в нем хорошее чувство юмора. В 1960 г., вернувшись с полевых работ из Башкирии, я рассказал ему с гордостью, что приобрел (а тогда я уже начал собирать книги) «Основы экологии» Б. Г. Иоганзена. Удивленно повернувшись ко мне, Павел Викторович воскликнул: «А Вы что, коллекционируете курьезы?!».

Как-то раз, на кафедре, он решил заглянуть ко мне. Мое рабочее место находилось «за шкафами», у окна, обращенного на Менделеевскую линию. Проникал я туда через узкий, шириной около 30 см, проход между шкафами, причем делал это «на скорости», безо всяких остановок. Почему-то на этот раз Павел Викторович решил не обходить шкафы, а пойти моим путем. Но, по-видимому, забыв что-то мысленно промерить, он, естественно, на полпути застрял между шкафами. Я и другие студенты, бывшие неподалеку, были в явном замешательстве, хотя комизм ситуации был очевиден. Ничего не оставалось другого, как раздвигать громадные шкафы! Обретя, наконец, свободу, Павел Викторович не смеялся! Он хохотал! И вскоре порекомендовал при очередной инвентаризации кафедрального имущества провести измерение не только расстояний между шкафами, как это предписывалось противопожарными инструкциями, но и талий сотрудников!

Шло время, подходила к концу дипломная работа «про углозуба», но нас ждали и иные испытания. К сожалению далеко не все руководители заботились о распределении своих студентов, да и большая проблема была с этим распределением. Павел Викторович, однако, относился к этому вопросу очень серьезно. В понятие «выпустить ученика» входило у него и понятие «устроить на работу». Видимо, он задумывался об этом, потому что, обсуждая мои научные планы, заметил как-то: «Это вы сделаете у Шварца». Получить место в аспирантуру для

меня или найти в ставку в ЗИНе ему никак не удавалось, и он предложил мне распределиться в Свердловск, то есть в Академию Наук, что считалось тогда весьма почетным.

— Я могу устроить Вас в Уральский филиал Академии наук, в Институт биологии. Хотите — к Тимофееву-Ресовскому, хотите — к Шварцу.

И как-то с горечью добавил: «Вы — полевик, тут мне нечему Вас учить».

В начале июля, за день до отлета в Свердловск, я зашел к Павлу Викторовичу домой. У него были какие-то приезжие гости, и мы не могли долго общаться. Он пожелал мне успехов и выпил (это я видел впервые в жизни!) рюмку красного сухого грузинского вина. На прощанье сказал буквально две фразы.

— Никогда не бросайте углозуба. И помните — если Вы в чем-то не пойдете дальше меня, значит, я выпустил брак.

...Мы продолжали переписываться, и приезжая в Ленинград я обязательно встречался с Павлом Викторовичем. В середине 1962 г. меня позвал в кабинет С. С. Шварц и показал мне письмо от П. В. Терентьева. Для меня там было несколько фраз. «У меня есть место в аспирантуру. Верните мне В. Г. Ищенко. Он мне нужен». К тому времени я уже был семьянином и в одиночку решать такую проблему не мог. К тому же проблема «жилья» и прописки в Ленинграде была практически неразрешимой. Да и работал я не у кого-нибудь, а у ученика П. В. Терентьева. Так что решение было принято, а любое сожаление, по определению Павла Викторовича, неконструктивно и, стало быть, бессмысленно.

Увы, был период (1962—1967), когда я пять (!) лет, по разным причинам, не был в Ленинграде. К счастью, в 1964 г. Павел Викторович приезжал в Свердловск, на одно из совещаний. Я был счастлив тем, что моя кандидатская диссертация во многом была связана с тем, чему обучал меня Павел Викторо-

вич, и тем, что одним из оппонентов был его университетский товарищ Н. В. Тимофеев-Ресовский. При защите Павел Викторович прислал мне положительный отзыв, хотя некоторые мои результаты никак не согласовывались с его прежними. Наши добрые отношения нисколько не изменились.

31 декабря 1970 г., Станислав Семенович Шварц вызвал меня к себе в кабинет и показал телеграмму от Н. С. Ростовской, извещающую о смерти Павла Викторовича. Он достал деньги, передал их мне и сказал лишь одну фразу: «На веночек». И отвернулся. Человеку свойственно помнить своих Родителей и Учителей всю жизнь, и в списке рассылки отписок С. С. Шварца под номером 1 всегда была аббревиатура «ПВТ».

Утром я был в Ленинграде.

Последний раз «зримо» я встретился с ним зимой 1973 г. Станислав Семенович Шварц добился разрешения на покупку Институтом экологии библиотеки Павла Викторовича, и после доставки ее в Свердловск мне была доверена работа с ней. Надо было определить состояние многих книг, проверить наличие «дублей» в библиотеке Института и т. д. И я на полтора месяца окунулся в Его Мир. Вполне понятное волнение приходило, когда я брал в руки «Основы сравнительной анатомии...» Гегенбауэра, «Лекции по сравнительной анатомии...» Кювье, изданные при Наполеоне или же «Основания геологии» Чарльза Лайеля... Мне кажется, что тогда, листая эти книги, читая пометки П. В. Терентьева на полях или пожелтевших листках, встречающихся между страницами, я узнал о Павле Викторовиче больше, чем знал за все годы общения с ним. Многие из этих книг, с которыми он провел большую часть своей жизни, стали частью и моей жизни. Но при всей своей любви к «старой книге» наиболее мне дорога одна — первый из экземпляров привезенного на кафедру тиража его «Герпетологии» с над-

письму «Дорогому Володе Ищенко на память о его учителе. Павел Терентьев. Ленинград, 9.5.61 г.».

Я отношусь к тому предвоенному поколению, едва ли не половина отцов которого не вернулась с войны. И для многих из нас наши университетские или институтские учителя были гораздо больше, чем учителя, хотя сами Учителя могли об этом и не подозревать. И сейчас, вспоминая те дни, когда меня не взяли в орнитологи, можно сказать лишь одно — Боги тогда были ко мне милостивы и щедры.

В. Г. Ищенко

ВОСПОМИНАНИЯ

Познакомиться с Павлом Викторовичем мне довелось уже в последний период его жизни, в ноябре 1958 г., когда, заканчивая аспирантуру в Биологическом институте Казанского филиала Академии наук СССР, я был командирован в Москву и Ленинград для работы в библиотеках и музеях и консультаций со специалистами-герпетологами. Созвонившись предварительно по телефону, я пришел на кафедру зоологии позвоночных Ленинградского университета, которой тогда заведовал П. В. Терентьев, и был принят очень дружелюбно, но своеобразно. Дело в том, что я показался Павлу Викторовичу «бледным», и мне была прочитана получасовая лекция на тему: «Как беречь свое здоровье». Этот вопрос для Павла Викторовича, перенесшего перед этим инфаркт миокарда, был весьма актуальным. Возможно, сердечный прием объяснялся и тем, что я прибыл из Казанского университета. Тогда я не знал, что после окончания Московского университета Павел Викторович оказался «в ссылке» в городе Чердынь, на Урале. Будучи оторван от научной деятельности, какой он был занят со студенческих лет в Москве, Павел Викторович и в уральской глухомани участвовал в работе местного музея, при котором было организовано Общество

изучения края. Здесь он, видимо, впервые опубликовал работы не герпетологического плана — о рыбах и моллюсках в журнале «Чердынский край» (1928 г.), выступал с сообщениями «Характер варьирования лепестков калужницы» и «Принципы статистического подхода к явлениям живой природы» на заседаниях общества. Получив возможность выехать из Чердыни, Павел Викторович летом 1929 г. оказался в Казани. Казанский зоолог Н. Д. Григорьев сообщал в одном из писем коллегам: «Приехал в Казань известный Вам (по «Фауне земноводных Московской губернии») Терентьев, которого выслали из Москвы за политическую неблагонадежность. Собирается акклиматизироваться здесь, как будто бы хочет пустить корни в Ест.-Ист. Отд. Ц.М. (Центрального музея — В. Г.) и Зоол. Каб. Ун-та» (6.VII.1929 г.). Но «пустить корни» Павлу Викторовичу удалось в Татарском научно-исследовательском институте (были тогда в национальных республиках такие «микроакадемии»), где он стал научным сотрудником Кабинета статистики (1929—1931 гг.). В эти годы он был, по выражению профессора Н. А. Ливанова, единственным в Казани «спецом по биометрии», и ему было поручено чтение курса биометрии студентам геолого-биологического факультета Казанского университета. Таким образом, П. В. Терентьев, один из пионеров биоматематики в нашей стране, начал впервые чтение биометрии в Казанском университете. Одновременно Павел Викторович возобновляет исследования по герпетологии и батрахологии, тесно связывая их с методами биометрии. Он связывается с Центральным музеем Татарской республики, в лаборатории которого обрабатывает свои сборы, с Казанским зооботаническим садом, где содержались пойманные лягушки, и директором которого был И. С. Башкиров, также занимавшийся герпетологией. О своих работах Павел Викторович докладывал на заседаниях Общества естествоиспытателей при Казанском уни-

верситете, председателем которого был профессор Н. А. Ливанов, помогавший молодому исследователю. Терентьев передал последнему сборы гадов из материалов Чувашской экспедиции, работавшей под руководством Павла Викторовича в 1928—1929 гг. Эти материалы были опубликованы в «Трудах» общества естествоиспытателей в Казани (1935 г.), а первая работа — по биометрии озерной лягушки — ранее в Кембридже (1931 г.). Так что Павел Викторович сохранил добрую память о Казани и казанцах.

Главной целью встречи с П. В. Терентьевым было обсуждение содержания моей работы по амфибиям Волжско-Камского края. Павел Викторович, как и его ленинградский коллега и соавтор, Сергей Александрович Чернов, внимательно отнесся к этой просьбе, дал ряд ценных советов, в частности, предложил, в связи с содержанием, изменить и название диссертации, перенеся внимание с морфологии на фаунистику. Я попросил Павла Викторовича назвать литературные источники, связанные с темой диссертации, которые мне, по его мнению, необходимо «проработать» в первую очередь в библиотеке Зоологического института. Павел Викторович обещал подготовить такой список через несколько дней, к концу недели. Попутно выяснилось, что через день у них состоится заседание кафедры, на которое он меня пригласил. Перед заседанием он вручил мне несколько страниц исписанных убористым почерком — обещанный список работ на нескольких языках. Когда я подивился такой оперативности, Павел Викторович сказал: «Это еще что. Вы бы посмотрели, как я работал до инфаркта!». В ту же поездку мне удалось прослушать лекцию по курсу биометрии, которую читал студентам П. В. Терентьев. С зимы 1958/1959 гг. началась наша переписка, продолжавшаяся 12 лет и перемежавшаяся встречами в Ленинграде. Снова вспомнил о Казани Павел Викторович в дни 60-летнего юбилея, когда в числе прочих поздрав-

лений получил и адрес от казанских зоологов. Отвечая на поздравление, Павел Викторович сказал: «Он мне очень приятен, ибо написан рядом людей, которых я хорошо помню и ценю. Особенно приятно мне было увидеть подпись проф. Ливанова, сделавшего мне много добра и глубоко мной чтимого. Не откажите передать ему и всем другим, подписавшим адрес мой искренний привет и благодарность!.. Юбилей прошел хорошо: полная аудитория, 8 адресов и около сотни телеграмм. Сильно устал и еще не пришел в себя до сих пор».

Это письмо было написано 1 января 1964 г., когда подходили к концу хлопоты по созыву первой конференции герпетологов СССР, намечавшейся еще на январь 1962 г. и состоявшейся 12–14 октября 1964 г. в Ленинграде. Перед конференцией вышел сборник материалов, изданный ЛГУ и включивший 74 сообщения 88 авторов, то есть почти всех герпетологов нашей страны. Был выбран Герпетологический комитет, позднее состоявший при Отделении общей биологии АН СССР. Председателем комитета был избран Павел Викторович Терентьев.

В 1965–1968 гг. П. В. Терентьев работает в Зоологическом институте АН СССР, на административной работе, которая не могла его удовлетворить («...три года в ЗИНе были у меня тремя годами деквалификации»). В 1967 г. прошла — тоже в Ленинграде — Вторая герпетологическая конференция, материалы которой при жизни Павла Викторовича опубликовать не удалось. В Ленинградском университете, он избирается профессором кафедры генетики и руководит кабинетом биометрии: «Надеюсь превратить микроскопический «Кабинет биометрии» в нечто более крупное. Такая попытка не удалась мне в ЗИНе». В январе 1967 г. Павел Викторович болел воспалением легких, от которого долго не мог оправиться. Болезнь повторяется. В 1969 г. в Казани вышла книжка «Волжско-

Камский заповедник», получив которую Павел Викторович писал: «Читаю и вспоминаю дни моей молодости, когда я экскурсировал под Казанью». В это время дом, где жил многие годы П. В. Терентьев, должен был идти на капитальный ремонт, и предстояло переезжать на новую квартиру; в письмах встречается фраза: «...продолжаю сидеть на чемоданах». В феврале 1970 г. он сообщает свой новый адрес: не Первая линия Васильевского острова, а Малый проспект. Но болезни продолжают: «У меня год был тяжелый: сильно болел (инфаркт легких) и много месяцев провел в постели» (1 ноября 1970 г.). 20 декабря он отправляет очередное новогоднее поздравление, а через 10 дней, 30 декабря 1970 г. новый инфаркт приводит к летальному исходу.

Крупный ученый, внесший вклад в разные отрасли науки — эволюционную теорию, зоогеографию, но прежде всего в биометрию и герпетологию, испытавший крутые повороты в своей жизни, он был непростым человеком. Но он никогда не отказывал в помощи коллегам, а тем более молодым герпетологам в совете и дружеской помощи. Но о людях, в которых он имел основания сомневаться, в том числе и о герпетологах, приходилось слышать от него и нелицеприятные отзывы. Он умел добросовестно работать и того же ожидал от коллег. Пока нет его научной биографии, хотя 23 декабря 2003 года будет отмечаться 100-летие со дня его рождения, и, вероятно, было бы целесообразно помнящим его людям, прежде всего ученикам, создать такую биографию.

В. И. Гаранин

ВОСПОМИНАНИЯ СТУДЕНТА

В школьной библиотеке, было две настоящие научные, книги: первый том собрания сочинений академика В. Л. Комарова и

зелененький «Определитель земноводных и пресмыкающихся СССР» П. В. Терентьева и С. А. Чернова. Этот определитель особенно привлекал мое внимание — очень хотелось знать правильные названия видов, которые попадались в природе и очень меня тогда интересовали. Авторы «Определителя» казались людьми необыкновенными, ведь они знали такое множество видов животных. Примерно в этот же период — году в 1960—1961 — в магазине старой книги попала еще одна удивительная книга — «Лягушка», и автором ее был уже знакомый мне П. В. Терентьев. Книга произвела огромное впечатление — так хорошо знакомая и совсем не загадочная лягушка и вдруг так сложно устроенная...

В Университете, куда я вскоре поступил на биолого-почвенный факультет, зоологию беспозвоночных читал Ю. И. Полянский, а зоологию позвоночных на 2-м курсе — П. В. Терентьев. Несмотря на то что интересы мои с первого дня пребывания в университете, да и раньше, были связаны с кафедрой зоологии беспозвоночных, больше других запомнились мне лекции профессора Павла Викторовича Терентьева, неожиданно оказавшего вовсе не «небожителем», как мне представлялось раньше, а, что называется, обыкновенным человеком, но необыкновенным лектором. Профессором с большой буквы. До сих пор нахожусь под обаянием этого классического университетского профессора. В моем воображении именно такими должны были быть профессора зоологии, да и вообще профессора в российских университетах в XIX и в начале XX века, когда зоология находилась в периоде бурного роста и поражала воображение замечательными открытиями. П. В. Терентьев умел в своих лекциях сохранить, или, вернее, воспроизвести этот дух бурного расцвета биологии. Слушатели как бы присутствовали при первом оповещении аудитории о каком-то удивительном открытии, которое только что состоялось. Например, рассказывая о двоя-

кодышащих рыбах и о значении открытия этих животных для понимания хода эволюции, для зоогеографии, экологии, Павел Викторович вспоминал, как он, будучи студентом Московского университета, присутствовал при оживлении протоптеруса, кокон которого был кем-то привезен из Африки. Рассказ был настолько живым, что казалось — ты сам видишь, как в тазу размокает комок красной африканской глины и из него лениво, выплывает удивительная «доисторическая» рыбина.

П. В. Терентьев был великолепным лектором, но при этом пользовался конспектами, в отличие, например, от профессора Ю. И. Полянского, который ни к каким конспектам во время лекции не прибегал. Однако мне несколько не мешало воспринимать лекцию, во время которой профессор иногда обращался к своим записям, хотя многим студентам это не нравилось. Павел Викторович приводил массу интересных примеров для иллюстрации того, о чем шла речь в лекции. Примеры были из истории биологии, из других биологических дисциплин, даже из филологии. Так, говоря о китообразных, он давал понять, что эти животные далеко не сразу были отнесены к млекопитающим и довольно долго воспринимались натуралистами как рыбы, что нашло отражение в старых названиях китов в языках разных народов. И Павел Викторович написал эти названия на доске по-немецки, по-английски, кажется еще на каком-то европейском языке и ... иероглифами по-китайски. Все эти названия переводились как «рыба-кит». Отвечая на вопрос, знает ли он китайский, Терентьев ответил, что учит его с помощью сына-китаиста, выучил уже довольно много иероглифов и считает, что в скором будущем это очень может пригодиться, так как Китай находится на подъеме, все больше работ по зоологии публикуется в китайских журналах и ориентироваться в этой литературе зоологу совершенно необходимо. Кстати, Павел Викторович употреблял в некоторых словах

непривычные для русской речи ударения, например: иерогли́ф, санти́метр, шимпа́нзе. Это очень забавляло студентов, особенно — шимпа́нзе.

К студентам профессор Терентьев относился доброжелательно, с юмором. Так, сдавая экзамен по зоологии позвоночных, одна студентка сказала, что птица от других животных отличается по перу, на что Павел Викторович заметил: «Но, ведь, она же не подушка, еще что-то для птицы характерно». С ответом у студентки не клеилось, но тройку она все же получила.

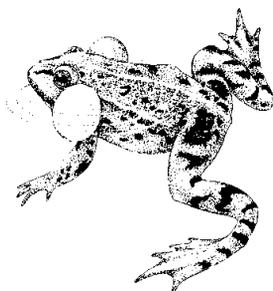
С большим удовольствием прослушал я курс зоологии позвоночных и, перейдя на третий курс, часто заглядывал в 140-ю аудиторию к второкурсникам, чтобы еще раз послушать лекции Павла Викторовича. К счастью, и на третьем курсе общение с профессором Терентьевым не прекратилось. Здесь он читал биометрию. Эти лекции оказались не менее захватывающими, чем зоология. И здесь студенты присутствовали при рождении идеи, были свидетелями акта творчества. Весь курс биометрии я прослушал вторично, будучи уже студентом четвертого курса. Кроме формул и алгоритмов, Павел Викторович давал интереснейший материал по истории вариационной статистики, подробно останавливался на работах Гальтона, Кегле, Госсета, на обстоятельствах их жизни, так или иначе связанных с их открытиями. Кажется, свои биометрические работы Павел Викторович ценил больше, чем работы по герпетологии и общей зоологии. Особенно это касалось метода корреляционных плеяд. Когда он излагал теорию плеяд, то чувствовалось, что он несколько в обиду на своих коллег за то, что они недооценивают его открытие, сказал даже, что плеяды на западе открыли вторично, забыв о его публикации в журнале «Biometrika» в 1931 г., но «потом приезжали извиняться». К сожалению, на кафедре зоологии позвоночных ЛГУ, которой П. В. Терентьев заведовал, его не очень любили, считали, что он не зоолог, а математик. Почему

сложилось такое отношение, затрудняюсь сказать. Однако кафедру П. В. оставил, но продолжал читать курс биометрии, а местом службы для него снова стал Зоологический институт АН СССР, где он работал раньше, в 1940—1950-х годах, в Отделении герпетологии вместе с С. А. Черновым. Ну а теперь для него была придумана своеобразная синекура — должность заместителя председателя Научного совета по проблеме «Биологические основы освоения, реконструкции и охраны животного мира». Председателем Совета был директор ЗИНа академик Б. Е. Быховский, который и приютил Павла Викторовича у себя в институте, прекрасно понимая, что такое профессор Терентьев. В ЗИНе Павлу Викторовичу выделили темную, холодную комнатку на лестнице в пределах Лаборатории ихтиологии. Здесь у него была, наверное, единственная в то время во всех биологических заведениях города, электрическая счетная машина величиной с канцелярскую пишущую, которая тогда казалась верхом совершенства, особенно по сравнению с арифмометром «Феликс» и которой Павел Викторович чрезвычайно гордился, любил демонстрировать ее в работе, рассказывал о скорости счета, но сожалел, что нет у него настоящей электронной машины, у которой «вообще нет трущихся частей» и которая, «можно сказать, практически вечная». Видимо, та что была у него, часто ломалась. Спустя каких-нибудь 10 лет, эту замечательную машину профессора Терентьева я обнаружил на помойке во дворе ЗИНа — стали появляться первые калькуляторы.

Последний раз мне довелось встретиться с Павлом Викторовичем в 1967 г. — я сдавал ему зачет по биометрии. Это было как раз в той самой комнатке в ЗИНе. Мне давно хотелось иметь автограф профессора Терентьева, и не только в зачетной книжке (кстати, он у меня уже был в графе «зоология позвоночных»), а на титульном листе «настоящей» терен-

тьевской книги. И я решил: если хорошо сдам биометрию, — непременно попрошу автограф. Все обошлось хорошо, и автограф на форзаце «Герпетологии» от любимого профессора я получил: «Сене Цалолихину желаю успехов на трудном, но благородном пути научного работника. Павел Терентьев. Ленинград, 15. IX. 67 г.».

С. Я. Цалолихин

**ВИКТОР ВЕНЕЦИАНОВИЧ
ЧЕРНОМОРДИКОВ**

1917—?

Виктор Венецианович Черномордиков — к сожалению, мало известная фигура отечественной герпетологии для большинства современных зоологов.

Родился он в Баку в 1917 г., учился в Московском университете. Интерес к пресмыкающимся сформировался у Виктора Венециановича еще в студенческие годы, и после окончания университета Черномордиков некоторое время работал в лаборатории экологии Московского зоопарка под руководством Н. И. Калабухова. Эколого-физиологический подход к изучению рептилий, в разработке которого одним из отечественных корифеев считается Калабухов, стал для Виктора Венециановича лейтмотивом всей его научной деятельности, прерывавшейся лишь в военное время.

В. В. Черномордиков был дважды мобилизован в Красную армию (второй раз после демобилизации по состоянию здоровья). За военные заслуги он был награжден орденом Красной Звезды, но по некоторым сведениям, видимо, был лишен награды из-за трагичного происшествия на фронте. Со слов бывшей заведующей экспозицией Зоомузея МГУ Нины Петровны Куликовой, супруг которой (Александр Николаевич) был однокурсником Черномордикова, солдаты поймали и съели зайца, заразившись туляремией. Военное начальство сочло это за недосмотр врача-эпидемиолога, которым служил Виктор Венецианович, обязанный следить за качеством солдатской пищи.

В 1951–1956 гг. В. В. Черномордиков работал в лаборатории сравнительной физиологии высшей нервной деятельности Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР (под руководством Л. Г. Воронина), занимаясь физиологией слухового анализатора и условного торможения у черепах. Потом

он перешел в должность старшего научного сотрудника в лабораторию биологии развития животных на Биологическом факультете Московского университета, а в конце 1950-х годов (1957–1958 гг.) был заведующим отдела экспериментальных животных (так называемого вивария) на Биофаке МГУ.

В 1966–1967 гг. Виктор Венецианович работал в должности старшего научного сотрудника в Отделе сравнительной анатомии Зоомузея МГУ, возглавляемом Д. Н. Гофманом (с которым у него сложились непростые отношения). Однако в штате музея он не состоял (зарплату получал на факультете, в общемузейных отчетных собраниях не участвовал), имея здесь лишь рабочее место, как это бывало тогда (да и сейчас) с некоторыми факультетскими сотрудниками.

На хорах Костного зала Виктор Венецианович держал клетки с экспериментальными животными, что, естественно, создавало неудобства, раздражавшие некоторых музейных работников. Н. П. Куликова вспоминала о том, что «за грязь у клеток на него частенько бухтел Вяжлинский». Вместе с тем, несмотря на свою малую общительность, он был достаточно вовлечен в жизнь музея. Как и многие в то время, Черномориков был членом КПСС.

Первые работы Виктора Венециановича были посвящены различным вопросам экологии пресмыкающихся: связи термопреферендума с температурой среды; различным адаптивным реакциям на факторы внешней среды; соотношению врожденных и приобретенных компонент в пищевых реакциях; влиянию температуры на суточный и сезонный циклы активности разных видов, их рост, линьку и размножение. В 1951 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Значение температуры в жизнедеятельности пресмыкающихся» в Московском городском педагогическом институте им. Потемкина, продолжая еще работать в Московском зоопарке. Экспериментальный мате-

риал для диссертации он собирал с 1939 по 1950 г. (с перерывом на время Великой Отечественной войны) в лаборатории зоопсихологии Института зоологии Московского университета и секции герпетологии Московского зоопарка. Ему принадлежит идея конструкции отечественного термофилографа — прибора, позволяющего регистрировать и записывать на ленту не только продолжительность нахождения животного в зоне оптимальных температур, но и периоды его активности.

Во время работы в зоопарке В. В. Черномордиков подготовил и опубликовал (в 1950 г.) краткое руководство по устройству террариума и содержанию в нем пресмыкающихся. В этой популярной брошюре он подробно осветил свой опыт, связанный с ловлей, кормлением, спячкой, размножением и болезнями ящериц, змей и черепах, который накопил за годы работы в зоопарке.

В 1960-е годы В. В. Черномордиков перешел к изучению экспериментальными методами экологической физиологии млекопитающих и в 1965 г. защитил докторскую диссертацию «Эколого-физиологические особенности пресмыкающихся, птиц и млекопитающих».

Виктор Венецианович запомнился современникам как достаточно неординарный человек (и внешне, и по характеру). Он имел тонкий голос и короткую стрижку, гладкое и округлое лицо; был невысокого роста («просто маленький какой-то») и плотного телосложения (из-за чего, видимо, немного комплексовал, пытаясь компенсировать это некоторым ехидством характера). Его можно отнести к категории людей, которых называют жизнелюбами («шустренький такой»). Он всегда очень благожелательно и внимательно относился к лицам женского пола.

Многие высоко оценивали его профессионализм экспериментального эколога и эрудированного биолога. Как начальник (заведующий виварием) Черномордиков, которого за гла-

за иногда доброжелательно называли Черномором, по воспоминаниям В. Ф. Орловой, был достаточно лоялен и благосклонен к подчиненным. Со слов Н. П. Куликовой, однокурсники говорили о нем как о тихом, спокойном человеке, не лишенном чувства юмора (любил иногда «потравить анекдоты»). Она же рассказывала о том, что в период работы в музее В. В. Черномордиков жил достаточно бедно и ему приходилось рассчитывать оставшиеся до зарплаты финансы на каждый день. Купить продукты в магазине «Диета», например, для него было непозволительной роскошью.

Существенно повлияла на Виктора Венециановича смерть брата, жившего в Ленинграде, который трагически погиб во время своего переезда в Москву.

Женился В. В. Черномордиков поздно. Супруга его, симпатичная и заботливая женщина, была несколько выше ростом.

Страстным увлечением Виктора Венециановича было собирание кактусов. Его богатая и очень ценная коллекция была хорошо известна в Москве. Сразу после смерти владельца ее выкупил директор Московского зоопарка И. П. Сосновский.

Судьба В. В. Черномордикова сложилась достаточно трагично. Как вспоминает О. Л. Россолимо, через некоторое время после женитьбы он начал болеть. Врачи сначала установили у него грипп, потом — воспаление легких, и, наконец, был поставлен диагноз — рак легких. Развитие этого заболевания (как позже пояснили врачи) спровоцировало, видимо, случайное нарушение папилломы (места локализации раковых клеток), которую, как оказалось, содрала играющая с ним кошка за 15 лет до его смерти.

Прощание с В. В. Черномордиковым состоялось в музее.

*Е. А. Дунаев,
О. Л. Россолимо*

ЧЕРНОМОРДИКОВ В МОСКОВСКОМ ЗООПАРКЕ

Сразу после окончания кафедры зоологии и сравнительной анатомии Биофака МГУ в 1940 г. Виктор Венецианович Черномордиков начал работать в качестве научного сотрудника в «Террариуме» Московского зоопарка, став впоследствии его заведующим. На этой должности он пребывал (с некоторыми перерывами) вплоть до 27.07.1951 г.

Превосходное знание образа жизни ящериц и змей и стремление создать в террариуме оптимальные условия для их существования направили его на разрешение экологических вопросов, одним из которых была связь между активностью пресмыкающихся и температурой среды — он смонтировал прибор для записи времени пребывания рептилий у источника тепла и провел целую серию интересных исследований по термофилии.

Осенью 1941 г. В. В. Черномордиков ушел на фронт, а весной 1942 г. был демобилизован по состоянию здоровья и возвращен в Москву для продолжения работы по специальности в одно из санитарных учреждений Красной армии.

Работе в зоопарке он мог уделять только свои выходные дни. В этот период В. В. Черномордиков числился управдомом зоопарка и продолжал заниматься восстановлением лаборатории экологии зоопарка.

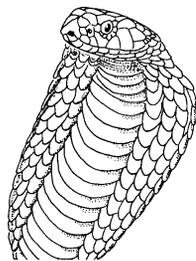
Естественная температура зимой в годы войны (1941—1942 гг.) в помещении «Террариума», которое было занято войсками, колебалась от 12 до 20° С. Оставшиеся в эти годы в Московском зоопарке рептилии содержались в здании «Аквариума», и особую заботу сотрудников секции составляло поддержание в нем должной температуры, для чего они организовали круглосуточные дежурства. В этом принимал участие и Черномордиков.

Основные его работы в это время были направлены на изучение роли температурного режима помещений, где содер-

жались тропические виды. В. В. Черномордиков проводил исследования по термофилии пресмыкающихся, пытаясь определить, является ли зимняя спячка результатом прямого воздействия низких температур или следствием активного выбора животными этих температурных условий при определенных физиологических состояниях.

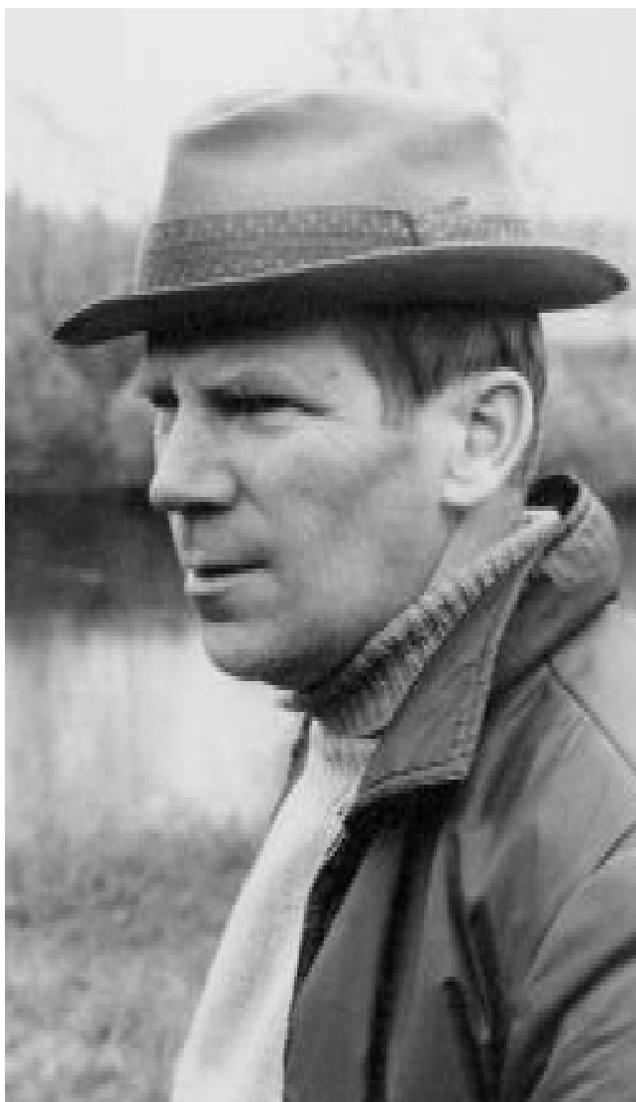
В военные годы В. В. Черномордиковым было опубликовано две статьи: «О температурных реакциях пресмыкающихся, ч. I. Термофилия» (Зоол. журн., 1943, т. XXII, вып. 5) и «О врожденных и приобретенных пищевых реакциях пресмыкающихся» (Доклады Академии наук СССР, биологическая серия). Но в конце 1942 г. он вновь был призван в армию.

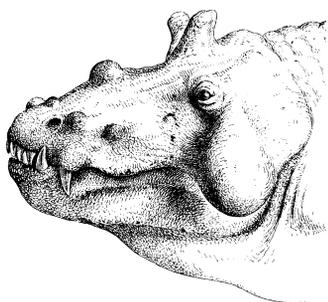
С. В. Кудрявцев

**ПЕТР КОНСТАНТИНОВИЧ
ЧУДИНОВ**

1922–2002

В палеогерпетологии XX века есть люди, их, к сожалению, было немного, работы которых знаменуют качественно новый уровень познания органического мира прошлого. Петр Константинович Чудинов — один из них.

Петр Константинович родился 4 января (17 по новому стилю) 1922 г. в Юго-Камском Заводе (ныне пос. Юго-Камск) Оханского района Пермской области в семье служащих. В его жизни большую роль сыграли отец — Константин Гаврилович и мать — Мария Алексеевна, прекрасная сельская учительница. Отец был человеком любознательным и предприимчивым, всю жизнь занимался самообразованием и собрал обширную библиотеку. В 1911 г. в Юго-Камске он организовал сельскохозяйственное общество, стал просвещенным сельским кооператором, применявшим сельскохозяйственную технику и новые методы землепользования. Когда в 1930 г. кооперация была ликвидирована, стал работать в заводууправлении. Поскольку Константин Гаврилович резко выделялся на общем фоне, это послужило причиной его ареста органами НКВД, и в мае 1938 г. он был расстрелян (посмертно реабилитирован в 1956 г.). Так семья Чудиновых стала семьей репрессированных, а четыре брата — Сергей, Василий, Петр и Николай — сыновьями «врага народа». Высшее образование смогли получить только два младших из них — Петр и Николай.

И лишь Петру Константиновичу, единственному из четырех братьев, удалось сделать карьеру ученого. В 1939 г. он поступил на Геологический факультет Молотовского (ныне Пермского) Госуниверситета им. А. М. Горького, который закончил в 1947 г. Во время перерыва учебы с 1944 по 1945 г., вызван-

ного войной, П. К. Чудинов служил воздушным стрелком-радистом в Советской армии.

После окончания университета Петр Константинович сначала работал научным сотрудником Естественно-научного института при Молотовском университете, а в 1948 г. стал начальником геологической партии треста «Молотов-нефтеразведка».

В конце 1949 г. П. К. Чудинову были переданы часть скелета и отдельные кости небольшой ископаемой хищной рептилии, найденные проходчиками в позднепермских отложениях у д. Ежово, недалеко от г. Очер. Это определило всю его дальнейшую научную судьбу. Уже в 1951 г. интерес к палеонтологии позвоночных привел Петра Константиновича к поступлению в аспирантуру Палеонтологического института АН СССР, которая и положила начало его исследованиям позднепалеозойских рептилий, длившимся затем в течение всей его научной жизни. Итогом аспирантуры была досрочная защита в 1954 г. кандидатской диссертации «Котилозавры из верхнепермских красноцветных отложений Приуралья».

Еще в 1952 г. П. К. Чудинов провел в Ежово рекогносцировочные работы, чтобы оценить возможность постановки там масштабных раскопок древних позвоночных. Выяснилось, что вдоль склона одного из холмов, в толще глинистых песчаников на глубине до 15 метров скрывалось гигантское кладбище пермских ящеров. Раскопки с применением бульдозеров были начаты в 1957 г. и продолжены в 1958 и 1960 гг. Результаты работ превзошли все ожидания — была открыта неизвестная в геологической летописи важнейшая страница истории животного мира суши, что навсегда вписало имя П. К. Чудинова в историю изучения древних позвоночных наравне с В. П. Амалицким и И. А. Ефремовым. В эволюционном отношении очерская фауна позвоночных, открытая П. К. Чуди-

новым, представляет собой недостающее звено между пермскими фаунами Северной Америки и Южной Африки. Эти крупнейшие за советское время палеонтологические раскопки дали также уникальную возможность для проведения широкомасштабных тафономических исследований, позволив значительно обогатить представления о закономерностях захоронения наземных позвоночных, ранее выдвинутые И. А. Ефремовым.

Основные интересы ученого были связаны с древнейшими терапсидами, далекими предками млекопитающих, во многом остававшимися загадкой для ученых. В серии статей и монографии «Ранние терапсиды» (1983 г.) он подвел итоги многолетней работы по их изучению. В них охвачен весь спектр проблем — морфология и систематика базальных групп всех основных стволов, тафономия местонахождений их остатков и на этой основе стратиграфическая корреляция верхнепермских континентальных отложений планеты; проведена реконструкция экологии и образа жизни первых терапсид. По своему значению для палеонтологии позвоночных «Ранние терапсиды», бесспорно, входят в число важнейших работ конца XX века.

Разделы, написанные П. К. Чудиновым, вошли в мировые сводки по палеонтологии позвоночных (шестой том (1-ая часть) «Traité de Paléontologie» 1961 г.; «Основы палеонтологии. Земноводные, Пресмыкающиеся и птицы» 1964 г.), до сих пор остающиеся настольными справочниками для палеонтологов.

П. К. Чудинов был почетным членом Российского палеонтологического общества, а также иностранным членом Американского общества палеонтологии позвоночных.

Будучи учеником и соратником профессора И. А. Ефремова, Петр Константинович был глубоко к нему привязан и оставался верен памяти учителя до конца своих дней. Это было особенно непросто в первые месяцы и годы после ухода

Ивана Антоновича из жизни, когда столь очевидным стало стремление замолчать его имя, а заодно и все сделанное им. От П. К. Чудинова потребовалось много мужества, чтобы в числе очень немногих противостоять этому, но он никогда бы не смог поступить иначе. И уже закончив научную деятельность в Палеонтологическом институте, Петр Константинович продолжал отдавать все силы для увековечивания и популяризации наследия своего учителя. В течение многих лет он был организатором и участником конференций памяти И. А. Ефремова, а также стал редактором тома его научной переписки, изданного Академией Наук.

Очень естественной для Петра Константиновича была его любовь к природе — особенно к лесам родного Приуралья, которые, можно сказать, и были его настоящим домом. Именно там он находил то ощущение душевного покоя, которое так необходимо в иные минуты каждому человеку. И хотя работа в Палеонтологическом институте и научные интересы вынуждали его жить в большом городе, при каждой возможности он старался уехать в полевые экспедиции. Он организовывал и вел раскопки древних позвоночных в России, Китае, Монголии, везде внося свой неоценимый вклад в познание животного мира ушедших эпох. Многим из нас посчастливилось работать вместе с ним, набираясь бесценного полевого опыта под его руководством.

Петр Константинович отдавал много сил делу популяризации палеонтологических знаний в родной Пермской области. В областном краеведческом музее, которому он много помогал в этом плане, ныне развернута обширная экспозиция, посвященная пермской системе и палеонтологическим находкам Западного Приуралья. И здесь портрет П. К. Чудинова висит рядом с портретом геолога Р. И. Мурчисона, впервые выделившего пермскую систему в XIX веке.

Человеческая порядочность Петра Константиновича, его преданность науке, широта взглядов и нетерпимость к фальши всегда вызывали уважение окружающих. Искренность и прямота в сочетании со своеобразным юмором придавали его личности неповторимую индивидуальность. Таким он и будет жить в нашей памяти. А его замечательный вклад в науку останется навсегда.

*Ю. М. Губин, М. Ф. Ивахненко,
Н. Н. Каландадзе, А. Г. Сенников,
В. П. Чудинова, М. А. Шишкин*

ОТЕЦ: ПОПЫТКА ПОРТРЕТА

*«И ни птица, ни ива слезы не пролет,
Если сгинет с земли человеческий род.
И весна, и весна встретит новый рассвет
Не заметив, что нас уже нет».*

Человек бесконечно одинок — во всем живом и неживом мире он один сознает себя. Он выломан из общей гармонии неведомого Зла и Добра мира, он отщепенец, изгой, вкусивший от Древа Познания. Словно в порыве неосознанного мщения — он изощряет свой интеллект в том, чтобы калечить и разрушать исторгшую его Природу.

Доводилось мне наблюдать дар гармонического единения с природой у людей, что называется, простых. Вполне логично — чем меньше своего «я», тем ближе человек к братьям меньшим: к запаху невидимого водопоя, к шелесту дерев, к отсутствию страха смерти. Чем глубже зубы впились в терпкую мякоть запретного плода — тем больше «я», тем больше разорвано связывающих с природой уз. Словно бы их разрыв — плата за интеллект.

Но есть редкие счастливицы, чья личность развилась, не разорвав этой листовенно-травяной пуповины. Мы знаем тех, чья

слитность с природой поднята до осознания себя в ней. Для русской души — это прежде всего Аксаков, Тургенев.

Но, да простится мне псевдонаучность, если Аксаков воспринимает природу в синхронном срезе, мой отец был из тех, кто ощущает ее в срезе диахронном. Он был эволюционист — как говорится, клейма негде ставить. Он бродил не по известняку, а по дну древнего океана, в журавле в небесах он узнавал похорошевшего птеродактиля, он ощущал ток времени, бегущего по жилам земли.

«Эта трава для меня гораздо прекраснее теперь, когда я знаю, почему она такая, знаю все то химическое действие солнца, дождей и земли, которое понадобилось, чтобы на этом холме выросла трава. Есть много романтического в истории каждой травинки; она пережила немало приключений. Одна эта мысль вдохновляет меня. Когда я думаю об игре сил и материи, обо всей великой жизненной борьбе, я чувствую, что мог бы написать про эту траву целую поэму, и не одну», — говорит Мартин Иден, автопортретный герой Джека Лондона, одного из любимых отцовских писателей. Джек Лондон же пережил сокрушительное влияние Герберта Спенсера, о то время ведущего эволюциониста, сейчас, вероятно, устаревшего.

Вот и основные штрихи к портрету моего отца. Индивидуализм и эволюционизм, пронзительное чувство живой природы — главные составляющие творчества Джека Лондона. И уж коль скоро о Джеке Лондоне зашла речь, нельзя не сказать, что с англо-саксонской литературой (английской ли, американской...) у отца была особая ментальная близость, приметная даже внешне. Когда он, в фетровой шляпе, с ружьем на плече, бродил по осенним лесам Прикамья вслед за охотничьей собакой — голубоглазый, высоколобый, русоволосый (так ведь и не обзавелся плешью до конца дней!), подтянутый (какой толщины эспандеры гнул и за семьдесят лет — не всякий двадцати-

летний осилит!) — больше всего походил он на какого-нибудь английского сквайра XIX столетия.

В прикамских лесах отец, сколько я помню, отдыхал каждую осень. После трех летних месяцев, проведенных в экспедициях. Такое даже в геологической среде редкость. Покормивши все лето комаров, геологи любят осенью теплое море, атмосферу курортов. Отец же за всю свою жизнь не провел отпуска в санатории, пансионате, доме отдыха, на курорте. Скоплениям праздных людей он предпочитал одиночество в лесном балаганчике, ночной волчий вой, который тщетно пытался записать на несовершенный магнитофон. Думается, разгадка его пристрастия кроется все в той же англо-саксонской литературе.

Передо мною выдавшая виды книга «Уолден или жизнь в лесу» Генри Дэвида Торо. Поля ее испещрены рукою отца. Была ему свойственна эта привычка, казавшаяся естественной XIX веку, а с середины XX объявленная меццанами вандализмом. Особо приглянувшиеся места в любимых книгах отец иногда просто отчеркивал, иногда помечал восклицательным знаком, иной раз и спорил-соглашался мелкими неразборчивыми буквами.

Не найду теперь, кому, быть может Чехову, принадлежит любимое отцовское высказывание: следить за мыслями выдающегося человека есть величайшее наслаждение. Цитирую по памяти, скорей всего неточно. Но теперь, когда отца нет, потрепанный томик Торо обретает для нас особую ценность из-за этих пометок на полях.

«В любую погоду, в любой час дня или ночи я стремился наилучшим образом использовать именно данный момент и отметить его особой зарубкой; я хотел оказаться на черте, где встречаются две вечности: прошедшее и будущее, — а это ведь и есть настоящее, — и этой черты придерживаться».

Верно, автор песни, нравившейся отцу «есть только миг между Прошлым и Будущим — Именно он называется жизнь» Торо также читал.

«Но цивилизация, улучшая наши дома, не улучшила людей, которым там жить».

С ужасом пишет Торо о тогдашних людях, позволивших земле овладеть душою. Но что сказал бы он о дачниках советских времен? Ничего бы не сказал, умер бы от ужаса, глядя на этих новых крепостных, протомившихся всю неделю в тесных конторах, чтобы под выходные ринуться набитыми пригородными поездами или на утлых жестянках о четырех колесах на крошечный клочок земли среди огромного людского муравейника — копать, полоть, консервировать. Мама просила иной раз, когда объявлялась возможность записаться за свои деньги в эту крепость — а может все-таки? Отец был непреклонен. Он понимал, как никто, что владеть загородным домом не причисляясь к белым неграм может только человек очень богатый. Богатства ценой души, а иного в Стране Советов не бывало, отцу нужно не было. У его детей был летом чистый воздух на снятых дачах и купленные фрукты. И вот результат — я, провалявшаяся летними деньками в гамаках, обожаю покопаться в земле. Мой муж, с малолетства приобщенный к прополкам грядок, не может слышать без омерзения слово «дача».

Одно из двух: либо живи в своей Лунной Долине постоянно, чтобы взяться за книгу, отложив лопату, либо не имей земли вовсе.

Отец ее и не имел — он имел все Прикамье. «Легкая постройка как бы кристаллизовалась вокруг меня и влияла на своего строителя. Она оставляла простор фантазии, как контурный рисунок. Чтобы дышать свежим воздухом, мне не надо было выходить, у меня и в доме было достаточно свежо. Даже

в самую дождливую погоду я не был заперт в четырех стенах, а скорее сидел под навесом. <... Я сразу оказался в соседстве с птицами, но мне не пришлось сажать их в клетку, — я сам построил себе клетку рядом с ними. Я приблизился не только к тем, кто обычно прилетает в сады и огороды, но и к более диким — к лучшим лесным певцам, которые почти никогда не улаживают слух жителей поселка», — тут уж я просто не знаю, кто это говорит, Торо или мой отец?

«Я ушел в лес потому, что хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и попробовать чему-то от нее научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил».

«Время — всего лишь река, куда я забрасываю свою удочку». Тут на полях даже стоит восклицательный знак. Отец в равной мере был охотник и рыбак. Аксаковские «Записки об ужении рыбы» у него были еще и в отдельном экземпляре, хоть в доме имелось собрание сочинений. Но мог бы он повторить вслед за Аксаковым, когда тот упоминает в «Багрове внуке» что-де, в детские его годы ужение рыбы было еще в самом младенческом состоянии. Насколько я понимаю, отец был из первых, кто привез в начале шестидесятых годов из Америки так называемое «летающее ужение», переведенное впоследствии как нахлыст. В раннем моем детстве мы отдыхали каждый год в Тарусе, на что родителей подбил директор ПИНа Николай Николаевич Крамаренко, влюбленный на всю жизнь и в те края, и в сам волшебный городок. Думается, в те времена только отец и Крамаренки, как Николай Николаевич так и Елена Игнатьевна, и были на всей Оке единственными такими удильщиками. Даже вроде бы смутно припоминаю заинтересованное недоумение местных.

Помню черную хрустальную гладь широкой Оки, заводи, заросшие ярко желтыми кувшинками. Плывет по течению лодка,

свистит над водой спиннинг, скачут из воды голавли, хватая наживку. В бутылке из-под виски — холодный чай с ягодами свежей земляники. Мне лет пять.

А на залитой солнцем веранде теснятся по утрам на круглом столе нарядные коробочки с искусственными мухами из Франции, дары очаровательной коллеги Кристиан, и заготовки для мух самодельных: особая белая резина, яркие перышки. Отец отрезает ножом кусочек резины, маникюрными ножничками придает ему форму мушиного туловища и головы, красит лаком для ногтей, сушит, а затем уж прикрепляет крючок и крылышки. Как глупой рыбе не польститься на такую красоту?

Да, охотник и рыболов, но это лишь внешний облик души. Вот еще одна выделенная цитата.

«На лбу самого сурового утеса вьются нежные кудри. В Природе нет ничего мертвого. Кучи лиственного орнамента ложатся вдоль насыпи, как шлак на домны, показывая, что там, внутри, печь задута и работает вовсю. Земля — не осколок мертвой истории, не пласты, слежавшиеся как листы в книге, интересные лишь для геологов и антиквариев; это живая поэзия, листы дерева, за которыми следуют цветы и плоды: это не ископаемое, а живое существо; главная жизнь его сосредоточена в глубине, а животный и растительный мир лишь паразитируют на ее поверхности».

Можно процитировать всего «Уолдена», чтобы лучше понять моего отца, но, пожалуй, это одно из самых важных мест.

По Торо отец был «рожденным в ночи». Душу его заливала иногда черная меланхолия — спокойная, но довольно жуткая. В семье было принято считать это следом страшного детства. Что говорить, детство было страшным. Но все же мне начинает казаться сейчас, что отцовская меланхолия была скорее платой *Homo silvestris* за оборотничество — городскую половину жизни.

А в городе отец был человеком весьма светским. Помню, был канун моего двенадцатилетия, начало сентября. Как правило, отца на моих днях рождения не бывало. Даже самый первый он пропустил — слал с Великой Стены по счастью запоздавшую телеграмму, чтоб назвали Татьяной... Вот и на сей раз он по обыкновению намеревался удалиться в леса. Мы вышли с ним прогуляться или по какому-то незначительному делу, не помню, только пришли, к моему изумлению, в кафе. Отец галантно принял мою вельветовую курточку, провел за столик, заказал шампанское. Так мы и отметили вдвоем мои двенадцать. Маму бы шампанское привело в справедливый ужас, но впечатление ребенку врезалось навсегда.

Я всегда одновременно завидовала другим детям и снисходительно жалела их. У одноклассников отцы были как-то доступней, сердечнее, по-домашнему проще. С ними не надо было взвешивать каждое слово, что я инстинктивно делала лет с восьми, ошибка не грозила ссорой месяца на три. С ними вообще можно было откровенно делиться ребяческими переживаниями, а с моим — нет. Не знаю почему, но нет. И вместе с тем я куда раньше, чем смогла это сформулировать, знала, что мой отец совсем другое, чем добрые обыкновенные «папы» сверстников. Он значительнее, он выше.

Отец даже внешне был совсем другое. В пятьдесят лет собственные сверстники еще шпыняли его в общественном транспорте: чего расселись, молодой человек, уступили бы место пожилому!

Никогда не позволял он себе ходить по городу в «спортивных» куртках, в вязаных шапочках. Всегда галстуки (к булавкам и прочим запонкам отец был весьма неравнодушен!), серые костюмы, шляпы, элегантные плащи и пальто.

С незначительными отступлениями, отец оставался таким до семидесяти шести лет, до года смерти моей матери. Нельзя, ни-

как нельзя было назвать его стариком, когда он стоял у ее гроба. Но после отец начал стареть со скоростью снежной лавины. И ведь сложными были их отношения, да и ни с кем из близких несложных отношений у отца не было, а вот поди ж ты.

Словом, как и положено оборотню, в городе отец был стопроцентным горожанином. Однако ж кое-где след волчьей лапы все же проступал. Так не любил отец больших скоплений народу, толпы (самое язвительно ненавистное слово из его лексикона!), даже толпы научной. «В стенах вечерних библиотек» отцу, в отличие от мамы, не работалось. Все необходимое для работы он предпочитал иметь. Стаскивать в свою нору. В результате скопилась библиотека, которая, я полагаю, скоро займет свое место в Институте палеонтологии. А покуда нетронут крошечный его кабинет, украшенный лишь иконой Богородицы с Мечами в курьезном сочетании с накопанными в Гоби буддами. Еще два украшения, впрочем. Пронзительно тревоживший меня в детстве своим «англо-империалистическим» видом поношенный пробковый шлем и ковбойская шляпа из путешествия по Техасу. Остальное пространство в кабинете, кроме письменного стола, машинки «Оптимы» и узкой кушетки, занято книжными полками. Входя, утыкаешься в стену энциклопедий, кое-как обогнув, попадаешь в пространство, где можно хотя бы сидеть. Вот и все, что мой отец имел в этой жизни. Да и то построил своими руками. Было тогда дано академической молодежи милостивое разрешение в нерабочее время трудиться на стройке. Отец работал прорабом, мама, беременная мною, кажется, учетчицей. Так родители и возвели дом, адские морды над аркой которого обрамляла надпись «Дом научной молодежи». В нем им досталась трехкомнатная квартира невпечатляющих габаритов.

Все собеседники отца, не только научные, теснились на книжных полках. Это были Тейяр де Шарден, Вернадский, Тютчев.

Сумеречную сторону отцовской души питал леденящий экзистенциализм марктовеновского «Таинственного незнакомца». В изголовье же всегда лежало первое издание «Унесенных ветром», подарок Эверетта Олсона. Эту книгу отец обыкновенно читал на сон грядущий.

Едва ли ошибусь, что всю «Песнь о Гайавате» в переводе Бунина отец помнил наизусть. Ее изданий у него было штук пять разных. Мне же лет в семь он подарил книжку индейца Серая Сова под названием «Саджо и ее бобры», с рисунками автора.

Истинную страсть отец испытывал к словарям, которые читал, как детективы. Отовсюду глядят: и блекло-синий пузатый Оксфордский словарь, и старый вишневым двухтомник древнегреческого языка, не говоря уж о нескольких латинских. Словарь английских фамилий я у отца временами воровала и прятала, но он рано или поздно раскапывал и возвращал к себе. Обнаружив сорочье гнездо разоренным я выжидала, а затем воровала снова. Все это — при полном умолчании обеих сторон. А словарь Даля у отца просто не поместился, перекочевал к общесемейному книжному стаду.

Любил отец и великих «средних англичан» — Диккенса с Джеромом; любил Киплинга, любил крепкий чай, а к кофею был решительно безразличен. Не менее безразличен, чем к Бальзаку или Золя.

Скажи мне каковы твои любимые книги, и я скажу, кто ты.

Обдумывая этот очерк, я предполагала выстроить его иначе. Но страшное детство, война, история семьи, встающая за спиной отца яркая фигура деда — все это отчего-то не легло. Быть может потому, что биографию отца я во многом описала в посвященном моей матери романе «Инна». Не знаю. С удивительной легкостью, вопреки унаследованной от отца злопамятности, я забыла упомянуть и о тех, кто тяжело

обидел его, предал, сократил плодотворные годы его научной деятельности. Я всегда считала отца человеком несчастным: слишком глубокие шрамы были на его душе, слишком много несправедливостей выпало на его долю, слишком тяжел был характер, для него самого в том числе. Слишком долго переживал он обиды. Слишком нищей была его старость, не по заслугам нищей. Но чем дальше отступает отцовская смерть, тем ясней мне делается, что жалеть отца незачем. Он был все же счастлив, счастливее многих и многих. Все тяготившее его оставалось на городской половине жизни, а в лесной ее половине он часто испытывал мгновения высочайшей гармонии духа и разума. Другой задохнулся бы на такой высоте.

Ни мне, ни сестре отец не был близким другом. Строго говоря, отцом он был, как я упоминала, не идеальным. Но сколько седых уже мужчин говорили нам на похоронах: «Петр Константинович был мне родной отец!». Мало о чьих хороших отцах такое скажут чужие. Так может и Бог с ними, с заурядными добродетелями заурядных людей, папа? Спасибо тебе за то, кем ты был.

Пусть образ отца навсегда останется таким. Вот бредет он окрашенными осенью родными лесами — ружье на плече, финка в кожаном чехле на поясе джинсов, воротник теплой куртки поднят, фетровая шляпа. Ветерок шевелит тонкие русые волосы на высоком лбу. А впереди бежит спаниель.

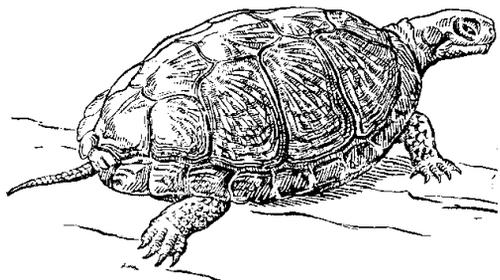
Е. П. Чудинова

**НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ШИБАНОВ**

1903–1960

История жизни Николая Ипполитовича Соболевского долгое время оставалась одной из загадочных страниц отечественной герпетологии. Он создал несколько оригинальных статей и одну великолепную монографию по фауне земноводных и пресмыкающихся (которые сразу стали заметными событиями в науке), описал два подвида ящериц и подвид узорчатого полоза, активно участвовал в сборе и обработке герпетологических коллекций Зоомузея МГУ. Но о личности исследователя, перипетиях его биографии и творческого пути многое оставалось неизвестным. Даже в книге Крэга Адлера (Adler, 1989) по истории герпетологии среди немногих упомянутых московских герпетологов фамилия Н. И. Соболевского приводится без дат жизни с указанием лишь группы животных (Sauria) и региона (USSR), которыми он занимался как ученый.

Тем не менее, Николай Ипполитович принадлежал к очень известной на Руси фамилии, имеющей польские корни (смешанные, правда, с датской, немецкой, французской, а также с русской кровью). Представители этого достаточно древнего рода были знакомы со многими известными людьми прошлых эпох. Они дружили с семьей А. С. Пушкина и, возможно, неплохо знали лиц, тесно связанных с М. Ю. Лермонтовым. Говорят, что Иракий Андронников свою «Тайну Н. Ф. И.» («Н. Ф. И.» — инициалы Натальи Федоровны Ивановой, в которую безответно был влюблен М. Ю. Лермонтов и посвятил ей 30 стихотворений) разгадал не без участия семейства Соболевских.

Но первым неординарным представителем именитой фамилии Соболевских был прапрапрадед Николая Ипполитови-

ча лейб-медик Екатерины II Григорий Федорович. Он слыл хорошим врачом и выдающимся ботаником. А его книга «Flora Petropolitana» пользовалась в свое время большой популярностью, и автора часто уважительно называли «русским Линнеем». Когда же генералу Ланскому (видимо, предку мужа Натальи Николаевны Пушкиной) стало плохо со здоровьем, он просил пригласить для лечения именно Г. Ф. Соболевского.

Прапрадед Николая Ипполитовича — Петр Григорьевич прославил отечество как выдающийся химик, изобретатель порошковой металлургии (С. В. Плоткин, 1966. «Петр Григорьевич Соболевский», М.: Наука), а прадед Владимир Петрович основал Институт железнодорожного транспорта в Санкт-Петербурге (Институт инженеров путей сообщений), был его директором и профессором, служил действительным тайным советником, был генералом и инженером путей сообщения, членом Совета министров.

Дед и отец Николая Ипполитовича (Владимир Владимирович и Ипполит Владимирович) также стали активными участниками и организаторами строительства железных дорог в России.

Отец Н. И. Соболевского — Ипполит Владимирович родился 24.05.1853 г. в Санкт-Петербурге. 43 года своей жизни он отдал службе на железной дороге: работал старшим инженером для особо важных поручений в Мосбетстрое, титулярным советником, начальником Московского отделения службы пути Северной железной дороги, построил более 700 верст путей, провел проектные работы на 3000 верстах и т. д. Он принимал участие в проектировке, строительстве и эксплуатации многих железнодорожных участков (Камышинско-Уральского, Пермь-Котласского, Московско-Винданского, Новороссийского и др.) и мостов (Волжского в Батраках, Екатеринославского на Суре и Пьяне, через Днепр, Лузу, Хопер, Арзакас-

Шехранского и других в Вятской и Вологодской губерниях). В знак уважения его заслуг перед Россией 27 января 1903 г. Ипполиту Владимировичу был вручен «золотой жетон для бесплатного пожизненного проезда... по Московско-Винданской линии» железной дороги. А в старости Ипполит Владимирович получил даже персональную пенсию, правда, ее размеры были невелики, и он не мог обеспечить себе достойное лечение и переезд семьи в деревню на лето.

Мать Николай Ипполитовича — Софья Степановна (урожденная Островская) родилась 28.09.1869 г. в Борисоглебске Тамбовской губ. Она была любящей женой и матерью и часто летом вывозила детей отдыхать в деревню, в имения знакомых помещиков. Семья Соболевских вообще очень часто переезжала с места на место, не имея своего угла, что определялось, видимо, служебными назначениями Ипполита Владимировича.

Николай Ипполитович Соболевский родился 18 августа (по старому стилю) 1901 г. вблизи г. Череповец бывшей Новгородской губернии. Учился он в привилегированной гимназии в Москве и всегда с удовольствием летом уезжал с семьей за город. Так, например, известно, что в 1913 г. Николай Ипполитович гостил с мамой в имении князей Багратион-Мухранских в Новгородской губернии (недалеко от г. Любань) — именитых потомков грузинской правящей фамилии.

Коля Соболевский (12 лет) с матерью на даче у князей Багратион-Мухранских

Возможно, такие вылазки и стали причиной раннего интереса Николая Ипполитовича к природе и географии. Неизгладимые впечатления на него произвела поездка в Финляндию с родителями в 13 лет. И как результат — его первый опубликованный в печати очерк об этой стране.

С ранних лет Николай Ипполитович со всей серьезностью подходил к изучению природы. Читая биологическую литературу, делал выписки по интересующим его вопросам, связанным с биологией и распространением различных животных. Так, например, в семейном архиве сохранилась одна такая его записка об ареале пумы.

Пристальный интерес у него вызывали насекомые и пресмыкающиеся (змеи). Особенно восхищали Николая своей красотой и изяществом бабочки. Даже в старости, когда он говорил о них, его лицо преображалось доброй, прелестной улыбкой.

Увлечение энтомологией Николай Ипполитович пронес через всю свою жизнь. С детства он собирал энтомологические коллекции, причем этикетировал их чрезвычайно подробно, с учетом требований, предъявляемых к научным материалам. Свои детские коллекции, собранные еще до поступления в гимназию, он подарил внучатой племяннице — Наталье Алексеевне Шувахиной. Ее удивило стремление мальчика к чрезвычайно подробному указанию места сбора насекомых: на этикетке к мухе, например, он написал даже, что она была поймана «на левой ноге павшей лошади». Такая педантичность стала фактически чертой характера Николая Ипполитовича и не раз проявлялась позднее как в его научных трудах, так и в жизни.

Видимо, с 1907 г. семья Соболевских стала жить в Москве. В середине сентября 1910 г. родители Николая сняли квартиру в 1-ом Ильинском переулке (д. 7, кв. 4) на Пречистинке (позднее переулок был переименован в 1-ый Обыденский и причислен к Остоженке, потом менял названия на Бе-

зобразовский и переулочек Крыленко) у действительного статского советника, горного инженера Владимира Васильевича Яковлева. Потом эту квартиру им удалось, видимо, выкупить. Была она достаточно большой, имела пять комнат, два выхода (так называемые, парадный или светлый и черный), два ватерклозета, переднюю, ванну и комнату для прислуги. Соболевским полагалась также часть подвала с местом для дров и других технических нужд. В удостоверениях личностей родителей значилось, что, по крайней мере, до 1930 г. они жили на Остоженке, затем их местом прописки стала Черноградская улица (д. 31), а с 1939 г. они обосновались на Сходне. Но дети, видимо, продолжали жить на Остоженке.

Николай Ипполитович был младшим ребенком в семье. У него было еще два брата, Виталий и Георгий, и сестра Ольга. Георгий Ипполитович был энтомологом, и его сборы жуков из Русского Туркестана (1912–1913 гг.), переданные через В. Лучника, до сих пор хранятся в Зоологическом музее МГУ и в ЗИН РАН*. Во время Первой мировой войны Георгий Ипполитович (казак Кубанского войска) пропал без вести. 30 августа 1915 г. под Молодечно (в нынешней Белоруссии, Минская обл.) он, переодевшись в крестьянское платье, в сопровождении двух казаков отправился в разведку и не вернулся. Ольга Ипполитовна скончалась от туберкулеза, а с Виталием Николай Ипполитович до конца своей жизни жил в одной квартире на Остоженке.

Виталий Ипполитович стал известным геологом, доктором геологических наук, профессором, составителем геологического атласа СССР, а последние 15 лет работал в Алмазном фонде Кремля. Его комната сама по себе представляла чуть ли не минералогический музей.

* Сообщение А. В. Свиридова.

Николай и Виталий были полными противоположностями и по типуажу, и по характеру. Виталию Ипполитовичу «по наследству от французских предков» достались такие качества как жизнелюбие и вольтерьянство. Он закончил пажеский корпус в 1889 г. в Санкт-Петербурге, по протекции отца попал в горный институт, но не отличался прилежанием и час-тенько прогуливал занятия, возможно, и покутить был не прочь. Виталий Ипполитович был весельчаком по духу и ловеласом по натуре. Во время революции за свое социальное положение и, вероятно, неуемность характера его арестовали, и первая его супруга за драгоценности «выкупила» мужа («и комиссары берут взятки», — скептически говаривал Виталий), после чего они уехали из Питера.

Пожалуй, лишь одна черта действительно объединяла обо-их братьев — феноменальная память (медики таких людей называют эйдетиками). Так, например, Николай Ипполитович помнил число, день недели и даже погоду места того или иного случая в своей жизни.

Н. И. Соболевский был стройным и высоким человеком, с открытым лицом славянско-польского типа, голубыми глазами, мягким неторопливым голосом. Родственники описывают его внешность как «благообразно благолепную». Он вел себя как представительная личность, внушающая почтение и уважение, с внутренним достоинством. Ходил прямо, не спеша, со степен-ной улыбкой (брат же, Виталий, как положено антиподу — часто куда-то спешил). Когда он увлекался рассказами, голос его преображался, становился слегка дрожащим.

Николай Ипполитович обладал эдаким польским аристок-ратизмом в лице, немецким педантизмом, был православным че-ловеком, с догматической мировоззренческой позицией и утон-ченным ценителем прекрасного и изысканного (будь то бабочки, деревья или женская красота). Он хранил альбом фотографий

с изображением женских головок, говорил о том, что люди 19 века умели видеть и достойно оценивать женскую красоту, судя о фигуре, например, по облеганию платья, когда дама садилась на стул.

Николай Ипполитович и природу воспринимал как проявление божественной красоты, поэтому, например, даже несколько осерчал на Е. Н. Павловского за то, что в музее грандиозное чучело какого-то оленя тот распорядился передвинуть, а на его место поставить неэстетичных глистов. Н. И. Соболевский гордился тем, что не убил зазя ни одного животного — только ради науки. Поэтому причислял себя к избранным, которые обязательно попадут в рай.

Его комната существенно отличалась от комнаты брата и была обставлена отнюдь не современными предметами. Николай Ипполитович вообще дома жил прошлым (XIX) веком. Его кабинет-библиотека была святилищем, храмом, где он чувствовал себя среди книг и вещей славного прошлого своих предков. Не каждый мог посетить этот уголок. Даже некоторые родственники, с которыми он поддерживал вполне дружеские отношения, были допущены в эту комнату лишь после 10 лет общения.

Николай Ипполитович был аристократом и консерватором по духу, систематиком и статичным исследователем, не любившим теоретическую зоогеографию, но приходившим в неописуемый восторг от животного разнообразия разных природных зон.

Но вернемся к началу его творческого пути. После поступления в Московский университет Н. И. Соболевский увлекся изучением герпетофауны Алтая, Крыма и Подмосковья, но первой его работой стала книжка «Герпетофауна Тальша и Ленкоранской низменности. Опыт зоогеографической монографии», изданная 10 июня 1929 г. в Москве тиражом в 1000 экземпляров Зоологическим отделением Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), действительным

членом которого он состоял и при поддержке его членов осуществил свою поездку в Азербайджан. Было ему на момент путешествия, длившегося с 30 июня по 9 августа 1927 г., 26 лет (в экспедиционной картотеке архива Зоомузея МГУ есть короткая запись о том, что уехал он туда, будучи дипломником).

В состав экспедиции, кроме Н. И. Соболевского, входил переводчик (Теймур Рамазанов), «два проводника тальшинца и два вооруженных объездчика, сопутствующие в качестве охраны», что было совсем не напрасно, так как в Сев.-Зап. Зуванде и в верховьях р. Виляж-чай (куда, правда, Н. И. Соболевский так и не попал) кочевали отряды персидских разбойников, но и в других участках маршрута обстановка была неспокойной. Тем не менее, от селения Лерик он путешествовал без объездчиков и охраны.

Николая Ипполитовича в период этой экспедиции поджидали и другие сложности. Однажды, например, во время трудного горного перехода произошел обвал, в результате которого он чуть не погиб, а один из ящичков коллекции безвозвратно исчез в бурной реке, свалившись в ущелье более чем с 30-метровой высоты. И это далеко не все трудности, с которыми столкнулся молодой человек во время своего путешествия.

Сохраненные в этой поездке материалы Н. И. Соболевский передал в Зоомузей МГУ. Но созданию монографии еще предшествовал огромный труд по обработке не только собственных сборов, но и коллекций Зоологического музея Академии наук в Питере (куда он специально приезжал в декабре 1927 г.) и материалов Зоомузея МГУ. Предстоял тщательный анализ более 60 литературных источников, подробное ознакомление с герпетофауной соседней Персии и других территорий Закавказья, доклад о зоогеографии этих регионов (23 января 1928 г.) на заседании Зоологического отделения ОЛЕАЭ, кропотливая работа по изучению климатологии, гео-

ботаники и истории герпетологических исследований Ленкоранского уезда. Но эта книга — не только зоогеографическое эссе. Монография включает чрезвычайно подробное изложение изменчивости и биологии большинства исследованных видов. В ней он дал подробные описания маршрутов 16 исследователей XVIII — XX веков (при упоминании 33) и результаты их поездок, порой со списками собранных видов.

В итоге Н. И. Соболевским было создано поистине уникальное произведение, не потерявшее своей актуальности до сих пор. Даже при беглом взгляде на эту работу возникает уважение к ее автору, серьезно подходившему ко всем деталям исследования, тщательно и скрупулезно выверявшему и взвешивавшему буквально каждое употребляемое слово. Достаточно обратить внимание на аргументацию использования терминов (биологическая станция, а не стация), географических названий (Зуванд — согласно произношению местных жителей, а не Зувант — как встречалось у некоторых авторов прошлого; Тальшский хребет вместо Тальшинский; селение Розанова вместо Разано; Астанлы, но на пятиверстовой карте — Астанлу), а также границ ряда географических регионов (Передняя и Западная Азия) и т. д. Вот где проявилась педантичность характера, сформированная еще в детстве.

В июле 1928 г. Николай Ипполитович посещает Пицундский мыс в Абхазии и Сухуми, через год (в июне 1929 г.) совершает поездку в Бакинскую губернию (окрестности села Петропавловка в Сальском уезде), а еще через год — Елизаветпольскую губернию (территория современного Нагорного Карабаха), продолжая, таким образом, планомерное изучение герпетофауны Кавказа и собирая коллекции для Зоомузея МГУ. Эти материалы он будет использовать для ряда своих последующих публикаций, хотя работа в музее заставляет его обратить свое внимание и на другие зоогеографические регионы.

Уже в 1928 г. Н. И. Соболевский приступил к изучению южно-алтайской коллекции А. П. Разореновой (из селения Сенного на р. Бухтарма, территория современного Сев.-Вост. Казахстана), создал статью, в которой описал как аберрацию *Elaphe dione tenebrosa*. И опять очевидна серьезность для Николая Ипполитовича этой процедуры: из полутора страниц описания почти треть объема занимает обсуждение критериев термина «аберрация».

После окончания МГУ Н. И. Соболевский работал в Институте зоологии при I МГУ и занимался изучением герпетофауны Закавказья, Персии и Туркестана. В 1930 г. вышли еще две его статьи, как и предыдущая, в «Известиях Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете I МГУ». В одной из них он описал подвид луговой (*Lacerta praticola hungarica*, ныне *L. p. pontica*), а в другой — зеленой (*Lacerta viridis magnifica*) ящериц. Но на этом таксономические работы Николая Ипполитовича завершаются, и впоследствии он вплотную посвятил себя зоогеографии и педагогической работе.

Николай Ипполитович немало путешествовал, посетил многие заповедники страны (Кавказский, Беловежскую пущу, а в последние годы жизни несколько раз бывал в Хоперском заповеднике), где активно работал и одновременно отдыхал душой наедине с природой, величавой и прекрасной. Она для него была божественным храмом, а ее красота и гармония стали для Н. И. Соболевского главным в восприятии жизни.

В начале творческого пути Николая Ипполитовича в поездках по Кавказу сопровождала его первая жена (ее фамилии установить не удалось, но все ее звали баронессой Зиночкой). Второй брак Николая Ипполитовича был недолгим и неудачным. Жена была очень красивой женщиной, но как говаривал сам Соболевский, «предпочитала лежать на диване и курить,

поэтому я ее прогнал». Вообще Николай Ипполитович в душе признавал только церковный брак, хотя с третьей женой (Ольгой Федоровной) они были и венчаны, и официально расписаны.

В семейной жизни с Ольгой Федоровной (урожденной Ракутиной) Н. И. Соболевский был не столько мужем в обычном смысле, а скорее большим ребенком, требующим постоянного внимания и ласкового обращения. Ольга Федоровна очень любила своего мужа и трогательно называла Котенькой. Внешне она была обаятельна, женственна, с красивой фигурой и правильными чертами лица, синими глазами и темными волосами. Она происходила из саратовских крестьян (родом из Аркадака), закончила техникум, но качество образования в первые годы Советской власти на Руси было невысоким, и Николай Ипполитович частенько занимался ее обучением, что Ольга Федоровна воспринимала с удовольствием. С удовольствием она запоминала даже латинские названия бабочек. Супружеский союз этих людей в течение более 30 лет (с 1943 г.) был безупречным и взаимно счастливым.

С 1934 по 1966 г. Н. И. Соболевский преподавал и имел звание доцента Московского областного пединститута им. Н. К. Крупской (МОПИ), опубликовав там (в 1954 г.) статью, посвященную фауне позвоночных животных Московской области. В 1935 г. он стал членом Московского общества испытателей природы. А в 1950 г. в «Большой Советской энциклопедии» вышло несколько его очерков, наиболее крупные из которых были посвящены описанию животного мира Белоруссии, Сев. и Юж. Америки, Африки и Альпийских гор.

Николай Ипполитович был знаком и сотрудничал со многими известными зоологами тех времен (Г. А. Кожевниковым, Б. М. Житковым, С. Ф. Царевским, Н. А. Бобринским, Г. Ф. Суховым), был дружен с крупнейшим отечественным герпетологом С. А. Черновым, известным гемиптерологом С. И.

Мальшевым, географом и картографом, членом-корреспондентом АН СССР Н. Н. Баранским, уважительно относился к И. С. Даревскому.

Николай Ипполитович был неординарной личностью во многих отношениях. Он зажигался сам и мог увлечь любую аудиторию своими всеобъемлющими знаниями по географии и зоогеографии. Слушать его было одно удовольствие. Особенно увлекательно он рассказывал о своих впечатлениях от природы Кавказа. Благодаря уникальной памяти практически любой географический пункт на земном шаре был ему досконально известен в мелких подробностях. Это был человек по истине энциклопедических знаний, которые отличались еще глубиной и точностью. Вероятно, поэтому Н. И. Соболевский был интересным и уважаемым лектором и педагогом. Правительство СССР наградило его за педагогический труд орденом Трудового красного знамени, правда, к Советской власти, в отличие от брата Виталия, он всегда относился отрицательно и до конца жизни в разделе анкет о принадлежности к партии, видимо, не без гордости писал: «беспартийный».

Личность Николая Ипполитовича была уникальной и в другом аспекте. Он жил как бы двойной жизнью. Как педагог и ученый на работе и как «реликт» прошлой монархической России у себя дома (вспомните обстановку его квартиры). Даже стилистика речи Н. И. Соболевского выдавала в нем заядлого приверженца монархии — не взирая ни на чье присутствие он всегда полностью выговаривал: «Его Императорское Величество Государь Император Николай Второй» или «Его сиятельство князь Феликс Юсупов». Он вообще, как вспоминает профессор В. А. Тряпицын, очень уважительно относился к этому родовитому аристократу — Феликсу Феликсовичу Юсупову (Сумарокову-Эльстон, 1887—1967), вошедшему в историю как активный участник покушения на Григо-

рия Распутина и женившийся на племяннице царя Николая, княжне Ирине Александровне.

Письмо Н. И. Соболевского известному герпетологу Луи Амедеевичу Лантцу, написанное в конце 1920-х годов и сохранившееся в семейном архиве, изобилует фразами типа «не откажите в любезности» (упоминается четырежды), «был бы Вам чрезвычайно благодарен» (дважды) и т. д., что также указывает на уважительно архаичную даже по тем временам речевую форму.

Николай Ипполитович был чрезвычайно эрудированным человеком. Он очень увлекался музыкой, особенно любил оперетты Ф. Легара, И. Штрауса, И. Кальмана и Д. Оффенбаха. Интересовался живописью и скульптурой, обожал различные безделушки. В небольшом шкафчике у него была собрана коллекция фигурок-миниатюр.

Но главный интерес для Н. И. Соболевского все-таки представляли книги. Он был завсегдатаем «Академкниги», посещал этот магазин регулярно, и его библиотека была чрезвычайно обширной. По центру комнаты-кабинета стоял стеллаж с книгами, протирку которых от пыли, как и уборку в кабинете, он никому не доверял.

Николай Ипполитович хорошо знал немецкий, английский и французский языки, свободно читал и изучал специальную литературу зарубежных авторов.

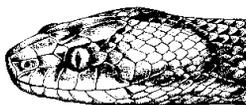
Это был человек чрезвычайно разносторонний знаний. Он написал на нескольких сотнях страницах серьезное исследование «История открытия, исследования и колонизации Центральной Америки. Историко-географический обзор», которое представлял как диссертацию, будучи уже кандидатом биологических наук. Эта работа так и осталась неопубликованной. Кроме того, родственники говорят, что у него еще была рукопись и о пиратах Карибского моря.

В конце своей жизни Николай Ипполитович увлекся астрологией. Как ни странно для ученого, но он верил в чудеса и с вдохновением рассказывал, например, о появлении Богородицы в Каире. «Чудо чудесное» — было его любимое выражение. Н. И. Соболевский обожал все мистическое, гадал на кофейной гуще, увлекался оккультными науками, спиритизмом (как-то даже «разговаривал» с Суворовым), верил в НЛО, которые рассматривал как космические аппараты пришельцев. Вообще он отличался способностью к сильному самовнушению, наивно верил в существование снежного человека, которого считал потомком обезьяны, а обычного человека (*Homo sapiens*) — сотворенным богом существом. Дарвинизм не признавал, но и крецианистом не был.

При этом Николай Ипполитович был глубоко верующим христианином, всегда молился на ночь, регулярно посещал близлежащий храм Иоанна Предтечи, был его прихожанином, помогал материально церкви и завещал отпеть его в своем приходе по высшему церковному канону. Он верил в загробную жизнь, но его представление о рае было нетрадиционным, считал себя принадлежащим к числу избранных для него.

Умер во сне в Москве 7 ноября 1975 г., фактически предсказав собственную кончину. Похоронен был на Ваганьковском кладбище в Москве, где в семейном склепе покоятся и его родители.

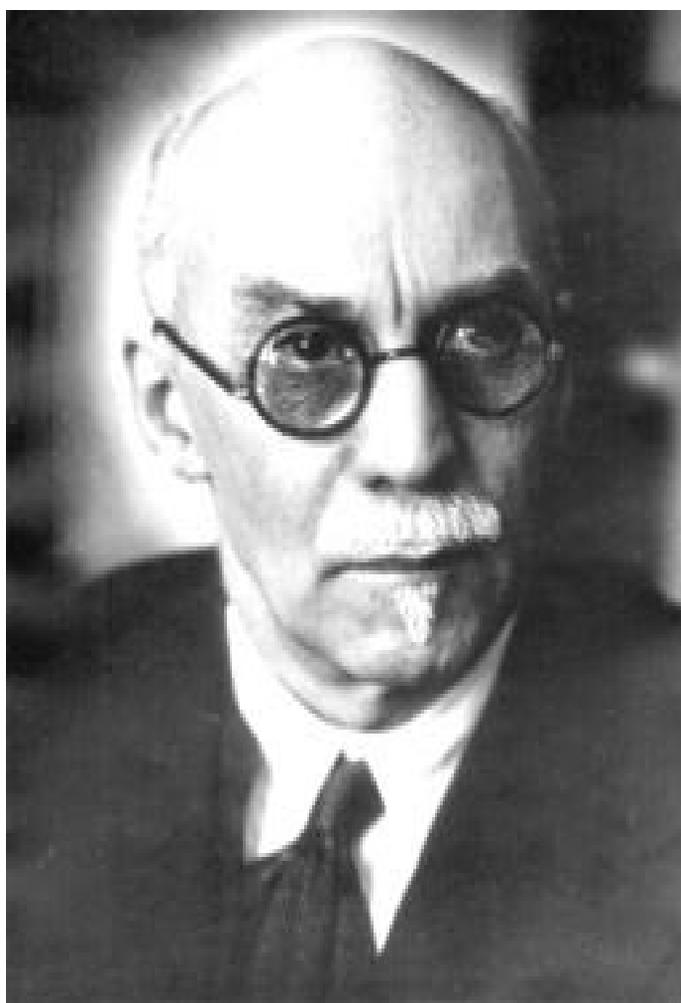
Семейные документы Н. И. Соболевского, сохраненные его пасынком (сыном О. Ф. Соболевской — Вячеславом Константиновичем Столяровым) переданы в архив Герпетологического общества им. А. М. Никольского и хранятся в Зоомузее МГУ.

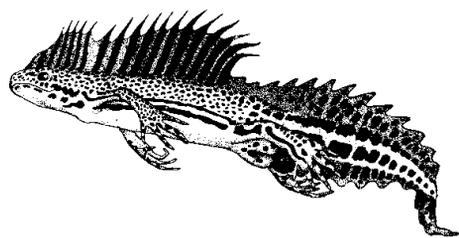

Е. Я. Шувакина,
Е. А. Дунаев

**ИВАН ИВАНОВИЧ
ШМАЛЬГАУЗЕН**

1884–1963

Впервые я встретилась с Иваном Ивановичем Шмальгаузенем летом 1960 г., когда пришла в Институт эволюционной морфологии (ИЭМЭЖ) на Ленинском проспекте с рукописью своей кандидатской диссертации. Меня направил к нему директор Палеонтологического института Ю. А. Орлов с письмом-просьбой дать отзыв на нее. Я вошла в комнату на первом этаже в конце коридора, которую Иван Иванович разделял со своими сотрудницами. При моем появлении он поднялся с кресла из-за большого стола. Глубокий ум, скромность и интеллигентность сочетались в его облике. Иван Иванович предложил мне присесть и быстро просмотрел несколько страниц, потом сказал: «Это интересно, приходите за ответом через четыре дня». Я пришла, Иван Иванович вручил мне конверт с отзывом, добавив: «Мне понравилось. Не хотите ли прочитать?». Я настолько сконфузилась, что пролепетала: «Да нет, ведь на конверте написано Ю. А. Орлову. Надеюсь, он разрешит мне прочитать потом». Он улыбнулся доброжелательно. Вскоре Иван Иванович заболел, слег в больницу, и больше я уже не встречалась с этим талантливейшим ученым, обладавшим широчайшей разносторонностью научных интересов, редчайшим даром проникновения в суть науки и глубокой преданностью ей.

И. И. Шмальгаузен родился 23 апреля 1884 г. в Киеве, в семье профессора ботаники и директора Ботанического сада Ивана Федоровича Шмальгаузена. Его мать, Луиза Людвиговна Вирт, уроженка Германии, интересовалась ботаникой, хорошо пела и играла на рояле. Она большое внимание уделяла воспитанию своих троих детей. У Ивана Ивановича был старший брат Эмиль и младшая сестра — Луиза (Юлия). Воспитываясь в семье естествоиспытателя, маленький Ваня под руко-

водством отца собирал гербарий, а также коллекции насекомых. Отец Ивана Ивановича скончался рано и внезапно, в возрасте 45 лет. В год его смерти Ване исполнилось десять лет. Спустя три года погиб (утонул) старший брат. На небольшую пенсию его мать сумела обеспечить двух оставшихся детей всем необходимым и дать им образование.

Иван Иванович поступил в 1894 г. в Киевскую гимназию, где в разные годы учились А. В. Луначарский, М. А. Булгаков, К. Г. Паустовский. Гимназия имела гуманитарный уклон, что тяготило Шмальгаузена, который предпочитал точные науки. Окончив гимназию, он поступает на естественное отделение физико-математического факультета Киевского университета, где решил специализироваться по технической химии в лаборатории Н. А. Бунге. Однако вскоре он заболел и отказался от мысли стать химиком, решив заниматься ботаникой. В это время произошла первая встреча Ивана Ивановича с Алексеем Николаевичем Северцовым, которая и определила дальнейшую его судьбу. Иван Иванович был восхищен курсом лекций Северцова по сравнительной анатомии и его популярными лекциями по вопросам эволюционной теории. Он проходит практикум по микроскопической технике у М. М. Воскобойникова (ассистента Северцова) с целью овладения гистохимическими методами. Алексей Николаевич предложил ему самостоятельную тему по изучению эмбрионального развития легких ужа как модели редукции одного из парных органов. За эту работу Иван Иванович получил высокую оценку: «весьма удовлетворительно». В результате этого исследования Шмальгаузена приблизился к взглядам Е. Менерта о принципах органогенеза, интерпретируя их, однако, с позиций дарвиновских идей. Обсуждая общие вопросы о роли гетерохроний в развитии, соотношении дифференцировки и роста, развитие прогрессирующих и регрессирующих органов, Иван Ива-

нович коснулся проблемы соотношения онто- и филогенеза и коррелятивного изменения органов. Эту проблему он развил далее в своей эпохальной монографии «Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии» (1938 г.). В 1912 г. Северцов подвергает серьезной критике биогенетический закон Геккеля и в «Этюдах по истории эволюции» формулирует ряд четких положений своей теории филэмбриогенеза. Его взгляды находят полное понимание у Шмальгаузена, который в это время был лишь студентом третьего курса.

Знаменательным событием в жизни Ивана Ивановича была поездка в 1907 г. на Севастопольскую биостанцию, где он собирал материал по развитию костных рыб. Одновременно он начинает интересоваться развитием конечностей амфибий, получив личинок сибирского углозуба с Урала от Г. О. Клера. Первые короткие статьи по этому предмету выходят в 1907—1910 гг. С Северцовым у Шмальгаузена устанавливаются очень теплые отношения. В 1909 г. Иван Иванович писал: «Я опять несколько дней проболел, но, к счастью, в довольно выгодных условиях, так как на это время переехал к Северцову, который ухаживал за мной как родной отец...». К этому времени мать Ивана Ивановича уехала в Италию к дочери, и он оставался один. Шмальгаузен мечтал поехать в экспедицию: «Ужасно тянет поехать куда-нибудь подальше — я ведь привык каждое лето превращаться некоторым образом в бродягу» (письмо от 26.04.1909 г. из семейного архива). В это лето он уехал в деревню вместе с сыновьями Алексея Николаевича, где, проводя большую часть времени на огромном балконе, собирал там материал по развитию голубиных и воробьиных птиц. «Не возмущайтесь, ведь это не просто любительское разорение гнезд», — писал Иван Иванович (письмо от 09.06.1909 г.).

Воскобойников ввел его в семью Н. А. Петрова — мастера художественной фотографии. У них вечерами собирались

за чаем известные биологи (А. Н. Северцов, В. И. Фаворский) и художники (А. А. Мурашко, М. В. Нестеров). Здесь Иван Иванович встретился со своей будущей женой — Лидией Дмитриевной Козловой, учительницей французского языка из женской прогимназии г. Елец. В 1910 г. они поженились. К этому событию А. Н. Северцов отнесся с большим участием. Узнав, что у жениха нет необходимых свадебных атрибутов — крахмальной рубашки, свежих перчаток и букета для невесты, — он все взял на себя. Через год у молодых появился первый ребенок — сын и, нуждаясь в деньгах, Иван Иванович стал работать по совместительству на кафедре зоологии Киевского политехнического института. В 1910 г. А. Н. Северцов был приглашен своим учителем М. А. Мензбиром на кафедру МГУ для изучения низших позвоночных, где и был избран профессором. На этой кафедре работали С. Н. Боголюбский, Д. П. Филатов и ученик Северцова из Киева — М. Е. Макушок. При кафедре стажировались студенты — Б. С. Матвеев, В. В. Васнецов и Е. В. Рылова. В 1912 г. Северцов предложил Шмальгаузену место штатного лаборанта у себя на кафедре, и Иван Иванович переезжает в Москву. Семья И. И. Шмальгаузена поселяется при университете на одной лестничной площадке с квартирой Северцова. В Университете Иван Иванович ведет занятия со студентами по сравнительной анатомии, эмбриологии, гистологии (большой практикум), а также оформляет свою магистерскую диссертацию «Непарные плавники рыб и их филогенетическое значение», которая была успешно защищена в мае 1914 г. После защиты Иван Иванович едет в командировку на Неаполитанскую станцию, где проводит экспериментальное исследование, устанавливая корреляции между удельным весом и формой тела рыб, положением и функцией их плавников. На станции находились многие русские биологи: Н. А. Ливанов, И. И. Пузанов, В. П. Поспелов, А. В.

Немилов, Н. В. Богоявленский, Б. С. Матвеев. Работа чередовалась с интересными экскурсиями в море. Однако Иван Иванович настолько был занят опытами, что редко бывал в этих поездках. Уже смолоду он привык работать весьма интенсивно. В письме к невесте он писал: «Если бы ты знала, какое это наслаждение, когда мысль работает быстро и все новое, все новое... Иногда при этом доходишь до невероятного напряжения... и какая это мука, когда перо не успевает записывать мысли — рука устает страшно, прыгает по бумаге...» (письмо от 31.05.1914 г. из семейного архива). После возвращения со станции Иван Иванович занялся разработкой главной идеи ее основателя А. Дорна — о единстве морфологических и функциональных особенностей органов. Он пишет большую литературную сводку по этим вопросам на немецком языке, так и не опубликованную.

В Москве Шмальгаузен заканчивает докторскую диссертацию на тему «Развитие конечностей амфибий и их значение в вопросе о происхождении конечностей наземных позвоночных», в которой анализирует развитие и строение конечностей земноводных с эволюционно-морфологической и с физиологической точек зрения, обосновывая монофилию амфибий. В этой работе он отвергает теорию Рабля о рекапитуляции филогенетического пути развития элементов конечностей в онтогенезе и обосновывает идею о формировании пятипалой лапы только с момента окончательного выхода позвоночных на сушу. В 1917 г. Иван Иванович становится профессором Юрьевского университета, где продолжает разработку проблемы происхождения тетрапод. Занимаясь анализом развития аутостилии у двоякодышащих рыб и наземных позвоночных, он доказывает ее независимое происхождение в обеих группах, давая этому функциональное объяснение. По поводу этих работ Северцов писал: «Только что изложенные обширные исследо-

вания И. И. Шмальгаузена разрешают вопрос о происхождении слуховых косточек *Quadrupeda*, то есть один из самых трудных вопросов морфологии позвоночных».

После Октябрьской революции Иван Иванович активно участвует в процессе демократизации высшей школы и по предложению Наркомпроса возглавляет кафедру зоологии и сравнительной анатомии нового Воронежского университета. В 1919 г. в Воронеже началась эпидемия тифа, сотрудники университета испытывали большие бытовые трудности. Были организованы «профессорские» огороды, среди которых огород Ивана Ивановича был образцовым. В Воронеж в качестве его ассистентки приехала Е. В. Рылкова, закончившая МГУ и получившая профессорское звание. Она привезла для кафедры ценное оборудование: микроскопы, микротомы, рисовальный аппарат Эдингера. Вместе с Иваном Ивановичем она занималась подготовкой необходимых таблиц для лекций. Студентов было мало, в основном немолодые люди из числа рабочих и бывшие учителя. Шмальгаузен вел семинар по сравнительной анатомии, материалы которого в дальнейшем легли в основу его учебника, опубликованного в 1923 г. Он продолжает опыты по регенерации конечностей у земноводных и изготавливает гистологические препараты по личинкам протоптера в связи с изучением аутостики у двоякодышащих. Статьи по этим вопросам были опубликованы в 1923 г.

В 1921 г. Иван Иванович проходит по конкурсу на должность заведующего кафедрой зоологии в Высшем институте народного образования (ВИНО) и переезжает с семьей в Киев. Здание института в зимнее время не отапливалось, однако аудитории были заполнены студентами. Иван Иванович с энтузиазмом берется за преподавание на кафедре, а также на педагогических курсах при ВИНО, где ускоренно шла подготовка учителей для школ. Он читает здесь курс анатомии чело-

века, гистологии и эмбриологии, активно ведет также научную работу. На второй зоологической конференции Всеукраинской Академии наук (ВУАН) делает доклад «О влиянии функционального раздражения и других факторов на регенерацию конечностей у амфибий». Эти экспериментальные исследования были продолжены его учеником В. В. Бруйстом, продемонстрировавшим относительную независимость формообразования, гистологической дифференцировки и роста в морфогенезе. Ивана Ивановича избирают на ряд научно-общественных должностей (председатель Совета Ассоциации зоологов при Академии, председатель зоологического отдела при Киевском обществе естествоиспытателей, член Бюро краеведения Украины и др.). В письме к Е. В. Рылковой, которой Иван Иванович передал преподавание в Воронежском университете, он пишет: «Чувствую я себя хорошо и ни в какую Москву не собираюсь. Лаборатория у меня начинает работать, около 10 хороших специалистов, правда, все еще начинающих знакомство с техникой, но славные ребята, и дрова таскают, и все что нужно делают для лаборатории. Здесь я занимаю такое положение, какого у меня нигде быть не может и, как только жизнь наладится еще хоть немного, я смогу всю работу» (письмо от 08.12.1922 г.). В 1922 г. Шмальгаузен избирают действительным членом Всеукраинской Академии наук, где он возглавляет созданную при ВИНУ кафедру экспериментальной зоологии. Экспериментальным методам Иван Иванович придавал всегда большое значение. В письме Е. В. Рылковой, советовавшей с ним по поводу исследований своих учеников, он рекомендовал такие темы, как влияние объема желтка на морфогенез и скорость развития скелета конечностей птиц, изучение иннервации и связь ее с морфогенезом и ростом трансплантантов, лично проводя опыты по трансплантации на амфибиях. В том же письме он пишет: «Очень интересно изменен ли морфо- и гистогенез трансплантанта по сравнению с нормаль-

ным развитием — я уверен, что изменения есть и притом не только в связи с недостаточной иннервацией...». В 1923 г. при АН УССР создается Комиссия по экспериментальной биологии и генетике, которую возглавил Иван Иванович. В состав ее входил и Н. И. Вавилов. В 1924 г. в Киеве организован Микробиологический институт ВУАН, который после реконструкции в 1930 г. становится Институтом зоологии и биологии, а в 1939 г. переименован в Институт зоологии. Иван Иванович был директором этого института до начала Великой Отечественной войны, возглавляя одновременно отдел экспериментальной морфологии. В 1980 г. этому институту было присвоено имя академика И. И. Шмальгаузена.

Отличаясь высокой работоспособностью и хорошо владея многими методами, Иван Иванович считал, что ученый, во избежание неудач, многое должен выполнять собственными руками. Препараты, реконструкции, рисунки и фотографии для своих работ он обычно делал сам. В лаборатории Ивана Ивановича в это время проводились исследования детерминации и дифференциации частей организма, изучались факторы морфогенеза и роль роста для становления взрослой формы. В 1931 г. была создана также группа генетиков, разрабатывающих вопросы генетики факторов роста животных. В 1927 г. на состоявшейся в Берлине «Неделе русской науки» Иван Иванович выступил с двумя докладами: «О закономерностях роста» и «О пропорциональном и непропорциональном росте». В этой Международной конференции приняли участие 20 советских ученых, в их числе: В. И. Вернадский, Н. К. Кольцов, Д. Н. Прянишников, А. Е. Ферсман, А. Ф. Иоффе, А. Г. Гурвич и др. Возглавлял делегацию комиссар здравоохранения Н. А. Семашко. Иван Иванович писал: «Только что вернулся с банкета. Я сижу, если не в смокинге (только без шелковых отворотов), но в крахмале, так что шеи не повернешь... Сегодня я

попал в самую «генеральскую» компанию. С одной стороны, Кайбель, с другой — Фик, оба анатомы — академики. Кроме того, такие мировые знаменитости, как Эйнштейн, Планк и др. ...Откуда-то внезапно появившийся Луначарский. Цветы, вино, речи, тосты и прочая ерунда» (письмо 20.06.1927 г.).

В 1933—1934 гг. Иван Иванович был загружен организационными делами по восстановлению Киевского университета. В это время он выступил с серией докладов по общим задачам феногенетики, в том числе в лаборатории эволюционной морфологии АН СССР у А. Н. Северцова. Работы по феногенетике привели Ивана Ивановича к разработке вопросов морфогенетических корреляций, определяющих нормальное развитие организма и его целостность. Это нашло отражение в ряде статей (1936—1939 гг.) и в монографиях «Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии», «Пути и закономерности эволюционного процесса» (1939—1940 гг.), «Факторы эволюции» (1946 г.). В 1934—1937 гг. Иван Иванович читает в Киевском университете курсы лекций по общей биологии, сравнительной анатомии, эмбриологии и эволюционной теории. Академик М. С. Гиляров, будучи студентом этого университета в 1930-е годы, вспоминает: «Читал Иван Иванович, не глядя в аудиторию, очень четко и внятно, как бы уясняя для себя свои мысли, ровным голосом, не меняя интонации... Студенты внимательно слушали и тщательно записывали, у всех было такое чувство... что это не просто курс лекций, а рождающийся синтез данных о самом современном состоянии науки».

В 1935 г. проходили торжества по случаю 100-летия основания Киевского университета. Иван Иванович выступил с докладом «Биогенетический закон Э. Геккеля и динамика развития организмов». В связи с этим юбилеем Ивану Ивановичу присваивают звание заслуженного деятеля науки УССР.

В том же году по представлению А. Н. Северцова, поддержанного рядом научных учреждений и обществ страны, Иван Иванович был избран действительным членом АН СССР. Спрашивая его согласие на баллотировку, Северцов писал: «Вы знаете, как мне всегда хотелось иметь в своей непосредственной близости своего старшего и своего самого талантливого ученика и друга» (письмо от 11.10.1934 г.). Однако этой мечте не суждено было осуществиться. В следующем году от тяжелой болезни А. Н. Северцов скончался. Иван Иванович глубоко скорбел по поводу этой утраты. В речи на похоронах он сказал: «Крупные таланты открывают новые горизонты, новые пути в науке, ставят новые проблемы. Алексей Николаевич относился как раз к этому типу ученых. В начале этого века казалось бесспорным, что морфология сама себя изжила... Однако работы А. Н. Северцова пролили новый свет и открыли перед морфологами совершенно необозримые перспективы дальнейших исследований...».

В 1937 г. Иван Иванович переезжает в Москву и становится директором Института общей биологии им. К. А. Тимирязева. Его заместителем был Х. С. Коштыянец. В письме к нему Шмальгаузен пишет: «В научном исследовании хотя и нужна плановость и общая целеустремленность, но нельзя ставить никаких искусственных препятствий естественному и логическому развитию научного творчества, хотя бы оно уклонялось от первоначально намеченного пути». После кончины А. Н. Северцова Институт эволюционной морфологии и палеонтологии (ИЭМП) было предложено возглавить Ивану Ивановичу. В 1936 г. этот институт был разделен на Институт палеонтологии (ПИН) и Институт эволюционной морфологии (ИЭМ), к которому была присоединена зоологическая часть Института общей биологии им. К. А. Тимирязева. ИЭМ был разделен на три сектора: экспериментальной

морфологии, который возглавил Иван Иванович, эволюционной морфологии, завоём которого стал Б. С. Матвеев и эволюционной физиологии, возглавляемый Х. С. Коштойнцем. Штат института был сформирован сложившимися учеными со своими интересами, ряд из которых негативно относились к наследию А. Н. Северцова и к дарвинизму. В числе их были, в частности, С. Г. Крыжановский и В. В. Васнецов, который как-то на ученом совете после выступления Иван Иванович хохотнул: «Очень логично, хотя и схоластично». Иван Иванович пытался объединить коллектив вокруг идеи целостности органического мира и его исходной единицы — целостности организма в индивидуальном и историческом развитии. Но осуществиться этому замыслу не было суждено: руководящие ученые не поняли своего директора. В период 1938–1939 гг. Шмальгаузен принимает активное участие в праздновании 80-летнего юбилея «Происхождения видов» Ч. Дарвина, выступая с докладами на сессиях в Москве и Киеве. Им опубликован ряд статей, посвященных поддержке и развитию идей дарвинизма. В 1939 г. Ивана Ивановича избирают заведующим кафедрой дарвинизма МГУ. Он выступает с докладом на сессии АН СССР «Дифференциация и интеграция в эволюции», где были изложены основные положения его книги «Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии». Вызвав широкий интерес у научной общественности, эта книга была переиздана в 1942 г. Однако существовали и ярые противники взглядов Шмальгаузена, к которым, в частности, принадлежал Г. А. Машталер, опубликовавший грубую отрицательную рецензию на эту книгу в журнале «Советская культура» (1938 г.). Позже комиссия при Президиуме АН УССР расценила эту рецензию как необоснованный и бестактный поступок.

В 1939 г. выходит книга Ивана Ивановича «Пути и закономерности эволюционного процесса», в которой дается глубо-

кий анализ взаимозависимостей внутри организма и его связей со средой обитания (координации и адаптации). В 1940 г. он основал и возглавил «Журнал общей биологии».

В период Великой Отечественной войны Шмальгаузен вместе с семьей находился в эвакуации в Боровом Акмолинской области, где работал над книгами «Проблемы дарвинизма» и «Факторы эволюции». Здесь в начале 1942 г. умирает его мать, не перенесшая резкую перемену климата. Эту потерю Шмальгаузен принял, как всегда, мужественно и молча, уходя с головой в работу. Весной 1942 г. он едет на научную сессию АН СССР в г. Свердловск. Зима 1942 г. выдалась суровой. В домике, где жила семья Ивана Ивановича, было холодно, а в чуланчике разводили кур, за которыми ухаживал он сам. Иван Иванович сильно похудел и истощал. Тем не менее, он не терял оптимизма и в своей автобиографии писал: «Я могу сказать со спокойной совестью, что эти годы жизни на востоке не прошли для меня бесплодно».

В 1943 г. Шмальгаузен возвращается в Москву, где начинает свою деятельность с лекции по дарвинизму для студентов IV курса Биофака МГУ. Вступительная часть ее наполнена патриотическим и гуманистическим пафосом в связи с продолжающейся кровавой битвой против германского фашизма. «Мы можем продолжать верить, что человеческая культура ведет не к порабощению, а к освобождению человека, не к разделению, а к объединению наций» — таков главный лейтмотив его речи.

23 апреля 1944 г. Шмальгаузену исполнилось 60 лет. Он получает поздравительные телеграммы от АН СССР, научных и общественных организаций, от многих ученых.

Он болен в это время тяжелой формой гриппа, и у него обнаруживается глаукома. После нескольких операций глаз пришлось удалить.

В июне 1945 г. в Москве и Ленинграде отмечается 220-й юбилей Академии наук. По указу Президиума Верховного Совета СССР Иван Иванович награждается орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники. С начала 1946 г. Шмальгаузен руководит работами докторантов Р. Л. Берг, Т. А. Детлаф, А. А. Малиновского в МГУ и заведует отделом эволюционной морфологии в киевском Институте зоологии. В этом году публикуется его книга «Проблемы дарвинизма» — «учебное пособие для биологов-специалистов», как ее охарактеризовал сам Иван Иванович. По поводу этой книги он писал Б. С. Матвееву еще в феврале 1943 г.: «Очень Вы меня огорчили тем, что находите эту книгу трудно изложенной... Вы ведь помните, как путем выхватывания отдельных фраз из общего контекста меня «критиковали» Машталер и Келлер. Следовательно, приходится следить за каждой фразой и снабжать ее оговорками. Неизбежно при этом фраза теряет свою простоту. При наличии такого пособия в дальнейшем мне будет легче написать и более доступный учебник». Позже Иван Иванович расширил и переработал «Проблемы дарвинизма», включив в книгу новые данные по ряду биологических дисциплин. Это издание было опубликовано лишь в 1969 г. В главе «Современные положения о факторах эволюции» он подчеркивал, что несмотря на «появление новых отраслей биологии... (экология, генетика), необходимыми условиями, определяющими эволюционный процесс, остаются все те же дарвиновские факторы: 1) мутирование или наследственная изменчивость, как материал; 2) борьба за существование как контролирующий и направляющий фактор; 3) естественный отбор, как преобразующий механизм эволюции». Он выделяет проблему получения мутаций с заранее заданными свойствами как наиболее актуальную проблему будущего, подчеркивая, что современные представления о строе-

нии ДНК открывают путь для решения этой задачи. Рассматривая выводы Р. А. Фишера, Дж. Б. С. Холдейна и С. Райта, основанные на оценке эффективности естественного отбора математическими методами Иван Иванович отмечает, что достоверность таких расчетов зависит от правильно взятых предпосылок. «И поскольку не существует ни полной доминантности, ни полной рецессивности, реальные кривые отбора должны занимать промежуточное положение между теоретическими. При эволюционных перестройках популяций доминантные и рецессивные мутации стартуют на разных уровнях концентраций. Популяции обычно переходят из одного стационарного состояния в другое за счет мобилизаций внутренних резервов изменчивости, поэтому преимущество будет на стороне рецессивных генов, обладающих более значительной концентрацией в природных популяциях». В разделе «Онтогенетические регуляции» он рассматривает роль регуляторных механизмов с позиций принятого в кибернетике понятия регулирования. Биоценозы расцениваются им как «арена первичных эволюционных преобразований, а популяция как элементарная эволюционная единица». При этом биоценоз не является замкнутой системой, а вместе со средой образует единство — «биогеоценоз» по В. И. Сукачеву. В 1946 г. были опубликованы также «Факторы эволюции», где изложены представления о двух взаимодополняющих формах естественного отбора — движущий и стабилизирующий. Эта книга была отмечена премией Президиума АН СССР. В 1949 г. она вышла в Канаде на английском языке под редакцией Ф. Г. Добржанского. В эти же годы в печати публикуются близкие (но не идентичные) представления о процессе стабилизации в эволюции В. С. Кирпичниковым, Е. И. Лукиным, К. Уоддингтоном, Дж. Г. Симпсоном. Наиболее интересна полемика по этому вопросу между Шмальгаузенем и Уоддингтоном, который, принимая понятие «стабилизирующего

отбора», акцентирует внимание на процессах, приводящих популяцию к большей генетической однородности, и вводит здесь термин «нормализующий отбор». Он же предлагает понятие «канализация развития», приходя к выводу о «генетической ассимиляции» приобретенных признаков, то есть о возможности перестройки генотипа под воздействием отбора. Иван Иванович в начале 1950-х годов пишет Уоддингтону дружелюбное письмо, подчеркивая, что под «стабилизирующим» он понимает отбор в пользу установившейся в данных условиях фенотипической нормы (то есть элиминация отклонений от этой нормы), что подразумевает неизбежность накопления малых мутаций, не выходящих за пределы установившегося (то есть приспособленного) фенотипа. В отличие от Уоддингтона и Симпсона понятие «стабилизирующий отбор» по Шмальгаузену более широкое, поскольку оно подразумевает замену неустойчивых внешних факторов развития более устойчивыми внутренними и генетическими факторами. Это означает освобождение организма от вредных случайных изменений в факторах среды, что ведет к «автономизации» его развития, обусловленного определенной генетической структурой. При этом организм нейтрализует вредные изменения внешних факторов, что особенно выражено у высших животных. С «критикой» теории стабилизирующего отбора выступили такие лжеученые как И. И. Презент, Т. Д. Лысенко, М. Б. Митин, которые восприняли ее как теорию угасающей эволюции и прогрессивно падающей изменчивости. Биологи в те времена жили лозунгом Мичурина: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!». Тем не менее «Факторы эволюции» были выдвинуты на государственную премию, которую Иван Иванович не получил в связи с событиями 1948 г. Второе издание книги с дополнениями и вставками по инициативе академика Д. К. Беляева было опубликовано посмертно в 1968 г.

В 1946—1947 гг. развернулась острая дискуссия по поводу дарвинизма как самостоятельной научной дисциплины в связи с публикацией статьи профессора А. А. Парамонова из Тимирязевской академии «В защиту курса дарвинизма в сельскохозяйственных высших учебных заведениях». В рецензии на эту статью Иван Иванович писал: «Развитие теории Дарвина имеет для нас исключительное значение». С. Г. Крыжановский в рукописи статьи «Система идеализированного целого в биологии» подверг ревизии дарвинизм и взгляды Шмальгаузена, изложенные в его трех фундаментальных монографиях. Он выступил с критикой на теоретическом семинаре в ИЭМ, а затем на заседании в ОБН АН СССР, обвиняя Ивана Ивановича в идеализме, исходя при этом из представления, что никаких предпосылок для возникновения новых приспособлений в организме нет, а борьба за существование является межвидовой борьбой (статья эта не опубликована и хранится в Архиве АН СССР).

В октябре 1947 г. Шмальгаузен делает доклад на ОБН АН СССР «Интегрирующее значение естественного отбора», в котором он подчеркнул исключительную роль советской экспериментальной генетики, положившей начало точному анализу факторов эволюции. Вместе с тем, он отмечает, что обилие генетических фактов дало и негативный результат, выразившийся в попытке замены дарвинизма мутационной теорией, где роль естественного отбора сводится к устранению неудачных комбинаций (Г. де Фриз, Я. П. Лотси, Л. Кено). В декабре 1947 г. он выступает на научной конференции, посвященной памяти А. Н. Северцова с докладом «За дарвинизм в разработке эволюционной морфологии», отметив новые направления и методы исследований, развиваемые в ИЭМ (сравнительная экологическая морфология в связи с действием естественного отбора; изучение эволюции функций; выявление интегриру-

щих факторов эволюции в филэмбриогенезе). В том же году на страницах «Литературной газеты» и в МГУ развернулась дискуссия о внутривидовой борьбе. В своем докладе на заседании ученого Совета биофака Иван Иванович, отметив неудачность дарвиновского термина «борьба», подчеркнул, что источником внутривидовой конкуренции, которая ведет к элиминации отдельных особей в популяции, служит межвидовая конкуренция (наряду с физическими и биотическими факторами внешней среды). При этом формы и степень внутривидового соревнования различны и не всегда усиливаются с ростом численности популяции. Дискуссия продолжалась на заседании ОБН АН СССР, в ней участвовали известные академики (Е. Н. Павловский, В. Н. Сукачев, Т. Д. Лысенко), члены-корреспонденты и профессора. В резолюции, принятой на этом заседании, было отмечено, что роль разных форм борьбы за существование в эволюции недостаточно выяснена, применяемая к ним терминология не всегда удачна, в связи с чем актуально широкое развертывание экспериментальных исследований в этой области, а также упорядочивание терминологии. Дискуссии на страницах «Литературной газеты» продолжались, и было решено провести специальную научную конференцию по проблемам дарвинизма, которая и состоялась в феврале 1948 г. В ней приняли участие ученые многих университетов СССР. Лысенко и его сторонники отказались от участия. Были заслушаны 40 докладов, в основном в поддержку дарвинизма. Иван Иванович выступил с докладом «Проблема приспособления у Дарвина и антидарвинистов», раскрыл идею Дж. Г. Симпсона о прогрессивной эволюции, в основе которой якобы лежат случайные явления. По мнению Шмальгаузена, прогрессивная эволюция могла идти только по пути адаптаций общего значения, не теряющих своей роли и за пределами той среды, в которых они сложились. Процесс ак-

комодации таких приспособлений ведет к скачкообразному и гармоничному изменению организации в целом. В заключительном слове Шмальгаузен, выразив мнение участников конференции, квалифицировал взгляды Лысенко как механоламаркизм на уровне науки прошлого века.

В августе 1948 г. состоялась сессия ВАСХНИЛ по вопросу «О положении в биологической науке». Лысенко в своем заглавном докладе назвал Шмальгаузена лидером «формальных генетиков» и «вейсманистов-морганистов». Больной в то время Иван Иванович выступил, однако, на одном из заседаний и популярно изложил свои взгляды на факторы эволюции, опровергая приклеенное к нему Презентом представление о «теории затухающей эволюции». В ответ на обвинения Лысенко он иронично заметил, что хотя он не генетик, а филогенетик, но он разделяет взгляды многих отечественных генетиков. После сессии последовала волна репрессий, отразившаяся на судьбе многих известных ученых, особенно в области генетики. Иван Иванович был освобожден от заведывания кафедрой дарвинизма МГУ и Отдела эволюционной морфологии в Институте зоологии АН УССР, снят с поста директора ИЭМ АН СССР (где его лаборатория была закрыта) и исключен из редколлегии «Журнала общей биологии».

В конце 1948 г. Иван Иванович был приглашен директором ЗИН академиком Е. Н. Павловским на должность старшего научного сотрудника с разрешением работать в Москве. В ИЭМ ему как академику был оставлен единственный кабинет, где он лично занимался изготовлением гистологических препаратов для своих работ. Особенно остро Шмальгаузен переживал уход из МГУ. Позже он писал Б. С. Токину: «Я люблю нашу молодежь, привык к преподаванию с самых молодых лет и просто никогда не мыслил себя в таком полном отрыве от педагогической деятельности» (1954 г.). Некоторое время

Шмальгаузен пытался опровергнуть обвинения, выдвинутые против него на сессии ВАСХНИЛ в статьях (которые не публиковались) и в письмах (в частности, И. В. Сталину), на которые не получал ответа. В этот период он занялся дальнейшей разработкой проблем эволюции онтогенеза и происхождения наземных позвоночных, начатых еще в молодости.

Большую часть времени Иван Иванович проводит на даче в Можинке, которую получил еще в 1947 г. Здесь он изучает препараты, делает рисунки и реконструкции с помощью проекционно-рисовального аппарата, сконструированного его сыном из старого фотоувеличителя. В 1951 г. Шмальгаузен получил в свое распоряжение должность лаборанта. На это место пришла Е. Д. Регель, которая стала незаменимым помощником Ивана Ивановича, а позже одной из наиболее талантливых его учениц, занимавшейся изучением развития нейрократия хвостатых амфибий в связи с проблемой происхождения наземных позвоночных.

В 1953 г. проводится дискуссия по критическому пересмотру наследия А. Н. Северцова, взгляды которого были объявлены схоластическими. Теоретические представления Шмальгаузена квалифицированы в этой связи как антинаучные и метафизические, на что было обращено внимание ОБН. Тем не менее, летом 1955 г. он утверждается заведующим Лабораторией эмбриологии позвоночных ЗИН АН СССР, в которую ему были выделены четыре штатные единицы. На эти места были зачислены Н. С. Лебедкина, занимающаяся эволюцией костного черепа у земноводных и И. М. Медведева, исследующая развитие органа обоняния амфибий, а также лаборанты С. П. Эпштейн и Т. П. Антипенкова, занявшаяся позже изучением развития позвоночника. С 1957 г. в лаборатории работают два дипломника МГУ — О. П. Ольшевская, изучающая развитие конечностей у семиреченского лягушко-

зуба, и А. С. Северцов (внук А. Н. Северцова), исследующий развитие гиобранхиального аппарата у хвостатых амфибий. Основным объектом исследований лаборатории становятся амфибии, в особенности представители примитивного семейства *Nypobiiidae*. Организуются экспедиции по сбору взрослых особей и кладок этих видов, в которых принимают участие Е. Д. Регель, О. П. Ольшевская, А. С. Северцов, С. П. Эпштейн. Руками Т. П. Антипенковой и С. П. Эпштейн создается уникальная коллекция микропрепаратов по стадиям развития ряда систем органов амфибий, которая легла в основу работ Шмальгаузена и сотрудников лаборатории. Работа над одной эволюционной проблемой — происхождение наземных позвоночных объединяла коллектив. Н. С. Лебекина вспоминала: «Период 1955—1961 гг. был счастливым временем, когда мы, сотрудники, работали под его руководством, чувствуя, что мы приобщаемся к большой науке. В те времена Иван Иванович жил на даче в Можинке круглый год. Он приезжал в лабораторию 2—3 раза в неделю и проводил в ней весь день. Приехав утром, он по очереди обходил сотрудников и у каждого спрашивал: «Ну, что у Вас?». Внимательно выслушивал, смотрел сделанные рисунки, реконструкции, просматривал интересные препараты. Таким образом, он всегда был в курсе хода работ своей лаборатории. Если кто-нибудь раза два ничего нового не мог показать Ивану Ивановичу, он переставал к нему подходить, пока сотрудник не получал новые результаты. Он никогда не занимался мелочной опекой, представляя самому ученику разбираться с трудностями. Бесплезны были попытки попросить его «подсказать». Ответ был неизменным — «Ищите сами». Но бесценны были его указания в ключевых местах работы, освещающие полученные данные совершенно новым светом. Например, при какой-то находке он бросал «Прочтите статью такого-то» и после этого перед человеком

открывались новые горизонты в понимании своей работы. После обхода сотрудников Иван Иванович сам садился за микроскоп и работал весь день».

По воспоминаниям Т. П. Антипенковой, Иван Иванович тепло и внимательно относился к жизни сотрудников, старался помочь им в решении личных проблем. Он любил собирать их в своем доме за чаепитием и угощал большими красивыми яблоками из Мозжинки, где у него был сад с прекрасными цветами, за которыми он сам ухаживал.

Летом 1961 г. Иван Иванович тяжело заболел — почечная недостаточность. Два года он находился в больнице Академии наук. Рядом с ним была постоянно его друг и близкий человек — Анна Даниловна, которая устроилась там на работу санитаркой, чтобы быть постоянно при Иване Ивановиче. Он продолжал работать и в больнице, где лежа писал на маленьких листках текст для двух своих монографий «Происхождение наземных позвоночных» и «Регуляция формообразования в индивидуальном развитии». Было трудно с литературой, Иван Иванович по памяти вспоминал нужных авторов, а Т. П. Антипенкова и С. П. Эпштейн искали их работы по библиотекам. И. М. Медведева рассказывала позже, что когда Ивану Ивановичу принесли в больницу опубликованную в 1962 г. мою монографию «Ризодонтные кистеперые рыбы Главного Девонского поля», в которой были приведены новые палеонтологические данные, подтверждающие взгляды Шмальгаузена на монофилию амфибий, он прослезился и сказал: «Проблема попала в надежные руки». В течение дальнейшей своей жизни я постаралась оправдать эти его слова.

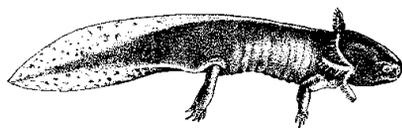
Летом 1963 г. Ивана Ивановича выписали из больницы, но через два месяца он вернулся обратно в очень тяжелом состоянии. 7 октября 1963 г. утром Иван Иванович ушел от нас на 80-м году жизни. Профессор С. Е. Клейненберг на прощании

с ним сказал очень верные слова: «Ни физические, ни моральные страдания не смогли сломить дух истинного большого ученого. Сама смерть не может побороть его как ученого. Она не может уничтожить созданного Иваном Ивановичем, ибо труды его бессмертны».

После смерти Шмальгаузена в нашей стране и за рубежом на протяжении 1960–1980-х годов при активном участии его учеников и последователей переиздаются труды Ивана Ивановича и статьи о нем, проводятся конференции с обсуждением и развитием его наследия. Так, в 1982–1983 гг. по инициативе и при участии сотрудников лаборатории проблем эволюционной морфологии и ИЭМЭЖ АН СССР (которой ранее руководил Иван Иванович) при финансовой поддержке Президиума Академии переиздаются в издательстве «Наука» два тома избранных трудов Шмальгаузена: «Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии» и «Пути и закономерности эволюционного процесса». В них вошли такие ранее не опубликованные статьи Ивана Ивановича. По инициативе этой же лаборатории, поддержанной академиком В. Е. Соколовым, в Киеве в издательстве «Наукова думка» в 1984 г. публикуются два тома избранных трудов Шмальгаузена «Рост и дифференцировка», куда вошли и статьи, переведенные на русский язык с украинского и немецкого языков. В США в 1973 г. переводится на английский язык его монография «Факторы эволюции» под редакцией Д. Вейка — известного герпетолога и эволюционного морфолога. Позже (в 1996 г.) Д. Вейк публикует статью под названием «Эволюционная морфология Шмальгаузена и ее ценность в формировании исследовательских стратегий». В резюме он пишет: «Шмальгаузен сделал важный вклад в ряд разделов биологии: эмбриологию, эволюционную морфологию и эволюцию. Работа Ивана Ивановича о стабилизирующем отборе оказалась

недоступной западным биологам во времена «эволюционного синтеза», но должна рассматриваться как одна из основополагающих. Ранние работы Ивана Ивановича в качестве экспериментального эмбриолога внесли вклад в развитие его концепции о норме реакции и фенотипической пластичности... Примеры современных исследований эволюции конечностей и мозга у амфибий показывают, что работы Ивана Ивановича остаются руководящими при составлении исследовательских программ».

Э. И. Воробьева

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адлер К. — 345, 386
Александров А. Д. — 408
Александров В. Л. — 221
Александров Л. П. — 221, 223
Александров П. А. — 221, 222
Александров П. П. — 224
Александрова Е. Л. — 221
Александрова Е. П. — 225
Алексеев В. Н. — 6
Алексей Михайлович, царь — 10
Аленицын В. Д. — 306
Амалицкий В. П. — 20, 66, 92,
95, 132, 133, 135, 141, 149,
158, 161, 454
Ананьева В. А. — 127
Ананьева Н. Б. — 6
Андреев Д. — 174
Андржейковский А. — 13, 14
Андронников И. — 345
Андрюшко А. М. — 23
Антипенкова Т. П. — 513–515
Антонова Е. М. — 5
Анучин Д. Н. — 418
Аракчеев А. А. — 251
Аристотель — 9
Арсеньев А. А. — 142, 143
Артамонова З. В. — 119
Бабков В. В. — 414
Бабурина Е. А. — 334
Багратион-Мухранские — 347
Бажанов Н. Г. — 219
Баллион Э. — 289
Банников А. Г. — 24, 28, 43–60,
104, 105, 107, 332
Банников Г. Х. — 51, 52
Банникова А. А. — 58
Банникова Л. А. — 51, 52
Баньковский Л. Г. — 122
Баранов А. И. — 51
Баранский Н. Н. — 356
Баркаган З. С. — 28
Башкиров И. С. — 436
Баярунас М. В. — 136
Бедряга Я. В. — 20, 296, 307
Бекетов А. Н. — 253
Белова З. В. — 48
Беляев Д. К. — 509
Беме Л. Б. — 416, 472
Берг Л. С. — 39, 121, 122, 124,
412
Берг Р. Л. — 507
Бергер Л. — 410
Бибиков Д. И. — 56
Биброн Г. — 15, 16, 244
Блаватская Е. П. — 174
Бленвиль А. — 242
Блок А. — 172
Бобринский Н. А. — 122, 230,
355
Богданов А. П. — 18, 35, 178,
179, 247, 248, 281
Богданов В. В. — 474

- Богданов М. Н. — 306
 Богданов О. П. — 59
 Боголюбский С. Н. — 20, 222, 498
 Богословский В. — 375
 Богоявленский Н. В. — 39, 122, 389, 499
 Божанский А. Т. — 6
 Борейко В. Е. — 184
 Борисяк А. А. — 92, 129, 131–133, 138, 148, 152, 154, 206
 Боркин Л. Я. — 5, 11, 33, 243, 313, 422
 Боровик Г. — 377
 Борщов И. Г. — 257–259, 323
 Боянус Л. — 13
 Брагин М. М. — 209
 Брандт Ф. Ф. — 11, 16, 254, 267
 Браунер А. А. — 19
 Бруйст В. В. — 501
 Бубнов А. С. — 183
 Булгаков М. А. — 389, 496
 Бунге А. А. — 324
 Бунге Н. А. — 496
 Бурцев П. А. — 179
 Бутягин А. С. — 476
 Быстров А. П. — 97, 99, 148, 159
 Быховский Б. Е. — 443
 Бэр К. Э. — 322
 Бюффон Ж. — 234
 Вавилов Н. И. — 189, 335, 413, 415, 502
 Вадковская М. — 406
 Варенцов П. А. — 122
 Варпаховский Н. А. — 18
 Васецкий С. Г. — 343
 Васильев Б. Д. — 343
 Васильева М. В. — 5, 484
 Васнецов В. В. — 498, 505
 Вейк Д. — 516
 Вепринцев Б. Н. — 55
 Вердеревская М. П. — 188, 189
 Вердеревский П. В. — 187
 Верн Ж. — 128
 Вернадский В. И. — 464, 502
 Веселовский К. С. — 264
 Вилькинс А. М. — 320
 Вирт Л. Л. — 495
 Вовченко Г. Д. — 473
 Вологдин А. Г. — 155
 Волчанецкий И. Б. — 118
 Воробьев К. А. — 471, 472
 Воробьева Э. И. — 517
 Воронин Л. Г. — 446
 Воронцов Н. Н. — 483
 Воскобойников М. М. — 496, 497
 Вьюшков Б. П. — 25, 59–79, 156, 159
 Вырубова, фрейлина — 219
 Вяжлинский Д. М. — 447
 Гаврин В. Ф. — 55
 Гайсинович А. Е. — 414
 Галич А. — 87

- Галиченко М. В. — 80–90
 Галушин В. М. — 55
 Ганешина Л. В. — 484
 Гаранин В. И. — 28, 60, 439
 Гарин И. И. — 174
 Гартман-Вейнберг А. П. — 91–
 101, 140, 141
 Гаряинов В. А. — 68
 Геевская Е. — 51
 Геккель Э. — 497, 503
 Геккер Р. Ф. — 92, 145
 Георги И. Г. — 13
 Гептнер В. Г. — 25, 47, 471,
 472, 491
 Гердер Ф. Э. — 323, 324
 Гертвиг Р. — 116
 Гершензон С. М. — 391
 Гильденштедт И. А. — 13, 31
 Гиляров М. С. — 503
 Гладков Н. А. — 479
 Глогер К. — 265
 Гмелин С. Г. — 11, 13, 31, 241
 Гогенакер Р. Ф. — 14
 Гоголь Н. В. — 127
 Голубев В. К. — 150
 Гондатти Н. Л. — 17
 Гофман Д. Н. — 447, 480
 Граков Б. Н. — 215, 222
 Граков Н. Н. — 222
 Григорьев Н. Д. — 436
 Громбчевский Б. Л. — 320
 Грумм-Гржимайло Г. Е. — 320
 Губин Ю. М. — 457
 Гумбольд А. — 251
 Гумилев Л. Н. — 174
 Гурвич А. Г. — 502
 Гусев О. — 54
 Давиташвили Л. Ш. — 67, 160
 Давыдов В. А. — 129
 Данзас, генерал — 326
 Данилевский Н. Я. — 322
 Данилов И. Г. — 6
 Данилов Н. Н. — 420
 Дарвин Ч. — 129, 149, 228, 292,
 505
 Даревский И. С. — 6, 25, 27,
 28, 50, 55, 59, 356, 392, 403,
 417, 491, 493
 Дащан — 325
 Двигубский И. А. — 13, 14, 180
 Дементьев Г. П. — 47, 49, 56,
 346, 247, 249, 317, 318, 328
 Денисова М. Н. — 48, 56, 58,
 59, 102–114
 Депере Ш. — 129–131
 Дерюгин К. М. — 19
 Детлаф Т. А. — 507
 Динесман Л. Г. — 25
 Добржанский Ф. Г. — 508
 Догель В. А. — 189
 Долгорукий Ю. — 217
 Долматовский Е. — 377
 Домбровский Б. А. — 22
 Доризо Н. — 377

- Дорн А. — 499
 Дороватовский Н. С. — 19
 Дроздов Н. Н. — 50, 55, 59, 481
 Дунаев Е. А. — 35, 40, 42, 103,
 117, 119, 124, 185, 191, 218,
 232, 331, 335, 338, 358, 449,
 485
 Дунаева Т. Н. — 335
 Дыбовский Б. И. — 17
 Дюмериль К. — 15, 16, 244
 Дюмериль О. — 244
 Евреинов А. — 238
 Едемский М. Б. — 95
 Екатерина II — 346
 Елпатьевский В. С. — 20, 22,
 37–39, 116–124, 424
 Емельянов А. А. — 23
 Есипов А. — 398
 Ефремов А. Х. — 126, 127
 Ефремов В. А. — 127
 Ефремов И. А. — 25, 62–65, 76,
 98, 99, 125–175, 206, 207,
 454–456
 Ефремов Х. — 126
 Ефремова В. А. — 127
 Жбанова Ю. М. — 6
 Желоховцев А. Н. — 414
 Житков Б. М. — 20, 355, 389,
 424
 Завадовский М. М. — 389, 404,
 405
 Завадский А. М. — 122
 Зайцев Г. Н. — 386, 403, 411
 Залежский Г. В. — 4, 25
 Залесский Ю. М. — 93
 Зарудный Н. А. — 20
 Заходер Б. — 105
 Зверев Н. С. — 218
 Зеккель Я. Д. — 144
 Зограф Г. Н. — 390
 Зограф Н. Ю. — 390
 Золотницкая Р. Л. — 232, 237,
 249, 252, 264, 266, 267, 298,
 305, 306, 310, 320, 323
 Иванов А. П. — 122
 Иванов П. П. — 189
 Иванова Н. Ф. — 345
 Ивахненко М. Ф. — 457
 Игнатов П. Т. — 121
 Иоганзен Б. Г. — 432
 Иорданский Н. Н. — 59, 493
 Извекова Э. И. — 482
 Иков К. Н. — 4, 18
 Исаев В. И. — 39, 122, 179
 Исаков Ю. А. — 334
 Ищенко В. Г. — 50, 408, 420,
 433, 435
 Йоффе А. Ф. — 502
 Калабухов Н. И. — 189, 407,
 446
 Каландадзе Н. Н. — 457
 Кальман И. — 357
 Каразин Н. Н. — 320
 Карасева Е. В. — 103

- Каргина Н. П. — 6
Карелин Г. С. — 251–253, 306
Карпов В. В. — 407
Карташев Н. Н. — 191
Кассо Л. А. — 177
Кастанеда К. — 169
Катенин А. А. — 259, 262, 325
Кауфман К. П. — 275, 276, 279,
280, 292, 295, 296, 300–304,
308, 319
Качанова А. А. — 105
Кашкаров Д. Н. — 23, 189
Кашенко Н. Ф. — 19, 424
Квален В., фон— 139
Кено Л. — 510
Кесслер К. Ф. — 10, 14, 15, 17,
242, 244, 277
Кирпичников В. С. — 508
Кирсанова Е. В. — 112
Кищинский А. А. — 55
Клейненберг С. Е. — 515
Клер Г. О. — 497
Кляйн Я. Т. — 7
Ковалевский В. О. — 194
Кованько А. М. — 187
Кованько П. — 187
Кованько Ю. М. — 187
Кожевников Г. А. — 37, 178,
181, 355, 390–392, 394, 419
Козлова Л. Д. — 498
Колпаковский Г. А. — 303, 304
Кольцов Н. К. — 389, 391, 502
Кольцов Н. М. — 178
Комаров В. Л. — 189, 439
Комарова Н. М. — 5
Конан Дойл А. — 128, 131
Конжукова Е. Д. — 25
Константинов А. С. — 56
Коп Э. Д. — 153
Костина Г. Н. — 86, 90
Котс А. Ф. — 393, 394
Коштоянц Х. С. — 504, 505
Крамаренко Е. И. — 461
Крамаренко Н. Н. — 461
Красавцев Б. А. — 23
Крашенинников С. П. — 11
Крейн А. А. — 224, 225
Кречетович Л. М. — 93
Криницкий И. А. — 13, 14
Криштофович А. Н. — 160
Круликовский Л. К. — 18
Крыжановский О. Л. — 56, 414
Крыжановский С. Г. — 343,
505, 510
Кудрявцев С. В. — 451
Кузин Б. С. — 414, 484
Кузнецов Н. Я. — 417
Кузнецова В. Л. — 468
Кузьмин С. Л. — 5, 14
Кузьмин Ф. М. — 93, 98
Кузякин А. П. — 489
Кукенталь В. — 402
Кулагин Н. М. — 17, 36, 176–
185, 389

- Куликов А. Н. — 446
Куликова Н. П. — 5, 446, 447, 449
Кустанович С. Д. — 482
Куторга С. С. — 139
Кушакевич А. А. — 296, 306, 323
Кэррол Р. — 339
Лада Г. А. — 245
Лаздин В. Я. — 22
Ладухин Н. М. — 218
Лайелл Ч. — 129, 434
Ламанова Н. — 52
Ламовский А. М. — 222
Ланкастер Э. Р. — 129–131
Ланской, генерал — 346
Лантц Л. А. — 357
Ларина Н. И. — 120
Лаушен Ф. И. — 233
Лебедев В. Д. — 56
Лебедев П. Н. — 218, 220
Лебедева Л. С. — 51
Лебединская Л. Н. — 420
Лебедкин И. С. — 187
Лебедкин С. И. — 187–189, 192
Лебедкина Н. С. — 25, 187–203, 513, 514
Лебедкина Т. И. — 190
Легар Ф. — 357
Лепехин И. И. — 12, 13
Лепешкин В. Д. — 20
Лермонтов М. Ю. — 345
Лесючевская О. Н. — 142
Ливанов Н. А. — 436–438, 498
Линней К. — 7, 10, 11, 14
Липшиц С. Ю. — 325, 327, 328
Литке Ф. П. — 298
Лихачев И. И. — 209
Лонг У. — 423
Лондон Д. — 128, 458
Лотси Я. П. — 510
Лукин Е. И. — 508
Лукьянова М. Ф. — 146, 147, 155
Луначарский А. В. — 496, 503
Лучник В. — 349
Лухманов Д. А. — 134
Лысенко Т. Д. — 160, 424, 427, 489, 509, 511, 512
Ляйстер А. Ф. — 13
Маак Р. К. — 16
Мазурмович Б. Н. — 390
Майр Э. — 424
Макеев В. В. — 50
Маклаков В. А. — 218
Максуд-бий — 262
Макушок М. Е. — 498
Малевич И. И. — 474
Малеев Е. А. — 25, 157
Малиновский А. А. — 507
Мальшев С. И. — 356
Мальчевский А. С. — 387
Малютин В. Л. — 64
Мантейфель П. А. — 44, 45,

- 336, 404
Маслов В. П. — 93
Матвеев Б. С. — 20, 45, 46, 54,
56, 103, 197, 333, 334, 338,
339, 498, 499, 505, 507
Машталер Г. А. — 505, 507
Медведева И. М. — 25, 513,
515
Мелихов Г. С. — 479
Менделеев Д. И. — 324
Менерт Е. — 496
Менетрие Э. П. — 16
Мензбир М. А. — 24, 230, 234,
256, 280, 312, 331, 389, 391,
498
Меркатор Г. — 9
Мерклин Р. Л. — 144
Мессершмидт Д. Г. — 11
Миддендорф А. Ф. — 16,
239–241, 256, 323, 324
Митин М. Б. — 509
Мирутенко Н. С. — 6
Михеев А. В. — 58
Млынарский М. — 386, 410
Молотов В. М. — 101
Морозов Б. Д. — 474
Мурашко А. А. — 498
Муркина Н. В. — 108
Мурчисон Р. И. — 139, 147, 456
Мустафаев К. — 55
Мушкетов И. В. — 320
Назаров Р. А. — 6
Насонов Н.В.— 18
Натали В. Ф. — 23
Наумов Н. П. — 103
Наумова Е. И. — 482
Некрасова В. Л. — 222
Немилов А. В. — 499
Несмеянов А. Н. — 76
Нестеров М. В. — 498
Нестеров П. В. — 19
Никитин В. Н. — 188, 198, 398
Николай II — 356
Никольская В. В. — 222
Никольский А. М. — 10, 16,
18–20, 22, 27, 30, 264, 307,
391, 396, 397, 408, 410, 482
Никольский Г. В. — 222
Нияз М. — 262
Новиков Г. А. — 55
Новиков М. М. — 122
Новикова А. — 482
Новожилов Н. И. — 25, 155
Нордман А. Д. — 16
Оболенский С. И. — 471
Обручев Д. В. — 206
Огнев С. И. — 47, 394, 395,
471, 472
Ольшевская О. П. — 513, 514
Орбели Л. А. — 367
Орканский В. — 406
Орлов Б. П. — 476
Орлов Е. И. — 118
Орлов Ю. А. — 73, 92, 138,

- 142, 160, 495
Орлова В. Ф. — 35, 449, 481, 482, 485
Осборн Г. Ф. — 153
Осипов Р. А. — 6
Островская С. С. — 347
Оффенбах Д. — 357
Очев В. Г. — 72, 73, 75
Ошанин В. Ф. — 254, 306, 320
Павлинов И. Я. — 6
Павлов А. П. — 414
Павлов И. П. — 193
Павлова М. П. — 414
Павловский Е. Н. — 351, 362, 364–366, 374, 511, 512
Палибин И. В. — 122
Паллас П. С. — 12, 13, 31
Панкратов М. А. — 367
Панов Е. Н. — 5, 83, 87
Парамонов А. А. — 414, 510
Паустовский К. Г. — 496
Пахомов Н. П. — 330
Пахомова Н. Н. — 334
Пахомова Т. М. — 335
Перелешин С. Д. — 24, 419
Перель Т. С. — 6
Перешкольник С. Л. — 90
Перфильев П. П. — 356
Песков В. М. — 55
Петров Н. А. — 497
Пирсон К. — 427
Подаруева В. И. — 113, 114
Поливанов Л. И. — 219
Положихина В. Ф. [Орлова В. Ф.] — 481
Полторацкая С. А. — 270
Полторацкий В. А. — 270
Полянский Ю. И. — 387, 423, 440, 441
Попов В. А. — 55
Поспелов В. П. — 498
Православлев П. А. — 92
Пратье О. — 138
Презент И. И. — 478, 489, 509
Пресняков В. А. — 155
Пржевальский Н. М. — 21, 274, 306, 321
Пришвин М. М. — 172
Прокофьева А. А. — 23
Прохоров М. Г. — 135
Прянишников Д. Н. — 502
Птушенко Е. — 46
Пузанов И. И. — 178, 240, 498
Пушкин А. С. — 68, 345, 376
Пушкина Н. Н. — 346
Радде Г.И.— 272
Райков Б. Е. — 246–248, 266, 311
Райт С. — 508
Раков В. А. — 477
Разоренова А. П. — 354
Ракутина О. Ф. — 355
Рамазанов Т. — 352
Распутин Г. — 357

- Раутиан А. С. — 5, 161
 Рахманинов С. В. — 218
 Регель Е. Д. — 25, 323, 513, 514
 Рерих Е. И. — 165, 174
 Рерих Н. К. — 165
 Ржачинский Г. — 10
 Робсон П. — 375, 376, 382
 Рождественский А. К. — 25,
 151, 155, 204–213
 Розанов Б. Ф. — 221
 Розенбах Н. О. — 310
 Романовский Г. Д. — 308
 Ромашов Д. Д. — 414
 Ромер А. — 330
 Россинский А. А. — 471
 Россолимо О. Л. — 190, 191,
 449, 483, 485
 Ростова Н. С. — 434
 Ростоцкий С. — 377
 Рузский М. Д. — 18, 19
 Рулье К. Ф. — 15, 235, 236,
 238, 239, 241, 245–249, 253,
 266
 Рустамов А. К. — 50, 55, 59
 Руссов В. О. — 306
 Рыковский А. С. — 55
 Рылкова Е. В. — 20, 498, 500,
 501
 Рычков П. И. — 11
 Рябинин А. Н. — 20, 23
 Сабанеев А. П. — 219, 221
 Сабанеев Б. Л. — 39, 215
 Сабанеев В. Т. — 217
 Сабанеев И. — 217
 Сабанеев К.-М. — 217
 Сабанеев Л. Л. — 38, 39, 123–
 226
 Сабанеев Л. П. — 17, 20, 38,
 215, 281, 424
 Сабанеев Р. Л. — 225
 Сабанеев Ф. И. — 217
 Сабанеева В. П. — 221
 Сабанеева Е. Л. — 225
 Сабинин Д. А. — 222
 Савохина Л. В. — 114
 Саид-Алиев С. А. — 242
 Сангин-Авы-Бадель — 275
 Сатунин К. А. — 122
 Сафиджанов А. — 275
 Свиридов А. В. — 5, 39, 226,
 249
 Северцов А. А. — 233, 234
 Северцов А. Н. — 19, 20, 46,
 194, 271, 311, 389, 418, 497,
 498, 504, 505, 514
 Северцов А. П. — 232
 Северцов А. С. — 514
 Северцов В. А. — 233
 Северцов Д. А. — 233
 Северцов Н. А. — 15–17, 22,
 25, 227–328
 Северцов П. А. — 233
 Северцова А. А. — 233
 Северцова Е. А. — 233

- Северцова М. А. — 233
Семашко Н. А. — 502
Семенов Д. В. — 6
Семенов (Тян-Шанский) П. П.
— 233, 259, 269, 274, 300,
302, 303, 308, 310, 323, 324
Семенов-Тян-Шанский А. П.
— 300
Сенников А. Г. — 5, 101, 457
Сергеев А. М. — 24, 103, 329–
343
Сивчанский А. — 402
Сидоров С. А. — 404
Силантьев А. А. — 402
Симкин Г. Н. — 175
Симпсон Дж. Г. — 508, 509,
511
Склэтер Ф. — 294
Скорняков И. И. — 272, 275
СКОТТ У. Б. — 153
Смидович П. Г. — 183
Смирнов Е. С. — 56, 184, 413,
414
Смирнов И. А. — 6
Смирнов К. С. — 331, 338
Смирнов С. В. — 5, 203
Смирнов С. М. — 291, 292
Смолин П. П. — 39–41, 123,
404
Соболевская О. И. — 349
Соболевская О. Ф. — 355, 358
Соболевский В. В. — 346
Соболевский В. И. — 349, 350
Соболевский В. П. — 346
Соболевский Г. И. — 349
Соболевский Г. Ф. — 346
Соболевский И. В. — 346, 347
Соболевский Н. И. — 25,
344–358
Соболевский П. Г. — 346
Соколов В. Е. — 482, 516
Солдатова А. Н. — 5, 191
Сосновский И. П. — 55
Спасский М. Ф. — 236, 237,
246, 247, 318
Спафарий Н. — 10
Спенсер Г. — 458
Сталин И. В. — 101, 145, 191
Станиславский Н. М. — 221
Стаханов В. С. — 331
Стеллер Г. В. — 11
Столяров В. К. — 6, 358
Стравинский И. — 225
Страутман Ф. — 55
Стрижевский В. М. — 311
Сукачев В. Н. — 511
Суханов В. Б. — 493
Сухов Г. Ф. — 355
Сушкин П. П. — 23, 24, 92,
122, 132–134, 137, 148, 167,
168
Сысоев А. В. — 6
Талызин В. Ф. — 383
Талызин Ф. Н. — 360, 361

- Талызин Ф. Ф. — 359 - 383
Талызина А. П. — 360
Танеев С. И. — 218, 220, 225
Тарбинский С. П. — 414
Тарноградский Д. А. — 416
Татаринов Л. П. — 25, 28, 69, 71, 488, 489, 493
Теплов С. Г. — 39
Терентьев В. М. — 388
Терентьев И. — 276
Терентьев П. В. — 7, 18, 22–27, 40, 42, 46, 58, 384–444, 469, 482
Терентьев-Катарский А. П. — 425, 426
Терентьева Л. П. — 388, 402
Терентьева Н. А. — 425, 428
Тимофеев-Ресовский Н. В. — 388, 425, 431, 434
Токин Б. С. — 512
Толстой А. Н. — 154, 154, 162
Толстой Д. А. — 308
Торо Г. Д. — 459, 460
Третьяков Д. К. — 22
Тряпицын В. А. — 6, 356
Туманова Т. А. — 5, 218
Тур А. — 377
Тур П. — 377
Туоров С. С. — 47, 56, 479, 487
Тюрин Е. Д. — 145
Уоддингтон К. — 508, 509
Уоллес А. — 294
Уотсон Д. М. С. — 96
Усов С. А. — 234, 277
Успенский С. М. — 55
Ухтомская А. М. — 217
Уэллс Г. — 128
Фаворский В. И. — 498
Фальк И. П. — 13
Федосеева Е. Б. — 5
Федченко А. П. — 19, 281, 288, 306, 324
Фенюк Б. К. — 118
Ферсман А. Е. — 502
Фетисов А. М. — 323
Филатов Д. П. — 20
Филатов Н. П. — 221
Филиппов Н. Н. — 476
Филипченко Ю. А. — 189, 425
Фишер Р. А. — 508
Фишер фон Вальдгейм Г. И. — 139
Флинт В. Е. — 55
Формозов А. Н. — 46, 280, 336
Фриз Г., де — 510
Фурсенко А. В. — 222
Хаггард Г. Р. — 128
Харузин О. А. — 471
Хозацкий Л. И. — 23, 28, 387, 392, 408, 409, 417
Холдейн Дж. Б. С. — 508
Холодковский Н. А. — 361
Хрущев Н. С. — 489
Хюне Ф., фон — 79, 96

- Цалолихин С. Я. — 444
Царевский С. Ф. — 19, 22, 355
Церевитинов Б. [Ф.] — 398,
400, 406
Чермак К. Л. — 222
Чермак Л. — 222
Чермак Н. К. — 223
Чернай А. В. — 13–16, 242–244
Чернов С. А. — 7, 24, 25, 58,
355, 366, 385, 405, 440, 443,
482
Черномордигов В. В. — 4,
445–451
Черняев М. Г. — 368, 269, 271,
304, 305, 308
Четвериков С. С. — 391, 392,
419
Чугунов С. М. — 19
Чудинов В. К. — 453
Чудинов К. Г. — 453
Чудинов Н. К. — 453
Чудинов П. К. — 25, 69–71,
134, 141, 157, 161, 452–466
Чудинов С. К. — 453
Чудинова В. П. — 457
Чудинова Е. П. — 466
Чудинова М. А. — 453
Шарден Т., де — 464
Шарлемань Н. В. — 22
Шварц С. С. — 55, 408, 420,
427, 429, 430, 433, 434
Шевяков В. Т. — 362, 363
Шелковников А. Б. — 19
Шелл А. Ф. — 474
Шибанов В. А. — 468
Шибанов Н. В. — 24, 42, 395,
419, 467–493
Шибанов С. В. — 406, 469
Шидловский В. А. — 56
Шиляев Е. — 272, 276
Шишкин М. А. — 5, 79, 457
Шлёцер П. А. — 218, 219
Шмальгаузен И. И. — 19, 25,
192, 194–196, 494–517
Шмальгаузен И. Ф. — 495
Шмальгаузен Л. И. — 495
Шмальгаузен Э. И. — 495
Шмальгаузен Ю. И. — 495
Шмидт Г. А. — 330, 343
Шноль С. Э. — 469, 478
Шретер А. И. — 56
Штернберг Ч. Г. — 136
Штраус И. — 357
Штраух А. А. — 10, 17, 18, 20,
31, 180, 244, 287, 288, 301,
307, 308
Шувахина Н. А. — 6, 348
Шувахина Е. Я. — 358
Шугуров А. М. — 19
Щелкановцев Я. П. — 36–38
Щербак Н. Н. — 27, 28, 295
Эверсман Э. А. — 13, 14, 31
Эглон Я. М. — 135, 155
Эйхвальд Э. — 13

Эпштейн С. П. — 513–515

Эфрон К. М. — 56

Эшлиман А. — 398

Юдин К. А. — 193

Юдинцев С. Д. — 57, 478

Юнге Е. Ф. — 317

Юсупов Ф. Ф. — 356

Юферов А. — 165

Яковлев Н. Н. — 130

Яньшинов Н. А. — 157

Яхонтов Я. — 406

Bogert C. — 490

Campo del R. — 490

Klein J. Th. — 7

PERSONALIA

BANNIKOV ANDREY GRIGORYEVICH — outstanding Soviet zoologist, herpetologist, and teriologist, well known figure in the nature conservation (Vice-President of the IUCN); born 24.04.1915 in Moscow; published 41 works in herpetology, co-author of popular guides and reference books on amphibians and reptiles of the USSR, the «Life of Animals» encyclopedia; studied the ecology of amphibians of the Moscow Region and the herpetofauna of Mongolia, China, Belovezhskaya Pushcha, and Caucasus, as well as other regions; as a coauthor described a species of lizards; worked in the Moscow Pedagogical Institute and the Veterinary Academy; died 17.10.1985 in Moscow.

CHERNOMORDIKOV VIKTOR VENETSIANOVICH — Soviet physiologist and herpetologist; born in Baku in 1917; published about ten scientific papers and a popular booklet on breeding and keeping of reptiles, invented thermophilograph for studying thermopreferendum of animals; studied ecological physiology of digestion, thermoregulation and hearing in reptiles, effect of temperature on daily and seasonal cycles of activity, growth, molting, and reproduction in reptiles, studied ecology of birds and mammals; worked in the Institute of Physiology in Moscow, Moscow Zoo, and Moscow University; date of death unknown.

CHUDINOV PYOTR KONSTANTINOVICH — well-known Soviet paleoherpetologist; born 04[17].01.1922 in Yugo-Kamsk settlement of Okha district of the Perm Region; published several papers and a monograph on paleoherpetology; studied terapsid reptiles, Upper Permian cotylosaures, morphology and taxonomy of extinct reptiles, their taphonomy, and stratigraphy of continental deposits of the planet, reconstructed ecology and life mode of early terapsids; worked in the Paleontological Institute in Moscow; died in Moscow in 2002.

DENISOVA MARIA NIKOLAEVNA — Soviet batrachologist and high school teacher; born 16.01.1918 in Akhtyrka settlement of Kharkov Region; author of more than 20 papers on amphibians, a co-author of the «Life of Animals» encyclopedia; studied ecology of amphibians and evolution of nesting types in birds; worked in Moscow University and Moscow Regional Pedagogical Institute; spouse of A. G. Bannikov, died in Moscow in 1991.

EFREMOV IVAN ANTONOVICH — eminent Soviet paleontologist and famous science fiction writer, Professor; born 22.04.1907 in Vyritza village of Tzarskoe Selo district of the St.-Petersburg Region; published several books on paleoherpetology; studied Permian reptiles of European Russia and Southern Ural, founded taphonomy; worked in the Paleontological Institute in Moscow; died in 1972.

ELPATYEVSKY VLADIMIR SERGEEVICH — eminent Soviet zoologist, Professor, embryologist, parasitologist, herpetologist, and high school teacher; born 24.02.1877 in Moscow; published 7 papers in herpetology (a total of 21 papers) and described three taxa of reptiles, processed herpetological collections of the Zoological Museum of Moscow University; studied parasitic invertebrates (helminthes, mites) and mammalian fauna of southeastern Russia; worked in the Zoological Museum of Moscow University, was a dean and a pro-rector of Saratov and Azerbaijan universities, a director of the Zoological Institute in Baku, headed some other scientific institutions of the USSR, was one of the founders of «Zoologichesky Zhurnal» and an editor of «Izvestiya Imperatorskogo Obshchestva Lyubitelei Estestvoznaniya, Antropologii i Etnografii», actively worked in nature conservation in Azerbaijan; died 11.05.1957 in Saratov.

GALICHENKO MIKHAIL VLADIMIROVICH — Soviet zoologist; born 01.01.1948 in Dnepropetrovsk; studied hydrodynamics of dolphins, mechanisms of bird communication, and ecology of terrestrial tortoises; worked in the Institute of Evolutionary Morphology and Ecology of Animals; died 12.04.2000 in Moscow.

GARTMAN-WEINBERG ALEXANDRA PAVLOVNA (PAULINOVNA) — famous Soviet paleontologist, Professor; born in 1882; published ca. 50 works, including 2 books on fossil reptiles, described several new taxa; studied comparative anatomy of Permian and Triassic vertebrates, taxonomy and evolution of extinct amphibians and reptiles (particularly pareiasaures and Triassic labirintodontes), as well as faunistics and biostratigraphy of the Paleozoic and Triassic of Eastern Europe; worked in Medical Institute, Moscow and Leningrad universities; was Vice-Director of the Paleozoological Institute of the USSR Academy of Sciences in Leningrad, actively engaged in publication of scientific paleontological periodicals; died during fascist blockade of Leningrad

in 1942.

KULAGIN NIKOLAI MIKHAILOVICH — well-known Russian entomologist and nature conservation figure, popularizer of science, Academician; born 07.01.1860 [15.11.1859] in Shilovichi village of Dukhovshchinsk district of the Smolensk Region; published more than 300 works (mostly in agricultural entomology, beekeeping, and nature conservation), in the beginning of his scientific career he worked in herpetology (published about ten papers on amphibians and reptiles), studied herpetological collections of Zoological Museum of Moscow University and published the first complete catalog of them (1888); explored herpetofauna of Moscow Region and Crimea, winter ecology of frogs, behavior of amphibians in the zoo; was a curator in Zoological Museum of Moscow University and the Director of Moscow Zoo, founded and headed several scientific societies and institutes, taught in higher education institutes in Russia; died 01.03.1940 in Moscow.

LEBEDKINA NATALYA SERGEEVNA — well-known Soviet evolutionary morphologist; born 06.06.1918 in Vinnitza; published more than 30 works on cranoskeleton formation in fish and caudate amphibians, and a book on evolution of skull in amphibians; studied skull ontogenesis in amphibians and evolution of correlation systems in fish and amphibians; worked in the Zoological Institute in St.-Petersburg and in the Institute of Evolutionary Morphology and Ecology of Animals in Moscow, lectured in Moscow University; died in 2000 in Moscow.

ROZHDESTVENSKY ANATOLY KONSTANTINOVICH — well-known Soviet paleoherpetologist (geologist by education), talented popularizer of science; born 21.03.1920 in Znamenka village of Tambov Region; author of more than 100 publications on paleoherpetology, including several monographs, participated in more than 30 expeditions; greatly contributed to paleofaunistics and paleobiogeography of Asia, studied phylogeny, extinction problems, classification principles, and taxonomy of various groups of dinosaurs; worked in the Paleontological Institute in Moscow, lectured in Moscow University; died in 1983.

SABANEEV LEONID LEONIDOVICH — Russian zoologist, music expert and critic; dates of birth and death unknown; processed herpetological collections of Zoological Museum of Moscow University

(1896–1906), studied fauna of amphibians and reptiles of Moscow Region, published 3 works in herpetology, including description of a new species; son of L. P. Sabaneev, a well-known Russian zoologist; died as an emigrant in Antibes (France) in 1969.

SCHMALHAUZEN IVAN IVANOVICH — eminent Soviet evolutionary morphologist; born 23.04.1884 in Kiev; published more than hundred papers and several monographs; studied structure and development of limbs in amphibians and their origin in terrestrial vertebrates, proved monophyly of amphibians, studied development of autostyly in dipnoan fish and terrestrial vertebrates, regularities of evolutionary processes and evolution factors; worked in Moscow, Voronezh, Kiev universities, Higher Institute of People's Education in Kiev, Zoological Institute in Leningrad, was the Director of the Institute of General Biology in Moscow, gave lectures in general biology, comparative anatomy, embryology and theory of evolution; died 07.10.1963.

SERGEEV ALEXEI MIKHAILOVICH — Soviet embryologist and herpetologist, high school teacher; born 07.11.1912 in Moscow; published about twenty works in herpetology, including two monographic studies; investigated ecology of mammals and reptiles, evolution of embryonic adaptations of vertebrates (mostly reptiles) to terrestrial development, stages of amnion development and embryonic blood circulation, comparative anatomy and ecological physiology of amphibians and reptiles, and origin of viviparity in reptiles; worked in Moscow University, gave lectures on evolutionary morphology of vertebrates; perished in Usolsk concentration camp near Kiev in 1943, during fascist occupation.

SEVERTZOV NIKOLAI ALEXEEVICH — eminent Russian zoologist and traveller (explored Central Asia and Kazakhstan), one of the founders of animal ecology in Russia, ornithologist, landscape and animal painter, contributed greatly to Russian herpetology; born 24.10[05.11].1827 in Voronezh; published more than hundred works including several large monographs, collected zoological (and herpetological) materials; studied zoogeography of Turkestan and Palearctic (particularly, herpetofauna of these regions), ecology of vertebrates (including amphibians and reptiles) of Voronezh Region and Central Asia, species variability; described two taxa of reptiles and an eastern form

of common spadefoot; was an official for special mission of military department; perished (drowned) 26.01[07.02].1885, buried in Petrovskoe village of Voronezh Region.

SHCHELKANOV TZEY YAKOV PAVLOVICH — Russian zoologist and pedagogue, specialist in invertebrates, entomologist and arachnologist, Professor; born in 1871; author of several papers, a zoology textbook, booklets on principles of teaching zoology, a popular book on steppe birds and mammals, processed and curated herpetological collections of Zoological Museum of Moscow University; studied invertebrates (pseudoscorpions and orthopteran insects) and fishery of southeastern Russia; worked as assistant in Zoological Museum of Moscow University, was an assistant professor of Moscow University, later worked in Warsaw (Rostov) University, gave lectures on herpetology; died in 1938.

SHIBANOV NIKOLAI VLADIMIROVICH — Soviet herpetologist and pedagogue; born 13[26].02.1903 in Moscow; published 5 works on herpetology, including the most popular book from the series «Life of Animals after Brehm», on fauna of birds and mammals of Lappland and Moscow Region, and three textbooks in zoology (in co-authorship); studied fauna, ecology and taxonomy of reptiles and amphibians of Central Asia, Daghestan, and Turkmenia; processed herpetological collections of Zoological Museum of Moscow University; worked as Head of Herpetological Division of the Zoological Museum and Vice-Dean of Biological Faculty of Moscow University; lectured in Moscow high schools; died in Moscow in 1960.

SMOLIN PYOTR PETROVICH — well-known Soviet ecologist and pedagogue; born 05.01.1897 in Kurgan; conducted ecological observations of amphibians of Moscow Region, processed herpetological collections of Zoological Museum of Moscow University, studied ecology of birds and mammals of Central Russia; was Vice-Director of Crimean Natural Reserve, Chief Keeper of Darwin Museum in Moscow, headed several children's naturalist associations, was actively engaged in public scientific, organizational and educational activity; died 28.09.1975 in Moscow.

SOBOLEVSKY NIKOLAI IPPOLITOVICH — Soviet herpe-

tologist and biogeographer; born in 1901; author of several papers and monographs on fauna of amphibians and reptiles of Talysh and Lenkoran, described 3 subspecies of reptiles; studied herpetofauna of Altai, Crimea and Moscow Region; proceeded herpetological collections of Zoological Museum of Moscow University; worked in Moscow Regional Pedagogical Institute, died in Moscow in 1975.

TALYZIN FEDOR FEDOROVICH — famous Soviet medical parasitologist and herpetologist, traveler and writer, painter and pedagogue, lecturer and well-known popularizer of science, Professor, Academician, Corresponding Member of Academy of Medical Sciences of USSR; born 15.08.1903 in Nerchinsk; published about 100 works, author of several popular books on venomous animals (including amphibians and reptiles) and travels in various countries of the world; studied medical helminthology, physiology, and pharmacological properties of snakes, amphibians and arachnids, developed antipoison sera, studied focal diseases; worked in sanitary-and-epidemiological groups, was a councilor of medicine of Russian representatives at the UN and a member of UNICEF at the UN, consulting expert of WHO, and active figure of Soviet Committee for Peace Protection, employed in All-Union Institute of Experimental Medicine in Leningrad and Moscow, was Director of the 1st Moscow Medical Institute and the Head of the Chair of Biology and Parasitology in the University of Peoples' Friendship in Moscow; died 04.06.1980 in Moscow.

TERENTYEV PAVEL VIKTOROVICH — eminent Soviet herpetologist; born 23.12.1903 in Sevastopol; co-author of well-known guides to amphibians and reptiles of the USSR, author of many papers and several textbooks (on herpetology, biometrics, frog anatomy), booklet on amphibian fauna of Moscow Region; described more than ten new taxa of amphibians and reptiles of different levels, processed herpetological collections of Zoological Museum of Moscow University; studied taxonomy of edible frogs, animal biometrics, and ecology of amphibians; worked in Zoological Museum of Moscow University, Darwin Museum in Moscow, Moscow Zoo, was a bibliographer and professor in Leningrad University, employed in the Zoological Institute in Leningrad; died in Leningrad in 1970.

VJYUSHKOV BORIS PAVLOVICH — Soviet paleoherpetolo-

gist (oil geologist by education); born 05.09.1926 in Saratov; studied the fauna of Permian and Triassic terrestrial vertebrates and reptilian evolution; worked in the Paleontological Institute of the USSR Academy of Sciences; perished in May 1958 in Moscow.

E. A. Dunayev

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ*

- Автопортреты поколения биологов МГУ: выпускники биофака МГУ о биофаке, об учителях, о себе (1950–2000). 2000. М.: МГУ, 512 с. [о Н. В. Шибанове].
- Аднагулов Э. В., Тарасов И. Г., 2003. Амфибии и рептилии Дальнего Востока России. Аннотированный список литературы. — Владивосток: Дальневосточное отд. РАН, 154 с.
- Адресная книга русских зоологов, анатомов, физиологов, палеонтологов и проч., 1901. — С-Петербург, с. 48, 51, 52.
- Азатьян А., 1966. Выдающиеся исследователи природы Средней Азии (вторая половина XIX в.). Часть II. — Ташкент: Учитель, 224 с.
- Александров П. П., 1909–1930. Летопись Хутора на Сетуни, т. 1–9 [Рукопись в личном архиве А. В. Свиридова].
- Ананьева Н. Б., Боркин Л. Я., Даревский И. С., Орлов Н. Л., 1998. Земноводные и пресмыкающиеся. — Серия: Энциклопедия природы России, М.: АБФ, 574 с.
- Ананьева Н. Б., Даревский И. С., 1982. I герпетологическая конференция социалистических стран. — Зоол. журн., т. 61, вып. 11, с. 1772–1773.
- Архив Зоологического института РАН, фонд Терентьева, папка № 1.
- Архив МГУ, фонд 1 (Ректорат университетата), ед. хр. № 3889, коробка 35 [о Н. В. Шибанове].
- Архив МГУ, фонд Зоомузея МГУ, № 54, опись 1 и 1л, ед. хр. № 407 [о Н. В. Шибанове].
- Архив МОИП, 1909, папка № 883, 19/XI [о В. С. Елпатьевском].
- Архив МОИП, 1932, 1205, 19/V [о Н. В. Шибанове].
- Бабков В. В., 1985. Московская школа эволюционной генетики. — М.: Наука, 216 с.
- Бабурина Е. А., Исаков Ю. А., Пахомова Н. Н., 1982. Памяти Алексея Михайловича Сергеева — выдающегося зоолога (1912–1943). —

* Список литературных источников включает работы по истории отечественной герпетологии. Он не претендует на полноту, но позволяет ориентироваться в этом вопросе. Составители — Л. Я. Боркин (грант РФФИ π 02-06-80391) и Е. А. Дунаев.

- Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 87, вып. 4, с. 118–122.
- Банина Н. Н., 1962. К. Ф. Кесслер и его роль в развитии биологии в России. — М.–Л.: АН СССР, 141 с.
- Банников А. Г., 1940. Экологические условия зимовок травяной лягушки (*Rana temporaria* L.) в Московской области. — Сб. научн. студенч. работ, вып. 16, зоология. М.: МГУ, с. 41–63.
- Банников А. Г., 1943. Экологические условия активности бесхвостых амфибий как фактор, ограничивающий ареал вида. — Зоол. журн., т. XXII, вып. 6, с. 340–344.
- Банников А. Г., 1947. Онтогенез некоторых адаптивных особенностей в форме панциря у черепах. — Докл. АН СССР, т. LVIII, № 4, с. 709–712.
- Банников А. Г., 1948. О колебании численности бесхвостых амфибий. — Докл. АН СССР, т. LXI, № 1, с. 131–134.
- Банников А. Г., 1950. Возрастной состав популяций и его динамика у *Bombina bombina* L. — Докл. АН СССР., т. LXX, № 1, с. 101–103.
- Банников А. Г., 1954. Материалы по биологии земноводных и пресмыкающихся Южного Дагестана. — Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, т. XXVIII, с. 75–88.
- Банников А. Г., 1955. Об изменениях в распространении земноводных в окрестностях Москвы. — Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина, т. XXXVIII, с. 219–222
- Банников А. Г., 1958. Материалы по фауне и биологии амфибий и рептилий Монголии. — Бюлл. МОИП, отд. биол., т. LXIII (2), с. 71–91.
- Банников А. Г., Даревский И. С., Денисова М. Н., Дроздов Н. Н., Иорданский Н. Н., 1969. Жизнь животных, т. 4 (2). Земноводные и пресмыкающиеся. — М.: Просвещение, 488 с.
- Банников А. Г., Денисова М. Н., 1943. Суточный цикл активности озерной лягушки (*Rana ridibunda* L.) в условиях Южного Дагестана. — Зоол. журн., т. XXII, вып. 1, с. 33–37.
- Банников А. Г., Денисова М. Н., 1948. Суточный цикл активности *Rana esculenta* L. — Докл. АН СССР, т. LXI, № 2, с. 367–370.
- Банников А. Г., Денисова М. Н., 1956. Очерки по биологии земноводных. — М.: Учпедгиз, 168 с.
- Банников А. Г., Исаков Ю. А., 1967. О земноводных в городе Москве. — Животное население Москвы и Подмосковья, его изучение,

- охрана и направление преобразования. М., с. 92–96.
- Банников А. Г., Сергеев А. М., 1939. К биологии енотовидной собаки *Nyctereutes procyonoides* Gray. — В кн.: Сб. научн. студенч. работ МГУ, вып. 9. Зоология. М., с. 114–119.
- Банникова Л. С., Пивоварова Е.П., Фандеев А.А., Пустина Л.В. (сост.). 1990. Андрей Григорьевич Банников (1915–1985). Библиографический указатель. — М.: Москов. вет. акад., [2] + 61 с.
- Басарукин А. М., 1991. История изучения герпетофауны Сахалина и Курильских островов. — Краеведческий бюллетень, серия: Природа. Южно-Сахалинск: Об-во изучения Сахалина и Курильских о-вов, с. 41–61.
- Баскаков Н. А., 1993. Русские фамилии тюркского происхождения. 2-е изд. — М.: Мишель, 279 с.
- Бедряга Я. В., 1898. Земноводные и пресмыкающиеся. — В кн.: Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отд. зоологии, т. 3, ч. 1, вып. 1, с. 1–70.
- Бедряга Я. В., 1907. Земноводные и пресмыкающиеся. — В кн.: Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отд. зоологии, т. 3, ч. 1, вып. 2, с. 71–278.
- Бедряга Я. В., 1909. Земноводные и пресмыкающиеся. — В кн.: Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отд. зоологии, т. 3, ч. 1, вып. 3, с. 279–502.
- Бедряга Я. В., 1912. Земноводные и пресмыкающиеся. — В кн.: Научные результаты путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Отд. зоологии, т. 3, ч. 1, вып. 4, с. [I–VI] + 503–769.
- Бобринский Н. А., 1929. Обзор и очередные задачи исследования фауны позвоночных Туркестана. — Тр. н.-иссл. ин-та зоол., т. III, вып. II, МГУ, 137 с.
- Бобринский Н. А., 1940. Николай Алексеевич Зарудный, зоолог и путешественник (1859–1919). — М.: МОИП, серия историческая, № 13, 72 с.
- Богданов А. П., 1888. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1868–1888 г.). Том первый: фаунистические работы общества. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 54. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. 2. М., с. I–VIII + стлб. 1–494.
- [Богданов А. П.], 1888а. [Заметки Н. М. Кулагина о московских земно-

водных и пресмыкающихся]. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LIV. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. II. Летопись зоол. тр. об-ва в первое двадцатилетие его существования (1863–1888), т. I. Фаунистические работы об-ва, с. 160–162.

[Богданов А. П.], 1888б. [Сообщение Н. М. Кулагина о зимовке животных под Москвой]. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LIV. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. II. Летопись зоол. тр. об-ва в первое двадцатилетие его существования (1863–1888), т. I. Фаунистические работы об-ва. Дополнения к 1-му тому Летописи зоол. тр. об-ва в первое двадцатилетие его существования (1863–1888), с. 453

Богданов О. П., 1969. I Среднеазиатская конференция по ядовитым животным и их ядам. — Зоол. журн., М., т. 48, вып. 3, с. 463.

Борейко В. А., 1995. Николай Михайлович Кулагин (7.01.1860–1.03.1940). — Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860–1960), т. 1 (серия: История охраны природы, вып. 4), с. 164–168.

Борейко В. А., 1998. Воз науки толкает лишь труженик. — Дон Кихоты. История. Люди. Заповедники. М.: ЛОГАТА, с. 106–116 [о Н. М. Кулагине].

Боркин Л. Я., 1978. Первые известия о сибирском углозубе *Nupobius keyserlingii* с Камчатки. — Историко-биологические исследования, М.: Наука, вып. 7, с. 149–155.

Боркин Л. Я., 1979. I совещание по герпетофауне Дальнего Востока и Сибири. — Зоол. журн., т. 58, вып. 9, с. 1435–1436.

Боркин Л. Я., 1979. О некоторых находках обыкновенной чесночницы, *Pelobates fuscus* (Laurenti) на юго-востоке ареала. — В кн.: Экология и систематика амфибий и рептилий (ред. Н. Б. Ананьева и Л. Я. Боркин). Тр. Зоол. ин-та АН СССР, т. 89, Л.: ЗИН АН СССР, с. 118–120.

Боркин Л. Я., 1983. I семинар по изучению зеленых лягушек. — Зоол. журн., т. 62, вып. 3, с. 473–474.

Боркин Л. Я., 1999. Лев Исаакович Хозацкий (1913–1992): жизнь и труды. — В кн.: Маленев А. Л. (ред.). Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии, Тольятти, вып. 3, с. 3–40.

Боркин Л. Я., 2000. Кто такой Iwan? (курьезный случай из истории

- герпетологии). — В кн.: Боркин Л. Я. и Колчинский Э. И. (ред.). Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия. СПб.: СПб союз ученых, с. 191–200.
- Боркин Л. Я., 2000. Роль немцев в становлении и развитии герпетологии в России. — В кн.: Боркин Л. Я. и Колчинский Э. И. (ред.). Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия. СПб.: СПб союз ученых, с. 82–104.
- Боркин Л. Я., 2001. Академические «физические» экспедиции (1768–1775) и становление герпетологии в России. — В кн.: Колчинский Э. И. (ред.). Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб.: Борей Арт, с. 21–45.
- Боркин Л. Я., 2001. Жизнь в зачарованном царстве (воспоминания о зоологе А. М. Басарукине). — Вестн. Сахалинского музея (Ежегодн. Сахалинского областного краеведческого музея, Южно-Сахалинск), № 8, с. 387–398.
- Боркин Л. Я., 2003. Лев Исаакович Хозацкий: библиография (1941–1999). — В кн.: Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии, Тольятти, вып. 6, с. 10–36.
- Боркин Л. Я., Литвинчук С. Н., Мильто К. Д., Розанов Ю. М., Халтурин М. Д., 2001. Криптическое видообразование у *Pelobates fuscus* (Amphibia, Pelobatidae): цитометрические и биохимические доказательства. — Докл. РАН, т. 376, № 5, с. 707–709.
- Брандт Ф. Ф., 1865. Зоологический и Зоотомический музей. — Зап. Имп. АН, СПб., т. 7, кн. 1, с. 1–35 (это же опубликовано в книге: Очерк истории музеев Императорской АН. СПб.: Имп. Академия наук, 1865, с. 1–35).
- Бромлей Г. Ф., 1981. Памяти доктора биологических наук, профессора Александра Адриановича Емельянова. — В кн.: Боркин Л. Я. (ред). Герпетологические исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. Л.: Зоол. ин-т АН СССР, с. 3–8.
- Брушко З. К., 1984. Итоги исследования фауны и экологии пресмыкающихся в Казахстане. — В кн.: Животные Казахстана: итоги и перспективы исследований. Тр. Ин-та зоологии АН Казах. ССР, Алма-Ата, т. 41, с. 15–22.
- Быстров А. П., 1949. Александра Павловна Гартман-Вейнберг — Ежегодн. ВПО., т. 13, с. 130.
- Быстров А. П., 1955. Горгонопс из верхнепермских отложений на

- Волге. — Вопросы палеонтологии, т. 2, с. 7–18.
- Быстров А. П., 1957. Череп парейазавра. — Котилозавры и батрахозавры верхней перми СССР. — Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР, т. 68, М.: Наука, с. 3–18.
- Быстров А. П., Ефремов И. А., 1940. Лабиринтодонт из эотриаса реки Шарженги. — Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР, т. 10, № 1, с. 1–152.
- Васильев Б. Д., 1995. Памяти А. М. Сергеева. — Онтогенез, т. 26, № 5, с. 400–402.
- Васильев Б. Д., Васецкий С. Г., 1998. От редакции. — Онтогенез, т. 29, № 2, с. 133–134 [о А. М. Сергееве].
- Вахрушев А. А., Раутиан А. С., Шишкин В. С., 1999. Петр Петрович Смолин. — В кн.: Московские орнитологи. М.: МГУ, с. 419–438.
- Винкевич Г. А., 1965. Выдающийся географ и путешественник. — Минск: Наука и техника, 106 с.
- Гайсинович А. Е., 1988. Зарождение и развитие генетики. — М.: Наука, 423 с.
- Галиченко М. В., Перешкольник С. Л., 1985. Распределение по биотопам средиземноморской черепахи (*Testudo graeca*) на черноморском побережье Кавказа. — Вопросы герпетологии. Л.: Наука, с. 49–50.
- Гаранин В. И., 1995. Э. А. Эверсманн и Зоологический музей Казанского университета. — В кн.: Животный мир Южного Урала и Северного Прикаспия. Тез. докл. и матер. III региональной конф. Оренбург: Оренбургский Гос. пединститут, с. 5–7.
- Гаранин В. И., 1996. Павел Викторович Терентьев (1903–1970). — В кн.: Маленев А. Л. и Песков А. Н. (ред.). Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии. Тольятти, вып. 2, с. 3–9.
- Гаранин В. И., 2000. Вклад Н. А. Зарудного в герпетологию. — В кн.: Животный мир Южного Урала и Северного Прикаспия. Тез. докл. и матер. III региональной конф. Оренбург: Оренбургский Гос. педин-т, с. 19–20.
- Гаранин В. И., 2000. Жизни, оборванные войной. К 90-летию В. И. Тихвинского (1909–1942) и Б. А. Красавцева (1909–1943). — Фауна Ставрополя. Ставрополь: Ставропольский Гос. ун-т, вып. 9, с. 132–134.
- Гаранин В. И., 2000. Иван Сергеевич Башкиров (18 июля 1900 г. — 30

- апреля 1980 г.). — В кн.: Маленев А. Л. (ред.). Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии, Тольятти, вып. 4, с. 8–10.
- Гаранин В. И., 2001. Леонид Константинович Круликовский (1865–1920). — В кн.: Маленев А. Л. (ред.). Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии, Тольятти, вып. 5. с. 39–45.
- Гаранин В. И., 2001. Михаил Дмитриевич Рuzский (1864–1948). — В кн.: Маленев А. Л. (ред.). Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии, Тольятти, вып. 5. с. 31–39.
- Гаранин В. И., 2003. Тетраподологические исследования в Казанском университете. — В кн.: История зоологических исследований в Казанском университете XIX–XX вв. Казань: КГУ, с. 42–78.
- Гаранин В. И., Бакиев А. Г., 2002. Библиография по земноводным и пресмыкающимся Волжского бассейна (XVIII–XX вв.). — Тольятти: Ин-т экологии Волжского бассейна РАН, 127 с.
- Гаранин В. И., Павлов А.В., 2001. История герпетологии. — В кн.: Герпетология. Учебно-методическое пособие, ч. 1. Казань: КГУ, с. 4–8.
- Гартман-Вайнберг А. П., 1940. Палеонтологическая лаборатория Московского университета. — Учен. зап. МГУ, юбилейная серия, вып. 56, геология, почвоведение и грунтоведение, с. 49–50.
- Гартман-Вейнберг А. П., 1935. Кожные покровы русских *Seymouriamorpha*. — Тр. Палеозоол. ин-та АН СССР, т. 4, с. 53–67.
- Гартман-Вейнберг А. П., 1938. Горгонопсиды СССР как показатели времени. — Проблемы палеонтологии, т. 4, с. 47–123.
- Гартман-Вейнберг А. П., 1939. *Melosaurus uralensis* H. v. Meyer — верхне-пермский архегозаурид. — Проблемы палеонтологии, т. 5, с. 9–31.
- Гельфенбейн Л. Л., 1968. Александр Викентьевич Чернай как зоолог. — Вестн. зоол., № 3, с. 93–97.
- Гептнер В. Г., 1945. Гады Бадхыза. Материалы по фауне Туркмении. — Учен. зап. МГУ, вып. 83, биология, с. 96–126.
- Гептнер В. Г., Терентьев П. В., 1952. Зоогеография. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 17, с. 183–188.
- Гершензон С. М., 2002. Мои воспоминания о Сергее Сергеевиче Четверикове. — Научное наследство, т. 28. Сергей Сергеевич Четвериков. Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания. Составитель — Т. Е. Калинина. М.: Наука, с. 496–505.

- Гнучева В. Ф., 1940. Материалы для истории экспедиций АН в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов. — Тр. Архива АН СССР, вып. 4, VIII + 310 с.
- Гондатти Н. Л., 1888. — См. Богданов А. П., 1888. Летопись зоологических трудов Общества в первое двадцатипятилетие его существования (1868–1888 г.). Том первый: фаунистические работы Общества. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 54. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. 2. М., стлб. 454–458.
- Гуков Г. В., 2001. Чье имя ты носишь, растение? Сто пятьдесят кратких биографий (Из истории ботанических исследований на Дальнем Востоке). — Владивосток: Дальнаука, 2-е изд., исправл. и допол., 400 с. [о И.Г. Гмелине, П.С. Палласе, А.Ф. Миддендорфе, Р.К. Мааке, Л.И. Шренке, Г.И. Радде, Н.М. Пржевальском, Г.И. Потанине].
- Гусев О. К., 2001. Сергей Дмитриевич Перелешин. — В кн.: Московские териологи. М.: КМК, с. 502–515.
- Данилов Н. Н., Ищенко В. Г. и Шварц С. С., 1971. Памяти П. В. Терентьева. — Экология, № 2, с. 113.
- Даревский И. С., 1967. Герпетология. — В кн.: Быховский Б. Е. (ред.). Развитие биологии в СССР. Советская наука и техника за 50 лет. М.: Наука, с. 245–249.
- Даревский И. С., 1968. Памяти Валериана Николаевича Ростомбекова (1878–1965). — В кн.: Туракулов Я. Х. (ред.). Герпетология Средней Азии. Ташкент: Фан, с. 116–118.
- Даревский И. С., 1973. III Всесоюзная герпетологическая конференция. — Зоол. журн. т. 52, вып. 11, с. 1741–1742.
- Даревский И. С., 1982. Отделение герпетологии. — В кн.: Зоологический институт. 150 лет. Л.: Наука, с. 68–71.
- Даревский И. С., 1987 («1986»). Александр Филиппович Ляйстер (1884–1941) и его роль в изучении герпетофауны Кавказа. — В кн.: Боркин Л. Я. (ред.). Герпетологические исследования на Кавказе. Тр. Зоол. ин-та АН СССР, т. 158, Л., с. 4–19.
- Даревский И. С., Зайцев Г. Н., 1975. Памяти Павла Викторовича Терентьева. — Биометрические методы. М.: МГУ, с. 7–10.
- Даревский И. С., Таращук В. И., Хозацкий Л. И., 1971. Памяти Павла Викторовича Терентьева (1903–1970). — Вест. зоол., № 3, с. 83–84.

- Двигубский И. [А.], 1832. Опыт естественной истории всех животных Российской Империи, [т. 4]. Гады, или животные пресмыкающиеся. — М.: Университ. типография, 48 с.
- Дементьев Г. П., 1940. Николай Алексеевич Северцов — зоолог и путешественник (1827–1885). — М.: МОИП, 47 с.
- Дементьев Г. П. 1948. Николай Алексеевич Северцов — зоолог и путешественник (1827–1885). 2-е изд. М.: МОИП, 68 с. (Историческая серия, № 35).
- Денисова М. Н., Муркина Н. В., 1977. Интенсивность питания и суточные ритмы лягушек. — Вопросы герпетологии, Л.: Наука, с. 79–80.
- Добрынин Б. Ф., Микешин Г. В., Соболевский Н. И., 1950. Альпы. Физико-географический раздел. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 2, с. 179–185.
- Домбровский Б. А., 1917. Сравнительно-анатомический очерк проводящего звука аппарата земноводных. — Зап. Киев. об-ва естествоиспытателей, т. 26, вып. 1, с. 1–54.
- Домбровский Б. А., 1918. Барабанная полость Anura и брызгальце рыб. — Русс. Зоол. журн., т. 2, вып. 6–7, с. 197–208.
- Дороватовский Н., 1913. Каталог коллекций Музея при Зоологическом Кабинете И. СПб. Университета. I. Земноводные (Amphibia). — Тр. Имп. С.-Петербург. об-ва естествоиспытателей, т. 43, вып. 4, с. 1–56.
- Дунаев Е. А., 1996. О номенклатуре и распространении круглголовок из Илийской котловины. — Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 101, вып. 3, с. 37.
- Дунаев Е. А., 1999. Краткие сведения по истории формирования коллекции земноводных и пресмыкающихся Зоологического музея Московского университета. — Разнообразие земноводных (по материалам экспозиции Зоологического музея МГУ). М.: МГУ, с. 4–33.
- Дунаев Е. А., Орлова В. Ф., 2001. Класс Amphibia. — Типы позвоночных в Зоологическом музее Московского университета. Сб. тр. Зоол. музея МГУ, т. XLI, с. 89–91.
- Дунаев Е. А., Орлова В. Ф., 2001. Класс Reptilia. — Типы позвоночных в Зоологическом музее Московского университета. Сб. тр. Зоол. музея МГУ, т. XLI, с. 92–98.
- Елпатьевский В. С., 1901. Genus Ablepharus Fitz. в коллекциях Зоологического музея Московского университета — Дневник Зоол.

- отд. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. III, с. 37–39.
- Елпатьевский В. С., 1901. Список Amphibia, Reptilia, Aves и Mammalia, собранных в 1898 г. в Омском уезде. — Зап. Зап.-Сибирск. отд. РГО, кн. XXVIII, с. 130–154.
- Елпатьевский В. С., 1902. О соотношении видов *Contia modesta* Mart. и *Contia collaris* Мйн. — Ежегодн. Зоол. муз. АН, т. VII, с. 233–234.
- Елпатьевский В. С., 1903. Гады Арала. Амфибии и рептилии берегов и островов Аральского моря. — Научн. результаты Аральск. экспед., вып. IV, Ташкент: Туркест. отдел Имп. РГО, 30 с.
- Елпатьевский В. С., 1906. Земноводные и пресмыкающиеся Забайкалья. — Тр. Троицко-Савско-Кяхтинского отд. Приамурск. отдела РГО, т. IX, вып. 1, с. 42–61.
- Елпатьевский В. С., 1907. Пресмыкающиеся и земноводные, собранные Балхашской экспедицией в 1903 г. на берегах Балхаша и р. Или. — Изв. Туркест. отд. Имп. РГО, т. IV, Научн. результаты Аральск. экспед., вып. VII, СПб, с. 49–59.
- Елпатьевский В. С., 1909. О явлениях депрессии в животных клетках. — Естествознание и география, т. XIV, № 2, с. 47–57 [лекция в МГУ].
- Елпатьевский В. С., 1913. Образование яйца и зародышевый путь сагитты, ч. I. Образование яйца. — Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. CXXXVI, вып. 1; Тр. Зоол. отд. об-ва, т. XVIII, вып. 1. М., 75 с.
- Елпатьевский В. С., 1914. Образование яйца и зародышевый путь сагитты, ч. II. Зародышевый путь. — Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. CXXXVI, вып. 2; Тр. Зоол. отд. об-ва, т. XVIII, вып. 2. М., 48 с.
- Елпатьевский В. С., Ларина Н. И., Голиков В. Л., 1950. Млекопитающие Саратовской области. — Учен. зап. СГУ, т. 26, вып. биол., с. 37–41.
- Елпатьевский В. С., Ларина Н. И., Голиков В. Л., 1952. Видовой состав и экологическое размещение лесных и степных грызунов на трассе Государственной лесной полосы Саратов — Камышин. — Учен. зап. СГУ, т. 29, с. 395–413.
- Ельчанинов И. Н., 1909–[1916]. Материалы для генеалогии дворянства Ярославской губернии. Вып. 1–5, 7–9. Ярославль.
- Емельянов А. А., 1916. К биологии змей Маньчжурии и Приморского

- края. — Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН, Петроград, т. 20, № 4 за 1915, с. 558–568.
- Ефремов И. А., 1960. Владимир Прохорович Амалицкий (к 100-летию со дня рождения). — Палеонтол. журн., № 4, с. 3–15.
- Ефремов И. А., 1968. Памяти Бориса Павловича Вьюшкова. — Палеонтол. журн., № 4, с. 107–108.
- Ефремов И. А., 1994. Переписка с учеными. Неизданные работы. — Серия: Научное наследство, т. 22. М.: Наука, 286 с.
- Зайцев Г. Н., 1975. Общебиологическое значение биометрических исследований П. В. Терентьева. — Биометрические методы. М.: МГУ, с. 11–19.
- Зайцев Г. Н., 1980. Павел Викторович Терентьев (23 декабря 1903 — 3 декабря 1970). — Доклады МОИП, 2-е полугодие, 1978. Регуляция и функционирование биологических систем. М.: МОИП, с. 70–72.
- Залежский Г. В., 1938. К динамике численности некоторых видов амфибий. — Сб. работ научн. студенч. кружков МГУ, вып. 2, биология, с. 3–28.
- Зарудный Н. [А.], 1896. Материалы для фауны амфибий и рептилий Оренбургского края. — Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou, année 1895, Nouvelle série, t. 9, № 3, p. 361–370.
- Зарудный Н. [А.], 1897. Заметка о чешуйчатых и голых гадах из северо-восточной Персии. — Ежегодн. Зоол. музея Имп. АН, СПб., т. 2, с. 349–361.
- [Зарудный Н. А.], 1915. Поездка на Аральское море летом 1914 г. Н. Зарудного. II. Гады Арала (Амфибии и рептилии берегов и островов Аральского моря, преимущественно его восточного района). — Известия Туркестан. отд. Имп. РГО, Ташкент, т. 11, вып. 1, с. 113–125.
- Захидов Т. З., 1950. Фаунистические исследования пустынь Узбекистана. — Ташкент: Ан УзССР, 44 с. [о Н. А. Зарудном, Н. А. Северцове, Э. А. Эверсманне, А. П. Федченко и др.].
- Золотницкая Р. Л., 1953. Н. А. Северцов — географ и путешественник. — М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 211 с.
- Золотницкая Р. Л., 1978. По дорогам неведомого Туркестана. К 150-летию со дня рождения Н. А. Северцова. — М.: Мысль, 94 с.
- Зотова Н. Ю., 2003. Николай Алексеевич Северцов. — Биология

- (еженедельная газета Издательского дома «Первое сентября»), № 16 (23–30 апреля 2003 г.), с. 8–9, 14.
- Иков К. Н., 1878. Отчет по Отделу аквариумов и террариумов с 1-го июня по 1-ое октября 1879 г. — В кн.: Богданов А. П. (ред.). Зоологический сад и акклиматизация. Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 25, вып. 2. Тр. Имп. Русск. об-ва акклиматизации животных и растений, М., т. 1, с. 280–284.
- Иксанова И. Д., Кузнецов А. А., Михайлов К. Г., Павлинов И. Я., 1991. История музея. — Россолимо О. Л. (ред.). Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ. М.: МГУ, с. 4–35.
- Иоганзен Б. Г., 1956. К столетию со дня рождения Н. Ф. Кащенко. — Тр. Томск. Гос. ун-та, т. 142, серия биол., с. 7–22.
- Ищенко В. Г., 2002. [Воспоминания]. — Станислав Семенович Шварц. 1919–1976. М.: Наука, с. 60–61.
- Калабухов Н. И., 1978. Жизнь зоолога (Полвека изучения млекопитающих и других животных). — М.: МГУ, 182 с.
- Камалова З. Я., Ядгаров Т., 1978. IV Всесоюзная герпетологическая конференция. — Узб. зоол. журн., № 1, Ташкент, с. 64.
- Кесслер К. [Ф.], 1853. Животные земноводные. — Тр. Комиссии Высочайше учрежденной при Императорском Университете Св. Владимира для описания губерний Киевского учебного округа Подольской, Волынской, Киевской, Черниговской и Полтавской. Том II. Киев: Университетская типография, с. [1–2]+I–VIII+1–94.
- Кесслер К. [Ф.], 1878. Путешествие по Закавказскому краю в 1875 году с зоологическою целью. — Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, т. 8. Приложение. [4]+200 с.
- Кистяковский А. Б., 1968. Академик П. П. Сушкин (К столетию со дня рождения). — Вестн. зоол., № 3, с. 88–89.
- Клитин А., 2000. Памяти А. М. Басарукина. — Анива: Центр экологических инициатив, [4 с.].
- Копелевич Ю. Х., 1997. Иоганн Антон Гильденштедт. 1745–1781. — М.: «Наука», 127 с.
- Котенко Т. И., 2002. Николай Николаевич Щербак (1927–1998). — Вестн. зоол., т. 36, № 5, с. 93–95.
- Красная книга города Москвы, 2001. — М.: АБФ, [Правительство Москвы], 624 с.
- Крыжановский О., 1940. Студенческие научные кружки биологии

- ческого факультета Московского университета с 1917 по 1939 г. — Учен. зап. МГУ, юбил. сер., вып. 54, биология, с. 343–350.
- Кубанцев Б. С., 1996. Батрахо- и герпетологические исследования в Нижнем Поволжье. — В кн.: Маленев А. Л. и Песков А. Н. (ред.). Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии, Тольятти, вып. 2, с. 9–19.
- Кузнецов Н. Я., 1932. Краткий обзор главных эколого-фаунистических исследований в СССР с 1917 по 1932 год. — Природа, № 11–12, столб. 1099–1116.
- Кузьмин С. Л., 1999. Земноводные бывшего СССР. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 298 с.
- Кулагин Н. М., 1886. Краткий отчет о зимних экскурсиях под Москвой в 1883 и 1884 годах. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. L, вып. 1. Протоколы заседаний Зоол. отд. об-ва, т. 1, вып. 1, с. 174–176.
- Кулагин Н. М., 1888а. [Заметки о московских земноводных и пресмыкающихся]. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LIV. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. II. Летопись зоол. тр. об-ва, т. I. Фаунистические работы об-ва, с. 160–162.
- Кулагин Н. М., 1888б. Биологические наблюдения над японской саламандрой в Московском зоологическом саду. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. L, вып. 2. Протоколы заседаний Зоол. отд. об-ва, т. 1, вып. 2, с. 355–358.
- Кулагин Н. М., 1888в. Списки и описание предметов, находящихся в Зоологическом музее Императорского Московского Университета, отд. 2. Списки и описание пресмыкающихся и земноводных, находящихся в систематической коллекции Зоологического музея Московского Университета к 23 сентября 1888. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LVI, вып. 2. Тр. Лабор. при Зоол. Муз. Имп. Моск. Университета, т. IV, вып. 2, 38 с.
- Кулагин Н. М., 1890а. Биологические наблюдения над японской саламандрой Московского зоологического сада. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LIX. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. VII, с. 473–476.
- Кулагин Н. М., 1890б. К фауне пресмыкающихся и земноводных

- Крымского полуострова. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LXVII, вып. 3. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. VI. Дневник Зоол. отд. и Зоол. музея, с. 36–40.
- Кулагин Н. М., 1890в. Коллекции пресмыкающихся, доставленные в Зоологический музей д-ром П. А. Бурцевым из Уссурийского края. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LXVII. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. VI. Дневник Зоол. отд. и Зоол. музея, № 1, с. 11.
- Кулагин Н. М., 1890г. Черви и земноводные из коллекций, доставленных д-ром В. И. Исаевым. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LXVII. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. VI. Дневник Зоол. отд. и Зоол. музея, № 2, с. 31.
- Кулагин Н. М., 1892. Amphibia. Reptilia. — В кн.: I. A. Dwigubsky. Primitivae Faunae Mosquensis. Опыт каталога представителей московской фауны. М., с. 9–10.
- Кулагин Н. М., 1897а. Зимняя спячка животных. — Естествознание и география, № 3 (март), с. 69–77.
- Кулагин Н. М., 1897б. Случаи уродств: лягушки (*Rana temporaria*) и черного таракана (*Periplaneta orientalis*). — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LXXXVI. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. X. Дневник Зоол. отд. об-ва и Зоол. Музея, т. II, вып. 5, с. 19.
- Курочкин Е. Н., 1994. Петр Симон Паллас и его время. — Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 99, вып. 3, с. 117–124.
- Ларина Н. И., 1958. Владимир Сергеевич Елпатьевский (1877–1957). — Зоол. журн., т. XXXVII, вып. 4, с. 635–637.
- Лебедкина Н. С., 1957. Морфо-функциональный анализ челюстного аппарата зайцев. — Зоол. журн., т. 36, № 10, с. 1539–1556.
- Лебедкина Н. С., 1960а. Развитие костной нёбной дуги хвостатых амфибий. — Докл. АН СССР, т. 131, № 5, с. 1206–1208.
- Лебедкина Н. С., 1960б. Развитие парасфеноида хвостатых амфибий. — Докл. АН СССР, т. 131, № 6, с. 1476–1479.
- Лебедкина Н. С., 1960в. Особенности развития покровных костей крыши ротовой полости хвостатых амфибий. — Всесоюз. совещ. эмбриологов. Тез. докл. М.: МГУ, с. 45.
- Лебедкина Н. С., 1962. О коррелятивных связях в развитии хрящевого и костного черепа у земноводных. — II Зоол. конф. БССР. Тез.

- докл., Минск, с. 253–255.
- Лебедкина Н. С., 1963а. Палингенетические признаки в развитии черепа хвостатых амфибий. — IV Всесоюз. совещ. эмбриологов. Тез. докл. Л.: ЛГУ, с. 13.
- Лебедкина Н. С., 1963б. Развитие предглазничных связей небно-квадратного хряща у *Ranodon sibiricus*. — Докл. АН СССР, т. 150, № 1, с. 199–202.
- Лебедкина Н. С., 1964а. Развитие покровных костей основания черепа хвостатых амфибий сем. *Nynobiidae*. — Тр. Зоол. ин-та АН СССР, т. 33, с. 75–172.
- Лебедкина Н. С., 1964б. Развитие носовых костей у хвостатых амфибий. — Докл. АН СССР, т. 159, № 1, с. 219–222.
- Лебедкина Н. С., 1968. Развитие костей крыши черепа хвостатых амфибий. — Тр. Зоол. ин-та АН СССР, т. 46, с. 86–124.
- Лебедкина Н. С., 1970. Роль гетерохронии в эволюции коррелятивных систем черепа низших позвоночных. — III Совещ. «Темпы индивидуального развития животных». Тез. докл. М., с. 26.
- Лебедкина Н. С., 1975. Развитие костного черепа хвостатых амфибий (к проблеме происхождения наземных позвоночных). — Автореф. докт. дис. Л.: Зоол. ин-т АН СССР.
- Лебедкина Н. С., 1978. Гомология чешуйчатой кости хвостатых амфибий. — Докл. АН СССР, т. 241, № 6, с. 1447–1450.
- Лебедкина Н. С., 1979. Эволюция черепа амфибий (к проблеме происхождения морфологической интеграции). — М.: Наука, 283 с.
- Леонов Н. И., 1967. Александр Федорович Миддендорф. — М.: Наука, 147 с.
- Леонов Н. И., 1972. Алексей Павлович Федченко. — М.: Наука, 168 с.
- [Лепехин И. И.], 1771. Дневные записки путешествия доктора и АН адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. — СПб.: Имп. Академия наук, [VIII] + 538 с.
- [Лепехин И. И.], 1772. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. — СПб.: Имп. Академия наук, [VI] + 340 с.
- Лепешкин В. Д., 1916. Заметка о строении семенников *Isodactylum*

- (Str.). — Русск. Зоол. журн., т. 1, вып. 9–10, с. 257–261.
- Лепешкин В. Д., 1916. Спермии изодактиля (*Isodactylum Schrenkii* Str.). — Русск. Зоол. журн., т. 1, вып. 1–2, с. 8–16.
- Липшиц С. Ю., 1940. Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805–1940) (Исторический очерк). — М.: МОИП, 136 с.
- Лукина Т. А., 1965. Иван Иванович Лепехин. — М. – Л.: Наука, 205 с.
- Лукина Т. А., 1975. Иоганн Фридрих Эшшольц. 1793–1831. — Л.: Наука, 175 с.
- Ляйстер А., 1912. [Александр Михайлович Шугуров]. — Русс. энтомол. обозрение, СПб., т. 12, № 3, с. 624–627.
- Маак Р., 1859. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества в 1855 году. — СПб.: XII + 322 + 212 + X + XIX с.
- Маак Р., 1861. Путешествие по долине реки Усури. Том I. — СПб.: типография В. Безобразова и комп., VIII + 203 + 8 + 21 с.
- Маак Р., 1886. Вилюйский округ Якутской области. Часть II. — СПб.: типо- и хромолитография А. Траншеля, 368 + CVII с.
- Мазурмович Б. Н., 1960. Выдающиеся отечественные зоологи. — М.: Учпедгиз, 427 с.
- Мазурмович Б. Н., 1983. Александр Михайлович Никольский (1858–1942). — М.: Наука, 77 с.
- Мазурмович Б. Н., Шульга И. К., 1955. Николай Михайлович Кулагин (1859–1940). — Выдающиеся отечественные зоологи. М.: Учпедгиз, с. 206–209.
- Малевич И. И., Морозов Б. Д., Шибанов Н. В., 1933. Методические письма к курсу общей биологии А. Ф. Шелла. Письмо 1. — М.–Л.: Медгиз, 60 с.
- Малевич И. И., Морозов Б. Д., Шибанов Н. В., 1934а. Второе методическое письмо к курсу А. Ф. Шелла «Общая биология». — М.–Л.: Медгиз, 64 с.
- Малевич И. И., Морозов Б. Д., Шибанов Н. В., 1934б. Методические письма по курсу общей биологии А. Ф. Шелла. Письмо 3. — М.–Л.: Медгиз, 16 с.
- Мальчевский А. С., Полянский Ю. И., Хозацкий Л. И., 1971. Памяти Павла Викторовича Терентьева. — Вестн. ЛГУ, № 9, биология, вып. 2, с. 156–158.

- Манило В. В., 1990. VII Всесоюзная герпетологическая конференция. — Вестн. зоол., Киев, № 1, с. 81.
- Материалы для библиографии Н. А. Северцова. 1938. — Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 47, вып. 5–6, с. 298–306.
- Мензбир М. [А.], 1886. Николай Алексеевич Северцов. — В кн.: Северцов Н. А. Орографический очерк Памирской горной системы. СПб.: с. I–XIX (Зап. Имп. РГО по общей географии, т. 13).
- Михайлов Е. Д., Талызин Ф. Ф., 1962. По городам США. Путевые заметки. — М.: Географгиз, 239 с. [2-е изд. — 1964 г.].
- Мулкиджанян Я. И., 1970. А. Б. Шелковников (К 100-летию со дня рождения). — Биол. журн. Армении, Ереван, т. 23, № 9, с. 110–111.
- Мурзаев Э. М., 1956. Н. А. Северцов. — В кн.: В далекой Азии. Очерки по истории изучения Средней и Центральной Азии в XIX–XX веках. М.
- Мушкетов И. В., 1915. Туркестан. Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г. по 1880 г., т. 1, ч. 1, изд. 2-е, доп. Петроград: типография М. М. Стасюлевича, 558 с. [об экспедициях Л. С. Берга, Э. А. Эверсманна, Э. Эйхвальда, Н. А. Северцова, А. Ф. Миддендорфа и др.].
- Н. А. Северцов. Сборник документов. 1958. Русские ученые — исследователи Средней Азии. Том II. (под ред. Е. П. Коровина, Я. М. Серого и В. А. Шишкина). Ташкент: Госиздат Узб. ССР, 287 с.
- Найденова Г. А., Талызин Ф. Ф., 1941. Изучение на эмбрионе цыпленка геморрагических свойств яда восточного щитомордника. — Тр. Военно-Медицинской Академии КА им. С. М. Кирова, т. XXV, с. 399–403.
- [Насонов Н. В.], 1878. По отделу Террариев и Аквариев [Лаборатории Зоологического сада отчет]. — В кн.: Богданов А. П. (ред.). Зоологический сад и акклиматизация. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 25, вып. 2. Тр. Имп. Русск. об-ва акклиматизации животных и растений, М., т. 1, с. 123–126.
- Натали В. Ф., 1923. Генетическое исследование окраски аксолотля *Amblystoma tigrinum*. — В кн.: Тр. Первого Всеросс. съезда зоологов, анатомов и гистологов в Петрограде 15–21/ХІІ 1922 г. Петроград, с. 157–158.

- Научные работники Москвы (с приложением перечня научных учреждений Москвы). Справочник. — Наука и научные работники СССР, ч. IV, Л.: АН СССР, с. 151 [о Н. М. Кулагине], с. 318, 433, 435 [о Н. В. Шибанове].
- Неручев В. М., Гаранин В. И., 1987 («1986»). Борис Аркадьевич Красавцев (1909–1943): биография и вклад в отечественную герпетологию. — В кн.: Боркин Л. Я. (ред.). Герпетологические исследования на Кавказе. Тр. Зоол. ин-та АН СССР, Л., т. 158, с. 20–25.
- Никольский А. М., 1899. Пресмыкающиеся и амфибии Туркестанского генерал-губернаторства (*Herpetologia Turanica*). — В кн.: Федченко А. П. Путешествие в Туркестан, Вып. 23. Том II. Зоогеографические исследования. Часть VII. — Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 94. М.: Университ. типография, с. [I–IV] + 1–84.
- Никольский А. М., 1905. Пресмыкающиеся и земноводные Российской империи (*Herpetologia rossica*). — Зап. Императорской Академии наук, СПб., 8 сер., физ.-мат. отд., т. 17, № 1, II+518 с.
- Никольский А. М. 1915. Пресмыкающиеся (*Reptilia*). Том I. *Chelonia* и *Sauria*. — Фауна России и сопредельных стран. Петроград: Императорская Академия наук, [2] + VI + IV + 534 с.
- Никольский А. М., 1916. Пресмыкающиеся (*Reptilia*). Том II. *Ophidia*. — Фауна России и сопредельных стран. Петроград: Императорская Академия наук, [4] + IV + 350 с.
- Никольский А. М., 1918. Земноводные (*Amphibia*). — Фауна России и сопредельных стран. Петроград: Императорская Академия наук, [4] + 312 с.
- [Никольский А. М.], 1966. Из воспоминаний зоолога Александра Михайловича Никольского. — В кн.: Из истории биологических наук, вып. 1. М. – Л.: Наука, с. 79–104.
- Огнев С. И., 1938. Н. А. Северцов и его значение для русской зоологии. — Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 47, вып. 5–6, с. 307–313.
- Огнев С. И., 1940. Очерк систематических, фаунистических и зоогеографических исследований по позвоночным животным в Московском университете (1896–1940). — Учен. зап. МГУ, юбил. сер., вып. 54, биология, с. 87–102.
- Огнев С. И., Воробьев К. А., 1923. Фауна наземных позвоночных Воронежской губернии. — М.: Новая деревня, с. VIII–XI.
- Окрокверцхова И. А., 1962. Путешествия Палласа по России. — Саратов: Саратов. ун-т, 76 с.

- Орлова В. Ф., Дунаев Е. А., 1991. Герпетологические коллекции. — Два века в коллекциях Зоологического музея МГУ (ред. О. Л. Россолимо). М.: МГУ, с. 137–149.
- Основы палеонтологии. Справочник для палеонтологов и геологов СССР. Земноводные, пресмыкающиеся и птицы. 1964 (ред. А. К. Рождественский и Л. П. Татаринов). — М.: Наука, 722 с.
- Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1896 год. — М., 1898, с. 148 [о Я. П. Щелкановцеве].
- Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1897 год. — М., 1899, с. 151 [о Я. П. Щелкановцеве].
- Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1904 год. — М., 1905, с. 141–146 [о Я. П. Щелкановцеве и В. С. Елпатьевском].
- Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1905 год. — М., 1906, с. 72–75 [о Я. П. Щелкановцеве и Л. Л. Сабанееве].
- Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1906 год. — М., 1907, ч. 1, с. 96 [о Я. П. Щелкановцеве и Л. Л. Сабанееве].
- Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1914 год. — М., 1915, ч. 2, с. 92 [о В. С. Елпатьевском и П. П. Смолине].
- Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1915 год. — М., 1916, ч. 2, с. 96 [о П. П. Смолине и В. С. Елпатьевском].
- Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1916 год. — М., 1917, ч. 2, с. 291–294 [о П. П. Смолине].
- Ошанин В. [Ф.], 1879. Краткий обзор деятельности Туркестанского Отдела с 1876 по 1879 год. — Зап. Туркестанск. отдела Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Ташкент, т. 1, вып. 1, с. 1–7.
- Палеонтологический институт АН СССР (1930–1980). — Тр. Палеонтол. ин-та АН СССР, т. 184, М.: Наука, 1980, 96 с.
- Палеонтологический институт, 1930–2000. — М: ПИН РАН, 2000, 144 с.
- Памяти П. В. Терентьева, 1975. — Успехи биометрии. Доклады и сообщения за 1971–1973 гг. Тр. Ленингр. общества естествоиспытателей, т. 72, вып. 5, с. 3–4.

- Панков А. В., 1915. Николай Алексеевич Северцов как исследователь Туркестана. — Изв. Туркест. отд. РГО, т. XI, вып. 1.
- Перелешин С., 1928. Опыт биометрического анализа понятия «подвид» (subspecies). К вопросу о взаимоотношении *Lacerta agilis agilis* Wolf и *L. a. exigua* Eichw. — Русск. Зоол. журн., т. 8, вып. 1, с. 37–70.
- Перфильев П. П., Баркаган З. С., 1957. К истории изучения ядовитых животных. — Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР, т. 16. История биол. наук, вып. 3, с. 123–145.
- Прокофьева А. А., 1934. Исследование морфологии хромозом некоторых рыб и амфибий. — Докл. АН СССР, нов. серия, т. 1, № 2, с. 80–84.
- Прокофьева А. А., 1935. Морфология хромозом некоторых рыб и амфибий. — Тр. Ин-та генетики АН СССР, М.–Л., № 10, с. 153–178.
- Пузанов И. И., 1948. Основоположники русской зоогеографии (Н. А. Северцов — М. А. Мензбир — П. П. Сушкин). — В кн.: Тр. Совещания по истории естествознания 24–26 декабря 1946 г. (ред. Х. С. Коштоянц). М.–Л.: АН СССР, с. 286–298.
- Пчелкина А. А., Вальцева И. А., Павловский Е. Н., Талызин Ф. Ф., Юркова И. Б., 1963. Обезвреживающее действие кортизона на яд щитомордника и гидрокортизона на яд гюрзы. — Докл. АН СССР, т. 150, №1, с. 211–213.
- Разумова С., 1997. Сабанеев Леонид Леонидович. — В кн.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., с. 561–562.
- Райков Б. Е., 1959. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. — М.–Л.: АН СССР, т. 4, 678 с.
- Рамазанов Х., Мазанаева Л., 2000. Ученый-подвижник. — Дагестанская правда, № 18 (22372) [о З. П. Хонякиной].
- Рахилин В. К., 2001. Сабанеев Леонид Павлович. — В кн.: Россолимо О. Л. (ред.). Московские териологи. М.: КМК, с. 548–559.
- Рахимбеков Р. У., 1990. Даниил Николаевич Кашкаров. 1878–1941. — М.: Наука, 193 с.
- Родионова Т. В., 1927. Биография профессора А. М. Никольского. — Тр. Харківськ. товариства дослідників природи, т. 50, вип. 2, с. 5–15.
- Рождественский А. К., 1960. Раннемеловые местонахождения дино-

- завров в Кузбассе. — Палеонтол. журн., № 3, с. 165.
- Рождественский А. К., 1961. Полевые исследования в Китае. — Вестн. АН, №8, с. 85–90.
- Рождественский А. К., 1964. Новые данные о местонахождениях динозавров в Казахстане и Средней Азии. — Научн. тр. Ташкент. ун-та. Геологич. серия, с. 227–241.
- Рождественский А. К., 1968. Гадрозавры Казахстана. — Поздне-мезозойские и палеозойские амфибии и рептилии СССР. М.: Наука, с. 97–141.
- Рождественский А. К., 1969. На поиски динозавров в Гоби. — М.: Наука, 293 с.
- Рождественский А. К., 1970. Сообщества мезозойских и кайнозойских наземных позвоночных Средней Азии и прилежащих районов Казахстана и их биостратиграфическое значение. — Биостратиграфические и палеобиофациальные исследования и их практическое значение. М.: Недра, с. 50–58.
- Руммель В. В., Голубцов В. В., 1886. Родословный сборник русских дворянских фамилий. — СПб.: Суворин, т. 1, 6 + 608 + 14 с.
- Руммель В. В., Голубцов В. В., 1887. Родословный сборник русских дворянских фамилий. — СПб.: т. 2, 8 + 918 с.
- Ручин А. Б., Пестов М. В., 2003. Первое межрегиональное совещание по изучению амфибий Волжского бассейна. — Зоол. журн., т. 82, № 7, с. 894–896.
- Сабанеев Л. [Л.], 1930. С. И. Танеев. Мысли о творчестве и воспоминания о жизни. — Paris: Таир, 217 с.
- Сабанеев Л. Л., 1905. Reptilia. Amphibia. — Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. ХСVIII. Дневник Зоол. отд., т. 3, № 6. Комиссия для исслед. фауны Моск. губ. 1902–1904 г., с. 6–7.
- Сабанеев Л. Л., 2000. Воспоминания о Скрябине. — М.: Классика-XXI, 389 с.
- Сабанеевы Б. и Л. [Б. Л. и Л. Л.], 1902. О линьке жаб. — Изв. Имп. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. ХСVIII. Тр. Зоол. отд. об-ва, т. XIII, Дневник Зоол. отд., т. 3, № 4, с. 45–46.
- Саид-Алиев С. А., 1979. Земноводные и пресмыкающиеся Таджикистана. Душанбе: Дониш, 146 с.
- Северцов Н. [А.], 1860. Месяц плена у коканцев. — СПб., [2]+98 с.

- Северцов Н. А., 1855. Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии. Разсуждение, написанное для получения степени магистра зоологии, Николаем Северцовым. По наблюдениям, сделанным в 1844–53 годах. М.: типография А. Евреинова, XXXVI+430 с.
- Северцов Н. А., 1856. Крокодил. — Вестн. естественных наук, М., т. 3, № 11, стлб. 319–322.
- Северцов Н. А., 1869. [О классификации диких баранов и заключения касательно туркестанской фауны]. — В кн.: Второй съезд русских естествоиспытателей в Москве с 20-го по 30-е августа 1869 года. Протоколы заседаний. М.: Университетская типография, «Осьмое заседание отделения зоологии и сравнительной анатомии», с. 9–14.
- Северцов Н. А., 1873а. Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных. — Известия Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. 8, вып. 2, с. [1–2]+1–157.
- [Северцов Н. А.], 1873б. Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Императорского Русского Географического Общества Доктором зоологии, членом Императорского Русского Географического и других обществ Н. Северцовым. — СПб.: типография К. В. Трубникова, [4]+VI+462 с.
- [Северцов Н. А.] Северцев Н., 1877. О зоологических (преимущественно орнитологических) областях вне-тропических частей нашего материка. — Известия Имп. Русск. географ. об-ва, СПб., т. 13, вып. 3, с. 125–153.
- Северцов Н. А., 1879. Заметки о фауне позвоночных Памира. — Зап. Туркестанск. отд. Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. Ташкент, т. 1, вып. 1, с. 58–89.
- Северцов Н. А., 1880. Об орографическом образовании Высокой Азии и его значении для распространения животных. — В кн.: Речи и протоколы VI-го съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге с 20-го по 30-е декабря 1879 г. СПб.: Имп. АН, с. 94–118.
- Северцов Н. А., 1950. Периодические явления в жизни зверей, птиц и гад Воронежской губернии. — М.: АН СССР, 308 с.
- Северцов Н. А., 1953. Вертикальное и горизонтальное распределение

- туркестанских животных. — М.: АН СССР, 270 с.
- Северцова Л. Б., 1946. Алексей Николаевич Северцов. Биографический очерк. М.—Л.: АН СССР, 369 с.
- Семенов-Тянь-Шанский А. П., 1980. Воспоминание о Н. А. Северцове. — Природа, № 4, с. 58–67.
- Сергеев А. М., 1939. Температура пресмыкающихся в естественных условиях. — Докл. АН СССР, т. 22, № 1, с. 49–52.
- Сергеев А. М., 1935. Заметки о географическом распространении млекопитающих в бассейне реки Мезени (Северный край). — Зоол. журн., т. 13, вып. 4, с. 759–761.
- Сергеев А. М., 1935. О необратимости эволюции. — Природа, № 12, с. 36–44.
- Сергеев А. М., 1936а. К вопросу о переносе блох грызунов птицами. — Вестн. микробиол. эпидемиол. и паразитол., т. 15, вып. 3–4, с. 495–438.
- Сергеев А. М., 1936б. О роли сооружений человека в распространении птиц в степи. — Докл. АН СССР, т. 2 (11), № 4 (90), с. 168–166.
- Сергеев А. М., 1937а. О филогении некоторых эмбриональных приспособлений рептилий. 1. О филогении яйцевых оболочек амфибий и рептилий. — Изв. АН СССР. Отд. математ. и естеств. наук. Сер. биол., № 3, с. 771–820.
- Сергеев А. М., 1937б. Материалы к вопросу о постэмбриональном росте рептилий. Ч. I. — Зоол. журн., т. 16, вып. 4, с. 723–736.
- Сергеев А. М., 1939а. Материалы по постэмбриональному росту рептилий. Ч. II. — Зоол. журн., т. 18, вып. 5, с. 688–903.
- Сергеев А. М., 1939б. Материалы к познанию динамики популяций у рептилий. — В кн.: Сб. научн. студенч. работ МГУ, вып. 9. Зоология. М., с. 276–280.
- Сергеев А. М., 1939в. Об окраске яиц амфибий. — Вопросы экологии и биоценол., вып. 7, с. 319–321.
- Сергеев А. М., 1940. О происхождении живорождения рептилий по данным зоогеографии. — М.: МОИП, 36 с.
- Сергеев А. М., 1941. Материалы по биологии размножения степной черепахи (*Testudo Horsfieldi*). — Зоол. журн., т. 20, вып. 1, с. 113–133.
- Сергеев А. М., 1943. Эволюция эмбриональных приспособлений рептилий (К филогении приспособлений к наземному развитию у позвоночных животных). — М., 204 с.
- Сергеев А. М., Исаков Ю. А., 1941. О питании серого варана. —

Природа, № 6, с. 75–76.

- Сергей Сергеевич Четвериков. Документы к биографии. Неизданные работы. Переписка и воспоминания. — Научное наследство, т. 28. Составитель — Т. Е. Калинина. М.: Наука, 641 с.
- Скворцов А. А., Талызин Ф. Ф., 1940. Цикл развития малого лентеца (*Diphyllbothrium minus* Cholodk.). — Докл. АН СССР, т. XXVII, № 6, с. 619–621.
- Смирнов Е. С., 1935. Пятидесятилетие научной и педагогической деятельности Николая Михайловича Кулагина. — Зоол. журн., т. XIV, вып. 4, с. 607–610.
- Смирнов Е. С., 1940. Николай Михайлович Кулагин. — Зоол. журн., т. XIX, вып. 4, с. 521–529.
- Смирнов К. С., 1999. На старости я сызнова живу. — Без четверти век. Воспоминания о КЮБЗе. М.: АВФ, с. 18–82 [о А. М. Сергееве].
- Смирнов С. М., 1875. Аму-Дарьинская экспедиция в Арало-Каспийском крае. Ботанические исследования. — Известия Импер. Русск. географ. об-ва, т. 11, вып. 3, с. 190–219.
- Соболевский И. П., 1929. Герпетофауна Талыша и Ленкоранской низменности. Опыт зоогеографической монографии. — Мемуары Зоол. отд. Об-ва любителей, естествознания, антропологии и этнографии, вып. 5, 143 с.
- Соболевский И. П., 1930а. Материалы к познанию герпетофауны Южного Алтая. — Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физ.-мат. ф-те I МГУ, т. 2, № 1, с. 135–144.
- Соболевский И. П., 1930б. Новая форма рода *Lacerta* (Reptilia) из Венгрии. — Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физ.-мат. ф-те I МГУ, т. 3, № 1-А, с. 6–7.
- Соболевский И. П., 1930в. Новая форма рода *Lacerta* (Reptilia) из Крыма. — Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физ.-мат. ф-те I МГУ, т. 3, № 2-А, с. 129–143.
- Соболевский Н. И., 1950а. Африка. Животный мир. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 3, с. 522–525.
- Соболевский Н. И., 1950б. Белорусская ССР. Животный мир. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 4, с. 475.
- Соболевский Н. И., 1950в. Животный мир Сев. Америки. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 2, с. 231–234.
- Соболевский Н. И., 1950г. Животный мир Юж. Америки. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 2, с. 241–242.

- Соболевский Н. И., 1956. Очерки фауны млекопитающих, пресмыкающихся и земноводных Московской области. — Учен. зап. МОПИ, т. 47, вып. 6, тр. каф. географ. ф-та, с. 197–208.
- Соколов Б. С. 2002. Профессор Алексей Петрович Быстров (воспоминания). — Палеонтол. журн., № 2, с. 107–112.
- Султанов Г. С., Персианова Л. А., 1982. Зоологические исследования в Средней Азии, 1820–1975 гг. — Ташкент: Фан, 239 с.
- Сытин А. К., 1997. Петр Симон Паллас — ботаник. — М.: КМК, 338 с.
- Талызин Ф. Ф., 1939. За ядовитыми змеями по югу СССР. — М.–Л.: Медгиз (Школьная серия. Для средней школы), 126 с.
- Талызин Ф. Ф., 1949. Действие паразитических червей на функции пищеварительного тракта. — М.: АН СССР, 182 с.
- Талызин Ф. Ф., 1950. Насекомые — переносчики болезней человека. — М.: МЗ СССР, 40 с.
- Талызин Ф. Ф., 1952. По Ирану и Ираку. Записки врача-эпидемиолога. — М.: Госиздат, 160 с. [2-е изд. — 1954 г. М.: Госкультпросветиздат, 192 с.].
- Талызин Ф. Ф., 1963. Змеи. — М.: АН СССР, 112 с.
- Талызин Ф. Ф., 1964а. По Индии и Цейлону. — М.: Наука, 132 с.
- Талызин Ф. Ф., 1964б. Под солнцем Мексики: записки врача-биолога. — М.: Мысль (Серия: Путешествия. Приключения. Фантастика), 112 с. [2-е изд. — 1967 г.].
- Талызин Ф. Ф., 1966а. Первая помощь пострадавшим от укусов змей. — Фельдшер и акушерка, № 8.
- Талызин Ф. Ф., 1966б. Похвальное слово гадам. — Техника молодежи, № 6.
- Талызин Ф. Ф., 1969. Ядовитые животные суши и моря. — М.: Знание, 96 с. [2-е изд. — 1970 г.].
- Талызин Ф. Ф., 1971. Укус фаланги не опасен. — Здоровье, № 1.
- Талызин Ф. Ф., 1973. Секреты природы. — М.: Мысль, 191 с.
- Талызин Ф. Ф., 1974. Путешествие за невидимым врагом. — М.: Мысль, 69 с. [о Е. Н. Павловском].
- Талызин Ф. Ф., 1981. Павловский Е. Н. — М.: Просвещение (Серия: Люди науки), 112 с.
- Талызин Ф. Ф., Матвеев К. И., Булатова Т. И., 1953. Характеристика действия яда песчаной эфы (*Echis carinatus* Schn.) на экспериментальных животных. — Вопросы краевой общей и экспери-

- ментальной паразитологии, т. VIII, с. 207–211.
- Талызин Ф. Ф., Матвеев К. И., Калинина Т. Е., Соколов С. К., 1953. Опыт получения сыворотки «Антигюрза» (против яда змей). — Вопросы краевой общей и экспериментальной паразитологии, т. VIII, с. 199–206.
- Талызин Ф. Ф., Пчелкина А. А., Сидоров В. Е., 1955. Лечебные свойства жидкой и высушенной концентрированной сыворотки «Антигюрза». — Вопросы краевой, общей и экспериментальной паразитологии, т. X.
- Талызин Ф. Ф., Тарасевич И. В., Потемкина В. А., 1969. Зоонозы. — М.: Знание, 95 с.
- Талызин Ф. Ф., Чиждова Т. П., Пчелкина А. А., 1949. Действие яда песчаной эфы (*Echis carinatus*) на экспериментальных животных. — Докл. АН СССР, т. 66, № 2.
- Талызин Ф. Ф., Улисова Т. Н., 1974. Материалы к сравнительной анатомии систем органов позвоночных животных. Учебн. пособие для студентов. — М.: Минздрав СССР, I Моск. мединститут им. Сеченова, 71 с.
- Талызин Ф. Ф., Феддер М. Л., 1970. Наши шестиногие враги (о некоторых насекомых). — М.: Знание, 63 с. [2-изд — 1976 г. (Серия: Новое в жизни, науке, технике. Биология, № 8)].
- Терентьев П. В., 1921. Инструкция для сотрудников Иваново-Вознесенского Научного Института изучения природы края по собиранию гадов Средней России. — Иваново-Вознесенск: Иваново-Вознесенское губернское отд. Гос. изд-ва, 12 с.
- Терентьев П. В., 1922. К систематике зеленых лягушек Московской губернии. — Русск. гидробиолог. журн., Саратов, т. 1, № 11–12, с. 318–320.
- Терентьев П. В., 1923. О законе параллельных рядов у Amphibia. — Тр. Первого Всероссийского съезда зоологов, анатомов и гистологов в Петрограде 15–21/XII 1922 г. Петроград, с. 33–35.
- Терентьев П. В., 1924. Очерк земноводных (Amphibia) Московской губернии. — М.: Госиздат, 98 с.
- Терентьев П. В., 1925. Террарий. — Московский зоосад. М., с. 185–195 [цит. по: Зайцев, 1975].
- Терентьев П. В., 1926а. Список пресмыкающихся, собранных Л. Б. Беме и Д. А. Тарноградским в Терской Области. — Учен. зап. Сев.-Кавказск. ин-та краеведения. Владикавказ, т. 1, с. 307–309.

- Терентьев П. В., 1926б. Обзор фауны пресмыкающихся и земноводных Центрально-Промышленной области. — Матер. к изучению флоры и фауны Центрально-Промышленной области. М., т. 1, с. 14–18.
- Терентьев П. В., 1927а. Опыт обзора русских видов рода *Rana*. — Тр. Второго съезда зоологов, анатомов и гистологов СССР в Москве 4–10 мая 1925 г. М.: Главнаука, с. 70–72.
- Терентьев П. В., 1945. Метод индексов и относительный рост *Rana temporaria* L. — Зоол. журн., т. XXIV, вып. 3, с. 175–181.
- Терентьев П. В., 1950. Лягушка. — М.: Советская наука, 345 с.
- Терентьев П. В., 1957. Материалы к истории отечественной герпетологии. — Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР, т. 16. История биол. наук, вып. 3, с. 97–122.
- Терентьев П. В., 1959. Географическая изменчивость зеленых лягушек. — Тр. Ленинград. об-ва естествоиспытателей, т. 70, вып. 1. Протоколы заседаний и сообщения 1957/1958 г. Л., с. 52.
- Терентьев П. В., Ефремов И. А., 1952. Земноводные. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 17, с. 23–27.
- Терентьев П. В., Чернов С. А., 1936. Краткий определитель земноводных и пресмыкающихся СССР. — М.–Л.: Учпедгиз, 96 с.
- Терентьев П. В., Чернов С. А., 1940. Краткий определитель пресмыкающихся и земноводных СССР. 2-е изд. — Л.: Учпедгиз, 184 с.
- Терентьев П. В., Чернов С. А., 1949. Определитель пресмыкающихся и земноводных. 3-е изд. — М.: Советская наука, 340 с.
- Третьяков Д. [К.], 1918. Умбакулы зрачков *Bufo viridis* и *Bombinator igneus*. — Русск. Зоол. журн., т. 2, вып. 6–7, с. 161–173.
- Туров С. С., 1934. Хроника экспедиционной работы Зоологического музея за 1934 год. — Сб. тр. Гос. зоол. музея при МГУ, т. VI, с. 203–210 [о Н. В. Шибанове].
- Улисова Т. Н., Талызин Ф. Ф., 1967. Конспект лекций по зоологии и медицинской паразитологии. М. [2-е изд. — 1969 г.].
- Ушаков В. А., 1983. Амфибии и рептилии Горьковской области (материалы к истории их изучения). — В кн.: Душин А. И. (ред.). Эколого-фаунистические исследования в Нечерноземной зоне РСФСР. Саранск: Мордовский Гос. ун-т, с. 52–60.
- Ушаков В. А., Пестов М. В., Маннапова Е. И., 2000. Очерк истории герпетологических исследований в Нижегородской области. — В

- кн.: Маленев А. Л. (ред.). Актуальные проблемы герпетологии и токсинологии, Тольятти, вып. 4, с. 55–75.
- Флинт В. Е., Галушин В. М., Дроздов Н. Н., 2001. Андрей Григорьевич Банников. — В кн.: Московские териологи. М.: МГУ, с. 7–22.
- Формозов А. Н., Сергеев А. М., 1941. Промысловое и хозяйственное значение. — В кн.: А. Я. Тугаринов. Пластинчатоклювые. Сер. Фауна СССР, т. 1, вып. 4, с. 56–97.
- Хабибуллин В. Ф., 1997. К истории изучения фауны рептилий Башкортостана. — В кн.: Результаты научных исследований преподавателей биологического факультета БашГУ. Уфа. Изд-во Башкирского ун-та, с. 83–86.
- Хазиев Г. З., Байматов В. Н., 1996. Петр Паллас — «русский немец». — Вестн. РАН, т. 66, № 1, с. 73–75.
- Хозацкий Л. И., Даревский И. С., 1971. Павел Викторович Терентьев (1903–1970). — Зоол. журн., т. 50, вып. 9, с. 1423–1425.
- Хозацкий Л. И., Даревский И. С., 1978. IV Всесоюзная герпетологическая конференция. — Зоол. журн., т. 57, вып. 1, с. 152–153.
- Царевский С. Ф., 1922. Пресмыкающиеся и земноводные, собранные В. Я. Лаздиным в Южной и в Восточной Бухаре и в С.-В. части Закаспийской области летом 1915 года. — Ежегодн. Зоол. музея Росс. АН, Петроград, т. 22 за 1917–1921, с. 79–90.
- Царевский С., 1915. Каталог коллекций Музея при Зоологическом Кабинете И. Петр. Университета. II. Пресмыкающиеся (Reptilia). — Тр. Имп. Петроград. об-ва естествоиспытателей. Отд. зоол. и физиол., т. 43, вып. 4. Работы Зоол. и Зоотом. кабинетов Имп. Петроград. ун-та и Мурманской биол. станции Имп. Петроград. об-ва естествоиспытателей, № 3, с. 3–102.
- Чернай А. [В.], 1852. Фауна Харьковской губернии и прилежащих к ней мест, составленная по наблюдениям сделанным во время ученой экспедиции, совершенной в 1848 и 1849 годах. Выпуск I. Фауна земноводных животных и рыб. — Харьков: Университет. типография, 18 с.
- Чернов В. Г., 1989. Геологи Московского университета. — М.: МГУ, 358 с.
- Черномордигов В. В., 1943. О температурных реакциях рептилий. — Зоол. журн., т. XXII, № 5, с. 274–179.
- Черномордигов В. В., 1944. О врожденных и приобретенных пи-

- щевых реакциях рептилий. — Докл. АН СССР, т. XLIII, № 4, с. 181–184.
- Черномордигов В. В., 1947. Суточный цикл активности некоторых пресмыкающихся. — Докл. АН СССР, т. 57, № 5, с. 505–508.
- Черномордигов В. В., 1950. Как содержать пресмыкающихся (Краткое руководство по устройству террариума и содержанию ящериц, змей и черепах). — М.: Московский зоопарк, 41 с.
- Черномордигов В. В., 1953а. Условное торможение у черепах. — Тр. ин-та физиол. им. И. П. Павлова, т. II, с. 479–489.
- Черномордигов В. В., 1953б. Новый способ изучения условных рефлексов у черепах. — Физиолог. журн. СССР, т. XXXIX, № 1, 102–104 с.
- Черномордигов В. В., 1958. К физиологии слухового анализатора черепах. — Журн. высш. нервн. деятельности, т. VIII, вып. 1, с. 109–115.
- Черномордигов В. В., Ковалева З. Н., 1964. К вопросу о причинах гигантизма мезозойских пресмыкающихся. — Вопросы герпетологии, Л.: Наука, с. 75–76.
- [Четвериков С. С., о нем] — см.: Сергей Сергеевич Четвериков.
- Чудинов П. К., 1987. Иван Антонович Ефремов. 1907–1972. — М.: Наука, 224 с.
- Швидченко Н. И., Воронова Т. В. (сост.), 1999. Тр. ученых биолого-почвенного факультета Ростовского Государственного университета: библиогр. указ. Вып. 3. Кафедра зоологии: 1878–1999 гг. — Ростов н/Д: Калина Красная, 540 с. [о Я. П. Щелкановцеве].
- Шибанов Н. В., 1927. К орнитологической фауне Русской Лапландии. — Мемуары Зоол. отделения Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, вып. 3, 29 с.
- Шибанов Н. В., 1927. К фауне птиц и млекопитающих Орехово-Зуевского уезда Московской губернии. — Матер. к изучению флоры и фауны Центрально-промышленной области (ред. Н. В. Шибанов), 1-е совещание биологов Центр.-пром. обл., созданное Гос. музеем Центр.-пром. обл. 31 марта — 1 апреля 1926 г. М., с. 23–24.
- [Шибанов Н. В.], 1927. Протоколы заседаний 1-го совещания биологов Центрально-промышленной области, созданного Государственным музеем Центрально-промышленной области. Прения по докладу П. В. Терентьева «Обзор фауны пресмыкающихся и

земноводных Центрально-промышленной области». — Матер. к изучению флоры и фауны Центрально-промышленной области (ред. Н. В. Шибанов), 1-е совещание биологов Центр.-пром. обл., созванное Гос. музеем Центр.-пром. обл. 31 марта — 1 апреля 1926 г. М., с. 35.

Шибанов Н. В., 1935. Материалы к фауне рептилий Дагестана. — Сб. тр. Гос. зоол. музея при МГУ, т. II, с. 63–68.

Шибанов Н. В., 1939. Жизнь животных по А. Брэму. — М.: Учпедгиз, т. 3, с. 413–698, 707–898.

Шибанов Н. В., 1941. К вопросу о возрастной изменчивости и географических расах ушастой круглоголовки *Phrynoscephalus mystaceus* (Pall.). — Сб. тр. Гос. зоол. музея МГУ, т. VI, с. 203–210.

[Шибанов Н. В.], 1943. Степная черепаха. — Сырьевые ресурсы Туркмении и их промышленное использование. Ашхабад: Туркменогиз, с. 96–100.

Шибанов Н. В., 1950. Агамы. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 1, с. 287.

Шибанов Н. В., 1950. Амблистома. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 2, с. 217.

Шибанов Н. В., 1950. Аспиды. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 3, с. 251.

Шибанов Н. В., 1950. Аутотомия. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 3, с. 486.

Шибанов Н. В., 1950. Безногие земноводные. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 4, с. 389.

Шибанов Н. В., 1950. Бесхвостые земноводные. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 5, с. 99.

Шибанов Н. В., 1951. Вараны. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 6, с. 660.

Шибанов Н. В., 1951. Веретеницы. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 7, с. 488.

Шибанов Н. В., 1951. Гадюки. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 9, с. 615.

Шибанов Н. В., 1952. Гекконы. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 10, с. 338.

Шибанов Н. В., 1952. Головастик. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 11, с. 607.

Шибанов Н. В., 1952. Драконы. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 15,

с. 168.

Шибанов Н. В., 1953. Кайманы. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 19, с. 375.

Шибанов Н. В., 1953. Квакши. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 20, с. 442.

Шибанов Н. В., 1953. Крокодилы. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 23, с. 474.

Шибанов Н. В., 1954. Морские черепахи. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 28, с. 335.

Шибанов Н. В., 1954. Мягкие черепахи. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 28, с. 647.

Шибанов Н. В., 1954. Наземные черепахи. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 29, с. 55.

Шибанов Н. В., 1959. Пресмыкающиеся. — Мал. Сов. энциклопедия, т. 7, с. 527.

Шибанов Н. В., Рождественский А. К., 1955. Пресмыкающиеся. — Бол. Сов. энциклопедия, т. 34, с. 437–439.

Шмальгаузен И. И., 1913. Непарные плавники рыб и их филогенетическое развитие. — Киев, 252 с.

Шмальгаузен И. И., 1915. Развитие конечностей амфибий и их значение в вопросе о происхождении конечностей наземных позвоночных. — Учен. зап. МГУ, вып. 37, 236 с.

Шмальгаузен И. И., 1916. Факторы эволюции (теория стабилизирующего отбора). — М.–Л.: АН СССР, 384 с.

Шмальгаузен И. И., 1923. К вопросу о происхождении аутостилии у *Dipnoi* и у наземных позвоночных. — Русск. Зоол. журн., т. 3, с. 93–111.

Шмальгаузен И. И., 1926. Проблема смерти и бессмертия. — М.–Л.: Госиздат, 91 с.

Шмальгаузен И. И., 1935. Основы сравнительной анатомии позвоночных животных. — М.: Биомедгиз, 924 с. [1938 — Учпедгиз, 448 с.; 1947 — М.: Сов. наука, 540 с.].

Шмальгаузен И. И., 1938. Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. — М.–Л.: АН СССР, 144 с.

Шмальгаузен И. И., 1939а. Значение корреляций в эволюции животных. — Памяти Северцова, т. 1. М.: АН СССР, с. 175–230.

Шмальгаузен И. И., 1939б. Пути и закономерности эволюционного процесса. — М.–Л.: АН СССР, 231 с.

Шмальгаузен И. И., 1940. Возникновение и преобразование системы

- морфологических корреляций в процессе эволюции. — Журн. общ. биол., т. 1, с. 349–370.
- Шмальгаузен И. И., 1946а. Проблемы дарвинизма. — Л.: Сов. наука, 527 с. [1969 — Л.: Наука, 492 с.].
- Шмальгаузен И. И., 1946б. Факторы эволюции. — М.–Л.: АН СССР, 395 с. [2-е изд. — 1968 г., 451 с.].
- Шмальгаузен И. И., 1950а. О гомологизации костей крыши черепа рыб и наземных позвоночных. — Зоол. журн., т. 29, № 2. с. 176–186.
- Шмальгаузен И. И., 1950б. О прикреплении висцеральных дуг к осевому черепу у рыб. — Зоол. журн., т. 29, № 5, с. 435–448.
- Шмальгаузен И. И., 1951а. Значение функции в преобразовании дорзальных отделов висцерального аппарата при переходе от рыб к наземным позвоночным. — Зоол. журн., т. 30, № 5, с. 411–420.
- Шмальгаузен И. И., 1951б. Функциональное значение первичных форм прикрепления челюстной дуги к черепной коробке у рыб. — Зоол. журн., т. 30, № 2, с. 149–164.
- Шмальгаузен И. И., 1953. Аутостилия и преобразования верхних отделов первых висцеральных дуг у низших наземных позвоночных. — Зоол. журн., т. 32, № 1, с. 30–42.
- Шмальгаузен И. И., 1955. Развитие висцеральной мускулатуры у хвостатых амфибий. — Зоол. журн., т. 34, № 1, с. 162–174.
- Шмальгаузен И. И., 1958а. История происхождения амфибий. — Изв. АН СССР, серия биол., т. 1, с. 39–58.
- Шмальгаузен И. И., 1958б. Ноздри рыб и их судьба у наземных позвоночных. — Зоол. журн., т. 37, № 11, с. 1710–1718.
- Шмальгаузен И. И., 1959. Вопрос о монофилии и полифилии в происхождении наземных позвоночных. — Бюл. МОИП, отд. биол., т. 44, с. 15–33.
- Шмальгаузен И. И., 1964а. Положение хвостатых амфибий среди низших наземных позвоночных. — Тр. Зоол. ин-та АН СССР, т. 33, с. 5–33.
- Шмальгаузен И. И., 1964б. Регуляция формообразования в индивидуальном развитии. — М.: Наука, 136 с.
- Шмальгаузен И. И., 1964в. Происхождение наземных позвоночных. — М.: Наука, 272 с.
- Шмальгаузен И. И., 1964г. Происхождение наземных позвоночных. — М.: Наука, 272 с.

- Шмальгаузен И. И., 1968. Кибернетические вопросы биологии. — Новосибирск: Наука, 224 с.
- Шмальгаузен И. И., 1982. Избранные труды: Организм как целое в индивидуальном и историческом развитии. — М.: Наука, 384 с.
- Шмальгаузен И. И., 1983. Избранные труды: Пути и закономерности эволюционного процесса. — М.: Наука, 360 с.
- Шмальгаузен И. И., 1984. Рост и дифференцировка. Избранные труды. — Киев: Наук. думка, т. 1 — 174 с., т. 2 — 166 с.
- Шмальгаузен И. И., 1990. Вопросы дарвинизма: неопубликованные работы. — М.: Наука, 160 с.
- Шмальгаузен И. И.: указатель литературы о нем и работ. 1984. — Киев: Наук. думка, 99 с.
- Шмальгаузен О. И., 1988. Иван Иванович Шмальгаузен (1884–1963). — М.: Наука, 256 с.
- Шноль С. Э., 1997. Герои и злодеи российской науки. — М.: Крон-пресс, 464 с. [о Н. В. Шибанове].
- Штраух А., 1889. Зоологический музей Императорской АН. Пятидесятилетие его существования. Обзор основания, постепенного расширения и современного состояния музея. — Зап. Имп. АН, СПб., т. 61. Приложение № 3, с. I–IV + 1–372.
- Щербак Н. Н., 1973. Третья Всесоюзная герпетологическая конференция. — Вестн. зоол., № 3, с. 91.
- Эфрон К. М., 1986. Памяти Н. С. Дороватовского. 1889–1984. — Бюлл. МОИП, отд. биол., т. 91, вып. 3, с. 137–140.
- Юркова И. Б., Павловский Е. Н., Талызин Ф. Ф., Эмануэль Н. М., 1962. Характеристика обезвреживающего действия пропилгаллата на яды семейства гадюковых. — Докл. АН СССР, т. 146, № 4, с. 975–976.
- Юрьев К. Б., 1981. Альберт Себа и роль в развитии герпетологии. — В кн: Фауна и экология амфибий и рептилий палеарктической Азии. Труды Зоологического института АН СССР, Л., т. 101, с. 109–120.
- Ядгаров Т., 1982. Пятая Всесоюзная герпетологическая конференция. — Узб. биол. журн., Ташкент, № 4, с. 72.
- Яковлев Н. Н., 1945. А. Н. Рябинин (некролог). — Ежегодн. ВПО, М.–Л., т. 12 за 1936–1939, с. 3–10.
- Ямпольский И. М., 1978. Сабанеев Леонид Леонидович. — Музыкальная энциклопедия, т. 4, ст. 807.

- Adler K., 1989. Herpetologists of the past. — Adler K. (ed.) Contributions to the History of Herpetology. Society for Study Amphibians and Reptiles, p. 5–141.
- Ananjeva N. B., 1998. Institutional Profile — Department of Herpetology, Zoological Institute, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. History and Current Research. — *Herp. Review.*, v. 29, No. 3, p. 136–140.
- Ananjeva N. B., Darevsky I. S., 1983. Obituary. Abdulla Mustafayevich Alekperov. — *Amphibia — Reptilia*, v. 4, No. 3–4, p. 318–319.
- Andrzejowski A., 1832. Reptilia inprimis Volhyniae, Podoliae et Gubernii Chersonensis. — *Nouveaux Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Mémoires de S. M. L'Empereur Nicolas I*, t. 2, p. 319–346.
- Aver'yanov A., 1996. Lev Aleksandrovich Nesson (1947–1995). — *Russian Journal of Herpetology*, Moscow, vol. 3, No. 1, p. 105–106.
- Barabanov A. V., 2000. Miscellanea Herpeto-Batrachologica. I. About one unpublished article of Paul V. Terentjev. — *Russian Journal of Herpetology*, Moscow, vol. 7, No. 1, p. 85–86.
- Bedriaga J. von, 1882 *Die Amphibien und Reptilien Griechenlands*. M.: Императорское Московское общество испытателей природы, 195 с. [первоначально в: *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, t. 56, pt. 2, No. 4 pour l'année 1881].
- Bedriaga J. von, 1886. Beiträge zur Kenntnis der Lacertiden-Familie (*Lacerta*, *Algiroides*, *Tropidosaura*, *Zerzunia* und *Bettaia*). — *Abhandlungen der Senckenberg. Naturforsch. Gesellschaft*, Bd. 14, Frankfurt am Main, [2]+428 S.
- Bedriaga J. von, 1889. Die Lurchfauna Europa's. I. Anura. Froschlurche. — *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou pour l'année 1899*, No. 2, p. 210–422.
- Bedriaga J. von, 1890. Die Lurchfauna Europas. I. Anura. Froschlurche. — *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou pour l'année 1899*, No. 3, p. 466–622.
- Bedriaga J. von, 1897. Die Lurchfauna Europas. II. Urodela. Schwanzlurche. Москва: Университетская типография, [4]+435 S. [первоначально в: *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, année 1896, No. 1–2, p. 187–322, 1896; No. 3, p. 363–476, [1896] и No. 4, p. 575–769, 1897].
- Borkin L. J., 1998. Amphibians of the Palearctic: a zoogeographic

- analysis. — In: Ryss A. Y. & Bogutskaya N. G. (eds.). Zoological Sessions. Ann. Rep. Zool. Inst. Russ. Acad. Sci. for 1997. Proc. Zool. Inst. Russ. Acad. Sci., vol. 276, p. 43–51.
- Borkin L. J., 1999. Die deutsche Linie in der russischen Herpetologie. — In: Borkin L. J. & Kolchinsky E. I. (eds.). Russian-German Links in Biology and Medicine: 300-year Experience of Interactions. International Conference, September 14–16, 1999. Abstracts. St. Petersburg, p. 7–9.
- Borkin L. J., 1999. Distribution of amphibians in North Africa, Europe, Western Asia, and the former Soviet Union. — In: Duellman W. E. (ed.). Patterns of Distribution of Amphibians. A Global Perspective. Baltimore & London: The Johns Hopkins Univ. Press, p. 329–420.
- Borkin L. J., 2000. The Imperial Academy's itineraries (1768–1775) and the formation of herpetology in Russia. — In: Kolchinsky E. I. (ed.). Russian-German Links in Biology and Medicine. International Conference, September 18–20, 2000. Abstracts. St. Petersburg, p. 5–6.
- Borkin L. J., Litvinchuk S. N., Rosanov J. M. & Milto K. D., 2001. Cryptic speciation in *Pelobates fuscus* (Anura, Pelobatidae): evidence from DNA flow cytometry. — *Amphibia — Reptilia*, Leiden, vol. 22, No. 4, p. 387–396.
- Brushko Z. K., Kuzmin S. L. and Ananjeva N. B., 2002. Rudolf Aleksandrovich Kubykin (August 16, 1937–August 1, 2001). — *Russian Journal of Herpetology*, Moscow, vol. 9, No. 3, p. 258–260.
- Czernay [A.], 1851. Beobachtungen gesammelt auf Reisen im Char-kowschen und den anliegenden Gouvernements in den Jahren 1848 und 1849. — *Bulletin de la Soci t  Imp riale des Naturalistes de Moscou*, ann e 1851, t. 24, premi re partie, No. 1, p. 269–282.
- Darevsky I. S., 1998 («1997»). Nikolai Nikolaevich Szscerbak (1927–1998) [Obituary]. — *Russian Journal of Herpetology*, Moscow, vol. 5, No. 2, p. 167–168.
- Darevsky I. S., Khosatzky L. I., 1971. Paul V. Terentjev (1903–1970). — *Copeia*, New York, No. 2, p. 382–384.
- Duisebaeva T. N., Anan'eva N. B., 1994. Obituary Marat Dilmukhamedov (1940–1994). — *Russian Journal of Herpetology*, Moscow, vol. 1, No. 2, p. 185–186.
- Dvigubsky I., 1809. Notice sur quelques reptiles de la Russie. — *M moires de la Soci t  Imp riale des Naturalistes de Moscou*, t. 2, p.

47–49.

- Eiselt J., 1982. The Fifth All-Union Herpetological Conference in the USSR. — *Amphibia — Reptilia*, vol. 3, No. 2/3, p. 289–291.
- Elpatjewsky W. S., Sabanejew L. L., 1906. Ergänzungen zur herpetologischen Fauna des Russischen Reiches. — *Zool. Jahrb. Abt. für Systematik*, Bd. 24, H. 4, S. 247–264.
- Eversmann E., 1834. Lacertae Imperii Rossici variis in itineribus meis observatae. — *Nouveaux Mémoires de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou. Dédiés à S. M. L'Empereur Nicolas I*, t. 3, p. 337–369.
- Fuhn I. E., 1971. Prof. Pavel V. Terentiev. — *Studii și cercetări de Biologie, seria zoologie*, București, t. 23, No. 3, p. 287–288.
- Gmelin S. G., [1770]. Reise durch Rußland zur Untersuchung der drei Natur-Reiche. Erster Theil. Reise von St. Petersburg bis nach Tscherkask, der Hauptstadt der Donischen Kosacken in den Jahren 1768 und 1769. St. Petersburg: Kaiserl. Academie der Wissenschaften, [6] + 182 S.
- Hartmann-Weinberg A. P., 1929. Über Carpus und Tarsus der Pareiasauriden. — *Anat. Anz.*, Bd. 67, S. 401–428.
- Hartmann-Weinberg A. P., 1930. Zur Systematik der Nord-Dynastie Pareiasauridae. — *Palaeontol. Zh.*, Bd. 12, S. 47–59.
- Hartmann-Weinberg A. P., 1933. Die Evolution der Pareiasauriden. — *Тр. Палеозоолог. ин-та АН СССР*, т. 3, с. 7–66.
- Hartmann-Weinberg A. P., 1937. Pareiasauriden als Leitfossilien. — *Проблемы палеонтологии*, т. 2–3, с. 649–712.
- Hartmann-Weinberg A. P., Kuzmin T. M., 1936a. Untertriadische Stegocephalen der Oka-Zna Antiklinale. *Lyrocephalus acutirostris* nov. sp. — *Проблемы палеонтологии*, т. 1, с. 63–84.
- Hartmann-Weinberg A. P., Kuzmin T. M., 1936b. Untertriadische Stegocephalen der Oka-Zna Antiklinale. II. *Capitosaurus volgensis* nov. sp. — *Проблемы палеонтологии*, т. 1, с. 35–61.
- [Hohenacker R. Fr.], 1831. Notice sur quelques objets d'histoire naturelle des provinces méridionales du Caucase que l'on peut se procurer par les rois de M. Hohenacker. — *Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, année 1831, t. 3, p. 363–381.
- [Hohenacker R. Fr.], 1837. Enumeration animalium, quae in provinciis Transcausicis Karabach, Schirwan et Talysch nec non in territorio Elisabethopolensi observavit R. Fr. Hohenacker. — *Bulletin de la*

- Soci t  Imp riale des Naturalistes de Moscou, ann e 1837, No. 7, p. 136–147.
- Khosatsky L. J., Darevsky I. S., 1971. Scientific heritage of an eminent Soviet herpetologist (In memoriam Prof. Pavel Viktorovich Terentjev, 1903–1970). — Herpetological Review, v. 3, No. 4, p. 68–70.
- Krynicky J., 1837. Observationes quaedam de reptilibus indigenis. — Bulletin de la Soci t  Imp riale des Naturalistes de Moscou, ann e 1837, No. 3, p. 46–69.
- Kuzmin S. L., 1992. Herpetology in USSR. — J. Bengal Nat. History Society, n. s., vol. 11, No. 1, p. 4–16.
- Kuzmin S. L., 1996. The Taxonomic Position of Amphibian Species from «Zoographia Rosso-Asiatica» by P. S. Pallas. — Advances in Amphibian Research in the Former Soviet Union, vol. 1, p. 47–65.
- Lebedkina N. S., 1968. The development of bones in the skullroof of Amphibia. — Current problems of lower vertebrate phylogeny. Nobel Symp., 4. Stockholm, p. 317–329.
- Leviton A. E., 1964. Sergius Alexandrovich Chernov (1903–1964). — Copeia, No. 2, p. 466.
- Lobanov V. S., 1989. A. G. Bannikov (1915–1985). — Erforsch. boil. Ress. MVR, Halle (Saale), No. 6, S. 123–124.
- Mertens R., 1971. Paul V. Terentjev zum Gedenken. *23. Dezember 1903, †30. Dezember 1970. — Salamandra, Frankfurt am Main, Bd. 7, H. 1, S. 1–4.
- Middendorff A. Th. von, 1853. Reise in der dussersten Norden und Osten Sibiriens. Band II. Zoologie. Theil 2. Lieferung 1. Wirbelthiere: Sdugethiere, Vugel und Amphibien. St. Petersburg, 256 s.
- Miynarski M., 1971. Prof. Dr. Pawel Terentiew (1903–1970). — Przegl.d Zoologiczny, Krakow, t. 15, No. 3, p. 231–236.
- Musei Imperialis Petropolitani Vol. I. Pars prima qua continentur res naturales ex regno animali. Typis Academiae Scientiarum Petropolitanae. 1742, [VIII] + 755 p.
- Nordmann A., 1840. Notice sur les reptiles de la faune pontique. — In: Voyage dans la Russie m ridionale et la Crim e, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, ex cut e en 1837, sous la direction de M. Anatole de Demidoff, par MM. de Sainson, le Play, Huot, L veill , Raffet, Rousseau, de Nordmann et du Ponceau; d di e   S. M. Nicolas 1er, Empereur de toutes les Russies. Paris, Ernest

- Bourdin et Ce, t. 3, p. 335–351.
- Pallas P. S., 1771. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Erster Theil. St. Petersburg: Kayserliche Academie der Wissenschaften, [12] + 504 S.
- Pallas P. S., 1775. Lacerta apoda descripta. — *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae*. Tom XIX pro anno MDCCLXXIV. Petropoli, p. 435–454.
- Pallas P. S., 1814. Zoographia Rosso-Asiatica, sistens omnium animalium in extenso Imperio Rossico et adjacentibus maribus observatorum recensionem, domicilia, mores et descriptiones, anatomen atque icones plurimorum; auctore Petro Pallas, eq. aur. Academico Petropolitano. Tomus III. Animalia monocordia seu frigidi sanguinis Imperii Rosso-Asiatici. Petropoli: ex officina Caes. Academiae Scientiarum, [2] + 428 p.
- Prokofieva A. 1935. On the chromosome morphology of certain Amphibia. — *Cytologia*, Tokyo, vol. 6, No. 2–3, p. 148–164.
- Rzaczynski G., 1721. Historia naturalis curiosa Regni Poloniae, Magni Ducatus Litvaniae, annexarumq; provinciarum, in tractatus XX divisa: ex scriptoribus probatis, servata primigenia eorum phrasi in locis plurimis, ex M.S.S. variis, testibus oculatis, relationibus fide dignis, experimentis, desumpta. Sandomiriae: Typis Collegii Soc. Jesu., [16] + 456 + [16] p.
- Schreiber E., 1912. Herpetologia europaea. Eine systematische Bearbeitung der Amphibien und Reptilien welche bisher in Europa aufgefunden sind. 2. Auflage, Jena: Gustav Fischer.
- Shcherbak N. N., 1982. Grundzüge einer herpetogeographischen Gliederung der Paläarktis. — *Vertebrata Hungarica*, Budapest, t. 21, s. 227–239.
- Smith B., Lewis T., Smith H. M., 1967. The First Herpetological Conference of the USSR. — *Herpetological Review*, vol. 1, September, p. 3–8.
- Strauch A. A., 1873. Die Schlangen des Russischen Reichs, in systematischer und zoogeographischer Beziehung. — *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*, 7 série, t. 21, No. 4, [2] + 288 S.
- Terentjev P. V., 1922. A new species of frog from Eastern Siberia. — *Copeia*, New York, No. 108, p. 51–52.
- Terentjev P. V., 1923a. *Miscellanea Herpeto-Batrachologica* [I–III]. —

- Zoologischer Anzeiger, Leipzig, Bd. 56, No. 5/6, S. 133–136.
- Terentjev P. V., 1923b. *Miscellanea Herpeto-Batrachologica* [IV–V] — Zoologischer Anzeiger, Leipzig, Bd. 56, No. 7/8. S. 173–174.
- Terentjev P. V., 1923c. Concerning the question of the presence of *Eumeces marginatus* Hall. in Russia. — *Copeia*, New York, No. 119, p. 76.
- Terentjev P. V., 1927. *Miscellanea Herpeto-Batrachologica*. VI. Bemerkungen über die Systematik und Verbreitung der grünen Frösche. — Zoologischer Anzeiger, Leipzig, Bd. 74, H. 1/4, S. 82–88.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	
Е. А. Дунаев	3
Краткий очерк развития герпетологии в России	
Л. Я. Боркин	7
Музейные герпетологи Москвы на рубеже прошлых веков	
Е. А. Дунаев	34
Банников Андрей Григорьевич	
Л. С. Лебедева	43
Воспоминания (А. А. Банникова)	51
Воспоминания (В. И. Гаранин)	58
Вьюшков Борис Павлович	
М. А. Шишкин	61
Галиченко Михаил Владимирович	
Е. Н. Панов	80
Воспоминания (Н. Г. Костина)	84
Воспоминания (С. Л. Перешкольник)	87
Гартман-Вейнберг Александра Павловна (Паулиновна)	
А. Г. Сенников	91
Денисова Мария Николаевна	
А. А. Качанова	102
Воспоминания (Н. В. Муркина)	105
Воспоминания (З. В. Артамонова)	108
Наставница (Е. В. Кирсанова)	110
Воспоминания (Л. В. Савохина, В. И. Подаруева)	113
Елпатьевский Владимир Сергеевич	
Н. И. Ларина	115
Елпатьевский в Московском зоомузее	
Е. А. Дунаев	121
Ефремов Иван Антонович	
А. С. Раутиан	125
Фантастика, философия и жизнь (Г. Н. Симкин)	162

Кулагин Николай Михайлович	
Е. А. Дунаев	176
Лебедкина Наталья Сергеевна	
С. В. Смирнов	186
Рождественский Анатолий Константинович	
Т. А. Туманова	204
Сабанеев Леонид Леонидович	
А. В. Свиридов	214
Северцов Николай Алексеевич	
Л. Я. Боркин	227
Воспоминания (Е. Ф. Юнге)	313
Постановление совета физико-математического факультета Московского университета («по делу об определении магистра Северцова преподавателем в звании доцента при Московском университете»)	317
Воспоминания (А. П. Семенов-Тянь-Шанский)	319
« В плену у коканцев » (Письмо Н. А. Северцова)	325
Сергеев Алексей Михайлович	
Е. А. Бабурина, Ю. А. Исаков, Н. Н. Пахомова	329
Памяти А. М. Сергеева	
Б. Д. Васильев, С. Г. Васецкий	334
Соболевский Николай Ипполитович	
Дунаев Е. А.	344
Талызин Федор Федорович	
В. Ф. Талызин	359
Терентьев Павел Викторович	
Л. Я. Боркин	384
Учитель (В. Г. Ищенко)	422
Воспоминания (В. И. Гаранин)	435
Воспоминания студента (С. Я. Цалолыхин)	439
Черномордиков Виктор Венецианович	
Е. А. Дунаев, О. Л. Россолимо	445

Черномордиков в Московском зоопарке	
С. В. Кудрявцев	450
Чудинов Петр Константинович	
Ю. М. Губин, М. Ф. Ивахненко, Н. Н. Каландадзе, А. Г. Сенников, В. П. Чудинова, М. А. Шишкин	452
Отец: попытка портрета (Е. П. Чудинова)	457
Шибанов Николай Владимирович	
Е. А. Дунаев, В. Ф. Орлова, О. Л. Россолимо	467
Воспоминания (И. С. Даревский)	486
Воспоминания (Н. Н. Иорданский)	491
Шмальгаузен Иван Иванович	
Э. И. Воробьева	494
Указатель имен	518
Personalia	
Е. А. Dunayev	531
Список использованной литературы и архивных материалов (составители — Л. Я. Боркин, Е. А. Дунаев)	538

Научное издание

Московские герпетологи

Технический редактор: Е. А. Дунаев
Корректор А. В. Свиридов
Компьютерная верстка О.В. Волцит

Товарищество научных изданий КМК
111531 Москва, ш. Энтузиастов, 100–5–56
Изд. лицензия № 070831 от 14.04.1998

Подписано в печать 5.11.2003

Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офс. №1. Гарнитура Academy. Усл. печ. л. 36,2.
Тираж 400 экз. Заказ №

Отпечатано в 4-м филиале ВИ МО РФ.